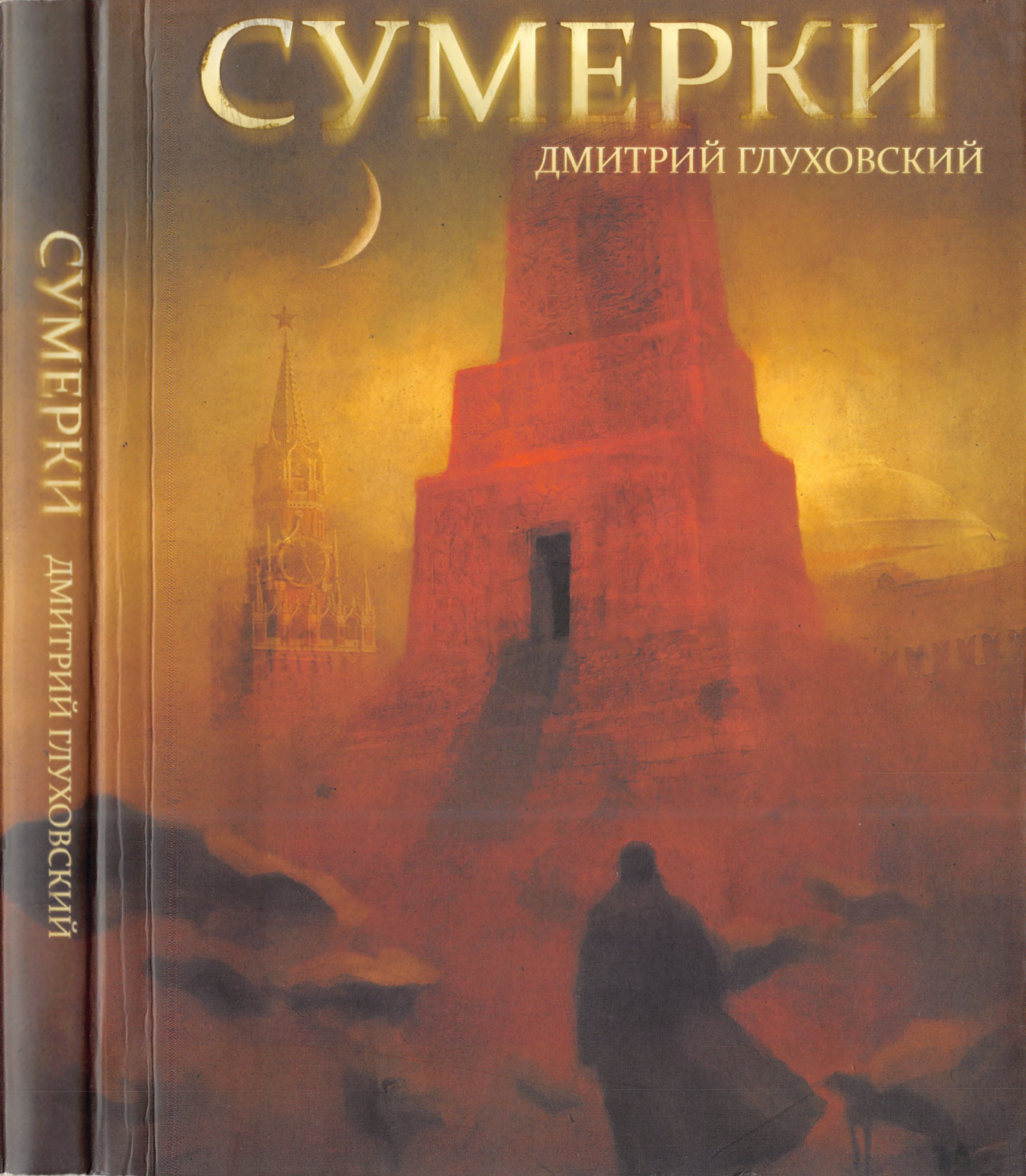

СУМЕРКИ

ДМИТРИЙ ГЛУХОВСКИЙ

СУМЕРКИ

ДМИТРИЙ ГЛУХОВСКИЙ

ДМИТРИЙ ГЛУХОВСКИЙ

**Издательская группа АСТ
представляет книги
Дмитрия Глуховского**

МЕТРО 2033

МЕТРО 2034

СУМЕРКИ

ДМИТРИЙ ГЛУХОВСКИЙ

СУМЕРКИ

АСТ
Астрель
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Г55

Подписано в печать 27.07.09 г. Формат 70х90/16
Бумага писчая. Усл. печ. л.23,4. Доп. тираж 10 000 экз. Заказ № 5828

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.009937.09.08 от 15.09.2008 г.

*Издание осуществляется по лицензии
ООО "Популярная литература"*

Оформление обложки и иллюстрации — Антон Гречко

Глуховский Д.А.

Г55 Сумерки: [роман]/ Дмитрий Глуховский. — М.: АСТ: Астрель, 2009. — 312, [8] с.

ISBN 978-5-17-059679-9 (ООО «Изд-во АСТ»)

ISBN 978-5-271-24024-9 (ООО «Изд-во Астрель»)

«Сумерки» Дмитрия Глуховского – первый российский интеллектуальный бестселлер.

Полмиллиона человек прочли этот роман в Интернете. Те, кому полюбились «Метро 2033», узнают в «Сумерках» фирменный стиль Глуховского: увлекательный, замысловато выстроенный сюжет, удивительную атмосферность, неожиданный финал. Землетрясения в Иране, ураганы в США, цунами в Индонезии, засуха и пожары в России... Газетные заголовки и телевизионные новости переплетаются с мрачными пророчествами индейцев майя. Все это звенья одной цепи. Это знамения, которых не видит только слепой, но сумеет расшифровать лишь один человек.

«Сумерки» – захватывающая история этого человека. Переводя на русский ветхий дневник испанского конкистадора, он оказывается вовлечен в водоворот невероятных событий, который поможет ему расшифровать прорицания и заглянуть в будущее – быть может, ценой его собственной жизни.

Умело замаскированный под триллер, «Сумерки» – нечто намного большее. Это роман-метафора, роман-манифест.

Погрузившись в «Сумерки», вы не сможете оторваться до самой последней страницы. А дочитав, не сумеете их забыть.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Д.А. Глуховский, 2007
© Антон Гречко. Обложка, иллюстрации, 2007
© ООО «Издательство Астрель», 2009

Дмитрий Глуховский

(Capitulo II)

Capítulo II

Вопрос на засыпку: где в Москве находится улица имени Ицамны?

Рассуждая здраво, в этом городе не место проспектам, бульварам и площадям, названным в честь божеств индейцев майя. Однако записка с адресом «ул. Ицамны, 23» была у меня в руках, и меня там ждали. От того, насколько быстро я сумею разыскать эту улицу, зависело нечто намного более важное, чем просто моя собственная судьба.

Глупо думать, что на картах и автомобильных атласах Москвы обозначены все существующие переулки и дома: тайных мест здесь предостаточно. Однако надежда обнаружить улицу имени старшего из богов майянского пантеона не покидала меня, и я продолжил ползать с лупой по огромной топографической карте города.

* * *

Просто не надо было браться за этот заказ. Продолжать себе спокойно переводить уставы предприятий, инструкции по пользованию бытовой техникой, контракты на поставку древесины... То, чем я всегда и зарабатывал на жизнь. К тому же испанский никогда не был самым сильным моим языком. Но в тот день больше ничего другого не оставалось: когда я выложил на бурый полированный стол перетянутые резинкой тощие папки с переведенными договорами, клерк, отсчитав мой гонорар, развел руками.

— Пока все. Не несут больше. После выходных попробуйте зайти... — и отвернулся к компьютеру, где его терпеливо дожидался столь любимый всеми офисными бездельниками пасьянс.

Я его знаю уже года три — с тех самых пор, как он пришел в это бюро переводов. И до сих пор ни разу не решался настаивать, когда он вот так, равнодушно объявлял мне, что по крайней мере на неделю я останусь без денег. Но на этот раз что-то толкнулось во мне, и я сказал:

— Неужели совсем ничего? Посмотрите, а? Вы понимаете, как раз счет получил, не представляю, как расплачиваться.

Он оторвался от экрана, удивленный моей настойчивостью, и, потеряв низкий лоб, с сомнением протянул:

— Ну, вы же с испанским не работаете?

Счет действительно лежал на моем столе, и его четырехзначная итоговая цифра заставляла меня рисковать. Три года испанского языка в университете, законченном полтора десятка лет назад... Огромные аудитории с туманными окнами, удушливая меловая пыль, поднимающаяся от исцарапанной доски, никчемные архаические учебники, обучающие языку Сервантеса на примерах официальных контактов советских граждан Иванова и Петрова с сеньорами Санчесом и Родригесом. *Me gustas tu*. Вот, пожалуй, и все. Ничего, словарь дома есть...

— Работаю, — застенчиво солгал я. — Недавно начал.

Он еще раз окинул меня подозрительным взглядом, но все же поднявшись со стула, прошаркал в соседнюю комнату, где у них хранились документы, и вернулся с тяжелой кожаной папкой с полустершимся золотым вензелем в углу. Таких мне еще здесь видеть не приходилось.

— Вот, — он почтительно опустил ее передо мной на стол. — Наш «испанец» что-то задерживает первую часть перевода, а тут уже вторую принесли. Отстаем, боюсь, клиента потеряем. Так что вы не затягивайте.

— А что там? — я осторожно взял папку в руки и взвесил ее.

— Бумаги какие-то... Архивные, по-моему. Я особенно не смотрел, мне и так есть чем заняться, — он мельком взглянул на монитор, где его ждала разложенная колода карт и продолжал тикать неумолимый счетчик времени.

Заказ оплачивался втрое выше обычного, и я поспешил скрыться с ним, пока клерк не успел передумать. У папки был такой роскошный, аристократический вид, что убрать ее в мой драный портфель я не стал — почему-то

вспомнилась история вечно голодного Тима Талера, которого вырвало, когда он впервые попробовал дорогой кремовый торт.

Затерянное в арбатских переулках бюро переводов размещалось в старом бревенчатом строении, там, где раньше находилась детская библиотека. Я бывал в нем еще маленьким, вместе с бабушкой заходя за книжками о кругосветных путешествиях или замученных фашистами пионерах-героях, поэтому сейчас еженедельные посещения бюро были чем-то ностальгическим, как поход в заброшенный и заржавевший парк аттракционов — для человека, которого тридцать лет назад приводили сюда покататься родители. Въевшийся в обои и деревянные стены аромат старых книг перебивал резкий запах деловых документов и сладковатый флер разогретой пластмассы, поднимавшийся от компьютеров. Для меня это бюро оставалось детской библиотекой... Вот поэтому, наверное, я сперва и не удивился, принявшись за перевод листов из кожаной папки.

Одного взгляда на них хватало, чтобы понять — они вынуты из книги, не вырваны, а именно аккуратно извлечены; разрезы по краям были сделаны с хирургической точностью, так и представлялась рука в резиновой перчатке, скальпелем проводящая по разложенному на операционном столе старинному тому. Я не видел ничего странного в таком пиетете — разделанная в неизвестных целях книга наверняка являлась настоящим сокровищем. На глаз страницам было не меньше двухсот лет. Плотная бумага, от времени местами окрасившаяся в цвет песка, но и не собиравшаяся тлеть, была покрыта чуть неровными рядами готических букв — кажется, напечатанными, хотя некоторые и отличались от других.

Страницы не были пронумерованы, но на лежащей сверху значилось: *Capitolo II*. Первая глава, очевидно, находилась у того переводчика, что взялся за работу до меня, но задержался с возвратом. Причина такого опоздания была ясна: и беглого знакомства с текстом мне хватило, чтобы усомниться, смогу ли я сам сдать перевод в срок. Несколько часов потребовалось только для того, чтобы свыкнуться с непривычным шрифтом и вгрызться в первый абзац неподатливого, зачерствевшего от давности текста.

К этому времени за окном уже совсем стемнело. Я все больше работал по ночам, укладываясь в постель только на рассвете и просыпаясь во второй

половине дня. Когда квартира погружалась в темноту, я зажигал всего две лампы — на рабочем столе и в кухне, и всю ночь жил, бродя меж двух этих огней. При уютном желтом свете сорокаваттной лампочки думалось куда лучше: дневной же резал мне глаза и потрошил черепную коробку: мыслей в голове совсем не оставалось, они прятались куда-то и там дожидались наступления вечера.

Проработав всю ночь, я обычно ложился часам к пяти утра. Задвинув плотные шторы и оставив первые лучи солнца скрестись в них снаружи, нырял под пуховое одеяло и мгновенно засыпал.

Сны у меня в последнее время были странные: почему-то часто видел свою любимую собаку, умершую лет десять назад. Во сне собака, разумеется, и не подозревала, что умерла, и вела себя совершенно как живая. А это значит, что с ней приходилось гулять. Во время прогулок она иногда убегала (я и при жизни-то очень редко брал ее на поводок — только чтобы перевести ее через дорогу), и тогда добрую часть сна я должен был ее разыскивать, выкрикивая изо всех сил ее имя. Надеюсь, соседи этого не слышали. Обнаружить собаку до пробуждения мне удавалось не всегда, но это было и не важно: к следующему утру она сама находила дорогу домой и уже нетерпеливо ждала меня на пороге между сном и явью, игриво зажав в зубах принесенный поводок. Я так к этому привык, что, если вдруг в каком-то из сновидений ее не оказывалось, проснувшись, я начинал беспокоиться — не случилось ли с ней чего.

Вникнуть в смысл десяти верхних строчек было непросто. По меньшей мере пятой части слов в словаре не находилось, а без его помощи я вообще узнавал только два-три из каждого предложения. К тому же почему-то каждый новый абзац непременно начинался словом «Что». То и дело отвлекаясь на причудливые желтоватые разводы, которыми столетия покрыли листы книги, я прилежно выписывал найденные мною слова на бумагу. Некоторые потом пришлось заменять, так как первый из предлагаемых переводов оказывался неверным. И чаще всего нужное значение было помечено сокращением «устар.»

Уже из первого абзаца становилось ясно — и эта гипотеза подтвердилась позже, когда я начал увязать в рассказываемой неизвестным автором удивительной истории, — что текст представляет собой летопись некоей экспедиции в лесистые долины Юкатана, предпринятой немногочисленным испанским отрядом. Даты встретились на следующих страницах: описываемые события про-

исходили почти пять столетий назад. Середина шестнадцатого века... Покорение конкистадорами Южной Америки, вспомнил я.

Текст в том виде, в котором я привожу его здесь и далее, разумеется, является плодом старательной чистки и нескольких редактур. То, что у меня выходило в начале, было слишком сыро и невразумительно, чтобы я решился показывать его другим без опасения выставить себя на посмешище.

«Что по указанию брата Диего де Ланды, настоятеля монастыря в Исамале и главы францисканского ордена Юкатана, мы отправились в одну из отдаленных от Мани провинций, чтобы собрать и привезти обратно в Мани все манускрипты и книги из двух расположенных в этой местности храмов.

Что со мной вышли благородные сеньоры Васко де Агилар и Херонимо Нуньес де Бальбоа из Кордобы, и в нашем подчинении до сорока пеших и десятков конных воинов, и с нами две подводы, запряженные лошадьми, в которых должны были мы привезти в Мани все манускрипты и книги, а также проводники из крещеных индейцев, которые должны были показать, где находятся те храмы, а также брат Хоакин, монах, в миру известный как Хоакин Герреро, которого приставил к нам брат де Ланда.

Что путь наш шел на юго-запад, в местность плохо исследованную, и что достоверных карт у нас не имелось, почему брат Диего де Ланда и распорядился отправить с нами столько солдат, рискуя даже и обороной Мани. И что проводников он отправил самых надежных, из своих собственных толмачей; всех троих брат Диего де Ланда крестил сам; и что первого звали Гаспар Чу, другого Хуан Начи Коком, а третьего Эрнан Гонсалес, двое из народа майя, живущего на Юкатане, а третий — Эрнан Гонсалес — полукровка, его отец — испанец, а мать — майя.

Что перед тем, как наш отряд вышел из Мани, пригласил меня к себе брат де Ланда, и объяснил мне задание и его важность, и сообщил, что наш отряд был только одним из многих, которые разослал он, брат де Ланда, во все концы от Мани с приказом найти и собрать все книги и манускрипты, написанные индейцами и хранимые в разных местах. И что ушли такие отряды на восток к Чичен-Ице, и на запад к Ушмалю, и в Экаб, и в другие места. И что брат де Ланда проверил потом, не стоит ли кто за дверью, подслушивая наш разговор, и тихо сказал мне, что на наш отряд возлагается

самая ответственная задача; что верные люди донесли до него слухи, будто в отдаленных местах даже крещеные индейцы продолжают поклоняться своим старым богам, и их книги побуждают их отворачиваться от Христа. И потому, сказал брат де Ланда, он принял решение изъять у индейцев все их манускрипты, а затем и идолов, потому что через них души их соблазняет дьявол. И что если не воспрепятствовать этому сейчас, вскоре разрозненные майя снова смогут сплотиться и, отвергнув Христа, обернуться к своим сатанинским божкам; и тогда испанцев ждет новая война, по сравнению с которой все немногие стычки при покорении Юкатана померкнут. И что велики хранилища манускриптов на северо-западе и северо-востоке, в заброшенных городах майя, но, по сообщениям верных людей, самые важные находятся в нескольких неделях пути к юго-западу от Мани, сказал Диего де Ланда.

Что туда и отправил брат де Ланда меня, и сеньоров Васко де Агилара и Херонимо Нуньеса де Бальбоа, и с нами брата Хоакина. И что поскольку местность была еще не разведана, приставил к нам тех самых верных людей, которые донесли ему про храмы на юго-западе.

Что наш отряд вышел из Мани в намеченный день, 3 апреля 1562 года от рождества Христова, и отправился на север, не ведая о том, что выпадет на его долю, и не подозревая, сколь немногие из пятидесяти человек сумеют вернуться из похода живыми».

Я оторвался от листов и заложил карандашом словарь. В черном зеркале окна отражалось мое лицо: взлохмаченные волосы (стараясь подобрать верное слово, я каждый раз запускал в них пятерню), мягкий и довольно бесформенный нос, округлые щеки, уже хорошо заметная линия второго подбородка... Шагнув за тридцатилетний рубеж, я много раз истово клялся себе не запускать свою внешность. Но в этом возрасте следить за весом становится все сложнее, тело начинает выполнять заложенную в него программу, цели которой решительно расходятся с твоими, и каждая съеденная крошка норвит отложиться в стремительно растущих жировых складках, вероятно готовя тебя к ждущим где-то впереди черным дням. А после развода я и вовсе себя запустил...

Свои черты я с радостью променял бы на чьи-нибудь чужие, до того они мне обрыдли. После тридцати пяти лет в человеческом лице появляются пер-

вые намеки на то, каким оно будет выглядеть в старости. Уходящие вверх ото лба залысины набрасывают эскиз будущей плешки; морщины перестают разглаживаться, когда нахмуренная гримаса сменяется умиротворенным выражением или улыбкой; кожа дубеет, и румянцу все труднее сквозь нее пробиться. После тридцати пяти ваше собственное лицо начинает превращаться в *memento mori*, напоминание о смерти, которое всегда с вами.

Лично мне мое лицо приходится созерцать постоянно: стол стоит прямо у окна, за которым, когда я сажусь работать, уже обычно стемнело. Вымытое стекло зеркалит как поверхность темного лесного пруда, передавая контуры, но поглощая цвета. А мне кажется, что очертания моего лица, хорошо видного из-за соседства с настольной лампой, и уже нечеткие абрисы мебели, украшенного лепниной потолка и тяжелой бронзовой люстры отражаются прямо в густом ночном воздухе. А может, они и действительно существуют там, за окном, тем более яркие и отчетливые, чем сильнее горит свет в моей комнате. Но ночью я обычно тушу его во всей квартире, оставляя только лампы над рабочим столом и на кухне.

Свет на кухне у меня горит, даже когда сам остаюсь в комнате, и гашу я его только когда в нее заходит бледное утреннее солнце. Делается это вроде бы для уюта, но в этой квартире жить по-другому и не получается.

Она просторная, старая, с высоченными потолками — без стремянки перегоревшую лампочку не поменять, — обставленная разошедшейся антикварной мебелью из карельской березы, чинить которую не хватит никаких денег, а продавать невероятно жалко, — квартира досталась мне в наследство от моей бабушки. Та часто брала меня к себе пожить, пока я был маленьким, поэтому когда ее не стало, а квартира досталась мне, я словно переехал обратно в свое детство.

Еще раньше, пока бабушка была здорова и я заезжал к ней в гости с ночевкой, меня не оставляло ощущение, что ее дом словно чем-то дышит. Раньше я думал, что, даже когда она выходит на улицу, по углам продолжают перешептываться отголоски ее мыслей, а в коридоре шелестит эхо ее шагов. Теперь мне кажется, что квартира просто живет своей собственной жизнью. Окна у меня выходят на разные стороны, и из-за этого по коридору часто гуляют сквозняки, а неплотно прикрытые двери посреди ночи вдруг начинают хлопать. Бывает, и положенный лет сто назад дубовый паркет принимается поскрипывать,

будто по нему кто-то ходит. Паркет, конечно, можно смазать специальным средством, а на окна поставить стеклопакеты, и тогда все привидения исчезнут, но мне эта квартира нравится именно такой... Живой.

Прежде чем снова погрузиться в переводимый текст, я еще раз взглянул в окно. Что-то зацепило меня... Я некоторое время озадаченно всматривался в очертания лица, утопленного в глади ночного воздуха, прежде чем смог наконец разобраться, в чем дело. Человек в зазеркалье неуловимо отличался от того, что уныло глядел на меня с другой стороны еще вчера.

Разница была в глазах. Обычно чуть осоловевшие, отсвечивающие стекляннным блеском, как у чучел кабанов и медведей в знаменитом арбатском охотничьем магазине, сегодня они, казалось, сами излучали свет. Неудивительно: впервые за долгие годы я занялся работой, которая меня заинтересовала.

«Что путь наш лежал через зеленые и весьма живописные луга, которые потом сменялись непроходимой сельвой; и что лишь благодаря помощи троих наших проводников удавалось нам пробраться через заросли, которые вставляли посреди дороги. И что двое из индейцев всегда шли впереди отряда и, когда было необходимо, своими длинными ножами рубили стебли, расчищая путь, а вслед за ними шли несколько солдат, охранявшие их от диких животных и врагов. И что третий проводник обычно шел рядом со мной, сеньором Васко де Агиларом и Херонимо Нуньесом де Бальбоа.

Что поход наш пришелся на конец сухого времени года, вслед за которым на Юкатане и в других частях этой земли начинаются месяцы дождей. И что даже вдалеке от индейских поселений в воздухе стоял запах гари, и солнце было тусклым из-за дыма от сожженных деревьев и кустарника, потому что в апреле и мае, перед тем, как начинается сезон дождей, индейцы выжигают обширные участки сельвы и кустарника, готовя их к возделыванию на будущий год. И что все равнинные области земель майя в эти недели затянуты дымом, и после этого целых шесть месяцев здесь идут ливни, и к декабрю на удобренной сажей и политой дождями земле индейцы сажают маис, который растет необыкновенно хорошо, так что один земледelec может прокормить двадцать человек.

Что, по наказу брата Диего де Ланды, мы избегали известных дорог, и поэтому продвигались все медленнее. И что сначала мы хотели бросить подводы, приказав части отряда вернуться с ними обратно, но потом проводники вывели нас на старинный тракт, укрытый от посторонних глаз разросшимися кронами деревьев; и что вдоль тракта встречались каменные статуи, изображающие сказочных уродцев, каких я видел в Мани рядом с храмами майя. И что также проезжали мы мимо стелл, покрытых крошечными значками, о которых брат де Ланда в одной из бесед говорил мне, буд-то эти значки — буквы юкатанского языка, им постигнутые.

Что первые дни наше путешествие протекало без препятствий и затруднений. Деревни индейцев встречались на нашем пути все реже; и что после того, как мы углубились в сельву, больше не увидели ни одного человека. И что дикие звери также не тревожили нас, только раз ночью дозорный услышал в зарослях неподалеку крик ягуара, но хотя с нами были лошади, зверь не стал преследовать нас. И что сопровождающие нас индейцы сказали, что это хороший знак.

Что пропитания для нас, и для солдат, и для проводников хватало: с собою мы везли вяленое мясо и сухие лепешки, и иногда проводники собирали для нас в лесу съедобные плоды, несколько раз отправлялись и на охоту, принося убитых обезьян-ревунов, а на четвертый день стрелой убили оленя, мясо которого мы справедливо разделили между солдатами, а охотники получили вдвое больше.

Что на пятый день пути, когда наш отряд остановился на привал, ко мне подсел один из проводников, Гаспар Чу, и спросил меня шепотом, знаю ли я, зачем брат Диего де Ланда отправил нас в этот поход. И что, помня об осторожности, я ответил, что нам приказано разыскать некие книги и привезти их с собою в Мани, а прочее мне неизвестно. И что Гаспар Чу долго смотрел на меня, а потом ушел, и мне показалось тогда, что он мне не поверил.

Что назавтра, когда я ехал в конце отряда, замыкая его и наблюдая за подводами, ко мне обратился другой проводник, полукровка Эрнан Гонсалес, и, попросив задержаться, так чтобы другие не слышали нас, сообщил, что в некоторых областях майя, в частности в Майяпане, Яшуне и Тулуме, испанские солдаты жгут индейские книги и идолов. И что этот Эрнан Гонсалес спросил меня, почему они так поступают, и нет ли похожего приказа у меня. И что хотя я и догадывался теперь, зачем брат Диего де Ланда отрядил нас в этот поход, я все же ответил второму проводнику так же, как

и первому, сказав, что жечь манускрипты и статуи брат де Ланда от меня не требовал, а только велел привезти их в целостности и сохранности в Мани, а зачем, я не знаю и сам.

Что на следующий день, беседуя с моими компаньонами, сеньорами де Агиларом и Нуньесом де Бальбоа, я открыл, что наши индейские проводники спрашивали то же и у каждого из них, но ни один, ни другой не знал о целях нашей экспедиции больше моего; я же, следуя наказу брата де Ланды и внимая голосу моего ангела-хранителя, не стал рассказывать им о своих догадках. И что позже выяснилось, что догадки эти были верны только частично, истина же оказалась куда более невероятной и мрачной, нежели я смел думать...»

Я отложил в сторону листы и словарь, посмотрел на часы: стрелки показывали половину второго ночи. В горле пересохло; в середине рабочего вечера, часов в одиннадцать, я обычно пью чай. Поднявшись из-за стола, я поплыл через полумрак своей квартиры на кухню.

Вечерний чай для меня — целый ритуал, который, помимо всего остального, дает мне возможность минут на двадцать забыть о таинствах устройства стиральных машин и пенях за срыв поставок куриных окорочков.

Воду я грею на газовой плите. Чайник у меня под стать квартире — тоже старый, невероятно уютный — красный с белыми горошинками, эмалированный, с широким носиком, на который, прежде чем ставить на огонь, нужно водрузить блестящий свисток. Чтобы снимать его с плиты и поднимать крышку, есть особая стеганая кухонная рукавица — такая же красная. Чайные листья зачерпываю из бумажного пакета серебряной ложечкой с закрученной в спираль ручкой и ссыпаю их в еще давным-давно привезенный кем-то из Ташкента темно-синий фарфоровый заварочный чайник ручной работы.

Положить две ложки рубленых листьев в вымытый и вытертый досуха чайник, залить их кипятком, прикрыть крышкой и терпеливо ждать долгие пять минут. Из-под крышки и из носика начинает выходить благоуханный пар, он дразнит, но спешить нельзя: чай еще не настоялся.

Обычно я скрашиваю ожидание, листая купленные днем газеты, но сегодня все было по-другому. По привычке раскрыв уже вчерашние «Известия», я механически уставился на одну из статей, но напечатанные мелким газетным шрифтом буквы не могли удержать взгляд; он соскальзывал и запутывался

между строчками. Вчитаться не удавалось; смысл заметки заслоняли призрачные переплетения ветвей и лиан той сельвы, сквозь которую пробирался отряд Васко де Агилара, Херонимо Нуньеса де Бальбоа и самого безымянного рассказчика, описавшего их поход. Через несколько минут я поймал себя на том, что окоченело смотрю в пространство между заголовком и фотографией к материалу о грандиозном цунами в Юго-Восточной Азии. Без особого любопытства я проглядел статью и сложил газету.

Намного больше меня занимало то, почему человек, обладавший этим странным текстом, отдал его в банальную переводческую контору. За все годы моей работы в этом бюро мне ни разу не попадалось ничего подобного; насколько я понимал, книгами вроде этой занимаются совсем другие люди... Наверняка какие-нибудь доценты, высасывающие свои докторские диссертации из очередного досконально изученного эпизода завоевательной экспедиции Кортеса. Вряд ли такие издания вообще покидают пределы архивов академических библиотек, где хранятся под стеклом в особом микроклимате. Можно, конечно, допустить, что некоторые окажутся затеряны на складах частных букинистических магазинов, где их посчастливится найти некоему коллекционеру... Но если у такого коллекционера хватит средств, чтобы приобрести похожую книгу, к чему ему отдавать ее в руки неизвестных переводчиков, которые могут потерять или повредить бесценное издание? Почему не пригласить одного из тех самых университетских доцентов к себе домой, чтобы там, со всем возможным почтением переворачивая хрупкие старые страницы, он не просто переводил их, но и снабжал необходимыми комментариями? Зачем доверять такое дело профану?

И уж совсем неясно, как мог этот гипотетический коллекционер безжалостно расчленил такой экземпляр. Уж не преувеличивал ли я его ценность? Или обладатель книги приобрел ее уже в таком виде? А может, он просто не хотел, чтобы весь том сразу оказался в руках слишком любопытного читателя?

Чай наконец заварился; процедив его сквозь ситечко в мою любимую кружку, сделанную в виде кувшина с узким горлышком (так медленнее остывает), я поспешно вернулся в комнату, где под палящим светом настольной лампы покачивался в скрипучем кожаном седле так пока и не представившийся мне благородный сеньор, с достоинством дожидаясь, пока я закончу свои дела и снова присоединюсь к нему, чтобы дослушать его рассказ.

«Что по мере нашего продвижения дальше на юго-запад отряд наш встречался все с большими сложностями; и что хотя продовольствия хватало пока на всех, солдаты начали роптать. И что допросив одного из них, я узнал, что многие уже слышали о цели нашего похода, и были ей недовольны. И что и я, и сеньор Васко де Агилар, и сеньор Херонимо Нуньес де Бальбоа были этим удивлены, потому что все отряженные с нами солдаты ранее выполняли и более серьезные задания; были среди них и такие, с которыми я лично сжег несколько мятежных деревень.

Что допрошенный нами солдат не стал ничего скрывать и признался, что причина такого недовольства была в распущенных кем-то слухах, будто каждый из нас окажется проклят индейскими богами, если мы наложим руку на их священные книги. И что хотя я догадывался, кто распускает эти слухи, решил пока не карать этих людей, не наказывая и ропщущих солдат. И что брат Хоакин только сказал ему, чтобы тот не боялся деревянных и каменных идолов, а лучше помнил о гневе Господнем, страшном для всех позабывших о том, кто остается во все времена Богом истинным; и сказал, что Пресвятая дева защитит нас от дьявольских козней, посмей Сатана покушаться на христиан через индейских божков.

Что когда этот солдат, пристыженный, ушел от нас, брат Хоакин настаивал, чтобы его высечь, а выдумавших эти богохульные сплетни найти и повесить. Но что я, как и сеньоры Агилар и Нуньес де Бальбоа не согласились с ним, убоявшись бунта и не желая терять проводников, зайдя в лес уже так далеко. И что вместо этого под вечер я призвал к себе полукровку Эрнана Гонсалеса и указал ему, что он и другие проводники должны перестать говорить, будто нас ожидают козни индейских богов, и что ему, и Гаспару Чу, и Хуану Начи Кокому, как крещеным христианам, не подобает верить в такое самим, и угрожал ему костром. И что он заверял меня, будто сам никогда не верил в богов майя и не боялся их, а всегда оставался верен Господу нашему Иисусу Христу и Пресвятой Богородице; но, уходя от меня, обернулся и шепотом сказал, что я не ведаю, что творю.

Что на следующий же день сплетни прекратились, но им на смену пришла новая напасть. Что широкая дорога, по которой двигался наш отряд, начала сужаться, пока не стала обычной тропой, по какой могла пройти одна лошадь с всадником, но подвода пройти не могла. И что после совещания мы решили вначале рубить кусты и деревья по краям тропы, дабы запряженные лошадьми подводы все же смогли идти вперед, но

на это уходило слишком много времени, и даже когда лес рубили солдаты вместе с индейцами, мы не сумели продвинуться более чем на пол-лиги до захода солнца.

Что поэтому на следующий день решили оставить подводы с охраной и одним проводником на месте, расчистив вокруг них необходимое пространство для обороны в случае неожиданного нападения, и, взяв двадцать пять человек и двух индейцев, отправиться далее, чтобы разведать местность и узнать, скоро ли закончатся заросли. И что местом для их стоянки мы выбрали прогалину, на которой стояли несколько каменных идолов, потому что на ней деревья росли редко и работы с их вырубкой было меньше. И что на этой поляне под командой сеньора Херонимо Нуньеса де Бальбоа с подводами остались десять арбалетчиков, и трое воинов с аркебузами, и двое конных, а также индеец Гаспар Чу, прочие же ушли со мной и сеньором Васко де Агиларом.

Что мы условились вернуться через три дня или ранее, а всего же они должны были ждать нас не менее недели, после чего ступить обратно к Мани. Что брат Хоакин, благословив остающихся, решил отправиться вместе с нами. Что обустроив лагерь и попрощавшись с нашими товарищами, мы вышли в путь утром следующего дня.

И что с тех пор я больше никогда не видел благородного и отважно-го сеньора Херонимо Нуньеса де Бальбоа и никого из оставшихся с ним солдат, живыми или мертвыми».

Я снова взглянул на часы: было уже начало пятого. Хотя обычно приблизительно в это время я встаю и иду на кухню, чтобы приготовить себе ужин, на сей раз голода я не ощущал; единственное, чего мне хотелось, — узнать, что же было дальше.

Уже намного позже я постиг замысел человека, писавшего эти страницы: рассказываемая им история напоминала болото. Стоило вступить в нее — причем было совсем необязательно читать его книгу с начала, — и прерваться казалось невозможным, покуда оставались непрочитанные страницы. Автор словно преднамеренно расставлял среди строк силки, заманивая неосторожного читателя обещаниями грядущих тайн, намекая на исключительность случившегося с ним и вместе с тем не позволяя ни на секунду усомниться в действительности описываемых событий.

Все сильнее подмывало бросить переводить этот рассказ по абзацам и сразу прочитать его до конца. Обычно я так и поступаю, чтобы сперва охватить общий смысл текста. Но здесь был слишком сложный язык, и я боялся, что, если начну пересказывать через незнакомые слова, которых было больше половины, от меня может ускользнуть некая драгоценная деталь, дающая ключ к пониманию будущих загадок.

И чем дальше я читал, тем больше мне казалось, что мне довелось столкнуться с крайне необычным документом. Отчего-то я был совершенно уверен, что не перевожу, скажем, известный приключенческий роман восемнадцатого или даже девятнадцатого века, подложенный мне знакомым шутиком. В этих листах, в этих буквах, в этих предложениях все было подлинным: и неровно обрезанная по краям бумага, и заметные под лупой различия между печатными знаками, и скупой, точный, офицерский язык повествования.

Пока я размышлял, стоит ли идти на кухню, чтобы ставить на огонь воду для спагетти, глаза, будто притянутые магнитом, сами собой вернулись на то место, где я закончил перевод. Вопрос был решен.

«Что мы достигли того места, где сельва заканчивалась, еще до наступления темноты. И что когда мы вышли из леса, то увидели, что стоим на высоком берегу неизвестной реки, не очень широкой, но стремительной, с непрозрачной водой зеленого цвета; и что на пологом берегу местность идет открытая, и земля там поросла только невысокой травой, а в отдалении виднеются горы с отвесными скалистыми краями.

Что, посоветовавшись с сеньором Васко де Агиларом, мы хотели идти назад вечером того же дня, встав на привал, где нас застанет ночь. Что во время нашей с ним беседы с северо-востока, откуда мы пришли, слышался далекий грохот; и что, приняв его за выстрел из аркебузы, мы подумали, что это сигнал тревоги, подаваемый нашими товарищами, оставшимися с подводами. Но что когда один из проводников взобрался на дерево, чтобы посмотреть, не видно ли чего, то сообщил, что с той стороны, откуда был слышен звук, на нас идет гроза.

Что оба индейца и те из солдат, которые служили на Юкатане уже не первый год, были очень удивлены этим, потому что до сезона дождей оставалось еще несколько недель, и непогода была редка.

Что по прошествии некоторого времени с северо-востока снова слышался грохот, но теперь он напоминал гром более отчетливо, потому что источник его был ближе. И что менее чем через полчаса черные тучи заволокли небо и над тем местом, где мы стояли, и начался ливень, а за ним и гроза.

Что из-за бури в тот день мы не смогли выйти в обратный путь, а решили остаться на ночлег там, где стояли. И что разбили там лагерь, выйдя из-под деревьев. И что гроза бушевала всю ночь, и молнии сверкали прямо над нашими головами; и что в одного солдата, укrywшегося вопреки приказу под деревом, попала молния, убив его. И что это навело немалый страх и на индейцев, и на остальных солдат.

Что на следующий день погода была снова ясной, и солнце пекло жарко. И что погибшего солдата похоронили по христианскому обычаю, а брат Хоакин отпел его и помолился за прощение его грехов. И что пока возвращались к месту, где оставили подводы с охраной, солдаты опять говорили про индейских божков, и про попавшую в их товарища молнию; и чтобы помешать им поддерживать эти сплетни, я все время держал обоих проводников при себе, однако солдаты все равно продолжали твердить свое.

Что дорогу к лагерю мы нашли без труда, хотя земля и разбухла из-за дождя; но что когда вышли на ту поляну, где оставили подводы и охрану, там не было ни души; и что, приказав всем солдатам ждать нас на месте, я с сеньором Васко де Агиларом и двумя индейцами обследовал и поляну, и дорогу, уходящую от нее в обратном направлении. И что не обнаружил ни следов борьбы, ни брошенных вещей, ни оставленных знаков, ни отпечатков от колес телег и конских подков; и что поскакал дальше по дороге, надеясь найти хоть кого-то из отряда или какие-то следы, но, проскакав полчаса, никого не повстречал и вернулся.

Что за время моей поездки проводники обнаружили то, чего мы не увидели в начале: одна из каменных статуй божков, стоявшая среди деревьев и скрытая их густой листвою, оказалась вся измазана засохшей кровью. И что подумал я на индейца Гаспара Чу, заподозрив его в предательстве, и хотел приказать схватить двух остальных, но прежде чем успел это сделать, меня подозвал сеньор Васко де Агилар, осматривавший небольшую поляну чуть поодаль от главной.

И что на этой поляне стоял большой квадратный камень с углублением посередине и желобками, отходящими от него к краям; и на этом камне

лежал наш проводник Гаспар Чу, и одежда с него была снята, и его грудная клетка рассечена и раскрыта, и сердце его было изъято и пропало.

Что, договорившись сами ничего не рассказывать солдатам, под страхом виселицы запретили делать то же и проводникам, поспешно покинули это место и, не оглядываясь на него, двинулись снова на юго-запад».

За окном шумел дождь, но, в отличие от сухого сезона на Юкатане, для октябрьской Москвы в нем ничего необычного не было. Я с надеждой перевернул последний лист, ища начало следующей главы. Тщетно: там только было нарисовано, кажется от руки, и довольно неумело, престранное существо. Это был уродливый человечек с длинным носом, сидящий вытянув ноги и уперевшись в них одной рукой. Другая была выставлена вперед и повернута ладонью вверх; с шеи свисало ожерелье с привязанным к нему талисманом. Под картинкой стояла подпись «Снас». Этого слова я не нашел ни в одном словаре, ни той же ночью, ни на следующий день, когда подчищал и редактировал текст в библиотеке, перед тем как сдать его в бюро.

Когда все было готово, я обозначил рисунок в переводе его неубедительной копией, снабженной оправдательной надписью «Рис. 1», так и оставив название непереуверенным. Аккуратно уложив листы в папку, я еще раз бросил взгляд на последний из них, прежде чем закрыть ее. Уродец на картинке торжествующе улыбался. Я поскорее защелкнул латунный замок и начал одеваться.

На моем столе лежали две одинаковые стопки бумаги: два экземпляра переписанного начисто и набранного перевода второй главы книги, названия которой я пока не знал, но собирался выяснить в ближайшее время. Один из них я положил в пакет вместе с кожаной папкой. В моем контракте нигде не было сказано, что я не имею права оставить себе копию.

(La Tabca)

La Tarea

Дождь хлестал по окнам и сек мой плащ и в этот день, и на следующий, когда я возвращался в переводческую контору, надеясь получить новую главу книги. Причитавшийся мне гонорар был выплачен сполна сразу же, как только я сдал папку. Однако когда я спросил про следующую часть заказа, клерк покачал головой.

— Пока не было. Вот, кстати, тут у меня пара договоров на поставку шоколадных конфет и сигар, — он достал откуда-то из-под стола пластиковые пакеты-кармашки с белыми листами стандартного размера и искоса глянул на меня, ожидая, что я расплывусь в обычной признательной улыбке.

— Договоры? Ах да... Спасибо, — я спохватился и взял пакеты, но разочарование, проскользнувшее в моем голосе, не осталось незамеченным.

— Не все же вам по тройной цене заказы переводить, — прохладно урезонил он меня.

— Разумеется... Просто задумался, извините, — я постарался, чтобы мой ответ прозвучал виновато, но сам думал только о том, что, взяв сейчас на перевод эти договоры, я создаю себе оправдание для того, чтобы зайти сюда еще через пару дней и узнать, не принесли ли третью главу.

— Да, кстати... Что там было, в папке? Самому лень разбираться, а теперь как-то любопытно стало, — смягчился клерк, и в его голосе мне послышались интонации, напоминающие человеческие.

— В папке? Вы были правы, совершенно правы. Архивные документы, — мне наконец удалось взять себя в руки и выдавить любезную улыбку.

— Ну да, ну да... — покивал клерк. — А вы знаете, — неуверенно окликнул он меня, когда я уже развернулся, чтобы уходить, — «испанец»-то наш так и не вернул заказ... И на телефон не отвечает.

Пробормотав что-то утешительное, я скатился по лестнице и вылетел на улицу. У меня внутри творилось примерно то же, что у маленького ребенка, которому пообещали на Новый год пожарную машину с работающей мигалкой и сиреной, а подарили какой-нибудь жалкий пластилиновый набор.

Хотя с чего я взял, что продолжение книги вообще существует или что ее обладатель захочет отнести ее в то же бюро, где потеряли по небрежности какого-то переводчика целую главу его сокровища? Положительно, будь я на его месте, ноги бы моей больше не было в этой конторе. Поэтому стоило просто приучить себя к мысли, что хотя работа над книгой и была делом увлекательным, но жизнь продолжалась и без нее. В конце концов, если мир индейцев майя и хроники экспедиций конкистадоров оказались для меня такой интересной темой, почему бы просто не купить себе пару исторических книг о Кортесе или летописи коренного населения Южной Америки?

Однако, к своему удивлению, я обнаружил, что ни в одном солидном книжном магазине мало-мальски серьезной книги о завоевании конкистадорами полуострова Юкатан купить нельзя. Были какие-то паршивые издания вроде «Загадок таинственной цивилизации майя» пера Райнхарда Кюммерлинга, но о самой цивилизации там не было и полслова. Автор обходился скверного качества снимками каких-то черепков, развалин величественных пирамид и площадок для игр, наполовину поглощенных джунглями, а также подробным перечнем того, в каком из заброшенных городов какие из этих снимков и археологических находок были сделаны.

Нашлось там, однако, нечто, что все же заставило меня купить эту книгу. Во вступлении вскользь упоминался епископ-францисканец Диего де Ланда, который оказался вполне исторической личностью и действительно в свое время был настоятелем монастыря своего ордена в юкатанском городе Исамаль. Также коротко шла речь и о некоей истории с аутодафе в Мани, за которую этот де Ланда был призван в Испанию, где его дело рассматривали высшие духовные чины. Но потом его поступки были признаны обоснованными, и де Ланда вернулся на ставший уже ему родным Юкатан, чтобы к старости по праву занять епископский пост.

К сожалению, подробнее об интриге вокруг настоятеля францисканского монастыря там не рассказывалось, хотя имя брата Диего де Ланды всплыва-

ло еще в нескольких местах, в основном когда речь шла о расшифровке значков, которыми писали индейцы цивилизации майя. Он был первым европейцем, научившимся их читать.

Позже, правда, выяснилось, что та схема расшифровки, которую предложил де Ланда, оказалась ошибочной. Старик был развращен алфавитной системой и решил, что ею обязан пользоваться весь мир, в том числе и обитатели Юкатана. Он разработал подробнейшую систему фонетического соответствия между «буквами» юкатекского языка и звуками, доступными испанскому уху. Книга «Тайны загадочной цивилизации майя» полностью приводила ее на двухстраничной вкладке — видимо, просто чтобы заполнить место. На следующей же странице система де Ланды дискредитировалась современными учеными-лингвистами. Буквы юкатекского языка оказались иероглифами, и каждый из них нес отдельное значение, а не передавал звук.

Я вспомнил об испещренных странными значками стеллах, мимо которых ехал отряд конкистадоров в прочитанной мной главе старинной книги. Автор отчета утверждал, что был лично знаком с де Ландой, и тот даже якобы говорил ему, что умеет читать по-юкатекски... Вся книжонка Кюммерлинга о загадках майя была, конечно же, никчемной шелухой, очередной попыткой продать охотникам за НЛО и лохнесским чудовищем скучные археологические изыскания, упаковав их в яркую обертку. Но под этой шелухой я нашел бесценное ядрышко, сладкую сердцевину, которую и надеялся там отыскать: подтверждение того, что переводимая мною с таким упоением история оказалась невыдуманной. Во всяком случае, если в ней фигурировали реальные исторические персонажи, значит, и сам автор и главный герой повествования вполне мог оказаться действительно жившим когда-то человеком, а не плодом фантазии беллетриста или искусного мистификатора.

Упоминания о личности Диего де Ланды даже придавали больше достоверности и необъяснимому исчезновению пятнадцати испанских солдат под командованием Херонимо Нуньеса де Бальбоа, и страшной смерти их проводника. Верить в то, что речь и вправду могла идти о неких аномальных явлениях, я не спешил и ждал, что в следующих главах отчета его составитель откроет, что же произошло на самом деле.

Наспех пролистав до конца купленную книжку о тайнах майя, но так и не наткнувшись в ней еще на что-либо важное, я поставил ее на полку и сел за переводы, пообещав себе посвятить следующий же свободный день более подробно изучению Конкисты и географии полуострова Юкатан.

На шоколадные конфеты и сигары ушло три ночи. С ними можно было бы расправиться и быстрее, но я сознательно оттягивал день сдачи в надежде, что, когда принесу готовый заказ, толстая кожаная папка с золотым вензелем уже будет томиться в бюро.

Мое отражение в ночном стекле снова приняло привычный вид. Измороженный описанием ГОСТа сладостей и оговорками предельно допустимого содержания консервантов, я боролся со сном, наливая себе крепкого черного чая, заваренного вдвое гуще обычного. Вместо строчек дневной газеты, рассказывающей, что число жертв цунами в Азии достигло нескольких сотен тысяч человек, мне снова виделись вычурные старинные буквы, а в жалобном писке разошедшейся антикварной мебели чудился скрип канатов на мачтах испанских каравелл.

Моя маленькая хитрость удалась: в следующий раз, зайдя в бюро с вымученными переложениями российско-британских торговых соглашений с английского на русский, я столкнулся взглядом с клерком. Тот, вопреки обычному, не сидел за компьютером, уткнувшись в картонную колоду, а с озадаченным видом расхаживал по тесному загону за своей конторкой.

— У меня для вас работа, — сообщил он, стоило мне перешагнуть порог.

— Инструкции или уставы? — обреченно уточнил я.

— Приходил заказчик, с которым вы работали до этого. Испанский текст, помните? Очень хвалил ваш перевод. Настаивал, чтобы следующую часть дали непременно вам. Да... и еще он просил поднять вам оплату на четверть. Сказал, что крайне важно, чтобы текст переводил правильный человек, на это денег не жаль, что-то в этом духе.

— А что же, из-за потерянной первой части у вас не будет неприятностей? — как бы между прочим поинтересовался я.

— Представляете... Сказал, причин волноваться нет. Мол, он... Нет, он сказал «мы», значит — они. Они сами ее разыщут.

Я молча кивнул. Он тоже больше не проронил ни слова, в полной тишине вручив мне ту самую коричневую папку с застешками и уставившись в отчетность. Заключив, что аудиенция окончена, я поспешил ретироваться.

Мое возвращение на Юкатан было обставлено со всей возможной торжественностью. Я загадя приготовил себе чая с печеньем, настроил старый радиоприемник на какую-то испаноязычную волну, спрятал ноги в уютные войлочные

тапки и только после этого уселся наконец за стол. После теплых слов и еще больше гревших душу премиальных, которых удостоился мой перевод, я не удивился бы, если увидел в папке запечатанный сургучом конверт с личным письмом, поясняющим мне цель и важность этой работы. Но внутри лежала только стопка аккуратно вырезанных из книги пожелтевших листов, на каждом из которых теснились знакомые чуть выцветшие от времени латинские буквы. Заголовок на первой странице был набран готическим шрифтом: «Capitulo III».

«Что после описанных в предыдущей главе удивительных и страшных событий наш отряд продолжил свой поход в юго-западные области страны майя и сумел быстро достичь той реки, у которой авангард его под командованием сеньора Васко де Агилара остановился накануне; и что погода благоприятствовала нам в этом, и ливней, подобных прошедшему в тот день, более не повторялось до наступления их природного срока.

Что сомнения и недовольство в отряде росли, и солдаты спрашивали, куда пропали подводы и их товарищи, оставленные при этих подводах. Что с сеньором Васко де Агиларом мы уговорились отвечать им, будто оставшиеся с Херонимо Нуньесом де Бальбоа решили отправиться назад в Мани и будто я видел следы телег и копыт, где кроны деревьев уберегли их от дождя. И говорил также, будто я и Васко де Агилар нашли послание от сеньора Нуньеса де Бальбоа, в котором тот объяснял, что принял решение сняться и возвращаться в Мани из-за начавшейся среди его людей лихорадки. И что источник этой болезни должен был находиться неподалеку от их стоянки, отсюда и поспешность, с которой наш собственный отряд покинул это место.

Что многие поверили такому рассказу, поскольку он звучал достовернее того, что мы обнаружили на самом деле. И что правду мы передали только брату Хоакину, потому что он был доверенным лицом брата Диего де Ланды, прочим же всем сказали про лихорадку. И что сомневались в этом рассказе только наши проводники, но, убоявшись наказания, не стали распространять то, что знали.

Что выйдя снова к реке, названия которой я не упомяну, хотя проводники мне его и сообщали, мы без трудностей преодолели ее, переправившись в мелком месте; и что индеец Хуан Начи Коком предупредил нас, что в разгар сезона дождей эта река наполняется водой и переправа становится делом намного более сложным; также труднее будет пройти и через бо-

лота, которые начнутся вскоре за ней, поэтому времени терять нельзя, и теперь, когда подводки больше не идут вместе с нами, воспользоваться этим и двигаться быстрее.

Что после потери подвод, на которых размещалась и наша провизия, пришлось добывать пропитание для солдат охотой, которой занимались проводники. И что самой частой добычей теперь были птицы, которых они ловили в силки, пока отряд отдыхал на привале; но что иногда удавалось им стрелой или дротиком, которыми были вооружены, убить и оленя.

Что через два или три дня, в которые мы шли по открытым местам, впервые более чем за неделю встретили на нашем пути людей. И что те приняли нас настороженно, хотя и говорили на том же наречии, что и наши проводники, и мы могли с ними объясниться. И что хотя я приказал своим людям вести себя сдержанно, и запретил им касаться женщин этих индейцев, равно как и их имущества, они все же не позволили нам войти в их деревню. И что через проводников удалось договориться обменять некоторые из имевшихся у нас предметов на маисовую муку, и лепешки, и плоды; а после индейцы потребовали, чтобы мы уходили от их деревни.

Что вечером того дня на привале я спросил у одного из проводников, полукровки Эрнана Гонсалеса, почему индейцы эти так обращались с нами, хотя на своем пути мы не нападали ни на одну деревню их племени, и вообще не сражались. И что я полагал, что незадолго до нас в этих краях побывал какой-либо другой отряд, который своей неоправданной жестокостью мог снова повернуть индейцев, усмирненных еще тридцать лет назад сеньором Педро де Алваром, против испанцев.

Что Эрнан Гонсалес ответил мне, что никакого другого испанского отряда в этих местах не бывало уже долгое время, и индейцы потому так обходились с нами, что их священники открыли им, зачем и куда мы идем. И что они убоялись проклятия от своих богов, если будут помогать нам, как будет проклят и наш отряд, если исполнит задуманное.

Что я хотел приказать высечь Эрнана Гонсалеса за то, что продолжает повторять свои богохульные сплетни, но переменял решение и отпустил его, только наказав больше никому не говорить о том, что слышал».

На сей раз я был твердо намерен растянуть удовольствие. К чему заглаживать всю порцию моих средневековых приключений сразу? Теперь, когда я

дождался новой главы, я мог позволить себе как следует смаковать ее, обдумать прочитанное, представить себе дальнейшее развитие событий.

Аккуратно отложив листы, я поднялся и прошаркал на кухню. Пока мои конкистадоры были на привале, я тоже мог позволить себе перекусить. Оленины и мяса обезьян-ревунов в холодильнике, как назло, не оказалось; пришлось довольствоваться картошкой. Готовил я ее по французскому рецепту *grattin dauphinois*: сначала отварил, потом остудил, порезал, залил сметаной, посыпал тертым сыром и так поджарил. Вся эта процедура оставляла мне достаточно свободного времени, которое можно было занять по желанию. Я не нашел ничего более увлекательного, как домысливать за автором отчета все то, писать о чем он почел за лишнее.

Иссиня-черное чужое небо, звезды и месяц на котором совсем не такие, как в родной Испании... Кто-то мне говорил, что в Латинской Америке (не знаю, правда, оттого ли, что они там живут в Южном полушарии, или же потому что в Западном), даже Луна выглядит иначе. О том, что на ней можно разглядеть какое-то человеческое лицо, там и слыхом не слыхивали; зато весь континент убежден, что лунные кратеры и моря складываются в очертания кролика. С ушками. И звезды оттуда ближе.

Тонкая, непонятно кем и когда протоптанная тропа, по которой они ступали, уйдя из этой негостеприимной деревни. Неверная, обманчивая дорожка, иногда неожиданно упирающаяся в заросли: их приходится расчищать, рубя мачете толстые лианы, которые выпускают клейкий пахучий сок. А тропа уползает глубже и глубже в дебри, раздваивается, троится, заводя своими ответвлениями в трясины, в тупики, заманивающая в странные ритуальные места, поляны, на которых неосторожных путешественников поджидают голодные каменные идолы и злые духи. Вихляющая, кружащаяся, она возвращает странников на только что пройденный отрезок пути, — или это только кажется? Становящаяся то совсем незаметной, — да и тропинка ли это, может, просто лесная прогалина? — то вдруг расширяющаяся и недавно кем-то расхоженная, — кем?

Сельва — загадочный, непроходимый лес, в котором незнакомые, удивительные деревья растут ствол к стволу, а все малое пространство меж их корнями заполнено какими-то кустами, вьюнками, густо переплетено лианами. Узловатые ветви деревьев увешаны непривычными тяжелыми плодами — надку-

сишь один, и твоя мужская сила не иссякнет до глубокой старости, надкусишь другой — умрешь на месте в страшных корчах. Чуть видные сквозь заросли, но при этом слышные за десятки метров огромные яркие цветы кружат голову своим ароматом.

Это лес, который никак нельзя посчитать чем-то неживым — в отличие от щетки кривых сосенок, которыми поросли холмы далекой Испании, от изморенных иберийским солнцем оливковых рощиц; да, впрочем, и от щедушных перелесков флегматичной нашей средней полосы. Сельва дышит, движется, кипит жизнью днем и ночью, неотступно следит за путником тысячами глаз, — паучьих, кошачьих, птичьих...

Сельва и есть квинтэссенция жизни: в ее чаще постоянно появляются на свет миллиарды новых созданий и миллиарды умирают, пожирая и выпивая друг из друга соки, увядая и расцветая, жертвуя собой, возвращая своих детей, испражняясь, черпая свою жизненную энергию в солнце, воздухе, крови и плоти, воде, навозе, чтобы, отжив свой срок, удобрить собой жирную, кишашую червями почву и возродиться снова — в других.

Разжаривая на синем газовом пламени ломтики картошки в сметане, я думал о пламени багровом, которым горели костры испанцев на высеченных в сельве для стоянки полянах. Воображал себе рассеявшихся в круг у огня конкистадоров, красноватые отсветы на их загорелых, задубевших лицах, обросших густыми черными бородами, видел блики, играющие на выгнутых стальных шлемах. Вот сеньор Васко де Агилар: его я себе отчего-то представлял рыжим, косматым, кряжистым, напористым и способным схватиться за эфес без малейших колебаний. Не знаю, откуда у меня взялся в голове этот образ: до сих Васко де Агилар никак себя не проявил, выступая только в качестве почти безгласного спутника автора заметок.

Брат Хоакин мне виделся высоким, сутулым, бледнолицым, с хищно загнутым ястребиным носом, нездоровыми, насиженными за долгие ночи в монастырской библиотеке кругами под черными глазами, почти всегда затянутыми поволокой задумчивости, но иногда вспыхивающими праведной яростью. Серая монашеская ряса, пошитая аскетичными францисканцами из грубой мешковины, веревка вместо пояса.

Индийских проводников я вообразить себе не мог совсем. Одевались ли они как испанцы, или как майя? Да и как вообще одевались майя?

Самая главная странность выходила с самим автором заметок. Думая о нем, я каждый раз невольно представлял на его месте себя, но только загоре-

лого и подтянутого — точно как ребенок, читающий книгу про какого-нибудь Зверобоя или Чингачгука. Поймав себя на этой мысли раз, я испытал смешанное чувство — что-то между легким стыдом и озорством, словно тайком играл в игрушки, не положенные мне уже по возрасту, но все еще приносящие по-детски яркую радость.

Я собрал со сковороды остававшийся там сырно-сметанный соус куском хлеба и отправил в рот. Сейчас было бы очень правильно помыть за собой посуду, но вот незадача — горн уже трубил общий сбор, задерживаться и отставать от отряда было никак нельзя.

«Что по прошествии трех недель, которые мы находились в пути, наш отряд преодолел не менее тридцати лиг. И что последнее селение индейцев, которые мы видели, было то самое, где удалось выменять лепешки и муку, называвшееся Хочоб (Hochob), а после него мы опять вступили в сельву, и дорога началась весьма трудная.

Что с продовольствием становилось все хуже, и солдаты снова стали роптать. И что некоторые говорили, что проводники хотят завести нас глубоко в лес, где наш отряд ждет засада и где кони не помогут нам выиграть сражение против индейцев. И что вспомнили пропавших товарищей, и некоторые утверждали, что те были истреблены в такой засаде, а не ушли обратно к Мани; и что только я, сеньор Васко де Агилар и брат Хоакин Герреро изо всех испанцев знали, что проводники не предавали нас, а произошло нечто другое, чего нам не дано уразуметь и к чему приложена рука Сатаны.

Что я много размышлял о произошедшем и искал ему объяснения и также спрашивал у товарища моего Васко де Агилара и брата Хоакина, как они могут объяснить это. О том, что индейцы на Юкатане и в других частях этой земли приносят людей в жертву, разрубая им грудь и вырывая сердце, я слышал еще до того, и сам был тому свидетелем в одной из деревень; видел и жертвенные камни на вершинах некоторых храмов в городе Чичен-Ица (Chichiniza), куда мне случалось приезжать по поручениям.

Однако если оставленные с Херонимо Нуньесом де Бальбоа попали в засаду, устроенную индейцами, то куда исчезли сами, и почему мы нашли только тело проводника Гаспара Чу, но не тела солдат, и не конские трупы, и не брошенные подводы? Или же солдат обуяло безумие, и они, подоб-

но индейцам, принесли Гаспара Чу в жертву их идолам, после чего скрылись, и ливень смыл их следы?

Что и в тот день, и в следующий, и в несколько других дней я молился совместно с братом Хоакином о спасении душ (сгинувших?) товарищей, и так пока не случились новые события, которые заставили меня позабыть об их судьбе и о многом другом.

Что вскоре и я, и сеньор Васко де Агилар стали терять терпение и спросили у Хуана Начи Кокома и Эрнана Гонсалеса, долго ли еще идти, и почему надлежит идти через сельву, и отчего тот город с храмами, о котором говорил мне брат Диего де Ланда, расположен в такой глуши, в отдалении ото всех основных старинных городов, лежащих, как известно, к северо-востоку и северо-западу от Мани.

Что Хуан Начи Коком вначале не хотел говорить, но потом все же рассказал, что на юге, в нескольких лигах от того места, где мы остановились на привал, начинаются запретные земли майя, на которых якобы и располагаются заброшенные города с храмами, кои нам надлежит отыскать. И что для индейца уже одно то святотатство, что он вступает на эти земли с нечестными побуждениями, и уже один тот подвиг духа, что не боится он возмездия индейских идолов. Но что он, Хуан Начи Коком, крещен и верит в Иисуса Христа и Пресвятую Деву, и на деяние это получил благословление своего духовного отца, настоятеля Диего де Ланды; и что потому он пойдет с нами до конца, что бы ни случилось. И что, говоря это, он дрожал, словно его била лихорадка, и плакал как ребенок».

Пусть у меня пока и не было достойного издания по истории майя, зато на полу в прихожей стоял превосходный географический атлас, выпущенный Академией наук СССР в середине шестидесятых. Огромный, заведомо обреченный своими создателями на унижительное для любой книги место хранения, он никогда не влез бы ни на одну из виденных мной книжных полок, и потому смиренно пылился на паркете у стеллажей. В высоту его страницы достигали метра, и чтобы перевернуть их, приходилось приложить некоторое усилие. Каждая из них содержала подробнейшую рельефную карту определенного региона; был там и Юкатан.

Почему эта мысль не пришла мне в голову раньше? Теперь я мог проследить путь, по которому двигался испанский отряд. Пусть те карты, которые те-

перь были в моем распоряжении, составлялись столетия спустя описанной неизвестным автором экспедиции, ландшафт за это время вряд ли сильно изменился. Конечно, вырубали и пустили под маис и скотоводческие ранчо тысячи гектаров сельвы, но реки и горы должны были оставаться на своих местах.

Устроившись с чашкой чая на полу у раскрытого атласа, на всякий случай захватив и «Тайны» Кюммерлинга, в котором имелась пара планов местности с отмеченными древними городами и археологическими достопримечательностями, я вместе с отрядом из пятидесяти испанских солдат пустился в дорогу из Мани в неизведанные области на юго-западе.

К тому моменту, как мы вышли из древней майянской столицы, карты Юкатана, конечно, уже существовали. Эрнан Кортес за десятилетия до этого покорил обитавших в Мексиканской долине ацтеков, противопоставив их звериной жестокости йуковарству еще большую жестокость, хитрость и вероломство, а затем еще долгие годы путешествовал по Центральной Америке, подавляя мятежи, грабя, насилюя и провозглашая язычникам власть испанской короны и католической церкви.

Кюммерлинг же еще вдобавок писал о некоем Педро де Алваре, о котором, кстати, упоминал и автор переводимого мной отчета. Этот конкистадор прославился своими завоеваниями индейских племен Гватемалы и, кажется, Гондураса, откуда, преодолев Анды, он также добрался до Юкатана.

И с тем, и с другим путешествовали картографы, так что за сорок лет некоторые из этих земель были довольно хорошо изучены. Но к югу от Мани, похоже, начиналась такая глушь, что даже коренные обитатели полуострова отправлялись туда крайне неохотно.

Когда я еще раз перечел вторую главу отчета, лежавшую на моем столе, а затем сверился с картами в «Тайнах», мной стало овладевать смутное беспокойство. Пытаясь разобраться, я снова пролистал Кюммерлинга, тщательно сопоставляя все приведенные им планы с расстилавшейся на огромных страницах атласа желто-коричневой бумажной гладью Юкатана, на юге чуть рифленной горными отрогами.

Тщетно.

В тех местах, куда Хуан Начи Коком и Эрнан Гонсалес вели тридцать оставшихся в живых испанцев, не было никакого старинного города, ни даже индейского поселка, мало-мальски достойного упоминания. За поселение с названием Хочоб, которое мне не без труда удалось отыскать на карте, цивилизация, кажется, вообще не ступала.

Даже в двадцатом веке эти территории были мало освоены; в шестнадцатом же там, куда ни глянь, наверняка тянулась только первозданная, дикая сельва, раскинувшаяся на тысячи квадратных километров, сочащаяся сотнями мутных речушек и гнилостных болот, таящая невиданные опасности и готовая проглотить всякого, кто осмелится вторгнуться в ее пределы.

«Западня!» — чуть не крикнул я.

Индейские проводники не могли не знать об этом; предвосхищая предательство Ивана Сусанина, они вели доверившихся им иноземцев в неисследованные и гибельные земли, готовясь пропасть там вместе с ними. Хуан Начи Коком лгал, и его слезы были фальшивкой.

Но что могло заставить обратившихся в христианство индейцев, которым настоятель Исамальского монастыря доверял как своим собственным детям, согласиться выполнить его поручение, чтобы потом предать и его, и посланных им людей? Сусанин жертвовал своей жизнью, спасая от завоевателей и иноверцев царскую семью; за самоубийственной изменой полукровки Эрнана Гонсалеса должен был скрываться секрет куда более сумрачный и опасный.

Дорого бы я тогда отдал, чтобы предупредить об этом двух командовавших отрядом конкистадоров. Впрочем, был бы я членом их маленького войска, они бы обвинили меня точно так же, как и других сомневающихся, в распускании опасных слухов и высекли, чтобы другим было неповадно; а если бы я вздумал настаивать, могли и повесить.

Однако над отчаянно прорубавшими свой путь сквозь заросли испанцами все явственней сгущалось что-то недоброе. Гнетущее предчувствие, охватившее меня, постепенно передавалось и командирам отряда, но у них не было карт Кюммерлинга и Всемирного атласа Академии наук, чтобы разоблачить изменников. Они начали колебаться, когда уже зашли слишком далеко, когда, наверное, и нельзя было больше повернуть назад, и оставалось только, рассчитывая дорогу мачете, пробираться сквозь чащу навстречу своей судьбе.

«Что на следующий день во время ночлега на наш лагерь в темноте напали индейцы и боролись яростно, не пугаясь даже залпов из аркебуз; и что троих солдат — Луиса Карбальо, Франсиско Самарано, и Франсиско Курро — сумели поразить насмерть, а еще четверых ранить; и что кроме них мы не досчитались еще двоих, Хуана Гарсию и Педро Велеса, которые пропали, вероятно, взятые в плен для жертвоприношения.»

Что испанцы также сражались доблестно, и убили не меньше двадцати индейцев, и нескольких взяли в плен, чтобы допросить. И что пленники не хотели говорить, и не понимали вопросов, которые им задавали наши проводники, а между собою шептались на наречии, нашим проводникам неизвестном. И что не стали отвечать даже под пытками, которые мы им учинили, после чего одного я заколол сам, а еще двоих зарубили солдаты.

Что Луиса Карбальо, Франсиско Самарано и Франсиско Курро мы похоронили по христианскому обычаю, для чего вырыли могилы и над каждой установили крест, срубленный из растущих рядом деревьев.

Что раненые из нашего отряда в последующие дни не поправлялись, и с трудом переносили дорогу, и бредили. Что брат Хоакин, осмотревший их раны, сказал, что те поражены ядом, каким индейцы смазывают иногда наконечники своих стрел и копий; и сказал, чтобы мы молились об их спасении, потому что без чудесного вмешательства все они погибнут.

И что все в тот день молились об их выздоровлении, остановившись на привал. Но что молитвы наши услышаны не были, и все четверо раненых скончались или в ту же ночь, или в последующую, и перед смертью кричали так, будто дьявол сам пришел по их души.

Что из-за потери этой упали духом некоторые из нашего отряда и снова заговорили о том, что поручение, которое мы должны выполнить, нас погубит. Но что и я, и Васко де Агилар, и брат Хоакин помнили о том, как важно было выполнить его для укрепления Святой церкви и для поселения испанцев на Юкатане, и были уверены, что должны идти дальше.

Что когда я сидел у костра в один из дней, ко мне подошел наш проводник Хуан Начи Коком и сказал, что мы вступили уже в те земли, о которых он мне говорил раньше, и что напавшие на нас индейцы охраняют вход в них. Что юкатекский язык они не понимают, поскольку пришли сотни лет назад из других земель, далеко с севера; и что про них говорят, будто те были охраной при дворце могущественных царей города Майяпан (Mayapan) триста лет назад, а после того, как цари были низвергнуты и казнены, город пал, и жители покинули его, воины с севера нашли себе новых хозяев, которым и остаются верны с тех пор.

Что хозяева их властвуют в запретных землях и по наши дни, даже десятилетия спустя после прихода испанцев, и что точного имени их не знают, но охраняющих эти земли людей с севера зовут так же, как и рань-

ше, — «к’анулы», что означает «отборные воины», потому что по жестокости и отваге они не знают себе равных во всей стране майя».

Кюммерлинг, конечно, ни о каких запретных землях и охраняющих их секреты древних воинах даже и не подозревал. Но как раз в этом я скорее доверял ему, нежели Хуану Начи Кокому. Мне было совершенно ясно, что оба проводника сговорились, чтобы загубить испанцев. Нападение индейцев, будь они «к’анулами» или кем другим, было второй ловушкой, расставленной на пути экспедиции конкистадоров. Только в ночной стычке те потеряли девятых человек; отряд таял на глазах, в нем теперь должно было оставаться немногим более двадцати членов, а цель путешествия, казалось, так и не стала ближе.

Больше всего меня удивляло то, что, несмотря на тяжелые потери, ни командиру, ни Васко де Агилару, ни приставленному к ним францисканскому монаху не приходило в голову прекратить поход и вернуться в Мани — пусть с пустыми руками, но сохранив оставшихся в живых людей. Хотя бы для того, чтобы, захватив с собой подкрепление, заново укомплектовать поредевший отряд.

Отчего закаленный в боях опытный командир стал бы слепо рисковать своими солдатами ради выполнения приказа, смысла и способа исполнения которого он даже не понимает до конца? Чем объяснить такую несгибаемую решимость?

Скажем, вся троица могла быть фанатично предана церкви и лично брату де Ланде, который являлся для них непререкаемым авторитетом. Может быть, конкистадоры были ему чем-то лично обязаны или просто настолько доверяли будущему епископу, что даже не пытались сомневаться в его правоте. Что он мог такого для них (или с ними?) сделать? Спас им жизнь? Был крестным отцом их детей? Просто обладал сверхчеловеческим даром убеждения? А может, хитроумный настоятель накинул на бравых авантюристов тонкие, но прочные уздечки шантажа?

Или они действительно верили в то, «как важно было выполнить его для веры и положения испанцев на Юкатане», верили настолько глубоко и искренне, что были готовы сложить за веру свои головы?

Но чем дальше я читал заметки, тем больше мне казалось, что все герои этой странной истории не договаривают чего-то важного, такого, что разом поставило бы все на свои места. Может, брат Диего де Ланда от своих людей узнал про некий клад? Скажем, облицованный золотыми листами храм, скрытый под листьями сандаловых и махагоновых деревьев в лощине, потерянной посреди бескрайней сельвы?

Тогда вся экспедиция обретает совсем другой смысл — манускрипты, которые надлежало доставить в Мани, были только прикрытием дерзкой авантюры, задуманной настоятелем францисканского монастыря, которому верные люди донесли про несметные богатства, спрятанные в дремучих лесах на юге полуострова. Выбрав нескольких надежных и страждущих золота головорезов, он выговорил для них полсотни солдат и отправил за кладом.

Отодрав от крыши белокаменной пирамиды всего лишь несколько таких драгоценных листов, на родине в Испании можно купить обширное поместье и обеспечить себя до конца жизни. Скитаться в липком поту по треклятым зарослям отныне придется только во снах: можно будет вернуться домой, наконец зажить, как полагается дворянину, жениться на томной белокожей графской дочери и только в скабрёзных разговорах с приятелями вспоминать остро пахнущих низкорослых индианок...

В своем отчете неизвестный конкистадор не стал упоминать этого — во всяком случае, пока — чтобы утаить те сокровища, которые приобрел ценой нескольких десятков человеческих жизней, рассудив, что лишние завистники ему ни к чему.

А что же брат де Ланда? Неужели ему тоже причиталась доля от награбленных богатств? Ему или францисканскому ордену, почему бы нет. Средства для расширения монастыря или строительства нового. Брат Хоакин был отправлен с шайкой головорезов, чтобы блюсти интересы ордена: доверять им нельзя, к таким стоит повернуться спиной — сразу всадят кортик по самую рукоять. На честность и благородство тут уповать не стоит, как только они увидят крышу тайного храма, сверкающую в предзакатных лучах, тут же забудут и о своем должке брату де Ланде, и о любви к Пресвятой деве. Знаем этих пройдох.

Или не так? Может быть, для самого Диего де Ланды разыскиваемые им манускрипты были действительно ценны, а конкистадоров он заманил, посулив им сказочные сокровища, надежно замурованные в потайной камере одного из полуразрушенных храмов вместе с нелепыми индейскими книжками,

Дмитрий Глуховский

сделанными из замши и сложенными гармошкой. Принесите мне только манускрипты, остальное — ваше!

А индейские проводники? Пытались уберечь от разграбления и осквернения древние святыни своего народа? Вероятно...

Я ощущал то же, что должен чувствовать археолог, когда множество разноцветных керамических осколков, выкопанных им у развалин какой-нибудь майянской пирамиды, после долгих часов кропотливого труда начинают складываться в осмысленную и захватывающую картину старинной мозаики.

Прежде чем потушить свет и улечься спать, я на всякий случай перевернул последнюю страницу, проверяя, не осталось ли там еще что-то, чего я не успел прочесть.

«Что на следующий день после этого пришел ко мне Эрнан Гонсалес, и говорил со мной; и что после этой беседы понял я: брат Диего де Ланда не сказал мне всего о нашем походе. И что услышанное весьма встревожило меня; и об этом будет рассказано в Главе четвертой сего сообщения».

(El Cenaga)

El Cenagal

Моя мертвая собака так и не дождалась положенной прогулки в эту ночь — я был слишком занят мыслями о тех тайнах, которые скрывала сельва, и тех, которые берег от простодушных конкистадоров брат Диего де Ланда. Мне снилось совсем другое.

Нагромождение высоких пирамид, каждая из граней которых рассечена надвое лестницей, уходящей круто вверх, к плоской вершине, где находится алтарь — это ступени в небо, к богам. Летучие мыши, гроздьями свисающие с потолка титанических дворцов белого камня, построенных тысячами обреченных рабов без помощи колеса и блока и брошенных их обитателями в один день без видимых причин. Украшенные иероглифами стены, вырезанные в камне маски чудовищ, героев, божеств и демонов. Маленькая площадка посреди подъема на гигантскую пирамиду, откуда открывается дверь, превращенная камнетесами и скульпторами в распахнутую пасть Небесного Змея.

Собравшиеся в круг невысокие смуглые люди в странных одеждах, с золотыми обручами на головах. Распятый на жертвеннике, обессиленный и сломленный дурманящим напитком пленник, бессмысленным взглядом ищущий что-то вокруг себя. Монотонные причитания жрецов, одетых в подобие туник, становятся все громче, все страшнее...

Занесенный острый камень падает вниз, входит меж ребер, разрывает плоть. Еще удар — и грудная клетка вскрыта, хлещет кровь, выпученные глаза пленника затягивает смертельная пелена, а из горла с хрипом рвется наружу яр-

ко-красная пена, но он еще жив. Заклание проводится по строгим канонам, за века ритуал отточен так же остро, как и жертвенный камень. Дьявольское искусство заключается в том, чтобы приносимый в жертву не умер раньше, чем ребра с левой стороны груди с хрустом поддадутся и откроют еще бьющееся сердце. Несчастный расстанется с жизнью, только когда этот сжимающийся, дрожащий, захлебывающийся кровью комок будет вырван рукой жреца и брошен в особый сосуд. Тело, еще мгновение назад натянутое судорогой, как тетива индейского лука, а теперь обмякшее, окровавленное, распотрошенное, швырнут, словно набитый трухой мешок, вниз по ступеням, где его подберут служки.

И вот еще... Лицо у пленника — насколько его удастся рассмотреть сквозь слой грязи и кровавой корки — белое. А мощная шея и запрокинутый подбородок густо поросли бородой.

Я сел в кровати. Сердце бешено колотилось в груди, словно это у меня его только что пытались вырвать. Подушка была влажной и холодной от пота. Комната с четырехметровым потолком вдруг показалась мне слишком тесной, захотелось распахнуть настежь окно. Несколько минут я убеждал себя в абсурдности такого желания, потом вскочил и, дернув шпингалет, толкнул рамы. Внутрь хлынул сырой и стылый осенний воздух, двух глотков которого хватило, чтобы протрезветь после увиденного кошмара.

На улице уже стоял блеклый день; небо было забито ватными серыми облаками, через которые еле прорисовывался кружок тщедушного осеннего солнца. Десять утра. Обычно я сплю часов до трех, но сегодня уснуть больше не получится. А может, я просто обманываю себя, потому что боюсь вернуться в тот сон, если мне все же удастся забыться?

В голове еще покачивался мутный осадок из обрывков видения, и, сунув ноги в тапки, я поплелся на кухню разгонять его при помощи кофе.

Утренний кофе был для моей бабушки таким же полным смысла обрядом, как для майя и ацтеков — человеческие жертвоприношения. Она подходила к его завариванию со знанием дела: если совершать одни и те же действия каждое утро в течение шестидесяти лет, движения оттачиваются до филигранности. В прежние времена благодаря дружеским связям на Кубе у нее в кладовке стояли несколько огромных крашенных в бежевый и коричневый цвета жестяных банок с кофе. Назывался он экспрессивно и вполне по-кубински — «¡Cafe Hola!». Одну из этих банок, въехав в квартиру, я обнаружил запе-

чатанной — может быть, ее хранили на случай новой мировой войны. Аромат, конечно, давно выдохся, зерна пришлось выбросить, но банку я пожалел и оставил. Теперь свои собственные запасы я храню только в этой банке и, открывая ее по утрам, вдыхаю душистый кофейный запах — в память о бабушке.

После себя она оставила мне и весь свой арсенал — деревянную ручную мельницу для кофе, медную турку, маленькие фарфоровые чашечки с китайским орнаментом. Больше всего мне нравится молоть кофе: ссыпашешь его в воронку и начинаешь, словно у шарманки, вертеть тяжелую латунную ручку. Сначала она проворачивается медленно, трудно, но по мере того, как зерна рассыпаются в ароматную пыль, крутить становится все проще — значит, пора добавить в воронку еще. А потом надо выдвинуть этот трогательный деревянный ящичек снизу и выскрести из него весь порошок в кофейник. Поставив кофе на огонь, отходить от него уже строго запрещается, иначе вместо вальяжного распития бодрящего утреннего напитка придется отскребать плиту.

Когда все наконец готово, удовольствия от такого кофе получаешь неизмеримо больше, хотя бы просто потому что раз ради него уже столько сделано, грех теперь им не наслаждаться. Бабушка была права — и кому после этого нужны быстрорастворимые гранулы? Я даже электрическую кофемолку, и ту выкинул.

У кофе было и еще одно важное качество: готовя его, можно было целиком посвятить себя несложным механическим движениям и заодно занять голову прилагающимся к ним несложными механическими мыслями. С каждым поворотом ручки мельницы холодный туман, оставшийся в памяти от привидевшегося кошмара, съеживался, а когда от поставленного на веселый синий огонек кофейника пошел головокружительный аромат, действительность окончательно возобладала над грезами.

Чертов сон был, несомненно, навеян историей с теми испанцами, которых аборигенам удалось взять в плен. Автор заметок прошелся по этому эпизоду совсем поверхностно; не знаю, отчего в моем сознании засел именно он. Больше всего меня удивило то, насколько подробно я видел умерщвление пленных. Детали мне эти взять было совершенно неоткуда: разве что краем глаза случайно зацепился за них, листовая Кюммерлинга. Но и это маловероятно: не мог же я упустить их, пока читал книгу, если они настолько поразили мое воображение!

Оставалось надеяться, что просто воспалилась фантазия. Надо было срочно оперировать, пока не начался абсцесс и прободение. Я поклялся разы-

сказать научно-историческое описание человеческих жертвоприношений у майя, чтобы успокоить себя найденными несоответствиями.

К кофе я приготовил бутерброды с сыром и сваренное в мешочек яйцо с перцем и солью: завтрак холостяка. Главное — не капнуть желтком на брюки, иначе твоя жалкая доля станет очевидна для окружающих.

Расправившись и с тем и с другим, я без отлагательств вернулся к работе: сны снами, а заказ надо выполнять. К счастью, продолжение перевода этой книги было для меня не развлечением, а трудом, благодаря которому я рассчитывал уже на этой неделе расплатиться по счетам. Должно было даже что-то остаться — как раз на большой испанско-русский словарь. К счастью, потому что уже само слово «заказ» как бы лишало меня выбора — продолжать переводить или нет.

Наверное, именно в то утро мне впервые пришла в голову мысль, что эта книга может оказаться для меня не просто невинным развлечением. Но лишь немало времени спустя мои подозрения начали укрепляться и превращаться в твердую уверенность, а потом и в панику.

С подбором недостающих слов, корректурой и редактурой я справился довольно быстро: все потому, что рабочий день начался куда раньше, чем обычно. Хотя нормальная свежесть мыслей для меня оставалась недостижимой, еще несколько ударных доз черного кофе сделали свое дело. К вечеру я сел за свою старую печатную машинку «Олимпия» и набрал под копирку два экземпляра перевода.

В конторе к моему упорному нежеланию пользоваться компьютером привыкли трудно, но в конечном итоге все утряслось. Не знаю, в чем сложность, разве не так они работали раньше — безо всяких дисков и электронной почты? Пускай другим отправляют заказы по телефонным проводам, лично я вполне в состоянии спуститься по лестнице и пройти четыре квартала, чтобы забрать их лично. Компьютерам я не доверяю и недолюбиваю их, как, впрочем, и электронную технику вообще. Телевизор я покупать не стал из принципа: достаточно бывает посмотреть его в гостях, чтобы понять, какое через него осуществляется обольванивание зрителей. Радио подходит мне куда больше — картинок оно, конечно, не показывает, зато стимулирует воображение. К тому же в квартире, обставленной вычурной мебелью восемнадцатого века, компьютер или телевизор просто перегорели бы от стыда за собственное убожество и сиюминутность. Да-

же у выпущенного в семидесятых транзисторного радиоприемника, по которому я слушаю иногда новости, от соседства с такой мебелью частенько бывают помехи, что уж там говорить о компьютере с доступом в Интернет! Ко всему прочему, пользоваться им как следует я так и не научился.

Из двух готовых экземпляров перевода один я положил в папку, другой присоединил к собственной подшивке. Идти в бюро, однако, было уже поздно, и я остался дома, посвятив целый вечер блаженному безделью.

Еще раз перечитал всю историю с начала; полистал Кюммерлинга, надеясь все же найти упоминания заброшенных городов в тех местах, куда шли мои испанцы. Безнадежно: вся территория нынешнего мексиканского штата Кампече — то есть, весь северо-запад полуострова Юкатан, была пуста. Только на сотни километров к югу, на границе Гватемалы, у озера Петен располагались ближайшие поселения. Но чтобы туда добраться, изначально следовало выбирать совсем другую дорогу; индейские проводники вели отряд именно в глубь сельвы.

Я решил просмотреть разделы, посвященные известным древним городам майя. И именно там наткнулся на сведения, упоминавшиеся как бы походя, с намеком на то, что образованному человеку они, разумеется, должны быть известны, поэтому и распространяться об этом нечего.

Все города майя были заброшены. Не испанцы уничтожили их: когда те пришли на Юкатан, величественные дворцовые комплексы и гордые, сложенные из гигантских известняковых блоков храмовые пирамиды уже лежали в руинах. И Чичен-Ица, и Ушмаль, и Петен, и Паленке, и десятки других менее известных городов были словно в одночасье покинуты своими обитателями и с тех пор медленно разрушались. В тоскливом безмолвье широкие, мощенные белым камнем площади и арены для ритуальных игр зарастали лианами и покрывались мхом; временно оттесненный человеком ливневый лес неторопливо возвращал себе отнятую у него сотни лет назад землю.

Испанцы тщетно пытались выяснить у живущих близ этих развалин индейцев, кто их построил. Те только разводили руками. К тому моменту, когда Кортес ступил на полуостров, цивилизация майя была уже в таком упадке, что от ее былого могущества оставались только руины, идолы, и книги. Последние жрецы все еще совершали по ним свои обряды, но уже не понимали толком скрытого за ними смысла.

Это и была главная тайна, которой заманивала доверчивых читателей книжка Кюммерлинга. Что же могло случиться с великой цивилизацией? Хроники ни одного из народов, населяющих Центральную Америку, не говорили о

том, какая участь постигла майя, какой чудовищный удар мог привести к тому, что эта культура вдруг исчезла, а несущий ее народ стремительно, за несколько поколений, выродился, вернувшись к архаичному общинному строю, из которого пытался выкарабкаться в течение долгих веков.

Пропать между теми индейцами, которых на Юкатане увидели европейцы, и майя, создавшими огромную империю, сложную письменность, детальнейший календарь, более точный, чем тот, которым мы пользуемся сегодня, и, наконец, построившими в сельве свои громадные города, была безграничной. Первые ученые, добравшиеся до развалин Чичен-Ицы, были искренне убеждены, что обнаруженные ими сооружения были возведены древними израильянами, кельтами, ариями, татаро-монголами — кем угодно, только не народцем, который населял эти территории теперь.

Задав вопрос о причинах крушения цивилизации майя, Кюммерлинг не давал на него ответа, отделяваясь научными гипотезами: эпидемия? Завоевание? Страшный голод? Засуха и нехватка питьевой воды? Дисбаланс в числе рождающихся мальчиков и девочек? Совокупность этих факторов?

Нашествие марсиан? — продолжил за него я. Война с гигантскими термитами? Мои версии были не хуже других. Исчерпывающего объяснения тому, что произошло, не мог дать никто, и Кюммерлинг это стыдливо признавал. Никаких следов разрушения, никаких сообщений о пережитых потрясениях в майянских хрониках. Когда культура майя уже почти пала, в их земли действительно вторглось воинственное племя тольтеков. Представители этого народа властвовали над майя в поздний период их истории, но древняя цивилизация уже до этого была смертельно больна, она задыхалась и все равно неизбежно погибла бы некоторое время спустя. Тольтеки просто нанесли coup de grace.

Я лег спать, так ничего и не придумав. Неудивительно: если до меня эту загадку пытались разгадать десять поколений историков и археологов, шансы раскрыть истину за один вечер были невелики.

Ничего, меня ждали другие тайны. Не сегодня так завтра, как только я выцарапаю из бюро переводов четвертую главу конкистадорского дневника, у нас с Эрнаном Гонсалесом состоится интересный разговор, который должен пролить свет на этот поход. И кто знает, ключ к пониманию каких секретов он может мне дать.

Жрецы майя и белые пленники, которым вырывали сердце, в ту ночь меня не тревожили. Я просто смежил глаза, а когда открыл их снова, за окном уже был день.

* * *

— Так быстро? — удивился сотрудник бюро. — Надеюсь, качество не страдает?

Я утихо улыбнулся и покачал головой. Этот перевод я перечитал не меньше десяти раз, он был отшлифован так, что искрился на солнце.

— Заказчика, кажется, время поджимает, — объявил он мне. — Еще вчера заходил, занес следующую порцию. Не знаю, почему бы ему не избавиться от всего за один раз.

Я тоже спрашивал себя об этом и думал даже полюбопытствовать в конторе. Но теперь, когда клерк вперил в меня испытующий взгляд, считая, что мне известно больше, становилось ясно, что он блуждает в потемках так же, как и я. Оставалось только строить предположения...

— Может быть, у него и нет всего сразу, а тоже появляется по главам?

— По каким главам? Вы же говорили, там документы, — прищурился он.

— Исторические документы. Летопись. Разбитая, понятное дело, на главы, — объяснил я, уповая только на то, что он поленится вдаваться в подробности.

— И интересно?

— На любителя, — я сделал неопределенный жест рукой и ощутил вдруг какую-то странную ревность: мне не хотелось, чтобы на эти страницы смотрел кто-то еще, кроме таинственного заказчика и меня самого.

— Непонятный случай... — он хмыкнул и затих, ожидая, что я на это скажу.

Я кивнул. Молчание затягивалось. Неужели по мне не видно, что я не настроен на долгие дружеские беседы? Сейчас мне было нужно только одно.

— Ну да ладно... В конце концов, деньги платит, и черт с ним. Вот, держите, — он хлопнул о прилавок кожаной папкой, точно такой же, как та, что я ему только что сдал, но не коричневой, а черной.

— Спасибо! — обрадованный тем, что больше нет необходимости продолжать этот неуклюжий разговор, я взял папку под мышку, суетливо попрощался и заспешил к выходу.

— Подождите! — криком остановил он меня, когда я уже был в дверях. — А как же ваш гонорар?

«Что, как и было сказано в Третьей главе, ко мне подошел проводник Эрнан Гонсалес, имевший вид весьма встревоженный, и попросил говорить

со мной наедине, так чтобы ни Васко де Агилар, ни брат Хоакин не слышали нас. И что для этой беседы мы удалились от стоянки, где отряд наш встал на ночлег, к некоторой поляне в сотне шагов.

Что, по словам Эрнана Гонсалеса, до тех мест, куда он вел наш отряд, оставалось несколько дней пути, но что они должны были стать самыми сложными за все недели, которые мы шли. И что, став на колени, умолял меня повернуть отряд назад и ступить в Мани, сказав, что цели мы не нашли.

Что я спросил его в гневе, как смеет он сейчас, после того, как десятки наших товарищей сгинули в проклятых лесах, говорить мне о таком, и назвал его предателем. И что Эрнан Гонсалес плакал и повторял, что он не предавал, и что единственно из-за своей верности духовному отцу Диего де Ланде выполняет это поручение. И что дал мне в руки нож и просил убить его, дабы он не мучился больше.

Что этим он меня немало встревожил, и я усадил его на землю, прося рассказать, что известно ему такого, о чем ни мне, ни сеньору Васко де Агилару неизвестно. И что сначала он заперся, и только когда я пригрозил ему костром за вероотступничество, стал говорить коротко и непонятно, и плакал снова.

Что в его рассказе мне было многое неясно; из того же, что я разобрал, приведу следующее: по его словам, брат де Ланда не сообщил нам всей правды о том, зачем и куда идем. И что в тех храмах, к которым брат де Ланда отправил его с нами, хранилось нечто, бесценное для народа майя, но важное также и для других народов. И что брат де Ланда искал это повсюду, но не знал, где именно найти.

Что тогда я спросил у него, значит ли это, что мы вскоре выполним задание, данное нам настоятелем, и он ответил, что это истинно так, однако для моего блага и для блага всех майя и других людей на Юкатане это задание выполнять не следует. Почему же, объяснить не смог.

Что слова его про неискренность брата де Ланды я запомнил и, вернувшись после разговора с ним, уединился с братом Хоакином и сеньором Васко де Агиларом, и поделился моими мыслями с ними, и спросил, знают ли что-то о порученном нам, чего я не знаю, и наказывал ли настоятель сделать еще что-то, о чем мне неизвестно.

Что и брат Хоакин, и Васко де Агилар удивились и не знали о таком; и что спросили, кто мне сказал это. И что тогда я сообщил им о рассказе проводника, а также и о том, что этот рассказ необходимо хранить в тайне.

Что потом видел, как сеньор Васко де Агилар говорит с Эрнаном Гонсалесом в стороне, и тот пребывает в смятении. И что мы совещались в тот день и решили все же идти дальше, хотя проводник и предупреждал о новых опасностях, ждущих нас впереди».

Про золото по-прежнему ни слова. Зато мои предположения о проводниках, похоже, начали оправдываться. Полукровка, наверное, хотел дать испанцам еще одну последнюю возможность передумать и вернуться. Он даже был готов возвести поклеп на своего духовного отца, лишь бы отговорить испанцев идти дальше. Хотел спасти невинные жизни или свою бессмертную душу?

Как бы то ни было, отговорить испанцев оставалось делом непростым. За несколько дней пути, якобы отделяющих отряд от цели похода, проводникам не удастся это сделать. Именно в эти дни и должны были произойти те решающие события, из-за которых составление отчета об экспедиции вообще имело смысла.

Однако и Диего де Ланда, похоже, был не так прост. Допрашиваемый индеец юлил и пытался уйти от ответа, но нежелание отправляться на костер сделало свое дело — он выдал своего крестного отца. Жаль, что конкистадор не был понастойчивее и удовлетворился тем жалким бормотанием, которое ему удалось выдавить из Эрнана Гонсалеса. Возможно, он просто уже считал его помешанным и не хотел, чтобы проводник окончательно расстался с рассудком?

Некий предмет, важный не только для майя, но и для всех людей? Вряд ли речь шла просто о сокровищах. Но что это могло быть, мне вообразить просто не удавалось. Какая вещь и зачем могла понадобиться будущему епископу Юкатана? Книжки? Идолы? Для чего? Мог ли он верить, что они обладают некоей магической силой, и пытался заполучить древние артефакты, вобравшие в себя мощь и секреты некогда великого народа?

Разумеется, оставался еще один вариант — индейцы продолжали лгать, все не теряя надежды запугать предводителей отряда и посеять смуту среди его рядовых членов. Что бы ни двигало ими, с каждым днем похода они уводили испанцев все дальше от цели — в глушь, в дикие земли, где нога человека, вероятно, не ступала никогда.

На всякий случай я с особым тщанием исследовал все карты Юкатана, приведенные у Кюммерлинга и отмечавшие точками поселения разных периодов. Неважно, брался ли я за раннюю, классическую или послеклассическую

(на нее-то и пришлось испанское вторжение) эпоху истории майя. Менялось расположение поселений и их названия, неведомо чем вызванные миграционные потоки влекли индейцев из одних мест в другие, одни города покидались, вторые сооружались, третьи заново поднимались из руин — но та территория, куда моих испанцев вели проводники, тысячелетиями оставалась девственно пуста. Даже на пике своей цивилизации, воздвигнув могущественную империю, власть которой распространялась за пределы Юкатана, майя не решались углубляться в эти земли на юго-западе своего полуострова.

Я сбегал на кухню, залил кипятка в заварочный чайник и принес его с собой в комнату. Праздно рассиживать на диване, ожидая, пока чай настоится, казалось мне кощунством, не говоря уже о трате времени на приготовление ужина. Голода я совершенно не ощущал; кружка сладкого чая пригасила смутные позывы в желудке и позволила поскорее вернуться к чтению.

«Что мы вступили в места нехорошие и гиблые, в которых почва была зыбкой и неверной, и воздух дурным и несвежим. И что двигаться могли теперь лишь весьма медленно, и проводники долго выбирали дорогу, прежде чем указать ее другим. И что я приставил к каждому из них арбалетчика, опасаясь предательства и бегства одного из них или же сразу обоих.

Что вскоре начались болота, в которых водились твари непривычные и опасные, и от этих болот шли гнилостные испарения, от которых кружилась голова и слабело в членах. Что оба проводника сделались весьма тревожными, и проявляли страх по непонятным причинам, и что даже когда вокруг было спокойно, порой заставляли нас сняться со стоянки и перейти на другое место, объяснений нам при этом не давая.

Что свирепые индейцы, которые напали на нас за несколько дней до этого и в бою с которыми мы потеряли девятерых, более не показывались. И что когда я удовлетворенно сказал об этом Хуану Начи Кокому, тот сделался печален лицом и остерег меня от пустой радости, и сказал мне, что «к'анулы» славятся своим бесстрашием и что если не стали идти за нами на болота, то только потому, что боятся не нас, а чего-то другого, что в этих болотах скрывается.

Что в одном из мест тропа, по которой можно было ступать, была так узка, что всего один человек мог пройти по ней, и потому мы шли цепью. И что по сторонам от этой тропы была (трясина?), темная и неизме-

римой глубины. И что один из солдат, Исидро Мурга, не смог устоять на ней, и упал, и стал тонуть, и звать на помощь, и другой, по имени Луис-Альберто Ривас, остановился, чтобы протянуть ему руку и вытащить его. И что оба сгнули в этой топи, а очевидцы говорили, будто что-то дернуло тонущего вниз за ноги, когда он уже почти смог выбраться, и что тот, так и не разжав рук, утянул за собой и своего спасителя, и оба скрылись с глаз, и больше не появились. И что проводники приказали со всей поспешностью покинуть это страшное место, так избежав новых жертв.

Что эта опасная тропа продолжалась довольно долго, и до наступления темноты мы все еще не смогли выйти на сухое место. И что я приказал каждому из солдат называть громко свое имя по порядку, чтобы никого не потерять, и каждому следить, чтобы его соседи были в строю. И что такая переключка шла постоянно, так что каждый отзывался один раз в минуту. Но, несмотря на эти меры, мы потеряли еще одного человека, Игнасио Феррера, который шел в цепочке последним, и один раз отозвался и крикнул свое имя, а в другой промолчал, и когда шедший перед ним оглянулся назад, то не увидел там ни Игнасио Феррера, ни его следов. И что тогда дали смоляной факел не только тому, кто шел в голове отряда, но и тому, кто шел в его хвосте, чтобы так мог отпугивать хищников и чтобы его пропажа была сразу заметна.

Что так шли еще некоторое время, и потом все же ступили на твердую землю, и были чрезвычайно тому рады, поскольку изнемогли и нуждались в отдыхе. И что там разбили лагерь, но проводники запретили половине из нас спать, и сказали, что необходимо быть на страже, дабы не стать легкой добычей обитающих здесь демонов. И что хотя брат Хоакин угрожал донести об их еретических словах брату Диего де Ланде, те упрямовали и настаивали на своем.

Что было сделано по их словам, и половина спала, в то время как другая половина несла караул, и потом менялись. И что этот короткий сон был скверным, потому что на свет костра летел болотный гнус. И что эти маленькие мошки кусали сквозь ткань одежды, и спасения от них не было. Что оба проводника обмазались приготовленным средством, которое и цветом и запахом напоминало кошачий помет, и предлагали другим, однако согласились только я, брат Хоакин и еще некоторые из солдат, большинство же отказалось.

И что те, кто согласился, тем спас себе здоровье и жизнь».

Я вытер со лба выступивший пот и с усилием расцепил впившиеся в бумажу пальцы, потом несколько раз сжал и разжал их, восстанавливая кровообращение. Вот уже третью главу подряд я играл сам с собой в путешествие по Юкатану, но впервые ощущения были так реальны, словно мне действительно пришлось идти в одной цепочке с испанцами, нашаривая гибкой палкой, выструганной из сапподилоса, почву под тонким слоем болотной жижи.

Не надо даже было стараться, чтобы представить себе ощущения дозорного, сидящего у костра и пристально всматривающегося в заросли вокруг. Освещенные красноватым пламенем, они наверняка превращаются в сплошную стену; на пятачке твердой земли посреди бескрайних топей чувствуешь себя как в осажденной крепости. Болота живут своей жизнью: издают угробные стоны, выпуская огромные пузыри газа, шелестят камышом, скрипят подгнивающими стволами деревьев. Иногда эту вязкую кашу из потусторонних звуков взбалтывает истошный крик какого-то ночного животного, отнимающего или отдающего жизнь, а может, просто зовущего свою самку.

Отвести взгляд от зарослей нельзя ни на секунду — история с несчастным Игнасио Феррером произошла каких-нибудь пару часов назад, а на гибель Мурги и Риваса смотрел весь отряд, скованный ужасом. Как тут отвернуться? Караульные перекидываются похабными шуточками, вспоминают своих местных наложниц или жен с детьми — только чтобы перестать думать о смерти. Погибнуть в сражении, захватив за собой в могилу десяток индейских чертей, — не страшно, можешь успеть посмотреть в лицо смерти и остаться в памяти товарищей доблестным воином, это достойно мужчины. Не то что захлебнуться липкой болотной жижей, чтобы на дне трясины тебя сожрала какая-то тварь...

Потом воздух начинает противно звенеть, колеблемый миллионами крошечных крыльев. Тучи болотной мошкары и москитов вьются вокруг костра, облепляют фонари стражников, лезут в ноздри, в глаза, в уши и рот. Чтобы отогнать их, приходится не прекращая отмахиваться руками; это не отпугивает маленьких кровососов, просто мешает им сесть на кожу. Они не дают сосредоточиться, выводят из себя. Внутри вызревает бешенство, готовое выплеснуться на первого, кто привлечет внимание — неважно, врагов или товарищей.

Относительно спокойно только тем, кто решился на унижение — обматывая индейской дрянью, воняющей как кошачье дерьмо. Ничего, зато им придется теперь натерпеться шуточек от своих страдающих товарищей. Запах-то потом отстанет, но вот память об этом походе через болота...

«Что ночь миновала спокойно, не считая докучавшего нам гнуса, и при свете дня поход продолжился быстрее, так что уже к вечеру удалось преодолеть опасную часть болот. И что вышли на место твердое и сухое, откуда вновь начинался лес здоровый и звери привычные. И что, успокоенные, мы решили идти медленнее. И что путь наш в тот день протекал спокойно и мирно, и до следующего привала никто из отряда не пропал и не был ранен.

Что спросили у проводников, много ли еще остается идти, и те ответили, что до сокровенных храмов уже недолго, надо только выбраться на верную дорогу, двигаясь по которой будем на месте через два или три дня. И что от этого все солдаты, и мы с Васко де Агиларом, и брат Хоакин воспрянули духом, и многие праздновали и пили настойку из маиса, которую захватили с собой, и благодарили наших проводников, которые все же вывели их на твердую землю.

Что в тот день удалась и охота, и Хуан Начи Коком, сопровождаемый двумя стрелками, смог добыть нескольких крупных птиц и кабана, какой удачи с нами не случалось уже почти неделю, от чего наши солдаты и мы стали голодать.

Что сами проводники — и Хуан Начи Коком, и Эрнан Гонсалес — в праздновании не участвовали, а имели вид весьма тревожный и шептались в стороне. И что тем самым привлекли к себе мое внимание, и я приблизился к ним, чтобы узнать, о чем они говорят, но те общались меж собою на индейском наречии.

Что когда я прервал их разговор, те имели вид весьма смущенный и напуганный, но не стали запираться и повторили мне свои предостережения, а Эрнан Гонсалес снова говорил, что согрешил, приведя нас в эти земли, и что кара постигнет его за это. И что он не стал продолжать разговор с нами, а ушел в отдаленный угол лагеря, где предался молитве, а я решил не тревожить его более, однако приказал одному из солдат и далее стеречь полукровку.

Что все остальные в тот вечер праздновали и были в благодушном состоянии, и хотя многие были пьяны, но обычных драк не произошло. И что я один не смог позабыть о тех опасностях, о которых говорили мне проводники, и обходил ночью лагерь, обыскивая его и ожидая нападения индейцев или диких зверей. И что делал так долго, пока сон не сморил меня, но не нашел ничего странного и подозрительного.

Что солдаты пировали и пили до утра, и что я не стал препятствовать им, поскольку смогли преодолеть большую часть пути и заслужили доброго отдыха. И что когда я лег уже спать, некоторые еще гуляли, и были слышны их возгласы. И что я проснулся только на рассвете, услышав в отдалении громкий крик животного, который принял за вопль ягуара. Но что зверь был далеко, и крик не повторялся, и я не стал подниматься со своей постели, а заснул снова.

Что наутро, когда караул трубил подъем, прибежал солдат и сообщил, что проводник наш Эрнан Гонсалес ночью покончил с собой, повесившись. И что полукровка Гонсалес действительно был обнаружен мной висющим на ветви дерева в нескольких шагах от того места, где устроился на ночлег и где я оставил его накануне в молитве.

Что приставленный мною к нему дозорный не смог объяснить, как это случилось, и в котором часу Эрнан Гонсалес отнял у себя жизнь. И сказал только, что всю ночь он следил за Гонсалесом, не смыкая глаз, спрятавшись от него, и что тот лег, помолившись, и заснул спокойным и глубоким сном, издавая даже храп. И что этот солдат говорил, что не знал, когда сон настиг его самого, и умолял простить его за то, что он недоглядел. И что я приказал жестоко высечь его за такое, поскольку теперь наши жизни зависели только от единственного проводника, который остался жив».

На этом замечании глава обрывалась.

Вот оно! Проведя испанцев через гибельные трясины, индейцы наконец решились на измену. Сознывая, что не справятся вдвоем с двумя десятками тяжелооруженных солдат, они решили просто бросить их на произвол судьбы. Без проводников путь назад был закрыт: болота проглотили бы чужаков, прежде чем тем удалось бы продвинуться хотя бы на пол-лиги вглубь.

О чем говорили в праздничную ночь Хуан Начи-Коком и Эрнан Гонсалес? Молились вместе? Тянули жребий — кому первым уходить к предкам? Обсуждали, что станет делать оставшийся в живых, после того как один из них покончит с собой? Оба чувствовали, что эта ночь будет для них судьбоносной — и поэтому не принимали участия в пирушке.

Нательного креста, христианского имени и фресок со сценами Чистилища, неумело намалеванных монахами в часовне Исамальского монастыря, оказалось недостаточно, чтобы сдержать Эрнана Гонсалеса от самого страшного греха веры его отца — самоубийства.

Боги, о которых ему тайком рассказывала мать-индианка, были могущественнее и ближе, потому предать их для него было куда страшнее, чем столетиями вариться в кипящем масле. Пока Дева Мария рассеянно улыбалась всем правоверным — и никому в отдельности — с сияющего облака, мстительные и коварные майянские демиурги недобро глядели вслед шагающему отряду, притаившись за стволами корявых болотных деревьев. Только не всем дано было почувствовать их взгляд на своей спине.

Вместо того, чтобы погибать самим, проводники, наверное, могли бы и отравить захмелевших испанцев, подмешав им яда в маисовую настойку, или перерезать их всех во сне. Однако то ли они не были уверены в своих силах, то ли не хотели мараить руки их кровью. Эрнан Гонсалес предпочел резне бегство: дождался, пока дозорный уснул, приладил веревку к ветке повыше, сел на нее верхом, просунул голову в свой последний хомут, разжал ноги — и был таков.

Я мог ручаться чем угодно, что похожая судьба была уготована и второму проводнику, и хоронить его придется уже совсем скоро — не далее, как в пятой главе путевых записок. Испанский отряд почти наверняка был обречен. Поднявшись со стула, я принялся расхаживать по комнате. В груди тянуло.

Нет же, урезонил я себя. Если эти записки были опубликованы, значит, их автор сумел выбраться живым изо всех перипетий, досказать свою историю до конца и доверить ее издателям. Приключенческие романы от первого лица именно потому оканчиваются хорошо, что главный герой должен уцелеть, иначе кто же будет их писать? Может быть множество похожих сюжетов, протагонист которых погибает страшной смертью, — но историю всегда пишут победители.

Стоило мне чуть успокоиться, как бес сомнения предложил другой ответ. Неизвестный конкистадор совсем не был обязан выжить, чтобы его отчет увидел свет. Скелет, прижимающий к грудной клетке упакованный в кожаный футляр дневник, и с торчащей в глазном отверстии индейской стрелой, вполне могла найти научная экспедиция, отправившаяся в леса два с лишним столетия спустя.

Предугадать, что произошло с испанским отрядом, вышедшим на юго-запад из города Мани апрельским утром 1562 года, было невозможно. Рассказать мне об этом могла только пятая глава отчета. Я уселся на место и пододвинул к себе стопку чистых листов и печатную машинку.

Терять дальше время было нельзя.

(El Auto de Fé)

El Auto de Fé

Тем утром я работал, пока пальцы не задеревенели от усталости, пока я не начал промахиваться мимо клавиш машинки и буквы не стали наползать друг на друга и сливаться. Солнце уже давно взошло, и мне пришлось задернуть шторы, чтобы оно не жгло мои глаза, привыкшие к полумраку.

Сознание покинуло меня незаметно: я очнулся уже за полдень и понял, что проспал все это время, уронив голову на клавиатуру «Олимпии». Листы были беспорядочно разметаны по столу; надеюсь, я не пытался укрыться ими во сне. Голова гудела, и все мышцы ныли от нескольких часов, проведенных в этой неловкой позе. Я сполз со стула и перебрался в кровать; всего несколько секунд спустя мир померк снова.

Когда я проснулся во второй раз, за окном уже было темно. Включив свет, я запахнулся в домашний халат и направился в ванную комнату. Тело требовало неги. После пережитых приключений я вполне мог бросить его отмокать минут на сорок в горячей воде, чтобы самому тем временем заняться осмыслением прочтенного накануне.

Набрав полную ванну — просторную, отчего-то выкрашенную в удивительный сиреневый цвет, — я скинул с себя халат и осторожно опустился в воду, всколыхнув облака пены на ее поверхности. Обожаю принимать ванну — как еще можно оживить ощущения, которые все мы испытывали, находясь в материнской утробе? Это входной билет в утраченный рай, действующий ровно столько, сколько вода остается горячей. Очень хорошо понимаю людей, ко-

которые вскрывают себе вены в теплой ванне, предпочитая этот способ покончить с собой всем остальным. Таким образом они словно закольцовывают свою жизнь, расставаясь с ней в исходном положении и при этом даря себе на полчаса больше того блаженного покоя, который ожидает их по ту сторону. К тому же за эти полчаса можно смошенничать и передумать...

Через несколько минут желаемый эффект был достигнут — моя брэнная оболочка полностью растворилась в ароматном пенистом настое, и разум наконец оказался совершенно свободен. Закрыв глаза, я принялся составлять план действий.

Во-первых, ударными темпами закончить и подчистить перевод четвертой главы. На это я отводил себе только начинавшуюся, «молодую», как говорят итальянцы, ночь. К завтрашнему утру перевод будет готов, и поскольку сегодня я встал так поздно, ничто не мешает мне воспользоваться сбившимся ритмом, чтобы так же поздно лечь, а высвободившееся утро посвятить делам. Сначала — как только откроются магазины — в книжный, за большим словарем, возможно, двумя. Походы по библиотекам отнимают слишком много сил, я мог бы работать куда эффективнее, если бы располагал всеми нужными инструментами дома.

Проверить с новыми словарями термины, смысл которых мне не удалось взломать при помощи того, что у меня был. Затем, еще до того как я получу право спокойно уснуть, наведаться в бюро и сдать завершенную главу. Если мне повезет, следующая часть уже будет у них: сотрудник конторы говорил, что клиента поджимает время. Что ж, я *его* хорошо понимал; если *он* и дальше читает мои переводы, то должен, как и я, жаждать продолжения. Мы с *ним* были заодно, и мне казалось, что я мог рассчитывать на *его* содействие.

Итак, предположим, пятая глава записок уже там. Добравшись до нее, я мог вернуться домой и умиротворенно лечь в постель, возможно, прочитав на сон абзац-другой, но оставив основную часть развлечения и работы на следующий день.

Но что, если главы в конторе еще нет? От нахлынувшей тревоги я невольно раскрыл глаза и уставился в высокий потолок; мне вдруг показалось, что вода остыла, и я крутанул красный вентиль крана, чтобы добавить горячей.

Ничего страшного, произнес я вслух. Принесет попозже. *Он* доволен качеством моих переводов, потеря первой главы этим оборотом-испанистом *его* не смутила, нет никаких причин, чтобы *он* не принес в контору пятую часть дневника. А уж я постараюсь, чтобы она была переложена на русский на таком

уровне, чтобы за ней последовала и шестая, и седьмая, и сколько их там есть вообще.

Странно, но на тот момент я уже больше не задумывался, кем может оказаться мой таинственный заказчик. Мне вполне хватало того, что он вовремя приносит в бюро очередную порцию записок конкистадора — источника моего заработка и удовольствия. Какая разница, кто интересуется переводом? Пока наши интересы совпадали, я не собирался проявлять чрезмерного любопытства, которое к тому же могло отпугнуть нынешнего хозяина книги.

Наспех позавтракав (кажется, это опять были бутерброды), я вернулся к рабочему столу, перечитал и начисто перепечатал вчерашний перевод. К шести утра все было готово, оставался лишь десяток слов, в значении которых я уверен не был и которые я предпочитал проверить по серьезному словарю, прежде чем сдавать работу в контору. Я заварил чая и уютно устроился на кухонной тахте, завернувшись в красный клетчатый плед. До открытия книжных магазинов и библиотек оставалось еще не меньше трех часов, а отдых я бесспорно заслужил.

Поцелкав переключателем на радиоприемнике, я нашел какую-то информационную станцию и, вглядываясь в поднимающийся от чашки пар, вполуха стал слушать утренний информационный выпуск.

Азиатское цунами, похоже, больше никого не занимало. В мировых новостях его сменили землетрясения в США и странах Карибского бассейна. Несколько довольно крупных городов на островах лежали в руинах. Президенты и главы военных хунт, управлявшие этими крошечными государствами, обращались за помощью к мировому сообществу. ООН обещала выделить средства на восстановление, первые самолеты «Врачей без границ» и спасатели из разных стран уже летели на острова, их прибытие ожидалось с минуты на минуту.

Штатам досталось чуть меньше: система предупреждения о сейсмической угрозе сработала безупречно, и из опасных районов удалось заблаговременно эвакуировать население, но ученые предупреждали о высокой вероятности новых подземных толчков. Дальше шел комментарий специалиста: что-то о сдвигах земной коры, которыми и вызваны все недавние катаклизмы.

Потом диктор напомнил о готовящихся выборах, но эта тема меня оставила равнодушным. Кажется, кто-то кого-то в чем-то обвинял, некоего полити-

ка сняли с дистанции, другого нашли в подмосковном лесу с пулей в голове, третий объявил, что уходит с поста президента крупной компании, чтобы целиком посвятить себя служению Отечеству.

На последнее место — после информации о катастрофах, убийствах и кризисах — журналисты, сжалившись, решили поставить новость, которая должна была чуть сгладить полученные от выпуска отрицательные эмоции. Престижный конкурс красоты «Мисс Вселенная» выиграла россиянка. Наспех сообщив ее габариты и год рождения, диктор душевно попрощался со мной. Из динамика мягко потек Джон Колтрейн, смывая следы грязи, которая хлестала оттуда последние пятнадцать минут. Выбор был верный — рука, уже протянутая было чтобы выключить радиолу, нерешительно зависла в воздухе, а затем вернулась в складки пледа. Я допил чай и раскрыл Кюммерлинга на первой попавшейся странице.

* * *

Найти большой испано-русский словарь не составило никакого труда. Магазины ломались от обилия разговорников, самоучителей и собственно словарей — самых разных, от карманных на пять тысяч слов до внушительных томов десятисантиметровой толщины.

Поиски же изданий о цивилизации майя и на этот раз оказались делом непростым. С упорством и методичностью ученого я обследовал новоарбатский Дом книги, несколько букинистических лавок, съездил на большой книжный рынок, но все закончилось лишь приобретением еще пары брошюр в кричащих обложках, в названии которых непременно присутствовали слова «тайна», «загадка» или «секрет». И только завершая круг, прогуливаясь пешком от станции метро «Арбатская» к своему дому и вновь, на этот раз разочарованно, проходя мимо Дома книги, я случайно обратил внимание на лоточников, торгующих с рук разномастной белибердой.

В основном это были красочные увесистые альбомы, озаглавленные «Уроки Камасутры» или «Энциклопедия чувственности», кое-кто продавал самиздатовскую эзотерику, а пара подозрительных персонажей с повадками карманников приторговывала пиратскими изданиями гитлеровского «Майн Кампфа». Осознавая некоторую сомнительность своего положения, эти люди не привязывали себя к одному и тому же месту книжным прилавком. Готовые

в любой момент сорваться с места и раствориться в толпе, они внимательно и хищно вглядывались в лица прохожих, пытаясь вычленивать из бесконечного людского потока своих клиентов и провокаторов из госбезопасности. Та иногда, по неведомому велению звезд, вдруг принимается ожесточенно бороться с фашизмом, и есть даже некоторый риск попасть под волну.

...Этого человека я принял за одного из них. Размышляя о своем, я шагал вдоль рядов лоточников и рассеянно скользил взглядом по названиям выставленных на продажу книг. Принял, потому что он точно так же воровато оглядывался по сторонам и держал свой товар, чуть прикрыв его отворотом пальто. Как это часто бывает, смысл прочитанных букв не сразу дошел до моего сознания. Когда же он выкристаллизовался, я замер как вкопанный, а потом резко обернулся, чтобы проверить, не ушел ли продавец и не почудился ли мне заголовок из-за моих долгих и бесплодных поисков.

«Хроники народов майя и завоевание Юкатана и Мексики».

Еще не успев спросить о цене, я достал кошелек.

В продававшем книгу мужчине не было ровным счетом ничего примечательного. Русые с проседью волосы, нечеткие, неуловимые черты лица — не полного и не худого, блеклые, то ли бледно-серые, то ли бледно-голубые глаза, темное пальто. Я приблизился к нему с деньгами в руке, но он почему-то сделал вид, что меня не замечает. И только когда я справился насчет книги и ее содержания, мужчина уперся в меня холодным взглядом экзаменатора, словно пытаясь определить, гожусь ли я для того, чтобы отдать мне свой товар. Я уже было подумал, что в книге вырезано отверстие, в котором лежит целлофановый пакет с неким белым порошком, и если я не скажу сейчас нужный пароль, продавец просто сбежит или заявит, что том не продается.

Однако он не был наркокурьером. Быстро, но цепко глянув на купюры, он назвал цену, которая показалась мне бессовестно завышенной. Увидев, что я сомневаюсь, он презрительно дернул плечами и лишенным интонаций голосом сказал, что издание представляет собой библиографическую редкость, потому что вышло очень небольшим тиражом чуть ли не полвека назад, и только дилетантам это может быть непонятно.

Испугавшись, что он вообще передумает отдавать книгу такому крохобору и невеже, я поспешно расплатился, оставив ему сумму, на которую мог безбедно существовать еще недели две.

Отойдя десятка на полтора шагов, я подумал, что можно было бы спросить этого типа, нет ли у него других книг на ту же тему. Но тот как сквозь зем-

лю провалился; его место уже занял бойкий старикан, пытающийся избавиться от объемистого труда по теориям заговоров, написанного в пожизненном заключении Рудольфом Гессом.

Когда все недостающие слова были наконец переведены, а глава — перепечатана под копирку начисто, я привычным уже жестом отправил копию в растущую стопку моего личного экземпляра дневника конкистадора, а оригинал убрал в кожаную папку. Усталость и сонливость начинали сгущаться, но я был твердо намерен заполучить следующую часть книги, прежде чем лягу спать. До конторы я добежал за десять минут.

Уже с порога были слышны чьи-то голоса. Сперва я решил, что сейчас встречу кого-то из своих коллег или заказчиков, но уже через несколько секунд понял, что это просто работает телевизор. Сотрудник бюро сидел, прикованный к экрану, расплывшись в довольной улыбке, которая так исказила его черты, что я даже не сразу его узнал. Вместо обычного кисло-презрительного приветствия он кивнул мне, не отрываясь от телевизора, и прошептал:

— Секундочку... Сейчас уже закончится.

Я положил черную папку на стол и оглядел полки, пытаюсь отыскать на них ее коричневого близнеца. Второй папки нигде не было видно: наверное, она лежала в другой комнате.

— Слышали? Наша во всемирном конкурсе красоты победила! Москвичка! — гордо объявил мне служащий, приглушая звук. — Вот три кита, на которых держится наша великая держава: нефть, оружие и бабы!

Я промолчал, не выказывая ни малейшего интереса. Тут он вспомнил, с кем разговаривает, кашлянул, одергивая себя, и его лицо снова окаменело.

— Неужели и это уже готово? — служащий приподнял левую бровь; румянец быстро сходил с его щек, и с той же скоростью живые эмоции уступали место искусственным.

Вместо ответа я пододвинул к нему папку. Заглянув внутрь, он достал и отдал мне конверт с гонораром.

— Следующей части нет, сразу предупреждаю, — перехватив в моих глазах невысказанный вопрос, отрезал он.

— А когда будет?

Вид у меня, должно быть, был преглупый и такой разочарованный, что клерк не смог сдержать покровительственной и немного сочувственной ухмыл-

ки. Мне было все равно, что он там про меня думал, лишь бы сказал, что за пятой главой можно зайти уже завтра.

— Понятия не имею, — нож гильотины сорвался и рухнул вниз. — Клиент за последние дни не показывался. Зайдите в конце недели или просто напомните мне ваш телефон, я вам наберу.

— Нет, спасибо, не стоит, я сам, я тут часто мимо хожу... — мне думалось, что отныне я буду действительно ходить мимо этой чертовой конторы по десять раз на дню.

— Ну, как хотите, — он пожал плечами и, дотянувшись до пульта от телевизора, сделал громче.

— До свиданья, — сказал я.

Вот оно. Выйдя наружу, я закрыл глаза и втянул воздух, пахнущий бензиновой гарью и редкими ноябрьскими грозами. Прислушался к тому, что творилось у меня внутри... Как будто смотрел на свое отражение в бочке с дождевой водой, какие, бывает, стоят на дачных участках или у деревенских домов. Мой зыбкий силуэт плавал в ленивой темной воде, на поверхности которой почему-то лежал одинокий кленовый лист. Я глядел на себя из бочки устало и равнодушно. Апокалипсис пока не наступил, просто они задерживают главу. Ну и черт с ними со всеми. По крайней мере, выплюсь.

Домой я вернулся совершенно обессиленный и опустошенный, но усталость моя была тягучей, как сахарный петушок на палочке, и такой же сладкой, с легким привкусом горечи. Забившись под пуховое одеяло, я взял было в руки купленную книгу про майя, но так и не успел ее раскрыть. Мысли спутались, перемешались с неверными образами, набросанными воображением, и через несколько секунд воронка сна уже засосала меня с головой.

Этой ночью мне, наконец, снова снилась моя собака, и я помню, что даже во сне был этому очень рад. Оказывается, в моей квартире, на кухне была маленькая дверка, за которой находилась какая-то каморка. В ней собака и жила все это время, пока я считал ее мертвой. В этом сне она стала скрестись в дверь, просясь наружу, и когда я ее выпустил, была так счастлива, что облизала меня всего, особенно стараясь попасть своим мокрым языком мне в нос и уши. Потом, разумеется, пришло время отправляться с ней на прогулку. Определить это можно было по обычным признакам: собака на-

чала заглядывать мне в глаза, подбегать к выходу, а потом, отчаявшись объяснить мне свои желания намеками, принесла в зубах поводок с ошейником.

От сна ко сну менялись, в сущности, только обстоятельства, в которых я открывал, что она на самом деле не умерла, а как раз напротив — превосходно себя чувствует, требуя накормить ее, выгулять, да еще и играть с ней во время моциона, бросая палки, которые она потом приносила мне обратно.

Иногда, как сегодня, я обнаруживал, что все это время она жила где-то рядом, просто мне об этом не было известно. В других вариантах этого видения она действительно умерла, но сама об этом не знала, поэтому пока я вел себя с ней как с живой, смерть ее была как бы понарошку. Тут главное было играть по правилам, не плакать по ней и вообще не проявлять никакой жалости — словом, делать все, чтобы она не догадалась, что ее больше нет. Впрочем, при ее жизнерадостности и кипучей энергии это была задача не из трудных. Наконец, оставались сны, в которых она просто снова была со мной безо всяких объяснений, и в них я ничего не знал о ее гибели. Эти, самые легкие и светлые, я любил больше всего.

На сей раз гулять пришлось по незнакомому мне парку; как обычно, я спустил ее с поводка, как только мы оказались на расстоянии от проезжей части. Она рвалась порезвиться на траве; лишать ее этого удовольствия я никогда не решался. Когда собака была жива, из-за моего соседства ей тоже приходилось валяться целыми днями — зимой на диване, летом на полу. Теперь же, вырываясь из царства мертвых на короткие побывки в мои сны, ей и подавно хотелось вспомнить, для чего ее создавала природа. Сеттер — порода охотничья, и я знал, чего лишаю свою собаку, поэтому старался ничем не ограничивать ее, когда мы все-таки выбирались в деревню или в парк — неважно, наяву или нет.

Через некоторое время она унеслась на такое расстояние, что я потерял ее из виду. Поэтому часов до двенадцати ночи, когда я проснулся по нужде, мне не оставалось ничего другого, как одну за другой обходить пронизанные солнечными лучами аллеи летнего парка, повторяя, словно заведенный, ее кличку. Все это время моя собака носилась где-то вокруг, не попадаясь мне на глаза, и то справа, то слева, оставаясь на некоем небольшом, но недостижимом расстоянии, из кустов слышался радостный лай.

Поднявшись с кровати, я первым делом, еще до ванной комнаты, направился на кухню, чтобы всерьез и со всем возможным вниманием исследовать там стены.

Маленькой дверки нигде не было...

Пообещав себе не бежать в переводческое бюро, а продержаться по крайней мере до завтра, я придумал, чем буду заниматься в этот опустевший день. Для начала — чинный завтрак, с кофе и газетой, какого у меня не было в последние дни из-за лихорадочного увлечения испанским текстом. Потом — неторопливое и тщательное изучение книги про майя, в которой я рассчитывал найти ответы на некоторые беспокоившие меня недосказанности Кюммерлинга.

После нескольких дней на чае и бутербродах подходящим выбором для завтрака казалась скучноватая, но безупречная для здоровья овсянка. Чтобы придать этому тюремно-войсковому блюду некоторую долю праздничности, сварив кашу, я добавил в нее жидкого цветочного меда. Пока овсянка остывала, я развернул сегодняшнюю газету, извлеченную из почтового ящика.

Первая полоса была целиком посвящена землетрясению в Америке и на Карибах, а две фотографии в четверть листа каждая демонстрировали полностью разрушенные столицы Гаити и Доминиканской республики. Гаване, кажется, тоже не поздоровилось.

Всю вторую страницу занимало пространное интервью с победительницей конкурса красоты «Мисс Вселенная», россиянкой Лидией Кнорозовой. Ее крупный снимок в инкрустированной бриллиантами королевской диадеме был помещен прямо посередине полосы. Это была, пожалуй, одна из самых странных королев красоты, которых мне пришлось повидать на моем веку.

Прежде всего, в отличие от девушек, которые обычно участвуют в подобных конкурсах, россиянке было уже хорошо за тридцать. Лицо у нее было, надо признать, приятное, но сказать, что сама Венера поцеловала девочку в лоб при рождении, было нельзя. Лидия Кнорозова брала скорее обаянием — мягкой полуулыбкой пухлых губ, трогательными морщинками, расходящимися от глаз — фотограф даже не потрудился наложить стоящий макияж, чтобы ретушировать возраст королевы. Она ничуть не напоминала нимфеток с огромными серыми глазами, традиционно представляющих Россию на таких соревнованиях. При всем желании я не мог себе вообразить, каким образом эта миловидная, но заурядной внешности женщина сумела впечатлить жюри, когда рядом с ней возвышались на своих уходящих к небесам головокружительных ногах знойные волоокские мулатки из Венесуэлы и Аргентины.

Заинтересовавшись секретом успеха Лидии, я прочитал ее интервью. Никаких объяснений тому, как она могла победить, россиянка не давала. Вместо этого она рассказывала о своем жизненном пути, карьере — она была старшим научным сотрудником в каком-то культурологическом институте — и благодарила за воспитание и поддержку своих родителей, как и принято делать в подобных случаях. В особенности тепло Кнорозова отзывалась о своем больном отце, на лечение которого она и собиралась передать всю сумму, доставшуюся ей вместе с королевским титулом.

Я пожал плечами и закрыл газету.

Книга действительно была необычной. Она очень напоминала один из томов бесконечной медицинской энциклопедии, изданной в середине тридцатых годов, по крайней мере сорок томов которой раньше стояли у бабушки на полках.

Название — «Хроники народов майя и завоевание Юкатана и Мексики» — было выдавлено белыми буквами на добротной картонной обложке. Плотная качественная бумага капельку пожелтела за несколько десятков лет, прошедших со дня выхода книги в свет, но не состарившись, а *настоявшись*, словно дорогое вино в особом подвале. Поднеся том к лицу, я пролистнул несколько десятков страниц и втянул носом сладковатый библиотечный запах книжной пыли. Этот аромат, который невозможно спутать ни с чем другим, мгновенно настраивал меня на нужный лад. Пахнущая так книжка вызывала непреодолимое желание завалиться с ней на тахту и читать ее неспешно, включив уютную вечернюю лампу с зеленым абажуром, словно потягивая через трубочку любимый коктейль.

Удивительное дело — на титульном листе названия издательства не значилось. Имя автора, набранное мелким шрифтом сверху страницы, почему-то навевало мысли о Библии; вполне вероятно, что это был псевдоним. Звали его Э.Ягонизель, и никаких сведений об этом ученом, написавшем такой солидный на вид труд, книга не содержала. Что сказать еще? Москва, 1961 год. Печать офсетная. Тираж 300 экземпляров. Впечатление оставалось противоречивое: с одной стороны, с виду это была советская научная книга *par excellence*, с другой, что-то в ней было решительно не так; она настораживала и казалась искусной подделкой. Но только кому придет в голову подделывать советские научные книги?

Судя по оглавлению, издание было составлено подробнейшим образом: история полуострова описывалась еще с тех времен, когда по нему бродили древние кочевники. Десятки страниц автор посвящал доклассической эпохе, еще больше внимания уделялось тем векам, в течение которых майя достигли пика своего могущества. Главы, отведенной крушению цивилизации, я не обнаружил, но отчего-то был совершенно уверен, что Э.Ягониэль знал о нем побольше выскочки Кюммерлинга, надо было только запастись терпением и прочитать все от корки до корки.

Зато в разделе, описывавшем прибытие испанцев и начало колонизации, сразу бросалась в глаза глава о францисканском епископе Диего де Ланда и его трудах. С францисканца-то я и решил начать подробное знакомство с книгой: мне как воздух были необходимы знакомые лица, чтобы освоиться в неприветливом мире средневековой Южной Америки, рассматриваемой сквозь роговые очки социалистической науки шестидесятых.

Однако ни одной ссылки на реалии непростого времени, в которое писался научный труд, я не нашел. В тексте вообще ни разу не упоминались какие-либо научные авторитеты, публиковавшиеся позже начала столетия, из чего я сделал вывод, что книга Э.Ягониэля, вероятно, была переводной и сама создавалась еще до Первой мировой войны; но о точном сроке написания я мог только догадываться.

С первых же абзацев, прочтенных на любой, выбранной наугад странице, автор давал понять, что в предмете своего исследования он разбирается досконально.

«Диего де Ланда Кальдерон родился 12 ноября 1524 года в местечке Сифуентес, в испанской провинции Гвадалахара. Пейзажи, которые он увидел вокруг себя, открыв глаза, и среди которых он рос — виноградники, покрывающие склоны небольших холмов, и тополевые аллеи, бесчисленные речки и ручейки, — разительно отличались от того, что он мог созерцать за окном своей кельи, прежде чем он в последний раз опустил веки 29 апреля 1579 года.

В том же 1524 году, когда Диего де Ланда Кальдерон произошел на свет, исследователь и воин Педро де Альварадо основал город Сантьяго де Лос-Кавальерос в покоренной им Гватемале. Но завоевание Юкатана, куда будущий епископ прибудет только в 1547 году, чтобы остаться там до гробовой доски, еще только начиналось, и испанская корона даже не помышляла включить полуостров в пределы рождающейся Вест-Индийской империи.

В истории Конкисты фигура епископа де Ланды остается одной из противоречивейших. Он и гонитель покоренных испанцами майя, и их защитник от зверствующих помещиков и солдатни. Это он подробнейшим образом описал их быт, верования, нравы, обычаи, это он сделал попытку расшифровать их письменность. Это Диего де Ланда без надлежащих полномочий взял на себя смелость вершить суд над язычниками и их богами. Именно этот самозванный инквизитор устроил в июле 1562 года в Мани грандиознейшее auto de fe, спалив в один день почти все имевшиеся ритуальные книги и летописи майя, а заодно и деревянные статуи божеств, также покрытые надписями, содержание которых для современной науки было бы бесценно. И при этом написанная им работа «Сообщение о делах в Юкатане» стала главнейшим и авторитетнейшим для майянистов источником знаний о том, что представляла из себя культура майя. Если бы де Ланда никогда не существовал, то не было бы в ее нынешнем виде и науки о тех индейцах, которых он так усердно обращал из язычества в христианство. Однако, вероятно, в этом гипотетическом случае не было бы такой нужды и такого научного любопытства в изучении их цивилизации, потому что этот народ и по сей день сохранил бы свою потрясающую культуру».

Наскоро просмотрев жизнеописание францисканского монаха до тех пор, пока он не прибыл на Юкатан, я честно попытался найти хоть что-нибудь интересное в подробно изложенной истории сооружения Исамальского монастыря. И пока я довольно рассеянно проглядывал эти страницы, у меня перед глазами все словно потемнело, а воздуха стало не хватать. Все совпало. Я прозрел.

«...инквизитор устроил в июле 1562 года в Мани грандиознейшее auto de fe, спалив в один день почти все имевшиеся ритуальные книги...»

Тот же год, тот же город, тот же самый мрачный монастырский настоятель. Описанные в переводимом мной дневнике приключения совершенно опделенно были предысторией событий, произошедших в Мани в июле.

Трое индейцев, путешествовавшие с моим отрядом, были очень обеспокоены целью экспедиции. Спустя всего несколько дней после того, как испанцы вышли из Мани, еще в первой части дневника, один из проводников пытался разузнать у командиров, правда ли, что в других местах Юкатана конкистадоры и монахи собирают и жгут книги майя.

Я вскочил с дивана и бросился в комнату, где на рабочем столе лежала стопка листов с напечатанной на них моей личной копией перевода. Нужный отрывок нашелся сразу же: «...сообщил, что в некоторых областях, в частности

в Майяпане, Яшуне и Тулуме, испанские солдаты жгут индейские книги и идолов. И что этот Эрнан Гонсалес спросил меня, почему они так поступают, и нет ли похожего приказа у меня. И что хотя я и догадывался теперь, зачем брат Диего де Ланда отрядил нас в этот поход...»

Теперь в построении гипотез больше не было никакой необходимости. Оставалось только прочитать у Ягониэля пассажи, рассказывающие о великом сожжении в Мани. Как же я не вспомнил об этом и просто не сопоставил факты, еще когда нашел упоминание о том злополучном аутодафе у Кюммерлингга?

«По словам самого брата де Ланды, об уничтожении всех индейских идолов и священных книг он задумался в июне, а именно в день, когда у ключника монастыря св. Михаила-архангела в Мани сорвались с цепи и сбежали его собаки. Отправившись на розыски, этот индеец настиг своих собак в небольшой пещере неподалеку от монастыря. Псы лаяли, остановившись перед низким и тесным проходом, которого ключник сначала не заметил. Движимый любопытством, он решился проникнуть внутрь и, пройдя некоторое расстояние, вышел в помещение, где стояли деревянные и каменные статуи, изображающие индейских богов, измазанные свежей кровью. Были там и другие признаки того, что совсем недавно в пещере проводились религиозные церемонии. Обо всем увиденном этот молодой крещеный индеец честно сообщил настоятелю.

Узнав, что пятнадцать лет спустя после прибытия в эти земли миссионеров аборигены продолжают поклоняться своим идолам всего в нескольких шагах от католических храмов и, возможно, совершают даже, как и раньше, человеческие жертвоприношения, Диего де Ланда пришел в неистовство. Обсудив положение с другими францисканцами и с гражданскими властями, он решил раз и навсегда покончить с язычеством во вверенных ему областях. Для его искоренения брат де Ланда не видел средства более надежного, чем уничтожение объектов поклонения и памяти о них, и потому приказал свезти в Мани со всей округи идолов, книги, написанные на оленьей коже и коре, и многое другое. Неполный перечень предметов, оказавшихся сваленными на главной площади Мани 12 июля 1562 года, был опубликован в XIX веке испанским ученым, доктором Хусто Сьеррой. Доктор говорит о 5 тысячах идолов различных форм и размеров, 13 больших камнях, используемых в качестве алтарей, 22 небольших камнях, покрытых иероглифами, 27 свитках, также содержащих иероглифы и знаки, и 197 ритуальных сосудах. Есть все основания полагать,

что на самом деле инквизиции удалось наложить руку на куда более значительное количество таких предметов, и в особенности книг. Но сколько бы их ни было, все они в памятное утро 12 июля 1562 года были разбиты и сожжены. Одним выверенным ударом францисканскому монаху Диего де Ланде удалось обратить десять веков истории великого народа майя в пыль и пепел.

Урон, нанесенный братом де Ландой науке, столь же неизмерим, как безгранична та брешь, которая образовалась из-за него в культурной сокровищнице человечества. Достаточно только сказать, что из-за своего фанатичного рвения к чистоте веры Ланда и его приспешники сумели истребить почти все летописи майя, наравне с религиозными книгами и литературными произведениями. Всего три майянских рукописи пережили эту катастрофу. Сегодня они известны как кодексы — Парижский, Дрезденский и Мадридский, именуемые так по названиям городов, в библиотеках которых они хранятся. Еще одним важным памятником являются книги «Чилам Балам», написанные в XVI веке на языке майя, но латинскими буквами. Разумеется, остаются и надписи на стеллах и архитектурных памятниках, которые все еще стоят нетронутыми в джунглях Юкатана, однако нет никаких сомнений в том, что большая часть знаний, которые содержались в сожженных книгах, утеряна для человечества безвозвратно.

Что двигало Диего де Ландой и можно ли его судить за то, что он сделал? Надо помнить, что когда францисканцы высадились в Центральной Америке, называемой тогда Вест-Индией, индейские племена, жившие в этих землях, часто держались очень жестоких верований. Может быть, это в большей степени касается воинственных ацтеков, чем племен майя, но почти во всех культурах Центральной Америки были широко распространены человеческие жертвоприношения, которые у ацтеков достигали пугающего размаха, а также ритуальное самоуродование и членовредительство. А если к тому же принять в расчет малоприятные и иногда откровенно страшные изображения индейских богов, становится неудивительно, что эти религии должны были казаться христианским священникам сатанинскими культурами, а все те божества и обожествленные герои, которым поклонялись майя и другие народы Вест-Индии, францисканским монахам однозначно представлялись демонами.

Таким образом, пытаясь выкорчевать язычество среди аборигенов, брат де Ланда был полностью убежден, что сражается с чистейшим на земле проявлением зла. Кроме того, немаловажно отметить, что обратившиеся в католичество индейцы были намного надежнее и покладистее тех, кто упрямо продол-

жал исповедовать веру своих отцов. Насаждая христианство, испанцы упрочили свое положение как колонизаторы.

Было бы слишком наивно считать, что на кострах горели только книги и идолы. Достоверно известно, что тех аборигенов, которые не желали отказываться от своих верований, пытали и жестоко избивали, и многих из них ждала страшная смерть.

Любопытно другое. В короткое время, прошедшее после завоеваний Кортеса, испанское общество неясным образом достигло той стадии моральной эволюции, которая предполагала рефлексию и раскаяние в содеянных грехах, даже если средства были оправданы целью. Коснулось это и Конкисты — многие влиятельные мыслители и богословы того времени считали, что испанцы не имеют права подчинять себе, поработать и угнетать народы на открытых ими континентах, видя в аборигенах бессловесный скот, а не равных себе человеческих существ.

Именно поэтому, когда до Короны дошли слухи о жестокостях, которые учиняет в своей вотчине брат де Ланда, того вызвали для разбирательств в Мадрид. Спасло исамальского настоятеля только то, что Генерал францисканского ордена лично выдал ему бумагу с подтверждением инквизиторских прав де Ланды, которыми тот изначально не располагал. Процесс по его делу продолжался несколько лет и закончился оправданием де Ланды. В эти-то годы обвиняемый и начал писать свою этнографическую работу «Сообщение о делах на Юкатане», спустя столетия прославившую его на весь мир.

Злые языки утверждают, что он создал ее исключительно для того, чтобы обелить себя и оправдать свои деяния. Другие думают, что брат де Ланда раскаялся в том, что сотворил, и попытался возместить причиненный ущерб, собрав и записав все сведения о майя; как бы то ни было, сему делу он посвятил остаток своей жизни»

Э.Ягониэль расправился с мучившими меня загадками с той же легкостью, с какой Диего де Ланда Кальдерон стер память о целом тысячелетии, полном удивительных свершений, кровопролитнейших войн и невероятных потрясений. Настоятель Исамальского монастыря, как он и сам объяснял автору дневника во второй главе, стремился обессилить местные культы и обезопасить испанские колонии.

Открыв тем июньским днем, что чуть ли не под распятием церкви в Мани неблагодарные индейцы все еще приносят жертвы деревянным кумирам, он понял, насколько хрупко положение и его ордена, и его соотечественников в Юкатане, и принял единственно возможное и верное решение.

Проводники отправленного им на юго-запад отряда в этом случае действительно просто оберегали идолов и книги своего народа, так как кое-где монахи их уже жгли. Никаких сказочных сокровищ, сплошная геополитика и религиозный фанатизм. Во всей этой истории, вдруг ставшей такой ясной и незамысловатой, меня продолжал тревожить только один вопрос.

Если существование языческих капищ в Мани обнаружилось в июне и именно тогда брат де Ланда задумался впервые об истреблении индейских идолов и книг, как же могло получиться, что он отправил мой отряд в секретную экспедицию, явственно приуроченную к аутодафе, за целых два месяца до этого?

(La Fiebre)

La Fiebre

В том, что поручение у отряда было секретным, сомневаться не приходилось. Я внимательнейшим образом прочитал все, что Э.Ягониэль имел сказать по поводу аутодафе в Мани, но нигде не смог найти какого бы то ни было упоминания о том, что Диего де Ланда пытался подготовиться к нему раньше июня. Несколько костров в разных селениях, в которых сожгли с десятков идолов, не имели никакого отношения ни к истории с большим аутодафе, ни к самому де Ланде. Разумеется, он знал об этих происшествиях, но прямых приказов не отдавал.

Если же предположить, что мантию инквизитора настоятель монастыря св. Антония в Исамале примерял на себя еще задолго до случая с ключником и его псами... Воспользовался ли он им просто как предлогом для начала наступления на язычников? Инсценировал ли он его сам? Тогда вполне можно было допустить и то, что причины, изложенные им командирам моего отряда, тоже являлись всего лишь отговорками. Солгавши единожды, кто тебе поверит? Фигура брата де Ланды казалась мне все более неоднозначной.

Опасаясь пускаться в построение паранойяльных гипотез без наличия серьезных доказательств, я решил остановиться на той версии, что де Ланда действительно просто заботился о вере и отечестве, а свою операцию спланировал еще задолго до лета 1562 года, дожидаясь только, пока все будет готово и появится повод для начала «военных действий». Я даже не исключал, что вся история с монастырем св.Михаила-архангела и его любопытным ключником

была частью этого плана и о существовании некоей пещеры с идолами брату де Ланде было прекрасно известно и раньше, но он приберегал ее до нужного дня.

Поскольку сам де Ланда предпочитал отмалчиваться, а Ягониэль считал вопрос исчерпанным, у меня оставалась только одна надежда найти объяснение этому несоответствию. Я должен был заполучить следующую главу дневника и перевести ее.

Ни утром, ни днем заснуть мне так и не удалось, хотя я честно отлеживался в кровати с закрытыми глазами. Не знаю, что больше мне мешало забыться — то ли, что мое бедное тело окончательно запуталось в часах, отведенных ему на сон и на бодрствование, или же лихорадочные мысли, несущиеся со всех сил, словно зверек в колесе, но не находившие выхода и остававшиеся на месте.

Тем не менее, на вылазку в контору я решил только после обеда. Слово на рыбалке, я боялся спугнуть заветную рыбину излишней суетой. Чем докучать надменному хлыщу за компьютером, лучше чуть подождать... Пусть каждая минута терпения дается мне с трудом, пусть нужно все время отвлекать себя от желания встать и пойти наконец в треклятое бюро, зато за эти шестьдесят секунд возрастает вероятность того, что кожаная папка с новым заказом уже будет ждать меня там. Вынимать сети, чтобы поглядеть, кто в них заплыл, я отправился часа в четыре, хотя изначально собирался сделать это буквально перед самым закрытием бюро.

В последние дни сильно похолодало, и дожди шли все реже, но сейчас случился как раз один из тех пасмурных вечеров, когда свинцовые капли, падающие со свинцового неба, обещали неминуемый ливень. Зонта я с собой, как назло, не захватил.

За полсотни шагов до конторы меня вдруг охватило нехорошее предчувствие. Больно кольнуло в виске, и я отчего-то подумал, что никакой главы сегодня не получу. Дорого бы я теперь отдал, чтобы все ограничилось только этим.

Когда я приоткрыл дверь и проскользнул внутрь офиса, сотрудник бюро вздрогнул так, будто увидел привидение. На нем просто лица не было: глаза нервно бегали по сторонам, руки бессмысленно ворошили кипу бумаги, сваленную на столе, а волосы были всклокочены.

— Что с вами? — спросил он меня.

— Со мной? — опешил я, собираясь задать тот же вопрос ему.

— Вы себя в зеркале видели? Нет, серьезно, у вас все в порядке?

Нешуточная тревога, которая послышалась мне в его голосе, заставила меня подойти к окну и взглянуть мельком на свое отражение. В зеркало я не смотрелся уже довольно давно. Последние бессонные дни сказались на моей внешности не самым лучшим образом: глаза ввалились, подбородок и щеки покрыла растущая клочками щетина, да и о прическе я, естественно, тоже не подумал.

— Плохо спал, — признался я, вернувшись к его столу.

— Понимаю, — заверил меня клерк. — Ну а вообще... Ничего такого... Плохого... — он осторожно, как нащупывающий дорогу сапер, подбирал верные слова, стараясь не сказать слишком много.

Наткнувшись на мой подозрительный взгляд, он умолк в нерешительности, а потом, собравшись все-таки с духом, разом закончил:

— Ничего странного с вами не происходило в последнее время?

— Что вы имеете в виду? — я изобразил на лице наивное недоумение, насколько мне это позволяли моя сомнительная щетина и глаза разбуженного в неурочный час вампира.

— Ну и слава богу, — он предпочел не вдаваться в подробности. — Неважно, это все ерунда... — его блуждавшие зрачки остановились на какой-то отдаленной точке в пространстве и расфокусировались, он замолчал.

— Я вообще-то зашел узнать, нет ли у вас следующей части этого заказа, помните, архивные материалы, — подождав с минуту, сказал я.

Он снова дернулся, словно дотронулся до обнаженного электропровода, и уставился на меня так, как будто видел впервые.

— Следующей части заказа, — повторил я, надеясь, что моя настойчивость все же выведет его из этого околкоматозного состояния.

С ним явно недавно случилось что-то очень неприятное, но мое любопытство было приглашено чудовищной усталостью и желанием во что бы то ни стало заполучить следующую главу книги, поэтому пускаться в расспросы я не стал.

— Нет! — выпалил он.

— И вы даже не знаете, когда приблизительно будет? — кусая губу, спросил я.

— Больше не будет. Мы больше не работаем с этим заказчиком, — моргнув, медленно, словно слова давались ему с большим трудом, выговорил клерк.

Перед моими глазами вспыхнули маленькие звездочки, и пол поехал в сторону, пытаясь свалить меня с ног, так что мне пришлось ухватиться за прилавок. Глубоко вдохнув, я тряхнул головой и постарался собраться с мыслями.

— То есть как это не работаете?

— Вообще. И вам не советую. Сегодня милиция приходила, — он снова задумался.

— Причем здесь милиция? — подхлестнул его я.

— И не просто милиция, а уголовный розыск. Начали расспрашивать, какими переводами мы занимаемся, так все издалека, не бывает ли каких-то непонятных заказов, может быть, оборонных документов, или еще чего-нибудь в этом роде...

— Кто же сдает секретные бумаги переводить в обычные бюро? — я улыбнулся, рассчитывая немного разрядить атмосферу, но он вовсе не был настроен на веселье; а может, улыбка на моем изможденном лице выглядела так зловеще, что производила обратный эффект.

— Я то же самое сказал. Тогда они стали допытываться, как давно у нас работал наш испанист, что за человек он был, общались ли мы с ним не по работе, насколько быстро он обычно возвращал готовые переводы, не было ли к нему нареканий у заказчиков, и так далее.

— С ним все-таки что-то случилось, с вашим испанистом? — наконец догадался я.

— Пропал без вести. За день до того, как вы пришли за второй частью перевода.

— И что милиция говорит?

— Но я это только вам, конфиденциально, хорошо? И то потому что вы к этому отношение имеете. Вообще-то оперуполномоченный меня тут заставил расписку дать... — рассеянно сказал клерк. — Ну да ладно, вы же не станете... В общем, жил этот переводчик один, поэтому в тот же день его не хватились. Через некоторое время родные стали дозваниваться — к телефону никто не подходит. Пришли домой — дверь не заперта, имущество нетронута, а человека нет. Милиция сразу не стала заявление о пропаже принимать, они обычно с такими делами неделю ждут, вдруг сам объявится. Не объявился.

— Ну, а при чем здесь вы и я?

— Основная версия — работа. Личной жизни у него никакой не было, врагов тоже, должен он никому не был, ограбить его не ограбили, деньги и вещи все на месте... Почти все.

— Что значит «почти»?

— Когда я этому оперу сказал про его последний перевод... Нет его там, вот что. Только человек исчез и папка эта проклятая. И никаких следов. Вот они от меня и добивались — кто заказывал, как выглядел, почему столько платил, что было в папке.

— И что?

Он долго не отвечал, с сомнением оглядывая меня, а потом, понизив голос, сказал:

— Я про вас им ничего говорить не стал, учтите. С вами же все в порядке... А мне неприятности не нужны. Они тут и так собираются наблюдение устанавливать, среди клиентов уже слухи поползли из-за всей этой чертовщины. Так что вы больше сюда не ходите, пока не уляжется. Может, они его найдут...

Рассказанная им история меня не испугала. Мало ли что с человеком могло случиться? Вышел из дома за сигаретами, попал под автобус. Лежит себе где-нибудь тихонечко с биркой на большом пальце ноги. При чем тут моя книга?

— А у вас не осталось никакой информации об этом клиенте? Бланк заказа или, может, визитка с адресом? — мне уже было все равно, посчитает ли клерк подозрительным мой чрезмерный интерес к работе, или нет.

— Оставалось, но милиция все изъяла, — нахмурившись, отозвался тот, — вы же не собираетесь...

— Но вы хотя бы можете сказать, как он выглядел, этот заказчик? — я уже и сам не знал, зачем мне это было нужно.

— Пожилой такой, в очках, интеллигент... Ничего особенного, — клерк вытер вспотевший лоб тыльной стороной ладони. — Господи, да зачем вам это? Не караулить же вы его будете? Он сюда, может, не придет больше никогда. Вчера сразу после вас заходил, папку забрал, а новой не оставил.

— А передать ничего не просил? Помните, в прошлый раз он говорил — хорошо, мол, что рукопись у меня оказалась. Может, еще что-нибудь в таком же духе? — я искал любую зацепку, не желая расставаться с надеждой добраться до продолжения дневника.

Он некоторое время колебался и несколько раз даже приоткрывал рот, словно собираясь что-то сказать, но в конце концов только отрицательно помотал головой.

— Мне, наверное, в милицию надо обратиться, сообщить им про мой заказ, — аккуратно запустив пробный шар, я постарался придать лицу встревоженное выражение. — Раз тут такое дело... Зря вы им сами сразу все не сказали, теперь и к вам вопросы возникнут.

Я притворно вздохнул, украдкой выглядывая в его перекосившихся чертах признаки скорой капитуляции. Разумеется, о том, чтобы самостоятельно отправляться к следователю, не было и речи, но несговорчивость клерка подталкивала меня к шантажу.

— Конечно, понимаю вас, — мягко добавил я, — репутация фирмы поставлена на кон, работу можете потерять...

— Да дьявол с ней, с работой, — не выдержал он. — Мне ведь этот старик запретил о вас говорить! Заказчик ваш. Прямо перед уходом, словно знал, что на следующий день милиция заявится.

— И что же вы, старичка послушали, а уголовный розыск не послушали? — удивился я.

— Вам этого не понять, — его глаза уткнулись в стол, а руки снова зарылись в ворох бумаг. — Он *так* это сказал, что послушаться нельзя было... Страшно так сказал...

Больше мне не удалось выдавить из него ни слова. На все мои вопросы и понукания клерк только мелко тряс головой и что-то невнятно шептал, кажется, заново переигрывая свои разговоры с заказчиком и со следователем. Я бесплодно пытался представить себе, чем предположительно тихий, интеллигентного вида старичок сумел так напугать этого самоуверенного типа.

Отчаявшись добиться от него объяснений, я зло хлопнул дверью и вышел наружу.

Возвращаться домой не хотелось. Хотя я оставался на ногах уже почти сутки и давно следовало лечь спать, стоило представить себе возвращение в квартиру, гулкую пустоту которой я и сегодня не мог заполнить работой, как мне делалось до того тоскливо, что я предпочел шататься по улице, пока меня держали ноги.

Никакой определенной цели или маршрута у меня не было; я больше смотрел себе под ноги, чем по сторонам, отчего несколько раз налетал на возмущенных прохожих, и старался забраться как можно дальше в самые глухие переулки, какие еще только остаются в центре Москвы. Я брел и брел, не об-

ращая внимания на пронизывающий ветер, на начинающийся дождь; тем временем смеркалось — и снаружи, и в моей душе. Дома стали все больше походить один на другой, сливались в сплошную стену, улица обращалась заколдованным ущельем, и серая полоска неба над головой все больше темнела. Почему-то люди, жившие в этих домах, не спешили зажигать свет, их окна оставались слепыми и черными; это было противоестественно, и мне становилось все более неуютно.

Мне почудилось, что стены этого ущелья, как в древнем мифе, начали сходить и могут схлопнуться в любой момент, растерев меня в порошок. Подчиняясь безумной мысли, что мне необходимо успеть проскочить между ними, я шагал все быстрее, потом перешел на бег. Пальто расстегнулось, косой и жесткий ноябрьский ливень ударил меня прямо в грудь, а ледяной ветер облепил рубашкой мокрое тело. Но я не стал застегиваться, я боялся остановиться и бежал, пока не увидел вдалеке несколько горящих окон. Дождь заливал мне глаза, и преломленные водными линзами сияющие точки играли, переливались, превращались в звезды, указывавшие мне путь.

Когда я наконец добрался до здания со светящимися окнами, то понял, что стою перед той самой детской библиотекой, в которой размещалось теперь мое переводческое бюро. Дорога домой отсюда мне была знакома. Простояв на пороге конторы минут десять, я наконец пришел в себя, запахнул пальто, и, ссутулившись, побрел к себе.

Хотя, отперев входную дверь тяжелым медным ключом, я первым делом отправился принимать горячую ванну, уберечься от болезни мне не удалось. Всю ночь меня преследовали душные видения: я то оказывался под палящим солнцем в бескрайней пустыне, в которой, сколько ни иди по раскаленному песку, не получается сдвинуться ни на шаг вперед; то вдруг вяз в болоте посреди тропического леса. В один из особенно страшных моментов, когда мне начало казаться, что воздух в этом мире скоро закончится и я непременно умру, кошмар чуть ослабил свои тиски, и я, задыхаясь, с трудом выплыл из пучин сновидения на поверхность.

Постель была мокрой насквозь. Меня била дрожь, лоб горел, а в горле пересохло. Собрав все оставшиеся силы, я еле откинул придавившее меня одеяло и несколько долгих минут просто лежал на кровати, не в состоянии подняться на ноги. В ушах мерно стучала кровь, и звук ее биения рисовал в моем воображении роты солдат, маршем проходящих мимо трибуны, с которой я принимал парад. Стоило мне прикрыть глаза, чтобы получше рассмот-

реть это призрачное воинство, как водоворот сна опять затянул меня с головой.

В следующий раз я очнулся от сильнеешего холода, который пронизывал все мое тело. Озноб колотил меня так, что нелегко было даже поднести ко лбу руку, чтобы проверить температуру. Я попробовал было дотянуться до пола и подобрать сброшенное одеяло, но достать его никак не получалось. Пришлось пойти на риск: устроившись на самом краю кровати, я качнулся и свалился вниз. Теперь выбора у меня больше не оставалось: чтобы не провести остаток ночи на холодном паркете, надо было заставить себя встать и, нащупав одеяло, по меньшей мере, укрыться снова, а если получится — то и выбраться на кухню за аспирином.

Однако все произошло совсем иначе, чем я предполагал. Когда я еще стоял на четвереньках на полу, пытаясь нашарить в кромешной темноте невесть куда запропастившееся покрывало, в глубине комнаты мне послышался чей-то отчетливый вздох.

Окна оставались плотно зашторены, небо было совсем черным из-за пасмурной погоды. Было, наверное, четыре или полпятого ночи — глухое время, когда последние гуляки уже разошлись по домам, а честные труженики досыпают в своих койках последние сладкие часы, фонари погашены, и улицы города пусты, как при чумном карантине. В комнате моей царил полный мрак, который растворил в себе и очертания мебели, и черный прямоугольник прохода в коридор, и пол, и потолок со стенами. Поэтому разглядеть того или то, что находилось, если полагаться на слух, всего в нескольких шагах от меня, не было никакой возможности.

При всей невероятности услышанного мной звука, мной овладела полная уверенность в том, что он мне не почудился. Я прижался спиной к кровати и, боясь быть застигнутым врасплох, выставил вперед руки. Потом сглотнул и хриплым голосом (лишь бы он не сорвался в истерический визг!) спросил:

— Кто это?

Сейчас я понимаю, что всерьез рассчитывал услышать ответ. Вздох был настолько *настоящим*, что я не стал даже задаваться вопросом, как неведомый гость сумел проникнуть незамеченным в мою квартиру, а просто воспринял это как данность. Я так и сидел на полу, слепо поводя перед собой дрожащими от усталости и напряжения руками, сдерживая рвущееся из груди дыхание и напрасно вслушиваясь в тишину. Больше не раздалось ни единого шороха; но только проведя в такой нелепой позе еще добрых десять минут, я

смог убедить себя в том, что послышавшийся мне звук был, очевидно, оставшим кусочком сна. Это помогло мне набраться храбрости и, поднявшись наконец с пола, на ощупь найти кнопку настольной лампы. Вспыхнувший свет еще раз доказал, что мое воображение просто разыграло меня. В комнате никого не было. Решительным броском я достиг настенного выключателя и на трясущихся ногах осмотрел всю квартиру, особенно внимательно изучив то место, откуда, как мне казалось, шел звук.

Удостоверившись, что во всем доме, кроме меня, больше никого нет, я уселся на кухонном диване и достал из буфета хранившуюся там коробку с лекарствами. С торчащим из подмышки градусником я ворошил белые бумажные упаковки и тюбики с таблетками, пока не обнаружил быстрорастворимый аспирин и еще что-то жаропонижающее. Столбик ртути вплотную подполз к отметке в сорок градусов и лишь там задержался; положение было серьезным, так что на всякий случай я выпил и шипучий аспирин, и другую таблетку. Сырая вода из-под крана отдавала ржавчиной и хлоркой, но я глотал ее так жадно, что не обращал внимания на тонкие струйки, стекавшие вниз по подбородку. Только утолив жажду и утираясь рукавом халата, я вспомнил кадры из какого-то фильма, в котором скитающийся по пустыне странник так же яростно набрасывался на источник в случайно встретившемся оазисе. Что ж, этой ночью я тоже бродил по барханам...

Набрав про запас большую кружку воды и так и не погасив свет на кухне и в прихожей, я вернулся в постель. К утру температура немного спала, но еще больше недели я не отваживался выходить на улицу дальше продуктового магазина под домом. Даже эта скромная экспедиция требовала от меня столько усилий, что всякие мысли о возвращении в переводческую контору немедленно вызвали слабость в коленях и легкую тошноту.

Хотя я говорил себе, что причиной обрушившейся на меня болезни была злополучная прогулка под дождем, тоненький голосок в моей голове не переставал твердить, что дело было совсем не в этом. Предположить, что меня подкосило известие о том, что продолжения дневника конкистадора я больше никогда не увижу, моему разуму было смешно, однако полностью отрицать это я бы не решился.

Если это и была простуда, то крайне необычная: ни кашля, ни насморка, ни других наиболее ожидаемых ее симптомов я так и не дождался. Вместо это-

го каждый вечер меня продолжал мучить жар, а днем его сменяла противная слабость. Я бы, наверное, заподозрил неладное и обязательно обратился к врачу, но трудно дававшееся дыхание и свистящий хрип, с которым воздух выходил из моих легких, добавляли этой болезни сходства с бронхитом, которым я часто страдал в детстве.

Тому, у кого нет постоянного места работы, нет нужды оправдываться перед нанимателем за отсутствие из-за недомоганий, а значит — не имеется и веской причины идти к врачу. Я решил положиться на свои собственные лекарские способности и в течение недели с лишним методично переводил запасы аспирина и горчичников. Днем все больше сидел на кухне, соорудив себе из нескольких пледов уютное гнездо и переставив чайник в пределы досягаемости. Ночью, когда глаза уже сами начинали закрываться, прокрадывался в комнату, где еще немного читал в постели, прежде чем в последний раз подозрительно оглядеться по сторонам и выключить свет.

Снова и снова обдумывая то, что со мной произошло в вечер, когда бюро переводов отказало мне в продолжении работы над дневником, я понимаю, что именно тогда было положено начало странным явлениям, увлекшим меня в последующие дни и недели. Поэтому я с такой подробностью рассказываю о вещах, казалось бы, столь бессмысленных и недостойных внимания, как мои сны или глупые страхи.

По здравом размышлении не могу сказать, что история с пропажей моего предшественника не произвела на меня никакого впечатления. В первый же вечер думать об этом у меня не было ни сил, ни желания. Известие о том, что мои приключения с дневником подошли к концу, до того опустошило меня и привело в такое отчаяние, что я, считавший себя человеком спокойным, рассудительным и даже где-то флегматичным, в итоге несколько часов прослонялся под дождем в типичнейшем нервном припадке.

Трудно объяснить, почему старое испанское повествование так околдовало меня; для этого пришлось бы слишком долго описывать мою прежнюю жизнь, скучную, одинокую, лишённую смысла и приключений. В тот момент, когда дневник конкистадора впервые попал мне в руки, я почувствовал, что случайно оказываюсь в эпицентре каких-то удивительных событий. Они явно не принадлежали к моему пыльному миру, но тем решительнее я был намерен за них цепляться — ведь они могли позволить мне хотя бы ненадолго вырваться из рутины. Даже если бы автор дневника и не заманивал читателя щедро рассыпанными среди строк его творения обещаниями неких тайн, я все равно бы, на-

верное, с таким же рвением переводил его главу за главой и с тем же нетерпением бегал, как мальчишка, в бюро за продолжением. Мысли же о том, расшифровывая его записи, я причащаюсь этих тайн и, может, переживаю самое увлекательное приключение, на которое я мог рассчитывать в своей унылой жизни, делали расставание с выполняемой работой совершенно невыносимым.

Когда чертов испанист исчез, а сотрудник конторы в полной уверенности, что вся эта история связана с моей книгой, чуть ли не в истерике отправил меня вон, я еще долго обдумывал случившееся. Сначала мне казалось, что напугать и заставить меня отказаться от перевода дневника клерку не удалось. Если все эти события действительно были связаны с книгой, это только придавало исключительности ей, а значит, и всему, что со мной творилось.

Однако не все было так просто. Я мог сколько угодно играть в отважного маленького исследователя, но слуховые галлюцинации никогда прежде не свергали меня в такое жалкое состояние, как в ту ночь, когда мне почудилось чье-то присутствие в моей комнате. Какая-то часть меня уже поверила клерку, и отныне я был готов к любым опасностям. Но все же заставить меня отказаться от продолжения работы эти страхи не могли. Риск только подчеркивал важность и серьезность происходящего.

Ставки повышались.

Беда была в другом: оставшись безо всяких следов своего заказчика, я терял надежду на то, что еще смогу когда-нибудь увидеть продолжение.

В жизни я часто использую одну небольшую хитрость: если мне придется чего-то сильно хотеть и ожидать, я заранее говорю себе, что ничего у меня не выйдет и все мои чаяния, как обычно, завершатся полным крахом. С одной стороны, это позволяет мне заранее приучить себя к мысли о невозможности воплощения этого желания и при помощи такой прививки смягчить разочарование, если события действительно станут развиваться неблагоприятно. С другой, настраиваясь на неудачу, я как будто пытаюсь заговорить себя от нее; получается своеобразный сглаз наоборот. Так я решил поступить и на сей раз.

Убеждая себя в том, что книги мне больше не видать, я находил даже некоторую пользу в своей болезни. Слабость тела не позволяла мне уступать слабости душевной и бесконечно возвращаться в бюро, веря, что вопреки всему в один прекрасный день следующая глава все же окажется там.

Однако расстаться с Юкатаном было, признаться, не так уж легко, а сделать это сразу казалось мне делом и совсем невозможным. Я старался постепенно снизить дозу, потягивая на кухне чай с вишневым вареньем и штудирюя обе купленные книги в поисках ответа на интриговавший меня вопрос об аутодафе.

В один из таких тихих вечеров я сделал пугающее открытие. В глоссарии труда Э.Ягониэля обнаружилось, что брат Диего де Ланда в книге упоминается в двух разных местах. Раньше же мне казалось, что, просмотрев всю книгу, я заметил только один раздел, посвященный юкатанскому епископу. Вторая ссылка указывала на страницу в совершенно другой части тома, но я поначалу не придал этому значения.

Раскрыв книгу в нужном месте, я не поверил своим глазам. Это был плотный, почти как ватман, лист мелованной бумаги, прикрытый сверху тончайшей вуалью из полупрозрачной кальки. Именно с таким пиететом преподносили самые важные иллюстрации в многотомных советских энциклопедиях пятидесятих годов их издатели. Я аккуратно отвернул листочек кальки и обмер: из книги прямо мне в глаза пристально смотрел Диего де Ланда собственной персоной.

Словно ожегшись, я оттолкнул том от себя.

Конечно, ничего удивительного в том, что в такой книге тоже имелась иллюстрация, не было. Но я держал Ягониэля в руках далеко не в первый раз, уже неоднократно пролистывал том насквозь и был готов поклясться, что раньше эта вставка в нем попросту отсутствовала. Проглядеть ее я не сумел бы при всем желании: в книге встречались другие рисунки, но все они были сделаны на обычной бумаге, точно такой же, на какой был напечатан текст. Толстый, чуть ли не картонный лист, да еще и снабженный накладкой из кальки, выделялся из общей массы страниц. Теперь я не мог понять, как мне удалось пропустить его раньше: стоило только посмотреть на срез бумаги сбоку книги, как белое вкрапление сразу бросалось в глаза.

В голову сразу полезли суетливые и липкие мысли о дьявольщине, и я даже всерьез задумался, не вышвырнуть ли Ягониэля в окно, от греха подальше. Но соблазн как следует рассмотреть таинственного францисканца оказался слишком велик, и я со смехотворной осторожностью, стараясь не прикасаться к книге руками, приблизился к настоятелю исамальского монастыря.

Его портрет занимал всю страницу. Это была репродукция писанной маслом картины. Краски эти как нельзя лучше подходили для изображения Диего де Ланды: холодный блеск в его глазах вышел у художника до того натурально, что оторваться от тяжелого взгляда настоятеля было невероятно трудно.

Есть портреты, которые ловят того, кто их рассматривает, и уже не отпускают его. Неважно, с какой точки глядеть на такие полотна — люди на них, кажется, всегда смотрят вам прямо в глаза, отчего предстают живыми. Это, к примеру, справедливо насчет Джоконды, но и другие работы Леонардо иногда украдкой наблюдают за музейными посетителями. Впрочем, да Винчи не один такой: где-то я читал про малоизвестного испанского художника, которого обвиняли в связях с сатаной и чуть ли даже не сожгли, до того похоже выходили у него портреты. Хотя нет, дело было в другом: изображенные на них люди вскоре умирали, зато на его картинах оставались совершенно как живые... Некоторые даже, по-моему, верили, что можно надеяться на вечную жизнь, пожертвовав своей брэнной оболочкой и переселившись на один из волшебных холстов, так что очередь заказчиков к этому мастеру никогда не редела. Жаль, не помню, чем закончилась эта красивая история, которая, наверное, и вдохновила Уайльда на создание его собственного Портрета. Любой полинезийский абориген не сочтет ее смешной или неправдоподобной: если я ничего не путаю, они до сих пор отказываются позировать и даже сниматься на пленку, боясь, что их изображение отнимет у них жизненную силу. Как бы то ни было, несколько скверных маленьких репродукций с портретов того художника, сопровождавшие текст, поражали воображение. Помню, я решил тогда непременно отправиться в Испанию, чтобы взглянуть на них вблизи. И, как обычно, не только не собрался, но и в конечном итоге позабыл имя мастера; постепенно изначально яркое впечатление и вызванное им любопытство поблекли и затерлись среди новых переживаний.

Однако при виде портрета Диего де Ланды я немедленно вспомнил эту историю — может быть, оттого что картина была чем-то похожа на виденные мной тогда отпечатки. Не берусь утверждать, что она принадлежала кисти договорившегося с дьяволом живописца, но магическими свойствами она обладала в такой же степени. Брат де Ланда художнику удался: он был настолько живым, что я даже раскаялся в своей лени, помешавшей мне усерднее учить испанский: заговори сейчас со мной портрет настоятеля, я даже не смогу ответить ему ничего вразумительного.

Помимо всего прочего, картина была престранной. Классическая традиция, в которой она была выдержана, не допускает легкомыслия — довольно взглянуть на полотна Веласкеса, чтобы это понять. Бледные восковые лица и белые кружевные воротники остаются единственными пятнами света на таких портретах; остальная часть холста обычно бывает утоплена в сумраке. Какое-либо выражение на этих лицах отсутствует, они бесстрастны, как посмертные маски; послабления эта школа делала только детям, которым изредка дозволялась озорная улыбка. Без сюрпризов обходилось и во всем, что касается поз, в которых изображались люди.

Поэтому портрет францисканца казался такой же искусной подделкой под работу этой школы, как вся книга Ягониэля — фальшивкой серьезного научного издания. С точки зрения стиля придраться было не к чему, но вот сам персонаж...

Брат Диего де Ланда был изображен анфас. Все черточки и ложбинки, выписанные мастером с великолепным чувством света и тени, как и напряженный изгиб тонких бескровных губ, и внимательный взгляд двух похожих на черные испанские маслины глаз — все в его лице передавало крайнюю тревогу. Как если бы этого было недостаточно, настоятель поднял руку с вытянутым указательным пальцем прямо перед собой, словно грозя или предупреждая о чем-то.

В целом, он выглядел именно так, как мне его рисовало воображение: высокий лоб, еще больше увеличенный уходящими вверх залысинами, острые скулы, крупный нос с горбинкой, припухшие веки и тени под глазами...

Никаких комментариев под изображением не было. Составитель издания ограничился краткой пометкой «*Диего де Ланда*» и годами жизни юкатанского епископа. Еще больше меня удивило то, что во всей главе, среди которой оказалась затеряна эта иллюстрация, де Ланда ни разу не упоминался. Было совершенно неясно, какой логикой руководствовался составитель, помещая портрет францисканца именно в этот раздел, посвященный верованиям майя и описаниям некоторых их обрядов.

Озадаченный, я позабыл обо всех суевериях и тщательно пролистал главу от начала до конца. Для случайного читателя она не оставляла сомнений в том, что портрет де Ланды мог попасть сюда только по ошибке типографии или издателя. Но чем дольше я думал о таком загадочном расположении иллюстрации, тем больше мне казалось: францисканец находится тут по прихоти самого автора.

Лист с репродукцией занимал правую часть разворота. Левую заслоняла отвернутая калька, что мешало посмотреть на весь разворот одновременно и связать содержание обеих страниц, поэтому мысль сделать это пришла мне в голову далеко не сразу.

Увиденный мною слева текст я привожу целиком.

«Во время проведения ритуалов, связанных с человеческими жертвоприношениями, жрецу помогали четверо пожилых мужчин, которых, в честь богов дождя, называли Чаками. Каждый из этих Чаков держал за руки и за ноги жертву, помещенную на особый алтарь, в то время как ее грудь вскрывалась еще одним человеком, который носил титул Наком (звание военного вождя). Другим служителем культа был Чилам, своего рода шаман-духовидец, который, находясь в состоянии транса, получал «послания» от богов. Его пророчества обычно интерпретировались собраниями жрецов.

Для человеческих жертвоприношений использовали пленников и рабов, но чаще всего в жертву приносили детей (незаконнорожденных или сирот, которых специально покупали для этой цели). Обряды принесения в жертву именно людей, а не животных, прочно установились на Юкатане вместе с господством воинственного племени тольтеков. Для важных церемоний использовались жертвенники, размещенные на культовых сооружениях — чаще всего храмовых пирамидах.

Проведение всех ритуалов жестко определялось календарем, и прежде всего — календарем 260-дневного цикла. Ритуальные священнодействия были насыщены символическим смыслом. В них, например, очень часто фигурировали цифры 4, 9, 13 и указания на цвета, связанные со сторонами света. Нет сомнений в том, что важнейшие ритуалы были приурочены к наступлению нового года».

Далее автор переходил к рассуждениям о тонкостях соответствий между двумя принятыми у древних майя календарными системами. Тут я быстро увяз, поскольку читать дальше у меня не было никаких сил: в предыдущих трех абзацах я увидел нечто такое, что полностью парализовало мою способность разбираться в тексте и вдумываться в него.

Лаконично набросанный Ягониэлем обряд жертвоприношения полностью совпадал с тем, который я видел в своих кошмарах. Мои мысли бешено закрутились. Мог ли я наткнуться на описание этого страшного ритуала еще до того, как ко мне попал дневник конкистадора? Быть может, ужасающая, но чем-то притягательная картина оставалась в моей памяти с тех пор, как я еще

ребенком прочел какую-нибудь приключенческую повесть об исследовании Южной Америки? Разум заставил меня забыть ее тогда; она провалилась в темный подпол сознания и лишь теперь выкарабкалась наверх по веревочной лестнице, которую ей скинул мой конкистадор... Но разве можно окончательно позабыть нечто, до такой степени напугавшее тебя в детстве?

Было в этих трех абзацах и еще кое-что. «...Которых, в честь богов дождя, называли Чаками...» Где мне встречалось это имя? Не было ли что-то связано с ним во второй главе дневника? Я вскочил с софы и кинулся в комнату, где на столе лежала стопочка моих переводов. Нужное слово оказалось в самом конце: это был неуклюже переданный мной рисунок сказочного уродца, под которым латинскими буквами значилось «Chac».

Я заново перечитал всю главу, и, словно тропический ливень, повелителем которого являлось это божество, меня захлестнуло понимание того, что со мной происходит нечто необъяснимое и зловещее. Все детали истории казались мне теперь взаимосвязанными: и один, преждевременный, тропический дождь, хлынувший на передовой отряд конкистадоров в то самое время, как их товарищей постигла страшная и неизвестная судьба; и другой, припозднившийся, ледяной, который посадил меня под домашний арест, и жертвоприношения, увиденные мною во сне. Я больше не смел сомневаться, что за всем этим стоит некий смысл, пока остававшийся от меня сокрытым.

Искушению я смог сопротивляться еще только пару дней. Стоило мне почувствовать себя получше, как я плюнул на все логические и суеверные построения, оделся потеплее, вооружился зонтом и отправился в свою контору. Настроен я был решительней некуда: или выбью из мнительного клерка адрес и телефон заказчика, или пусть он готовится к объяснениям со следователями.

Однако схватка не состоялась. Бюро оказалось закрыто, и мне потребовалось добрых пять минут, чтобы поверить в то, что я увидел. Окна были мертвы и уже покрылись тонким слоем пыли и грязи. Пыль лежала и на дверном звонке. Замок и ручку двери обвивала проволочка с пластиковой пломбой, а дверь по периметру была обклеена обтрепанными уже бумажками с надписью «Опечатано» и синим штампом Московского уголовного розыска.

(La Obsesión)

La Obsesión

Неужели милиция все же закрыла бюро, как того опасался клерк? Выяснилось, что он чего-то не договаривал, его заподозрили в соучастии и арестовали, а контору лишили лицензии, или что там бывает у переводческих фирм? Просто прикрыли ее, чтобы оказать на него давление? Может, он был никакой не работник, а хозяин конторы? Что еще могло с ней произойти, и главное, зачем было опечатывать офис?

Сквозь пыльные двойные стекла было ничего не разглядеть. Я обошел, воровато озираясь, кругом весь двухэтажный особняк, в котором размещалось бюро, чтобы у каждого окна привстать на цыпочки и попробовать высмотреть, что же творится внутри конторы. С обратной стороны здания я обнаружил небольшую железную дверь — видимо, запасной выход. Она была также запломбирована и оклеена милицейскими печатями.

В нескольких шагах от нее находился вход в подвальное помещение, отданное под кафе. На жестяной крыше, защищающей от дождя десяток ступеней и вход, была установлена вывеска с надписью «Шашлычная Цомпантли. Кавказская и мексиканская кухня». Из приоткрытой двери на лестницу падал узкий клин бледного света и доносились небесные ароматы, от которых у меня сразу разыгралась фантазия, требовательно заняло в животе и свело скулы.

Я и не знал, что в этом строении было еще что-то кроме переводческой конторы. Войдя в роль отважного детектива, я приподнял воротник на паль-

то и стал спускаться по лестнице вниз. Трудно сказать, что подгоняло меня больше — исследовательское любопытство или неожиданно прорезавшийся голод.

Заняв столик, я как можно приветливее кивнул опрятной светловолосой официантке в синем фартуке и пошловатом бумажном чепце и углубился в меню. Названия блюд ласкали глаз, а цены не портили приятного впечатления. На всякий случай сверившись с содержимым своего кошелька, я заказал лобио, шампур бараньего шашлыка и тапас на закуску. Сочетание, что и говорить, было немного странным, но мне случалось комбинировать и суши с борщом, поэтому изображать ценителя настоящих тапас, оскорбленного их соседством с сациви, я не стал.

Принявшись за великолепно приготовленную закуску (в Испании мне побывать так и не удалось, поэтому с тапас в подлиннике поданную мне репродукцию я сравнить не мог) и оглядываясь по сторонам, я приступил к планированию дальнейших действий.

Посетителей в шашлычной почти не было — только за дальним столиком дремал полный усатый мужчина в кожаной куртке. Объяснение у меня этому нашлось только одно: мертвый час, когда обед уже закончился, а до ужина еще остается порядочно времени и по кафе слоняются только бездельники вроде меня. По вечерам здесь наверняка не протолкнуться. Интерьер приятный и спокойный: стены обшиты мореным деревом, под низким потолком — лампы в виде старинных уличных фонарей, официантки вежливые, меню составлено так заманчиво, что хочется непременно попробовать каждое блюдо. Еще час-полтора — сюда нагрянут освободившиеся с работы люди в костюмах, и сквозь гвалт и лязг столовых приборов намеченный мной разговор с работниками кафе выйдет совсем не таким, как мне бы хотелось.

Когда официантка принесла мне лобио, я, скользнув взглядом по табличке на ее груди, спросил:

— Скажите, Лена, а что с вашими соседями случилось? — и мотнул головой в ту сторону, где, как мне казалось, находилась моя контора.

Девушка замерла, моргая огромными серыми глазами, оправленными в удвоенные черной тушью ресницы, и удивленно уставилась на меня. Вообразив, что она решила, будто я интересуюсь ее соседями по дому или, чего доброго, являюсь ее тайным воздыхателем, я поспешил уточнить:

— Я о переводческом бюро, знаете, которое со стороны переулка в этом доме, — чтобы исключить все сомнения, я ткнул пальцем в пол.

Она подтянула губки и подозрительно прищурилась. Стараясь выглядеть расслабленным, я подцепил на вилку немного салата и попытался отправить его себе в рот, но рука подло дрогнула, и кусок курицы смачно шлепнулся на стол. Я потянулся было к салфетке, но официантка оказалась проворнее. Пока она вытирала стол, я, обращаясь к задорному хвостик, в который были собраны крашенные под платину волосы на ее затылке, мямлил:

— Я просто работаю у них... Переводчиком. Болел вот почти две недели, сегодня почувствовал себя получше, прихожу напомнить о себе, а они закрыты и опечатаны. Не знаете, что случилось? Когда откроются?

— А вы газет не читаете? В «Московском комсомольце» полрубрики «Срочно в номер» в позапрошлый четверг про это было, — оторвавшись от тряпки, сообщила она. — Мы даже вырезали специально, хотите, покажу?

Маленький бумажный квадратик, на котором криминальный репортер излагал историю моей конторы, был весь захватан и покрыт сальными пятнами. Видимо, я не единственный интересовался этой историей, и официанткам уже надоело рассказывать ее по десять раз на день. Чтобы не отрываться от работы, они просто совали очередному любопытствующему в руки газетную вырезку.

«Московские убийцы начали похищать трупы», — многообещающе гласил заголовок. Именно из-за таких статей последние десять лет я и не читаю больше этой любимой мной в юности газеты.

«Зверское убийство и ограбление совершено в среду в бюро переводов «Азбука» в Староконюшенном переулке. Неизвестные преступники проникли в офис фирмы «Азбука» и, предположительно расправившись с находившимся в нем сотрудником Семеновым И.П., разграбили бюро. Злоумышленники, вероятно, действовали по наводке и искали документы и деньги. Из офиса пропал ряд бумаг и сейф, в котором хранилась недельная выручка фирмы. Оргтехнику преступники не тронули.

Основной загадкой для следствия остается то, куда убийцы дели тело Семенова И.П. В его смерти милиция не сомневается: на полу обнаружено большое количество крови той же группы, что и у Семенова. По мнению судмедэкспертов, такая кровопотеря несовместима с жизнью. Однако самого трупа на месте преступления не найдено. Ведущие дело сотрудники МУРа считают, что грабители могли забрать его с собой и закопать впоследствии в подмосковных лесах, или утопить в Москва-реке. Однако зачем им потребовалось это делать, милиция пока сказать не может».

— Они разве тут правду напишут? — насмешливо спросил хрипловатый женский голос за моей спиной.

Вздвогнув, я обернулся. Позади меня, опираясь на швабру, стояла уборщица — женщина лет пятидесяти с худым недобрым лицом и седеющими темными волосами.

— Правду? — я поперхнулся салатом и отложил вилку в сторону.

— Правду, правду... Что двери все были изнутри заперты, и ключ в замке с внутренней стороны торчал, что там кровищи натекло литров пять, как будто его всего распотрошили, а труп потом еще десять метров по офису волокли куда-то: след идет-идет, а потом вдруг обрывается... И что у нас теперь из клиентов только милиция и журналисты, — зло бросила она под конец.

— А вы откуда это знаете?

— Я же говорю, они пока тут копались, к нам обедать ходили. Те, что в званиях, конечно, отмалчивались, а вот молоденькие милиционеры, которые охраняли, — им не удержаться... Ленку вон один все обхаживал, так и нарассказал всякого. Так ведь, Лен?

Официантка, которая как раз принесла мне блюдо с шашлыками и жареной картошкой, согласно кивнула, но говорить ничего не стала.

— Так что вот... Приятного аппетита, — заключила уборщица и, громыхая ведром, исчезла в длинном коридоре.

Минут десять я задумчиво тыкал вилкой куски превосходно доведенного, сочащегося мяса и то сгребал в горку, то снова разравнивал по тарелке ломтики картошки. Заставить себя прожевать и проглотить их я не мог: достаточно было даже поднести шашлык ко рту, как у меня начинала кружиться голова и в горле что-то противно тянуло.

Литров пять натекло, повторял я про себя. Как будто распотрошили... Двери все изнутри заперты на ключ. Так сказал, что послушаться нельзя было... Страшно так сказал. Кровавый след на десять метров. Куда? Зачем? Да боже, какая разница, куда! Главное — кто? Именно — «Кто?», поскольку ответ на вопрос «Почему?», мне казалось, я знал, хотя верить в такое и даже думать об этом не хотелось.

Два таинственных исчезновения подряд исключали возможность случайных совпадений. В прошлый раз, во время последнего разговора с клерком, я пытался урезонить себя, успокоиться, доказав, что для меня история, в которую я оказался впутан, не представляет никакой опасности. Испаниста сбила машина? Что же он не запер дверь, выходя из дома за покупками? И

для чего взял с собой папку с заказом? Не закрывая замок, я лично решаюсь дойти только до мусоропровода: Москва город беспокойный, довольно почистить рубрику «Срочно в номер», чтобы почувствовать непреодолимое желание установить двойные стальные двери и не показываться на улицу с наступлением темноты. Больше всего случившееся походило на похищение, причем переводчик должен был добровольно открыть гостям и покорно уйти вместе с ними, не пытаясь даже сопротивляться и не заперев дверь на ключ.

Но если произошедшее с моим предшественником было не так однозначно и ужасно, то судьба, постигшая несчастного клерка, действительно заставляла меня содрогнуться. Ему ведь было известно что-то еще, нечто такое, о чем он не отважился сказать ни следователям, ни мне, вероятно, опасаясь, что его сочтут сумасшедшим. Может быть, изложи он все честно милиции, его бы взяли под охрану... или поместили в психиатрическую лечебницу, перебил я сам себя. По крайней мере, лечебница — закрытое учреждение, проникнуть в нее преступникам было бы куда сложнее, и как знать, мой клерк все еще мог бы быть жив. Маловероятно, настаивал мой внутренний собеседник: злоумышленников, которые просто не пользуются дверьми и окнами, вряд ли смутит охрана и ограда специальной клиники.

— Не нравится? — огорченно спросила у меня официантка, показывая на давно остывший шашлык.

Думая о своем, я мрачно покачал головой, и она вздохнула, наверное, беспокоясь о судьбе своих чаевых.

— Он ведь тут раньше всегда обедал, — с середины своего собственного мысленного диалога вдруг решив его озвучить, сказала официантка.

— Кто?

— Илья... Семенов. Убили которого, — Лена шмыгнула носом. — Он такой хороший был, веселый. Шутил все время, сдачу всегда оставлял.

Я кивнул, пытаясь представить, как этот малоприятный заносчивый очкарик с вечно зализанной челкой мог кокетничать с девушками. Хотелось сказать какую-нибудь колкость, но я вовремя дернул за вожжи, напомнив себе, что с женщинами и у меня самого все складывалось не слишком гладко.

— В тот вечер Илья к нам ужинать пришел, я запомнила, потому что он раньше никогда так поздно не бывал, только в обеденный перерыв. Он же женатый был, дома всегда ужинал... Мы с ним болтали иногда, когда я покурить выходила, — словно оправдываясь, добавила она.

— И что же в тот вечер? — я постарался мягко вернуть ее мысли в нужную мне колею.

— Сказал, что работы много, допоздна останется. Какие-то переводы у него были сложные, со словарем много пришлось возиться, вот и засиделся.

— Разве он сам переводил? — удивился я. — Мне казалось, он так — по административной части.

— Не знаю, — она пожала плечиками. — А когда я домой уходила, уже было совсем поздно, полвторого ночи, я как раз в тот день закрывала — у него еще свет горел. Вас посчитать или кофе будете?

Шкатулка ее откровенности захлопнулась так же внезапно, как и отворилась. Я заказал кофе в расчете на то, что мне еще удастся ее разговорить, но принесся его, официантка тут же удалась. Дымящийся эспрессо я долго зачем-то размешивал казенной чайной ложкой, слушая, как она позвякивает о стенки чашечки, потом разом выпил холодную и уже невкусную черную жижу и попросил счет.

Щедрые чаевые заставили ее улыбнуться.

— А что ваше название означает? — спросил я у нее, надеясь чуть развеять похоронное настроение, сложившееся к концу нашего разговора.

— Цомпантли? Сейчас у хозяина спрошу. Рубен Ашотович!

Усатый толстяк за дальним столиком встрепенулся и сонно посмотрел на нее.

— Вот тут спрашивают — что «Цомпантли» означает? Это ведь по-вашему что-то, да? Или по-грузински?

— Ничего не означает, — растягивая гласные в характерном выговоре, флегматично отозвался тот. — Слово красивое...

Домой я возвращался в глубокой задумчивости. Мне начинало казаться, что по случайности я очутился в эпицентре урагана: неведомые и неизмеримые силы крушат все по сторонам, вырывают с корнями вековые деревья, уносят в никуда людей, — но в самой середине этого буйства стоит мертвенная тишина. Хоть, возможно, именно я, сам того не понимая, и вызвал этот вихрь, меня он не затронул. Пока...

Наиболее вероятным мне представлялось то, что, со свойственной мне везучестью, я угодил в самое пекло разворачивающейся детективной истории, все действующие лица которой гоняются за неким бесценным книжным антик-

вариатом. Маньяки-букинисты, наемники, работающие на крупные аукционные дома, уголовный розыск, оказавшиеся не вовремя и в ненужном месте филологи-испанцы и сотрудники переводческих фирм... Вышла бы чудесная детская приключенческая книга, а еще лучше — комикс. Я попробовал подтянуть уголки губ к ушам, говоря себе, что ситуация складывается презабавная. Ничего не получалось. Мне было действительно не по себе.

Судьба ограждает меня от искушения, подумалось мне вдруг. Будь у меня хотя бы малейшая возможность добраться до продолжения дневника конкистадора, я без секундных колебаний снова взялся бы за его перевод. Кто знает, какая участь ожидала бы меня в этом случае, но вряд ли я стал бы размышлять о ней, не узнав и не перепечатав по-русски, что произошло с отрядом конкистадоров в Capítulo V. Однако незримая рука остановила меня за шаг до пропасти, в которую я слепо шел, развернула и отправила в противоположном направлении — к нормальной, обычной жизни. Спокойной, обыденной, серой, давно набившей мне оскомину, пустой, никчемной жизни. К жизни. Должен ли я быть ей за это признателен?

Так или иначе, выбора мне не оставили. Как заведенный, я продолжал вышагивать в ту сторону, куда меня запустили. Повернуть самостоятельно я никуда не мог; в таком положении остается только выискивать его преимущества.

Однако успокоиться и забыть о моей экспедиции в леса Юкатана мне удалось далеко не сразу. Придя домой, я первым делом уселся за книгу Э.Ягониэля, сдобривая изучение быта индейцев народности майя вишневым вареньем.

«У майя была принята официальная и обязательная астрология, — утверждал Ягониэль. — В зависимости от дня рождения для каждого ребенка составлялся особый календарь, предсказывавший грядущие события его жизни. Этот календарь содержал ответы на все вопросы: когда человек сумеет найти работу, когда женится, когда с ним произойдет несчастный случай, когда он умрет. Этот календарь был с ним неотступно, его напевали детям вместо колыбельной, он укоренялся в их сознании и сопровождал их всю жизнь. Каждый знал наизусть свой личный гороскоп, и это знание успокаивало его, помогало ему найти свое место в мире и понять, на каком этапе своего пути он находится».

Такая система действовала практически без сбоев, потому что жрецы-астрологи сами помогали предсказанным событиям сбываться. Если гороскоп обещал некоему юноше встретить свою возлюбленную в определенный день в определенном месте, то существовал и другой гороскоп, предписывавший некоей девушке в тот же день явиться в это место и также обещавший встречу с суженым. По некоторым данным, таким образом предсказывались и предопределялись и крупные сделки, такие как купля или продажа домов, и даже драки, участники которых знали о предстоящем побоище заранее. Есть исследователи, считающие, что войны, которые вели между собой различные народности Юкатана, принадлежащие к этой вере и культуре, тоже были предсказаны в своеобразных «летописях будущего», а значит, и предопределены. Большинство народов майя были воинственны, и перспектива вооруженного конфликта их отнюдь не смущала. Они даже не рассматривали возможность повернуть против судьбы и отказаться от предписанных сражений. Число павших в битве врагов также было предсказано в гороскопах, и если их погибало недостаточно, всегда оставалась возможность приблизить реальность к пророчествам, принеся в жертву пленных.

Это пристрастие майя к предсказаниям позволяло им преодолеть страх перед будущим, боязнь смерти и наполняло уверенностью в себе каждого человека и целые народы. Однако в десятом веке н.э. оно сыграло со всей их цивилизацией весьма дурную шутку, о которой, ввиду недостаточной научной обоснованности этой гипотезы, мы здесь говорить не станем».

Умело распалив мое воображение и тут же проворно спрятав белого кролика тайного знания обратно в свою магическую шляпу, Ягониэль элегантно реверансом поблагодарил публику за внимание и без малейшего зазрения совести перешел к вопросам воспитания детей, к которому, якобы, и относился этот странный пассаж.

В ту ночь и на следующий день со мной творилось нечто невообразимое: чем лучше я понимал, что мое приключение подошло к концу, тем с большим остервенением я листал Кюммерлинга, перечитывал брошюры, ползал с лупой по карте штатов Кампече и Петен, и думал, думал... Тревожный колокольчик прозвенел вечером следующего дня, когда, поужинав, я сел слушать по радио новостную сводку, чтобы как-то отвлечься от уже превратившегося в навязчивую идею желания разгадать задачи описанной в дневнике экспедиции.

«К небывалым разрушениям и человеческим жертвам привел ураган «Симона», ударивший три дня назад по атлантическому побережью США», — вещал диктор. Я безотчетно прибавил звука — наверное, потому что только накануне сам ощущал себя попавшим в эпицентр тайфуна.

«Полностью разрушены города Новый Орлеан, Хьюстон и Даллас. Большинство населенных пунктов в штатах Миссисипи, Луизиана и Техас лежат в руинах. Особенно пострадала столица джаза: Новый Орлеан затоплен на девять десятых, американская армия и национальная гвардия не в состоянии справиться с задачами по эвакуации выживших. Число погибших, по предварительным оценкам, может составить десятки тысяч человек, но мэр Нового Орлеана Рэй Нагин считает, что эта цифра — наиболее скромная из возможных. Город лежит в низине, поэтому десятиметровые волны, которую принес с собой ураган, с легкостью преодолели заграждение и привели к крупнейшему наводнению в истории Нового Орлеана. Положение осложняется тем, что вода прорвала дамбы на каналах, ведущих к озеру Понтчартейн, которое расположено на возвышенности. Все попытки военно-инженерных частей хоть как-то укрепить плотины ни к чему не приводят. В городе царит анархия. Все оружейные магазины разграблены, из-за плохой организации спасательных операций гуманитарная помощь прибывает в Новый Орлеан с большим опозданием, и ее не хватает на всех. Выжившие мародерствуют и грабят магазины. Десантные подразделения, переброшенные в город транспортными вертолетами «Чинук», вступают в столкновения с бандами мародеров и несут тяжелые потери.

В Хьюстон и Даллас «Симона» добралась, достигнув максимальной силы, — сейчас это ураган наивысшей, пятой категории опасности. Миллионы жителей обоих городов, пытавшиеся эвакуироваться вглубь континента, оказались в западне. Дороги блокированы из-за многочисленных аварий, транспортные артерии Техаса забиты многокилометровыми пробками. Только что поступило сообщение, что путь следования «Симоны» из Хьюстона в Даллас на несколько миль совпал с автотрассой. Точное число жертв пока неизвестно, но оно может исчисляться тысячами.

Кроме того, ураган серьезно повредил или полностью разрушил многочисленные нефтяные платформы, расположенные в Мексиканском заливе, а также нанес многомиллиардный ущерб нефтеперерабатывающим предприятиям в Хьюстоне и Далласе. В результате цена барреля нефти на мировых рынках резко подскочила и превысила отметку в девяносто три доллара США.

«Симона» обошла стороной прибрежные мексиканские города Веракрус, Сьюдад Эрмоса и Сьюдад Мадеро, которые неделю назад почти стер с лица Земли другой ураган, «Изабель». Однако правительство Мексики не разрешает покинувшим их жителям возвращаться в свои дома, опасаясь новых ударов стихии».

Я сидел, раскрыв рот и уставившись в динамик радиоприемника. Репортаж напоминал выдержки из какого-то апокалиптического романа. Что и говорить: изредка мне все же приходилось раскаиваться в том, что у меня нет телевизора. Вот и теперь: жуткие и, должно быть, незабываемые виды разрушенного Нового Орлеана приходилось отдавать на откуп моей фантазии.

Ведущий переключился на новости из горячих точек в Африке, а я принялся рассеянно крутить колесико настройки в поисках чего-нибудь более увлекательного. И оно не заставило себя ждать.

Мой приемник, как я уже отмечал, родом из семидесятых и ловит волны только КВ-диапазона. Вдоль всего корпуса по его лицевой стороне идет застекленная шкала частот. Шкала эта размечена цифрами и названиями городов, из которых ведется вещание на соответствующих волнах. Во всяком случае, в семидесятых годах дело обстояло именно так. У одной отметки значится «Берлин», у другой — «Париж», у третьей — «Буэнос-Айрес». (Отчего-то мне кажется, что, осторожно вращая ручку и вслушиваясь в пробивающийся сквозь помехи голос аргентинского диктора, наши отцы намного острее чувствовали, насколько мал и тесен мир, чем можем ощутить это мы, глядя по телевизору в прямом эфире новости из Латинской Америки.)

Миллиметрах в четырех от Буэнос-Айреса и неподалеку от Мехико полуразборчивое бормотание испанских журналистов и завывание радиоволн сменилось вдруг полной тишиной, которую разрежало только легкое электрическое потрескивание.

Но стоило мне взяться за рифленую поверхность регулятора, чтобы снова пуститься в свои бесцельные поиски, как приемник рокочущим баритоном произнес:

«Буэнос диас, дорогие друзья, и добро пожаловать на радиопередачу «Мир майя». Из нашей сегодняшней программы вы сможете узнать о последних известиях в области политики, общественной, религиозной и культурной жизни индейцев великой цивилизации майя. Итак, главная новость первого

дня Чуен четвертого числа месяца Кумху: государство Мани-Тутук-Шиу объявило войну своему ближайшему соседу, княжеству Кочвах. Дипломаты считают неизбежным вступление в этот конфликт государства Сотута, которое связано с Кочвахом договором о взаимной защите. Кроме того, в нашей передаче: в городе Канпеч нарастает межэтническая напряженность после того, как мексиканские наемники к'анулы принесли в жертву богу маиса — Шипе Тотеку — двух местных детей. А теперь — подробности...»

Тут в динамике что-то яростно зашипело, будто на сковороду с раскаленным маслом плеснули воды. Я механически попытался подстроить радиолу, но от волнения крутанул колесико слишком сильно, и весь эфир опять забили шепелявые латиноамериканцы. Тщетно пытался я вернуть стрелку на шкале в исходное положение: в двух миллиметрах от Мехико и четырех — от Буэнос-Айреса приемник улавливал лишь монотонный шум прибора коротких радиоволн, накатывающих на разоренные ураганом берега Мексиканского залива.

Я щелкнул тумблером и полез в буфет за аптечкой. План был прост: выпить двойную дозу успокоительного и лечь спать. Перед моими глазами сужались и расширялись радужные круги, а сердце весило как булыжник и тянуло меня вниз. Я впервые подумал, что происходящая со мной история может обойтись мне недопустимо дорого и за приятно щекочущие сознание выбросы адреналина от моих маленьких приключений мне придется расплатиться расходом. Уже пришлось.

Последние панические мысли металась у меня в голове, как обезумевшие рыбки во взболтанном аквариуме. Снотворное заморозило колыхавшуюся в нем взвесь, она загустела, и рыбки моих мыслей завязли в желе медикаментозного отупения. Потом свет выключили.

Однако забвение не принесло мне того отдыха от проклятых индейцев, на который я уповал всей душой. Майя преследовали меня — и если психоаналитики правы и в сновидении нам символами сообщаются наши тревоги, то в моем случае знак этот даже не надо было расшифровывать. Я продирался сквозь джунгли, пытаясь скрыться от гнавшихся за мной меднокожих воинов в полной боевой раскраске. Они отставали от меня всего на десяток шагов, и меня не оставляло чувство, что настигнуть меня им ничего не стоит, сделать это они могут в любое мгновение, но забавляются со мной, как кошка развлекается с пойманной мышью.

Потом я поскользнулся... Меня тут же схватили, скрутили, обездвижили, торжествуя подняли бессильный кокон, в который я превратился, над головами, и грубо поволокли обратно, к тому, от чего я пытался убежать. Вскоре я увидел его: широкий плоский камень с выдолбленными желобками, уходящими от центра — к углам, потемневшими от вечно струящихся по ним ручейков крови.

Против воли мне в рот влили из глиняной чашки какой-то зловонной настойки; от нее глаза мои застил багровый туман, а уши забились толстым слоем ваты, сквозь которую звуки проникали с запозданием и искажениями. И мне уже, в общем-то, было все равно, когда несколько пар сильных рук растянули мое бесчувственное тело на алтаре и Наком занес над моим сердцем остро отточенный кремень.

Но тут в моем мозгу промелькнуло молниеносное осознание того, что все это происходит со мной не понарошку, что кремень через доли секунды обрушится на мою грудь, хрустнут ребра, хлынет кровь, и убийца в маске древнего божества вырвет мое горячее сердце, вырвет из меня жизнь. Отчаянным усилием, с каким заходятся в судорогах пораженные столбняком, я изогнулся, вывернулся из рук жрецов и упал с камня — на холодный паркет. Размеренно тикали часы, с каждым поворотом шестеренок возвращая меня в мой мир, и тени Чаков, столпившиеся у моей кровати, нехотя отступали назад, в темноту.

Времени было полшестого утра; я четко понимал, что засыпать больше не решусь. Умывшись и выпив чая, я оделся потеплее и вышел на улицу. Мне нужно было проветрить свой разум, и ничто не подходило лучше для этой задачи, чем ночная прогулка по морозной декабрьской Москве.

Тротуары и дороги были застелены белой простыней. Я и не заметил, как в городе началась настоящая зима... У нас на Юкатане сейчас, наверное, самая жара, а в последние недели, будь я на Арбате, Садовом или у себя дома, куда бы я ни глянул, вокруг простиралась сплошная сельва.

Огромные снежинки тихо планировали вниз, пряча под собой мокрый асфальт, перерывтую десятками поколений строителей бурю московскую землю, окурки, бумажки, кучки собачьего дерьма, палую листву, сообщая всему моему безумному городу несвойственное ему спокойствие и торжественность.

Редкие машины ехали непривычно медленно, словно их водители оказались во власти этого колдовства и боялись его нарушить. Я вышел на Новый Ар-

бат и зашагал куда глаза глядят, любясь снежной феерией, стараясь не думать ни о чем. Я переживал один из тех редких моментов, когда всем своим телом, каждой клеточкой ощущал, что существую на самом деле, что я — как-то по-детски *взаправду*.

Снег припорошил и мои страхи, и приснившиеся мне кошмары, и мою одержимость чертовыми конкистадорами. Я начал забывать, что все последние дни не думал ни о чем другом, кроме как об обычаях давно выродившихся или истребленных народов, о секретах почти пятисотлетней давности, о людях, от которых не осталось и горстки праха, и об утративших смысл интригах, которые они плели. О том, что вчера собственными ушами слышал хорошо поставленный дикторский голос, который из радиоприемника рассказывал мне на русском языке о последних событиях, произошедших в Центральной Америке три четверти тысячелетия назад. О том, что мое увлечение майя и историей Конкисты незаметно для меня превратилось в наваждение, словно отправившись на туристическую прогулку по тропическому лесу, я отбил от группы, заплутал и вот уже месяц с лишним брожу среди болот, лиан и сапподилосов.

Я просто шел, наслаждаясь морозом, смакуя аппетитное похрустывание снежной корочки под подошвами и целиком сосредоточившись на продолжении цепочки трафаретов, которые оставляли на снегу мои ботинки. Следить за тем, чтобы следы впечатывались достаточно глубоко и сквозь них был видна чернота асфальта, и еще стараться, чтобы между каждым отпечатком было одинаковое расстояние... Именно такие простые бессмысленные действия и помогают лучше всего вытряхнуть из головы всяческий скопившийся там мусор.

И как раз в тот момент, когда я было подумал, что снег и утренняя Москва помогли мне излечиться от моей одержимости, оторвал взгляд от снега под ногами и поднял глаза, мне подурнело: прямо передо мной возвышалась храмовая пирамида майя.

Она была почти такой, как на рисунках в книге Ягониэля или на фотографиях, сделанных в джунглях британскими исследователями в пробковых шлемах и напечатанных в «Тайнах» Кюммерлинга. Но рисунки были схематичными, а фотоснимки — черно-белыми, и притом довольно скверного качества. Увидеть самую настоящую многоступенчатую пирамиду с квадратным проемом входа посередине и надстройкой жертвенника, расположенной на предпо-

следней платформе, увидеть ее сейчас в моем родном городе — было невероятно странно и страшно. Ноги у меня подкосились, и я рухнул на колени в снег, не в силах отвести глаз от этого сооружения.

Оно было невелико, не чета Храму Колдуна или Пирамиде Гнома в Ушмале, но сходство линий было несомненным. Те же пропорции, так же зарифмованные формы, та же суровая, аскетичная и при этом полная достоинства, чужая нашей архитектуре красота — простая, но не примитивная.

В пирамиде не было ничего иллюзорного, в отличие от радиопередачи «Мир майя» она не норовила исчезнуть, стоило только мне отвлечься на что-то другое. Напрасно я щипал себя, отворачивался и потом искоса глядел на нее снова, надеясь и одновременно боясь, что за то время, пока я за ней не следил, она успеет растаять в грязном московском воздухе. Пирамида оставалась на своем месте, она казалась незыблемо реальной, словно действительно простояла здесь долгие века, а на нее никто не обращал внимания. Что же тут странного — индейская пирамида в центре Москвы?

Что же, пусть я окончательно сошел с ума; этим тоже нужно уметь воспользоваться. Пока пирамида не рассеялась с первыми лучами солнца, мне предоставлялась уникальная возможность в красках вообразить себе все то, о чем я читал в книгах о майя.

Я стал наспех набрасывать на холст того, что видел перед собой, эскизы воспоминаний от прочтенного, чтобы, взглянув на них только раз, скомкать, отбросить и жадно, боясь не успеть, приняться за следующий.

Вот на пирамиду поднимаются верховные жрецы: грузные, лоснящиеся тела, торжественные наряды, вместо лиц — маски богов и чудовищ, сквозь прорези тускло блестят уже все повидавшие на этом, да и на том свете, и потому пресытившиеся глаза.

Вот в основании пирамиды рабы строят погребальную камеру, в которую после смерти будет положено забальзамированное и завернутое в тончайшие покрывала тело правителя. В это же помещение принесут его любимые украшения, драгоценную утварь; потом сюда приведут на заклятие его наложниц и слуг; а затем камеру запечатают на сотни, а может, тысячи лет, пока расхитители гробниц или британские ученые ударом лома не разбудят древнего царя и его свиту.

Вот четверо Чаков тащат наверх связанного пленника...

Стоя на коленях, я смотрел на призрак ритуальной пирамиды, странствующий сквозь время и пространство и неведомым образом оказавшейся сей-

час в Москве, и в мельчайших деталях вспоминал свой липкий ночной кошмар. Если она смогла попасть сюда, почему бы не проникнуть в наш мир и жрецам из моих снов, загнанно думал я. Поэтому, когда мне на плечо легла чья-то тяжелая рука, я просто покорно опустил голову, явственно слыша, как ткань реальности, еще недавно такая прочная, с легким треском расходится по швам...

— Гражданин, вам плохо? — раздался участливый мужской голос.

— Да он нажрался просто, товарищ капитан, — резонно отметил другой.

— Ты это, Филиппенко, зря. Тут, у Мавзолея, по ночам и не такое бывает... Поднимайтесь, гражданин, поднимайтесь. Все в порядке?

По пути домой я дал себе слово, что мой роман с Юкатаном окончен раз и навсегда. Не зная, плакать мне или смеяться, я то останавливался на месте, растирая пригоршней снега вспотевшее лицо, то, подгоняемый стыдом, пробежал несколько сотен метров, пока не начинал задыхаться.

Штаны я повесил сушиться на батарею в ванной, и их оттянутые мокрые коленки напоминали мне о моем позоре у Мавзолея каждый раз, когда я туда заходил.

Выпив чаю и набравшись решимости, я собрал в целлофановый пакет книги Ягониэля и Кюммерлинга, кинул туда же все дурацкие брошюры, и даже (правда, только после нескольких минут колебаний) осторожно сложил отпечатанные на машинке переведенные мной главы дневника. Потом вышел с пакетом в коридор и направился к мусоропроводу.

Железную крышку-ковш на выкрашенной в унылый серо-зеленый цвет трубе я открывал и закрывал не меньше трех раз, но так и не набрался духу, чтобы швырнуть ей в глотку все мои сокровища. В голову почему-то лезли мысли о Диего де Ланде и его аутодафе и о книгах, которые сжигали на площадях немецких городов нацисты. Сравнение было, в любом случае, не в мою пользу: стоя перед помойкой со своей жалкой стопочкой переводов чужих мыслей, я отнюдь не смотрелся героем свободомыслия, тем более что в роли инквизиции выступало мое же alter ego.

Пакет я в конечном итоге аккуратно положил рядом с трубой. Не знаю, может быть, я рассчитывал, что его заберет какой-нибудь любопытный сосед, а может, надеялся, что в следующий раз мне хватит смелости все же отправить его в жерло мусоропровода.

Ни назавтра, ни после книги никто не тронул; не подходил к ним и я, гордясь своей выдержкой и праздная постепенное очищение рассудка от тропических ядов. Сновидения про храмы, жрецов и погони по сельве перестали мне видаться на третий день. К библиотеке я больше не подходил ближе чем на квартал, и где-то через неделю меня совсем перестало туда тянуть. Я излечился.

До Нового года, тем временем, оставалось всего несколько дней, а пачка купюр, спрятанная в бельеовом шкафу, стремительно таяла. Мои планы по приобретению живой елки, а может, и походу в гости к университетским друзьям оказывались под угрозой. К сожалению, отчет в этом я начал отдавать себе слишком поздно, когда две остальные переводческие фирмы, с которыми я некогда работал, уже закрылись на новогодние каникулы.

Изрядно покопавшись в старой записной книжке, я обнаружил адрес еще одного бюро, в котором не показывался уже, наверное, лет пять. Делать было нечего: шансы перехватить случайный заказ в конторе, где меня хоть чуть-чуть знали, мне казались более предпочтительными, чем в выбранном наугад по телефонному справочнику неизвестном бюро. Я обмотался колючим красным шарфом, надел вязаную шапку и, скатившись вниз по лестнице, заспешил в метро.

Дом, где находилась нужная мне фирма, за те годы, что я в ней не являлся, полностью преобразился. Зеркальные окна в стеклопакетах, свежая благородно-желтая краска на стенах, облицованные гранитом ступени подъезда и медные таблички с названиями компаний, чьи офисы размещались в здании — ничто не напоминало тот полуразрушенный клоповник, в котором ютилось раньше бюро «Толмач-Г», а именно так, если верить моей записной книжке, оно называлось.

Этого отдающего чем-то несвежим названия среди выполненных в консервативном духе табличек не обнаружилось, и я испугался, что контора, бывшая, откровенно говоря, довольно сомнительным заведением, зачастую задерживавшим гонорары, разорилась или переехала в какое-нибудь отдаленное Митино. Однако, внимательно перечитав наименования снимавших там офисы фирм, между консалтинговой компанией Kozine Assessments и неким

ООО «Максимов и партнеры» я обнаружил не уступавшую им по размерам и оформлению вывеску «Бюро переводов «Акаб Цин».

Охранник на входе записал мои паспортные данные и выдал мне синюю бумажку пропуска. Новенький хромированный лифт с ласкающим ухо звуковым сигналом, вроде тех, которые раздаются в начале каждого объявления в международных аэропортах, медленно растворил свои двери на пятом этаже. Офисные помещения бюро переводов находились сразу же по левую руку.

Как и следовало ожидать, «Акаб Цин» ничем не напоминало ни своего inferнального предшественника, ни даже мою прежнюю контору. Строгая и очень стильная мебель, наисовременнейшее оборудование, превосходно дрессированные сотрудники в деловых костюмах и галстуках. Навстречу мне поднялась, протягивая руку, симпатичная девушка с коротко стриженными русыми волосами.

После того как я сконфуженно объяснился, она расспросила меня про мои предыдущие крупные заказы (о последнем из них я по понятной причине решил умолчать), внимательно все выслушала, но потом с сожалением покачала головой.

— Извините, никаких свободных английских текстов у нас сейчас нет, французские тоже все разобраны. Попробуйте зайти сразу после Нового года — возможно, поступят другие заказы.

Ответить на это мне было решительно нечего, и я просто пораженчески кивнул. Выглядел я при этом, очевидно, уныло, как подтаявший снеговик, потому что она вдруг сочувственно улыбнулась и с видом спасателя, кидающего круг утопающему, сказала:

— А как у вас с испанским?

(La Adventencia)

La Advertencia

— Почему вы спрашиваете? — в тот момент я вряд ли мог выдать большую глупость, но слова выскочили из меня сами.

— Дело в том, что пару часов назад принесли новый заказ — какие-то бумаги на испанском языке. Я уже начала обзванивать наших постоянных переводчиков, но под праздники никто не хочет браться. Половина разъехалась, другие заняты. И потом, у нас испанистов не так уж много, основная масса документации на английском, — без тени удивления принялась объяснять девушка.

— Я... А что за бумаги? — волнение, которое мне не удалось как следует скрыть, все же заставило ее приподнять бровку: вряд ли большинство работающих с ними переводчиков приходят в такое состояние при получении нового заказа.

— Что-то связанное с прокладкой дорог, клиент так объяснил. Техническое, вероятно. Я сама не видела, политика нашей компании запрещает просмотр переводимой документации, — вставляя эту заученную фразу, она улыбнулась пластмассовой улыбкой, какая бывает у некоторых фривольных манекенов в магазинных витринах.

— Ах, техническое... — отозвался я не раньше чем через полминуты.

Мое изначальное мимолетное разочарование уступило место искреннему облегчению. Однако я бы солгал, сказав, что в первое мгновение надежда заполучить следующую часть перевода не заворочалась беспокойно внутри

меня. Кровь прилила к голове, оглушив и ослепив меня, и хотя я согласно кивал в такт пояснениям, смысл их доходил до меня с некоторой задержкой.

— Вам не приходилось раньше работать со спецлексикой?

Фирменная вежливая заинтересованность в ее голосе почти полностью оттеняла незаметные нотки недоверия; она мастерски владела собой. Ее изящная головка склонилась набок под тщательно выверенным углом, и стриженная челка, качнувшись, прикрыла лукаво глядящий глаз. И даже если я принимал за девичье лукавство стеклянный блеск протезов, вроде тех, что вставляют в набитые чучела таксидермисты, выражение на ее лице было *выполнено* настолько совершенно, что я не мог им не залюбоваться.

— Нет... Приходилось, — спохватился я в конце концов.

— Вы знаете, вообще-то... — она сложила руки на груди и чуть сжала губы; я уже было махнул рукой, ожидая отказа, но тут ее маска дала еще одну легкую трещину — на этот раз, вероятно, оттого что она неверно истолковала восхищение на моей физиономии.

— ...постарайтесь выполнить эту работу оперативно, посмотрим, как вы справитесь, — криво пришив к началу фразы другое окончание, она утвердительно тряхнула челкой и, подойдя к стеллажам с одинаковыми черными пластмассовыми файлами, сняла один из них и вручила мне.

Я расписался на особом бланке, полюбопытствовал насчет гонораров (они оказались на порядок выше моих ожиданий) и благодарно улыбнулся сотруднице бюро. Позор банкротства был отсрочен. С помощью циклопических испанско-русских словарей, приобретенных мной по известному случаю, я собирался расправиться с этим заказом как можно скорее; новогодняя елка, свежие продукты и подарки постаревшим университетским приятелям стали снова обретать реальность. Я был признателен ей за то, что мой Новый год на этот раз мог хотя бы отдаленно напоминать настоящий праздник. Но как выразить этой целлулоидной девушке свою благодарность? Пообещать ей до конца дней стирать с нее пыль и менять батарейки?

— Спасибо вам... Большое. Правда, — не сводя с нее глаз, я начал пятиться назад, но споткнулся о порог и полетел на пол, так и не выпустив папку из рук.

— Осторожно! — она испуганно ахнула и, подбежав, помогла мне подняться. — Не ушиблись?

Стараясь не смотреть в ее сторону, чтобы ей не было видно мое горящее лицо, я неловко высвободился и, буркнув что-то на прощание, кинулся к выходу.

— Берегите себя! — крикнула девушка мне вслед.

Последний слог отрезали, закрывшись, сверкающие створки лифта, отчего мне послышалось «Берегитесь!».

По пути к метро я снова и снова, кусая губы, проигрывал в голове свое нелепое падение, неловкий разговор и мешал легкую и чем-то приятную физическую боль с зудящим страданием от собственного ничтожества. В такую прострацию меня почти всегда ввергали мои неуклюжие попытки общения с красивыми девушками.

В этой пустыне самоуничужения и любительского членовредительства газетный киоск показался мне оазисом забвения из арабских сказок. Отвлечься от своих бед на беды чужие, заклеив неприятные переживания вырезками из журналов и газет, — вот что мне было надо. «Московский комсомолец» подходил для этой цели как нельзя лучше.

Заголовок, набранный огромными буквами, извещал о том, что счет жертвам ураганов в США и странах Центральной Америки пошел на сотни тысяч. В Гватемалу и Никарагуа вместе с тайфунами пришли проливные дожди, совершенно несвойственные этому сезону. Из берегов вышли крупнейшие реки региона, гигантские оползни погребли под миллионами тонн земли десятки поселков. Сил и средств для разбора завалов у властей не хватает, а надежды найти выживших больше нет, поэтому принято решение прекратить спасательные работы, объявить заваленные деревни братскими кладбищами и бросить их. Сотни населенных пунктов оказались полностью отрезаны от цивилизации, и что стало с их жителями, никому вообще неизвестно.

Соединенные Штаты еще не успели оправиться от предыдущих ударов стихии, как на побережье обрушились новые ураганы. Правительство приняло решение стянуть в пострадавшие районы части национальной гвардии со всей страны, но было уже поздно: в затопленном Новом Орлеане и разрушенном Хьюстоне начались эпидемии, сделавшие массовую эвакуацию выживших практически невозможной.

С некоторым беспокойством я перечитал названия районов, пострадавших от тайфунов и наводнений. Как ни странно, имен, знакомых мне по книге Ягониэля и досконально изученной странице географического атласа, среди них не было. Юкатан разъяренная природа пока миловала.

В рубрике «Срочно в номер» на этот раз ничего интересного я не заметил. Разворот газеты пестрил материалами светской хроники; между репортажем с очередной помпезной свадьбы не желающей признавать свою старость поп-дивы и скорбным материалом о десятилетней годовщине смерти некоей актрисы Театра кукол, Валентины Кнорозовой (на сцене известной под своей девичьей фамилией Анисимова), привольно располагалась пространная статья о награждении победителей Третьей ежегодной государственной олимпиады по криптографии и лингвистике. Медали призерам лично вручал российский президент, торжественная церемония состоялась в Мраморном зале Кремля при большом стечении прессы и бомонда.

В статье приводилась цитата из обращения президента к победителям Олимпиады: «Ни для кого не секрет, что в современном мире именно знания, информация являются одним из главных достояний любого народа, любой страны. Нам с вами выпало жить в непростое время, когда наши научные, интеллектуальные наработки могут попасть в руки определенным силам — как на Западе, так и на Востоке, и мы должны защищать их. При этом именно лингвистика позволяет нам лучше понимать не только языки, но и менталитет других народов, с каждым из которых мы стремимся поддерживать добрососедские и партнерские отношения. Убежден, что умения зашифровывать и расшифровывать информацию являются сегодня ключевыми для успеха нашей страны на мировой арене. Открою один небольшой секрет: многим финалистам этой Олимпиады, даже тем, кто не стоит сегодня на этой сцене, уже предложены хорошие места в ведущих предприятиях государственного значения...»

Я, должно быть, оставался единственным читателем, не понимающим всей важности этого события. Было пора выходить, и я без сожалений швырнул газету в урну у турникетов.

Налив чая, я уселся за рабочий стол и положил перед собой черный пластиковый файл с заказом, потом собрал уже расставленные по полкам испанские словари. Моих новых работодателей можно было довольно точно представить себе по этой папке: она была такая же аккуратная и корректно-безличная, как и вся фирма. По краям файл закрывался на две кнопки, а на лицевой его стороне точно по центру размещалась наклейка с номером заказа. Вот в такие компании, наверное, и несут переводить контракты на поставку партий оружия, уставы тайных обществ и условия тендеров, в которых решается судь-

ба многомиллиардных сделок. Если дорога, прокладка которой обсуждается во вверенных мне документах, будет очередным московским транспортным кольцом или даже усовершенствованной версией Транссибирской магистрали — и бровью не поведу, подумал я. Чего еще ожидать от содержимого *такой* папки?

Щелкнув кнопками, я открыл ее...

Тут же закрыл, запер на обе кнопки, вдохнул поглубже, протер глаза и снова заглянул внутрь. Они, конечно, и не собирались никуда исчезать. Гром не гремел, за окном по-прежнему был день: не происходило ровным счетом ничего, что заставило бы меня усомниться в реальности увиденного. Они действительно лежали внутри и спокойно дожидались, пока я прекращу истерику и наконец достану их из тесной папки — исписанные сверху донизу пожелтевшие от времени листы, на верхнем из которых титульными буквами значилось: «Capítulo V».

Я вскочил со стула и пустился кругом в обход стоящего посреди комнаты овального обеденного стола из карельской березы.

Этого никак не могло случиться, и тем не менее, дневник конкистадора сам разыскал меня, как бы я ни старался от него откреститься. Было ли это случайностью? По своей ли воле я остановился именно на этой переводческой фирме, перелистывая записную книжку? В этот момент, когда я описывал уже тридцатый круг около жалобно поскрипывающего стола, даже идея всеобщего заговора, искусно сплетенного кем-то вокруг меня, не казалась мне смешной и глупой. Я все меньше верил в совпадения и со все крепнущей уверенностью старался найти невидимые постороннему глазу, замаскированные под обыденные повседневные события звенья зловещей цепи, приковывающей меня к этой странной истории.

Потом, утомившись, я снова сел за стол, и мне хватило всего одного взгляда, брошенного на листы дневника, чтобы шторм, бушевавший в моем мозгу, затих, а на горизонте засияло восходящее солнце. Какая разница, подложили ли мне эти листы, или они действительно оказались там по прихоти теории вероятности? Возможно, один из них мог дать ответы на все вопросы, которые занимали меня столько времени. Неужели я сейчас откажусь от возможности заполучить их только из-за своих паранойяльных опасений?

Руки все еще чуть дрожали; я отпил глоток остывшего чая, отставил кружку подальше, чтобы не плеснуть случайно на драгоценные листы, и погрузился в чтение.

«Что, оставшись с одним лишь проводником, от которого и зависела теперь моя судьба и судьба всех находящихся под моим началом людей, я решил с ним не разлучаться, пока не закончится, к славе Господней, наш поход.

Что, снявшись с этого привала, на котором обрек себя на вечные мучения в аду, покончив с собой, Эрнан Гонсалес, мы взяли немного на восток и стали углубляться далее в эти леса, сквозь которые дороги проложено не было и не имелось даже тропы, и что Хуан Начи-Кокком вел нас, угадывая путь исключительно по звездам и по иным приметам, доступным ему, но скрытым от глаз испанцев.

Что, вопреки тяготам, которые приходилось сносить отряду, солдаты пребывали в прекрасном расположении духа, и на то было две причины: во-первых, все безмерно были рады тому, что страшные болота, в которых сгнули Ривас, Феррер и другие, уже остались позади; во-вторых же, среди солдат ходили слухи о том, что истинной целью нашего похода является клад, укрытый в подземелье храмовой пирамиды; что настоятель отправил нас сюда единственно затем, чтобы мы этот клад извлекли и передали королю и Святой Церкви, но четверть сокровищ положена тем, кто их добудет; говорили и что выжившие поделят эту долю между собой по справедливости и, хотя благородным сеньорам по праву положено втрое больше, чем простым солдатам, но и третьей части от якобы положенного офицерам достанет, чтобы разбогатеть свыше всяких мер.

Что называли даже и какие именно богатства спрятаны в лоне сокровенных пирамид: среди них различные украшения, и отлитые целиком из золота статуи индейских богов, и редкие камни. Что сам такими подробностями был я немало удивлен, но, сколько ни старался, не смог разузнать, кто распускает эти слухи; мне же самому о таком отец де Ланда ничего не говорил, посему верить им я не мог, пусть бы мне того и хотелось.

Что, когда расспрашивал я о спрятанных богатствах Хуана Начи-Коккома, тот отвечал мне, что о сокровищах ему ничего не ведомо, но никогда не хотел дать всех требуемых мной объяснений, тем заставляя меня подозревать, что сплетни о кладе могут оказаться правдивыми.

Что, размышляя о его словах и поступках, я постепенно уверился в том, что Начи-Кокком знает о сокровищах куда больше, чем говорит, а возможно, и боится вывести нас к кладу. Что тогда вспомнил я и о его повесившемся товарище и спросил индейца напрямую, не затем ли Эрнан Гонса-

лес отнял у себя жизнь, чтобы помешать нам добраться до золота и употребить его во славу короля, Святой Церкви и для собственного обогащения.

Что проводник упорствовал, хоть я и угрожал ему мечом, и стоял на своем, утверждая, что ни золото, ни камни ему не важны и он не станет подвергать опасностям свою жизнь ни для того, чтобы такой клад разыскать и присвоить, ни чтобы его защитить от посягательств короны и церкви. И потом, после долгих сомнений, кои я не стал прерывать, решив, будто он собирается открыть мне нечто важное, сказал мне этот Хуан Начи-Кокком, что я заблуждаюсь, посчитав полукровку Гонсалеса грешником и самоубийцей.

И что больше про смерть Эрнана Гонсалеса он не говорил ни слова; и что бить Начи-Коккома, дабы узнать правду, я не стал, убоявшись потерять его доверие, которое надеялся заслужить ради выполнения своего дела».

Переводимый мной дневник иногда представлялся мне бесконечной лестницей, ведущей в глубокий темный подвал. На каждой ступени выбиты слова, рассказывающие определенную часть захватывающей истории, написанной так, что, прочтя очередную главу, попадаешь в плен к своему любопытству. Фонаря хватает только на шаг вперед, и надо спуститься еще на один уровень вниз, чтобы узнать разгадку ребуса, увиденного на предыдущей ступени. Игра, кажется, построена честно: нижняя ступень отвечает на вопросы верхней, однако полученный ответ сам превращается в новую головоломку, которой не решить, не сойдя еще на шаг вниз. Из кусочков мозаики складывается панно; деталей становится все больше, но пока не соберешь их все, смысл картины не постигнуть. Приходится идти дальше, все ниже и ниже, оглянешься — входа, откуда ты попал в подземелье, уже не видно, а что ждет в самом конце спуска, да и есть ли он, не знаешь. Остается лишь светить на ступеньку ниже, разбирать написанное на ней, и осторожно ступать дальше.

Первые три проглоченные мной страницы вроде бы помогали понять то, что случилось в предыдущих главах. И так, отметить мои предположения о легендарных сокровищах, таящихся в затерянных в сельве старинных храмах, было рано. Вероятно, сам автор дневника допускал такую возможность и раньше, но упомянуть о ней на бумаге решил только в пятой его главе — не потому ли, что вскоре после этого его догадки подтвердились?

Получила продолжение и история с повесившимся проводником. Как и конкистадор, составивший отчет о своей экспедиции, я пока не мог знать, говорил ли Хуан Начи-Коком правду, отказываясь признавать Эрнана Гонсалеса самоубийцей. Я заподозрил его в попытке такой страшной ценой спасти от разграбления наследие своего народа, как только прочел о его смерти. Что, если на самом деле Гонсалеса кто-то просто хладнокровно устранил? Но кто, находясь в здравом уме, мог решиться избавиться от проводника, забравшись в самое сердце сельвы?

Если память мне не изменяла, в предыдущей главе на беднягу Гонсалеса накинута второй офицер, Васко де Агилар. Автор дневника упоминал об этом происшествии вскользь, но мне хватило и этого. Прежде чем продолжать чтение, было необходимо вернуться к тем событиям.

Я зажег свет в комнате (пока я разбирал первые три страницы, на улице уже стемнело), открыл дверь и, шлепая тапочками, вышел в коридор. Пакет с книгами лежал нетронутый на том же самом месте у мусоропровода, где я его оставил. Очевидно, на солидный том трудов Ягониэля, от одного вида которого у несведущего человека скукой начинало сводить скулы, никто из соседей не польстился, а выкидывать в помойку такое издание у них не поднялась рука.

Что ж, испытание силы воли провалилось, но рефлексировать по этому поводу, стоя у мусоропровода, я не собирался: у меня были дела и поважнее. Зачем-то оглянувшись по сторонам, я прошаркал обратно к себе и запер дверной замок на два оборота. Потом прошел на кухню и, отряхнув пакет от скопившейся пыли, начал выкладывать на стол свои запретные сокровища.

Обе книги с моими закладками на нужных страницах, брошюры с кричащими обложками, попавший под горячую руку словарик исторических терминов и устаревших слов — в пакете было все, кроме копий набранных мной на машинке страниц с переводом первых трех глав. Озадаченный, я перебрал еще раз брошюру за брошюрой, потом пролистал Ягониэля и растрепал Кюмерлинга — безрезультатно. У мусоропровода, кроме пакета с книгами, ничего не валялось; уж отдельно лежащую стопку бумаги я заметил бы сразу. Перевод исчез, и бесполезно было даже пытаться угадать, когда это могло случиться: за дни, прошедшие с моего отречения от майя, я ни разу не трогал пакет.

Что же, единственное, что вызвало интерес у соседей по этажу — мои малоудачные переводческие экзерсисы, в которых профану все равно не разобратся? Но кто сказал, что переводы оказались в руках соседей? Повинуясь

мгновенному импульсу, я подошел к двери, проверил замок и на всякий случай подергал ручку. Затем умылся холодной водой и вернулся в комнату. Даже если перевод второй, третьей и четвертой глав пропал, я мог пока положиться на свою память: они отпечатались в ней надолго, как бы я ни заставлял себя забыть о них.

«Что на следующий день наш отряд постигла беда: к вечеру трое из каждых четверых солдат, а кроме них, еще и сеньор Васко де Агилар, почувствовали легкое недомогание, о котором в то время только двое сказали вслух, но остальные над ними надсмелялись, упрекая их в слабости духа и отсутствии мужества, с коим надлежит воинам переносить подобные тяготы.

Что той же ночью состояние и тех, кто посмел жаловаться на здоровье, и других, кто почел свою хворь делом, недостойным внимания, стало не в пример хуже. Что у всех начался жар, а с ним и обильный пот, и великая слабость в членах. И что брат Хоакин, выполнявший обязанности лекаря в госпитале в Мани, определил у всех, кто занемог, болотную лихорадку (la fiebre), но не сумел сказать, что было ее причиною.

Что признаки этого недуга, который помешал нам на несколько дней продвигаться вперед и свел в могилу лучших и отважнейших из наших солдат, были следующие: жар, раскаляющий тело и замутняющий рассудок, и тяжесть в груди, не дающая свободно дышать, от чего все заболевшие и день и ночь уверяли нас, что задыхаются, и натужно хрипели.

Что ни я, ни проводник Хуан Начи-Коком, ни брат Хоакин этой болезни не подверглись и чувствовали себя превосходно, хотя и находились постоянно рядом с заболевшими, и ели с ними из одной посуды, и пили из тех же фляг. Что лихорадка так же не взяла и еще нескольких солдат; и что, сколько я ни бился, не мог уразуметь, почему одни захворали, а другие нет.

Что некоторые из заболевших посему решили, что их пытаются отравить свои же товарищи, желая через такой заговор устранить лишних участников будущего дележа сокровищ, которые нам якобы предстоит отыскать в заброшенных храмах. И что отказывались они впредь прикасаться к воде и еде, опасаясь новой попытки покушения, и убеждали и тех захворавших, которые не верили этому, делать так. И что тем очень ос-

ложнили излечение и вызвали гнев брата Хоакина и его подручных, пытавшихся помочь им выздороветь и окрепнуть.

Что другие стали обвинять в этой напасти последнего оставшегося с нами проводника, и были такие среди здоровых, что поверили им и требовали пытать индейца, и узнать от него правду, он ли навел недуг на несчастных. К таковым принадлежал и Васко де Агилар, который, будучи человеком необыкновенно сильным и крепким, единственный смог переносить страшную болезнь на ногах, однако та затмила его разум. И что Васко де Агилар метался как раненый буйвол по лагерю, разыскивая индейца и клянясь пресвятой Девой Марией собственноручно расправиться с ним за его смертоносное колдовство.

Что брат Хоакин поступал мудро и лечил больных так: делал им кровопускание и накладывал на разгоряченный лоб мокрые тряпицы. Что кровопускание помогало им вначале отменно, но польза от него длилась недолго. И что когда наш проводник Хуан Начи-Кокком предложил брату Хоакину свою помощь и разыскал в лесу некие травы, кои надлежало давать заболевшим для облегчения их страданий и исцеления, тот прогнал его прочь, пригрозив еще и сказать о том остальным.

Что по сей причине Хуан Начи-Кокком просил меня взять его под мое личное покровительство и не отдавать солдатам. И что, прислушавшись к нему и боясь потерять последнего проводника, который мог нас еще вывести обратно в Мани, я сделал так, и спрятал его, и охранял, покуда Васко де Агилар не ослаб настолько, что перестал вставать. Что сам я в причастность Хуана Начи-Коккома к отравлению солдат не верил, поскольку, будь тот отравителем, он с легкостью смог бы скрыться после содеянного в лесах, оставив нас одних и обрекая тем на верную гибель.

Что большинство заболевших лихорадкой скончались, и выжить смог только один из пяти; что среди уцелевших был и сеньор Васко де Агилар, которого эта зараза за пять дней обратила из могучего мужа в собственную бледную тень с желтушечным лицом. Что рассудок их оправлялся от болезни еще медленнее тела, и еще долго виделись им пугающие сны, а наяву они были недоверчивы и боялись всего, не забыв и о своих прежних подозрениях в отравительстве; дьявольская лихорадка сломила их дух.

Что в один из дней Хуан Начи-Кокком осмелился сказать мне, что знает причину болезни; что я приказал немедленно сообщить все, что ему известно, надеясь помочь больным исцелиться. Подчиняясь, он приписал зара-

жение хворью тем самым крошечным мушкам, что донимали нас на привале несколькими днями ранее, когда мы заночевали на болотах.

Что убереглись от недуга лишь те из нас, кто не побрезговал предложенным индейцами средством, пахнущим премерзко; прочие же, пренебрегая им, тем самым себя обрекли. И что я спросил Хуана Начи-Кокома, отчего он не предупредил всех об этой опасности заранее и почему не стал говорить, в чем корень болезни, когда она начала уже косить людей. И в свое оправдание сообщил он, что ранее не имел уверенности в болезнетворности гнуса, а мази хватило бы только на немногих. Что же до нежелания назвать страдающим причину их недуга, то это он сделать не отважился, считая, что тогда его немедленно обвинят в преднамеренном губительстве, как случилось и без его признаний.

Что, попросив хранить эту тайну, за спасение его от обезумевших от хвори солдат и, прежде всего, Васко де Агилара, этот индеец отплатил мне по справедливости, доверив такое, о чем прежде он сам и его соплеменники отказывались говорить даже под страхом костра».

Хотя мне хотелось прервать чтение еще при описании первых симптомов загадочной лихорадки, поразившей отряд, я так и не сумел оторваться от текста, покуда не покончил с посвященным ей пассажем. Лишь после этого, опустив веки, я стал вспоминать ту болезнь, что довелось перенести мне самому. Жар, скручивающий тело, как тряпку, и выжимающий из него весь до капли пот, соперничающие по правдоподобию с действительностью кошмары и слабость, которая лишает воли и мышцы, и разум, делает их ватными, чужими...

Признаки те же; я-то грешил на холодный ливень, под который попал, блуждая в прострации по арбатским переулкам. Однако на самом деле подцепить заразу я мог несколько раньше — вместе со всем отрядом, на болотах Кампече. Я хотя бы мог противопоставить этой мнимой простуде пять столетий развития медицинской науки, лошадиные дозы жаропонижающего и постельный режим. Остальные участники экспедиции должны были довольствоваться бесполезными кровопусканиями, влажной тряпкой компресса, в считанные секунды нагревающейся и перестояющей приносить облегчение, и тяжелым сырым воздухом тропического леса, который так трудно входит в окостеневшую грудь. У меня получилось перебороть призрачную лихорадку быстрее и с мень-

шими последствиями, однако вряд ли я смог бы выстоять против нее, случись мне быть искусанным болотным гнусом четыреста пятьдесят лет назад.

Рассуждая так, я уже полностью уверовал в то, что моя болезнь была отброшенной на наш мир тенью болезни из читаемой мною книги, и даже не задавался вопросом, как это возможно. Заразился ли я, держа в руках листы, на которых могли оставаться иссушенные и уснувшие на века бактерии? Мне приходилось слышать, что споры, переносящие сибирскую язву, попадая в неблагоприятные условия, могут ждать своего часа десятки лет; впрочем, не исключено, что я здесь опять что-то путаю.

Или, чтобы успокоить свое раненое рацио, допустить хотя бы, что на людей с подвижной психикой, вроде меня, дневник может оказывать некоторое гипнотическое воздействие?.. В любом случае, надо было набраться храбрости и все-таки признать, что мне приходилось иметь дело с не вполне обычной книгой...

Делал ли я свой выбор осознанно, когда стало ясно, что книга заставляет меня идти ва-банк? Понимал ли я, что среди ярких фишек, выложенных мной на зеленое сукно в этой азартной игре, правил которой я не знал, одна означает здравомыслие, другая — веру в реальность окружающего мира, третья — жизнь? Вряд ли. Я был так увлечен самой игрой и раздражен возможностью выигрыша, сулившего мне катарсис и просветление одновременно, что не задумывался о ставках. И хотя они повышались с каждой прочтенной страницей, остановиться я уже не мог.

«Что, когда люди наши погибали от этой проклятой лихорадки один за другим, спорили мы, как поступать с их телами. Что были среди нас такие, кто требовал отпеть их и похоронить по христианскому обычаю; иные же говорили, что трупы надо сжигать, как во время чумы, дабы уберечься от заражения. Что сам брат Хоакин, лечивший их, не знал, как поступать, поскольку монах в нем требовал для несчастных отпевания и человеческих похорон, а лекарь — предавать тела пламени, дабы спасти здоровых.

Что некоторые умирающие, приходя в сознание, заклинали не жечь их тела, говоря, что поступая так, мы отрицаем им воскрешение после Второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа; однако же каждый вечер смерть приходила за несколькими из них, и врач в душе брата Хоакина во-

зобладал в конце концов над священником. И что когда очередной солдат отдавал Богу душу, брат Хоакин отпевал его и потом сам сжигал тело, плача и моля Всевышнего простить его великие преступления.

Что трупы предавали огню в стороне от лагеря, чтобы не тревожить больных, но когда ветер был с той стороны, где это происходило, больные приходили в великое беспокойство, и многие из них кричали и плакали, моля Господа, что бы их минула эта ужасная доля.

Что через неделю от нашего отряда остались всего девять человек, среди которых сеньор Васко де Агилар, брат Хоакин, проводник Хуан Начи Коком и я, а также пятеро солдат; прочие же все умерли. И что один из солдат, по имени Хуанито Хименес, спрашивал, не была ли лихорадка нам знаком, и не должно ли нам повернуть назад, пока мы не погибли все, однако его никто не послушал; люди надеялись еще найти сокровища, коих теперь при дележе причиталось бы на каждого в избытке.

Что, когда я спросил проводника, долгий ли еще путь лежит перед нами, тот ответил, что теперь уже осталось пройти немного и что вскоре должна показаться дорога, по которой мы можем идти куда быстрее.

Что Хуан Начи Коком отныне держался подле меня и никуда сам не отходил, и что покидал меня, только отправляясь на охоту. Что по этой причине мы с ним шли во главе отряда, так как он должен был показывать путь, а прочие ступали сзади. Что этот молчаливый индеец из признательности стал много говорить со мной, объясняя мне жизнь леса, рассказывая иногда удивительные и непонятные испанцу легенды своего народа, которые, несмотря на то, что учился в школе при монастыре, очень хорошо знал. И что в один раз, когда другие отстали от нас порядочно, он спросил меня, что известно мне о летописи будущего.

Что это странное его выражение я принял за оговорку и отнес на счет его испанского языка, который, хоть и был хорош, иногда мог его подвести. Но что, когда я сделал ему замечание, Хуан Начи Коком не исправился, а настоял на своем, и шепотом поведал мне, что за этой летописью и послан наш отряд, а отнюдь не за сокровищами, которых, возможно, в храме и вовсе нет.

Что в тот миг догнал нас брат Хоакин и стал расспрашивать индейца о некоторых найденных им травах и об их свойствах, так что наша тайная беседа была прервана».

Уже сквозь страницу, содержащую несколько последних абзацев, не смотря на толщину и приобретенный с веками цвет бумаги, виднелось что-то темное, отпечатанное или нарисованное на следующем, лежащем под ней листе. Приняв это за иллюстрацию, я подавил в себе любопытство и не стал забежать вперед, чтобы поскорее ее рассмотреть. Я сосредоточился на переводе, вскоре забыл о проступавшем сквозь бумагу неясном силуэте и без труда вытерпел до конца страницы.

Но перевернув ее на словах «была прервана», я застыл: то, что я принял за гравюру или рисунок, оказалось бурым пятном причудливой формы и самого зловещего вида. Я не сомневался ни секунды: это была кровь, и, судя по характерному ржавому оттенку, пролитая не так давно.

Мне пару раз приходилось наблюдать, когда у меня в школе кровь шла носом, как такие пятна постепенно высыхают на листиках в клеточку и линейчку. С гладкой поверхности таких листов соскальзывают даже шариковые ручки, а упавшие на бумагу ярко-красные кровяные капли будут одиноко остывать, медленно выцветая по мере того, как задыхаются и погибают эритроциты. Цвет этих пятен в школьных тетрадях распределяется неравномерно: под действием силы тяжести и векторов молекулярного движения кровь соберется в одной точке пятна, где, в конечном итоге, бумага будет темнее.

Это отступление может оказаться неуместным, но пока я, стараясь утихомирить застучавшее вдруг сердце, разглядывал кровавую кляксу на следующей странице, думать ни о чем другом у меня не выходило. Все пятно было одинаково, ровно окрашено. Старая бумага, не покоровившись, жадно впитала кровь; так растрескавшаяся от июльской засухи земля, сколько ее ни поливай, до капли выпивает всю воду.

Листкам в клеточку и в линейчку несвойственна такая вампирическая жажда; конверсионные чудища постсоветской писчебумажной промышленности, из чрева которых выходят сотни тонн школьных тетрадей, не умеют вдохнуть в бумагу жизнь. А вот бумага испанского дневника была осязаемо живой...

Оно находилось внизу не заполненной до конца текстом страницы — почти там же, где на исходе Capítulo II располагался рисунок уродца Чака; должно быть, я принял его за картинку еще и по этой причине. В кляксах, как и в облаках, можно бесконечно угадывать всевозможные очертания, это известно каж-

дому, кому психолог хоть раз подсовывал свои злокозненные бумажки с тестами Роршаха. То, что для одного пациента выглядит как бабочка, другому видится ядерным грибом, а третьему — сиамскими близнецами в профиль. Изобретение Роршаха — камертон для настройщиков человеческих душ.

Моя, видимо, была изрядно расстроена. С одной стороны, я прекрасно сознавал, что бурое пятно на бумаге — такая же бессмысленная клякса, как растекшаяся тушь на бланках с тестами; с другой — его линии однозначно складывались в силуэт какого-то фантастического животного. Равномерно высохшая кровь делала рисунок вдвойне жутким и невозможным: ее не размазывали, добиваясь зловещего сходства, она словно сама легла так на бумагу, которая тут же всосала попавшую на нее жидкость.

Процарапанные карандашом бороздки я заметил не сразу: все следы грифеля были старательно стерты резинкой, и к тому же, пятно покрывало большую часть надписи. Из-под покрова выбивался только хвостик буквы «й», и я не обратил бы на него внимания, если бы не стал так усердно изучать контуры кляксы. Не понимая толком, зачем я это делаю, я тоже взял карандаш и покрыл пятно легкими штрихами. Конспиративный прием из моего детства сработал: сквозь косой грифельный дождь бороздками проступили четыре написанные по-русски слова: «они идут за мной».

Как бы удивительно и глупо ни могло это показаться, но первым чувством, возникшим во мне еще прежде тревоги, была ревность. Так я был не первым человеком, читающим дневник в этом месте пересечения временной и пространственной плоскостей? Значит ли это, что меня лишили привилегии внеочередного доступа к загадкам мая и почетной должности толмача, проводника неведомого заказчика по тропическим лесам Юкатана? Карандаш в моей руке хрустнул и развалился на две части.

Очнувшись, я с недоумением уставился на сжатый и побелевший от напряжения кулак, выпустил обломки, и в мою душу стал медленно просачиваться страх. Кто бы ни переводил отчет об экспедиции до меня, закончилось это для него дурно. Вслед за ним я спускался все глубже в подземелье этой истории, и вокруг уже стояла совершенная темнота: светлый квадрат входа где-то высоко и далеко за моей спиной, который мог раньше приободрить меня, обещающая возможность бегства, больше не был виден.

Оставалось только продолжать спуск. От конца главы меня отделяли всего два абзаца, и ничего еще более ужасного за те минуты, пока я их читаю, со мной приключиться не могло.

Дмитрий Глуховский

«Что уже на следующий день случилась с нами благая вещь: отряд наш вышел на некую опушку, от которой начиналась с пустого места превосходная дорога, вымощенная великолепным белым камнем; похожие дороги мне случалось видеть и в других местах, но они непременно куда-то вели, и были все в скверном состоянии, и заросли лесом. Эта же дорога казалась проложенной лишь год или два назад, и деревья с кустами сторонились ее, так что у нее имелась еще и обочина.

Что Хуан Начи Коком назвал эту дорогу «сакб» и сказал, что для индейцев она священна и зовется Дорогой судьбы. И что, прежде чем наш отряд вступит на нее, нам следует знать, что обратного пути по ней не будет»

Как только я дочитал последние строчки, раздался грохот, в тишине моей квартиры прозвучавший как раскат грома. Кто-то возмутительно сильно и требовательно стучал во входную дверь.

Я механически взглянул на часы.

Стрелки показывали полтретьего ночи.

(La intrusión)

La Intrusión

Несколько секунд я сидел, парализованный неожиданностью и необъяснимостью происходящего, вслушиваясь в наступившую после грохота пронзительную тишину и убеждая себя, что стука не было или, по крайней мере, стукались не ко мне, а к соседям.

Три новых отдельных, четких удара, обрушившихся на мою — именно мою — дверь, вывели меня из прострации. Укрыв листы испанского дневника в ворохе машинописных страниц, я заставил себя подняться на ноги и сделать первый нетвердый шаг вперед. Путь к входной двери дался мне нелегко: настоящий на страхе, воздух в моей квартире стал плотным, как вода, не пускал и отталкивал меня назад.

Оказавшись наконец у выхода, прежде чем посмотреть в глазок, я прижался ухом к двери и замер. Мне было отлично слышно деловитое шуршание электрического счетчика над головой, бульканье капель, падающих из крана в залитую водой кастрюлю в кухонной раковине, лай и вой собак где-то далеко на улице... Но из-за двери не доносилось ни звука: никто не разговаривал, не переминался с ноги на ногу, не прокашливался, готовясь объяснить с хозяином квартиры по поводу неурочного визита. Надеюсь услышать хотя бы чужое дыхание, я затаил свое собственное и опустил веки...

...И тут же отпрянул, оглушенный. Очередные три удара стоявший в коридоре нанес, казалось, точно в то место, к которому я прижимался ухом.

— Кто там? — голос подвел меня, поскользнулся и сорвался в истерический визг.

Не меньше минуты я прождал ответа. В голову лезли мысли о том, что, если я загляну в дверной глазок, через него в меня могут выстрелить, как поступают наемные убийцы в кино. Глупость, казалось бы, невероятная, но предупреждение, проступающее сквозь кровавое пятно на последнем листе перевода, готовило меня именно к такого рода сюрпризам.

Собаки во дворе завывали громче и на этот раз как-то особенно тоскливо. Теперь я уже сказал бы, что они находятся не так и далеко от моего подъезда. Странно: бродячих псов у нас во дворе раньше не было, а кому взбредет в голову гулять со своей собакой посреди ночи? И потом, разве на прогулке с хозяином хоть один пес станет выть? Никогда о таком не слышал... Я был готов думать о чем угодно, лишь бы не вспоминать, что сижу на корточках под собственной дверью, в то время как снаружи меня кто-то ждет.

Помогла мне не отвага, а стыд. Стыд за нелепость своего положения, за то, что я вынужден играть по чужим и навязанным мне правилам, за то, что другие участники этой неведомой игры заставили меня позабыть о том, что все это — не всерьез, розыгрыш. Неужели я так и буду ползать по паркету, прячась от своих страхов, как пятилетний мальчишка?

В пять лет со мной приключилась любопытная история. Родители оставили меня дома одного, как они делали довольно часто — в детстве я был спокойным, независимым и при этом предсказуемым, а моя самостоятельность не то чтобы граничила с аутизмом, но вполне избавляла мать и отца от этических сомнений и нормальной в случае других детей тревоги. Мальчик ведет себя совсем как взрослый, шалить не станет, будет тихонько играть в конструктор или читать книжку — сущий ангел; не то что соседский. По поводу незнакомых взрослых, которые могут звонить в дверь, я был четко проинструктирован. Если в дверном глазке был чужой человек, открывать запрещалось. Милиционеры, пожарные, водопроводчики, — как бы они ни выглядели и что бы ни говорили — нельзя даже было спрашивать, кто там, и никогда — заговаривать с посторонними на улице и отвечать на их вопросы. Меня убедили, что этот простой кодекс полностью оградит меня от любых опасностей, а на самый крайний случай оставался телефон в родительской комнате, по которому можно было набрать написанный прямо на нем номер районного отделения милиции. Сделать это мне так и не представилось случая.

Однако в тот раз, о котором я рассказываю, произошло нечто непредвиденное. Уже начинало темнеть, и я, кажется, пошел на кухню, чтобы сделать себе бутерброд.

Этот звук раздался из соседней комнаты — дверь в нее была приотворена, но не широко, так что увидеть из коридора то, что творилось внутри, я не мог. Звук был громкий и отчетливый; перепутать его с чем-либо было невозможно. Единственное, что могло бы заставить меня задуматься, — это именно его чрезмерная громкость. Однако объяснение можно найти всему.

Так или иначе, в соседней комнате, где, разумеется, никого не было и не могло быть, кто-то тяжело дышал.

Историями о привидениях я никогда не увлекался, хотя в шесть лет уже довольно бегло читал: заботясь о моем воспитании, родители подкладывали мне вполне материалистические и жизнеутверждающие книги, вроде сказок Джанни Родари и Кристиана Пино. Только выросши и просмотрев любимую в детстве книжку сказок, я не без удивления и некоторого ехидства открыл, что Кристиан Пино был председателем французской Компартии. Пусть его перевод на русский и объяснялся соображениями интернациональной дружбы и прочей конъюнктуры, но сказки председатель писал совершенно волшебные — во всех смыслах. Однако руководящий пост не мог не накладывать на сказочника определенных обязательств: призраков, ведьм и прочих глупостей в его произведениях не было. Впрочем, и без них обходилось прекрасно. То же и с Родари, Алексеем Толстым, Степаном Писаховым и Туве Янссон. Весь этот перечень доброй детской литературы, прошедшей суровый отбор редакторов Детлита, я привожу здесь только для одного: чтобы пояснить, насколько я был не готов к встрече с привидениями.

Меня натаскивали на оборону квартиры от угрозы, исходящей извне. Дверь мои родители изображали если и не непреодолимой, то уж точно — вполне осязаемой и реальной преградой на пути гипотетических грабителей. Я таким положением был вполне удовлетворен и о существовании других возможностей даже не задумывался.

Представить себе, что в наш дом кто-то проник, минув входную дверь, я не сумел: о фантомах я почти ничего не знал и при этом был полностью уверен, что никто из знакомых мне людей в квартире находиться не может. В итоге, усевшись на полу в прихожей и, так и не отважившись приоткрыть пошире дверь в комнату, я заревел от ужаса. Когда в промежутках между долгими во-

плями я затихал, чтобы набрать в грудь воздуха, из комнаты явственно слышалось человеческое дыхание.

За десять минут, проведенные на ковролине в прихожей, я примирился с тем, что в мире есть место сверхъестественным явлениям, и навсегда расстался с ощущением покоя и уверенности в собственной безопасности. И еще научился задавать себе и другим вопросы, даже когда знал, что вместо ответа меня удостоят в лучшем случае недоуменным взглядом. А потом, за следующие пять минут, — преодолевать свой страх, перешагивать через инстинкт самосохранения и, наконец, смеяться над собой.

Когда, обливаясь слезами, я встал с пола и, еще всхлипывая, толкнул изо всех сил дверь, то увидел, что каким-то образом открылось окно; короткие порывы ветра, рвавшегося внутрь и лавировавшего между отворенными ставнями и мебелью, создавали тот странный шум, который я принял за человеческое дыхание. Окно я тут же запер, дверь в комнату, наоборот, распахнул и припер стулом, чтобы она больше не закрывалась, а потом включил по всей квартире свет. На этом экзорцистский ритуал завершился.

Так состоялось мое первое знакомство с демонами. Три десятка лет спустя они вернулись, и что же? Я снова уселся на пол, готовясь расплакаться!

Ноги спружинили сами, и, забыв о предосторожности и о подстерегающих меня с той стороны убийцах со снабженными глушителями пистолетами, приникнув к глазку, я повторил: «Кто там?!» Как и прежде, отвечать *он* мне не стал.

Видно было довольно скверно: лампочка на площадке перед моей дверью перегорела. Оставалась, правда, еще одна — лестничным пролетом выше, но и та watt на сорок. Чтобы как следует рассмотреть жуткого визитера, мне пришлось притушить освещение в коридоре. Сделал я это из какого-то противного, липкого любопытства, с каким люди смотрят фильмы ужасов или наблюдают за казнью других людей. Здравый смысл подсказывал совсем иное: скорее запереть дверь на все оставшиеся замки, собачку, забаррикадироваться, вызвать милицию! Вместо этого я повернул выключатель в прихожей и в сгустившемся мраке принялся жадно изучать очертания фигуры, неподвижно стоявшей на лестничной клетке в паре шагов от моей двери.

Она была ненормально огромная, больше двух метров ростом, отчего так и подмывало успокоить себя: это понарошку, это просто какой-то шутник завернулся в плащ и залез на табурет... Но по-настоящему меня испугали пле-

чи — непомерно широкие, делающие мутный силуэт в глазке чуть ли не квадратным, как у каких-нибудь персонажей в американских мультфильмах. Вот именно что в мультфильмах: отсутствие привычных глазу человеческих пропорций не позволяло верить в подлинность, реальность этой фигуры. Во мне крепла уверенность в том, что я сплю или брежу.

Несмотря на выступающий над плечами широкий бугор, который, по видимости, должен был быть головой, все очертания вкупе решительно не производили впечатления человеческой фигуры. Даже не окажись головы на месте, мой гость не мог бы стать *еще* страшнее. Разглядеть его силуэт лучше мешали слабое освещение и быстро запотевающий от волнения глазок, однако и того, что я мог видеть, было вполне достаточно, чтобы сделать единственно верный вывод: на лестничной клетке меня ждало создание, которому решительно не было места в том, что мы называем действительностью. Выражение «не от мира сего» приобретало для меня новый, нехороший смысл.

Удивительно, но во мне имелась некая подсознательная готовность к такой встрече. Начиная с определенного момента я чувствовал, что реальность вот-вот может прогнуться и исказиться, как лицо посетителя в комнате смеха (никогда не находил ничего смешного в этих неприятных заведениях) — настолько необычен был попавший в мои руки документ и все связанное с ним. Как бы поточнее выразиться? Всерьез посвятив свою жизнь изучению НЛО, начинаешь не только верить в пришельцев, но даже обижаться на них за то, что именно тебя они обходят стороной.

Когда мои расширившиеся зрачки смогли зачерпнуть достаточно света, чтобы присмотреться к *нему* повнимательнее, я начал различать некоторые детали: оно, кажется, действительно было одето в безразмерный темный плащ, а огромная голова была тяжело опущена на грудь — чтобы я не видел лица? Или его отсутствия?

Оно стояло абсолютно неподвижно, не издавая ни малейшего звука, словно было не живым существом, а механизмом, выполнившим часть своей программы и замершим до новых приказаний.

Может, и вправду чья-то глупая шутка? Как-никак, скоро Новый год, люди уже празднуют. Нет ли у нас какой-нибудь народной традиции пугать людей до полусмерти бездарными розыгрышами под праздник? Что-то было связано с Сочельником, вроде бы, когда там этот чертов Сочельник? Скрутили из проволоки каркас, накинули брезент, постучали в дверь — а сами сидят на лестнице и стараются придушить смех. В этой штуковине на лестничной клетке нет

ровным счетом ничего такого, дураку ясно, что она неодушевленная. Вот выйду наружу и задам им трепку!

Я так расхрабрился, что и вправду, взявшись за дверную ручку, потянул ее вниз. Излишне уточнять, что, не будь замок заперт, куражиться я бы не стал. Дверь я закрываю всегда, как только вхожу в дом, доведенным до автоматизма движением: два поворота влево, потом щелчок — фиксатор уходит наверх; на все не требуется и секунды. Случалось, конечно, изредка забываться, вынося ведро или спускаясь к почтовому ящику за газетами, но уж сегодня я точно заперся. Ведь правда?

Как только ручка описала дугу до конца, язычок спрятался, и дверь под тяжестью моего тела медленно подалась вперед...

...Давно собирался смазать петли — от пыли и ржавчины они безбожно скрипели, наждаком проходясь по слуховым нервам всякий раз, когда я открывал дверь недостаточно быстро. Но подсолнечное масло в петли заливать нельзя, так будет только хуже, — кто-то мне об этом авторитетно рассказывал, а машинное надо было еще специально разыскивать; в результате, вместо того, чтобы решить вопрос кардинально, я научился чуть приподнимать дверь и открывать ее выверенным молниеносным броском, которому мог бы позавидовать любой мангуст. Зато скрежет был не таким мучительным.

Будь петли смазаны, я так и застрял бы в этом гипнотическом полусне и, конечно, осознал бы случившееся слишком поздно, когда сгустившийся за дверью кошмар скользнул бы уже беззвучно в мой дом, и вышло бы так, что я сам пустил его внутрь. Но протяжный надрывный скрип петель отрезвил меня.

В те доли секунды, когда, спохватившись, я уже перестал толкать дверь вперед, но еще не успел потянуть ее на себя, я ясно ощутил, как с другой стороны за ручку мягко, но властно взялось *оно*... петли испуганно умолкли, но створка упрямо продолжила движение, открываясь...

Чтобы захлопнуть ее, мне пришлось упереться в пол и что было сил дернуть обеими руками, — тяжесть была невероятная, словно я, как силач из Книги рекордов Гиннеса, тянул на себя груженный железнодорожный вагон. Язычок лязгнул и встал на место.

Не давая ему опомниться, я тут же закрепил успех — в полсекунды закрыл один замок, сняв предохранитель, спустил пружину второго, протянул собачку, потом громыхнул выдвижным засовом и только тогда перевел дыхание. Прижался к глазку — темная махина стояла точно там же, где и прежде, не сдвинувшись со своего места ни на сантиметр.

Оглушенный и замороженный, я старался обуздать скачущее галопом сердце, вцепившись в отполированный набалдашник на дверном засове, все еще упираясь ногами в пол и не отрывая взгляда от фигуры на лестнице. Обдумать творившееся со мной совсем не было времени: как раз в тот момент, когда я думал отлучиться на кухню за мясным ножом, оно сделало шаг вперед.

Одного этого шага оказалось довольно, чтобы понять, как глупо и наивно было надеяться на рациональное объяснение происходящего. Движение далось созданию тяжело: оно медленно оторвало от пола ногу (нижняя часть его тела оставалась для меня невидимой, зато верхняя, почти целиком укладываясь в обзорное поле глазка, перекосилась, левая сторона с какой-то *тектонической* неспешностью и монументальностью вздыбилась, а потом приблизилась к глазку. Затем с таким же усилием чудище (ничто не могло бы теперь убедить меня в том, что передо мной человек) передвинуло вперед и другую половину своего колоссального тела. Самым жутким показалось мне совершенное, невозможное беззвучие, с которым оно перемещалось. Подобравшись поближе к двери, темный силуэт заполнил собой все видимое пространство. Меня буквально отбросило назад; сам я предпочел тогда списать это неосознанное движение на инстинкт самосохранения, однако позже, анализируя свои ощущения, понял, что оно было окружено полем ужаса, отталкивающим от него все живое... словно некий дьявольский магнит наоборот. И тут же раздался стук — точно так же, как и раньше: три неспешных тяжких удара.

Горло пересохло, и сглотнуть никак не удавалось. Игра явно зашла слишком далеко; но главное — ход перешел к другим участникам, о существовании которых я раньше догадывался, но упрямо отказывался в него верить.

По счастью, телефон у меня стоит на столике в прихожей, значит, я мог набирать номер, не отходя далеко от двери. Десять секунд на то, чтобы метнуться на кухню за ножом (как будто он сможет меня спасти!) и, вернувшись, наскоро обшарить все замки — да, вроде все заперто... Потом, осторожно отходя спиной вперед, не поворачиваясь затылком к входной двери, дотянуться до телефона. Ступать как можно тише — скрип паркета не должен заглушить ни малейшего шороха, который может донестись *с той стороны*. Теперь остается только набрать нужный номер.

Гудок в трубке был сипловатый и чуть приглушенный. Арбатская телефонная станция, наверное, оставалась последним оплотом сопротивления старых, аналоговых узлов — все остальные уже пали под неудержимым напором современных коммуникационных технологий. Качество связи было весьма со-

мнительным: даже голос соседа из квартиры двумя этажами выше звучал из моей трубки так слабо, будто ему пришлось добираться сюда из Западного полушария по проложенному по дну океана трансатлантическому кабелю. Случалось, на станции что-то барахлило, и тогда меня соединяли совсем не с теми абонентами; бывало и так, что в шведском телефонном оборудовании начала прошлого века, установленном на нашем узле, замыкало неведомые контакты, и в мой разговор неожиданно вклинивались еще два посторонних человека.

Не помню уже, когда мне приходилось звонить в милицию, но за последние десять лет такого точно не случилось ни разу. Я не имел ни малейшего представления, сколько надо ждать, пока на другом конце провода некий кинематографический мужественный оперуполномоченный с волевым подбородком скажет «Вас слушают?». Поэтому, набрав сакральное «02» и напряженно выслушав пять долгих гудков, после которых трубку все еще никто не снял, я встревожился.

Шесть... десять... семнадцать... двадцать пять... На тридцать четвертом гудке в мою дверь снова постучали — так сильно, что в ответ в кухонном буфете задребезжала посуда. Я попробовал дозвониться до пожарных и неотложки — безрезультатно. Казалось, в этом мире я остался один на один с чудовищным посланником из чьих-то ночных кошмаров, осадившим мою квартиру и терпеливо ожидающим моей капитуляции.

Трубка так и пролежала на столике всю ночь, через равные промежутки времени испуская тонкий и неуверенный писк. Продрожав от страха и усталости еще два часа, я в конце концов не выдержал и забылся пустым черным сном. Когда я очнулся, на улице уже стоял день. На лестничной клетке никого не было; но я успокоился, только пронаблюдав за ней в глазок минут десять и увидев спускающуюся вприпрыжку соседскую девочку.

Я подошел к столику, повесил трубку, но затем из простого любопытства перенабрал «02». Не знаю уж, что я хотел себе этим доказать. Уже через два гудка в динамике что-то мягко щелкнуло и низкий мужской голос произнес:

— Милиция. Вас слушают?

Что можно сказать в таком случае человеку в форме? Всю ночь у меня под дверью торчал голем, скорее приезжайте? Несмотря на предупреждения, я продолжил читать манускрипт пятисолетней давности, и теперь темные силы пытаются заставить меня прекратить это делать, защитите меня от них? Поколе-

бавшись несколько секунд, но так ничего и не сказав, я отключился. Потом отпер все замки и вышел наружу.

На площадке не было никаких следов существования, которое я накануне видел в дверной глазок. Сквозь заиндевшее окно посреди лестничного пролета внутрь пробивались солнечные лучи, на улице стояла великолепная погода. Снизу долетали радостные детские голоса, кабина лифта беспокойно сновала между этажами, то и дело хлопала дверь подъезда. Вчерашние страхи вдруг показались мне смешными. Перенервничал? Заснул за столом, а потом в лунатическом сне прибрел в прихожую? На всякий случай я вышел на середину площадки и осмотрелся.

Обернулся назад и замер. На дерматиновой обивке моей железной входной двери было что-то написано. Аккуратно прикрыв ее, я недоверчиво уставился на черные буквы, выведенные, кажется, сажей. Надпись была сделана на испанском — вроде без ошибок, но мне все же не удалось отделаться от ощущения, что эти слова стали первым, что их автор написал в своей жизни, так странно и коряво были *вырисованы* буквы.

«el conocimiento es una condena»

...я мог перевести и без словаря...

«Знание это приговор»

— Совсем уже распоясались! — возмущенно пропыхтел кто-то за моей спиной.

Я обернулся, поспешно пытаюсь смахнуть с лица меловой след испуга. Уперев руки в бока, у лифта стояла моя бескомпромиссная соседка из квартиры напротив. Второй подбородок, скрывая шею, уходил прямо в расстегнутый ворот нутриевой шубы. Под надвинутой на лоб круглой меховой шапкой мрачно горели глубоко посаженные глаза.

Что же, она будет мне сейчас делать внушение за поздних гостей, которые спяну барабанили в мою дверь ночь напролет и перебудили весь дом?

— Вы посмотрите, что делают, а? Вот и Леониду Аркадьевичу с седьмого тоже такое написали, да еще и похлеще, про дочку его. Это, конечно, не из наших. Здесь вечно в подъезде черт-те кто ошивается, на втором этаже всегда окурков набросано! В следующий раз увижу — участкового вызову, с меня хва-

тит! Зачем их учат английскому этому, чтобы они двери людям портили?! — ткнув в адресованное мне зловещее послание своим пухлым пальцем, она чудесным образом превратила его в заурядную хулиганскую выходку.

— Это испанский, — сообщил я ей доверительно, но наткнулся на колющий подозрительный взгляд.

— А вы тоже хороши, — отрезала соседка.

— Серафима Антоновна... А вы вчера ночью ничего не слышали? Такой грохот был на лестнице, несколько раз просыпался!

Я тоже нахмурился, всем своим видом показывая, что твердо стою на стороне добропорядочных жильцов и настроен решительно против хулиганов, алкоголиков с пятого и семейки этажом выше, которая постоянно дрелит стены после десяти вечера. Не говоря уже о големах.

— Стучали, стучали! Это на пятый этаж милиция приходила, так они там дебоширили. Мне Светлана Сергеевна рассказывала. Пора их уже выселять, пьяниц этих. Надо начать подписи собирать, — она гневно затрясла подбородком, отчего жир на ее лице и шее всколыхнулся и пошел мелкой рябью.

Серафима Антоновна принялась расстегивать пуговицы на шубе, явно рассчитывая на продолжение беседы о наблевшем, но я проворно ретировался за дверь.

— Полностью солидарен. Вы извините, мне работать надо, заказчик ждет.

— А что же, похабщину эту вы не станете оттирать? И так весь подъезд загажен! Заходите, я вам моющего средства дам, у вас нету ведь наверняка, у холостого?

И, когда моя дверь уже захлопнулась, сквозь нее приглушенно донеслось: «Хам...».

«Знание это приговор». Куда уж яснее... Не просто какое-нибудь абстрактное знание, а именно то, о котором мы все подумали, — писавший недавно использовал определенный артикль. То самое, за которым и была отправлена экспедиция в непроходимые заросли нынешнего мексиканского штата Кампече. То, которое так оберегали Хуан Начи Коком и полукровка Эрнан Гонсалес. То самое знание, ради сохранения и передачи которого живым людям, быть может, и писался дневник.

Вполне вероятно, ночной визит был последним предупреждением; рассчитывать и дальше на снисхождение я не мог: та судьба, что постигла моего

предшественника, которому в руки попала первая глава, и страшная гибель сотрудника бюро переводов подтверждали это.

Однако со мной творилось нечто необыкновенное. Вместо того, чтобы заставить меня отказаться от этого дела, вселить в меня ужас перед продолжением работы, надпись на моей двери разжигала во мне любопытство. Когда я вспоминал о ней, слово «condena» было не в фокусе, мысленный взор притягивало только чарующее «conocimiento».

Для чего же я проделал с отрядом конкистадоров весь его непростой и запутанный путь сквозь сельву и арбатские переулки, сквозь опасности, болезни и искушения? Неужели я готов бросить все и повернуть назад в тот самый миг, когда впереди показалась прямая дорога? Если испытания и угрозы не испугали испанцев, потерявших девять из десяти своих товарищей, хватит ли мне храбрости, чтобы следовать за ними дальше хотя бы в воображаемые дебри? Обещанное вознаграждение за отвагу и настойчивость спустя пятьсот лет было все тем же. Как, впрочем, и ставка, но о ней я старался не думать.

Продолжение дневника просто обязано было скрывать что-то невообразимое. Секрет изготовления золота из свинца? Рецепт средства, бесконечно продлевающего жизнь? Предсказания будущего? Разгадка тайны гибели цивилизации майя? Учítывая то, какие церберы охраняли эти сведения, на меньшее я был уже не согласен.

Возможно, об этом догадывался и его автор, не излагавший на бумаге всех своих мыслей. Стал ли бы он с таким упорством вести свой отряд вперед, несмотря на тяжелые потери? Если такое знание стоило того, чтобы хладнокровно пожертвовать ради него сорока человеческими жизнями, имел ли я право, оказавшись на пороге обладания им, смалодушничать и не поставить на кон всего одну — пусть и свою собственную?

Закрыв дверь на оба замка и собачку, я наспех умылся и, не завтракая, стал перепечатывать перевод начисто.

Работал я так быстро, что справился со всем за пару часов, хотя из-за спешки несколько раз и ошибался клавишей, после чего мне приходилось вытаскивать лист, замазывать опечатку, бешено дуть на нее, чтобы быстрее подсохло, а потом, с точностью часовщика проворачивая ручку на каретке, пристраивать бумагу — не дай бог, буквы будут не на том уровне.

Меня подстегивало не только желание узнать наконец, что же находилось в пункте назначения испанской экспедиции, но и проступающая сквозь

него боязнь не успеть этого сделать. Теперь я работал словно наперегонки со смутной тенью за моей дверью. Она все еще отставала от меня на полкорпуса, и если я приду к финишу первым, смогу хотя бы несколько секунд посмотреть на главный приз, пусть в конечном итоге все же и проиграю.

Уже в четыре часа все было готово. Как обычно, я набирал под копирку. Спрятав свой экземпляр перевода среди простынь и пододеяльников в бельеовом шкафу, я запахнул пальто, глянул в глазок, толкнул дверь и нажал кнопку вызова лифта. Если все сложится удачно, еще успею вернуться домой засветло.

Идея ехать на троллейбусе была не моя — не иначе как мне ее шепнул в ухо бес, пристроившийся на левом плече. Только накануне я так замечательно быстро доехал до бюро на метро — ума не приложу, почему на этот раз мне пришло в голову добираться на наземном транспорте. Садовое кольцо было непривычно пустым, а троллейбус как раз подъезжал к остановке, и припаянное к мозжечку каждого москвича крошечное устройство, мгновенно вычисляющее скорейший путь по городу с учетом погоды, пробок и последних новостей, заставило меня вскочить на подножку, потеснив недовольного мужичка в собачьей шапке.

Пожалел я об этом уже через пять минут, когда троллейбус намертво встал между Краснопресненской и Маяковской. Водитель извинился тоном, не терпящим возражений, и заявил, что по техническим причинам поездка временно прерывается. Для нетерпеливых он открыл переднюю дверь, но тут же грозно пообещал исправить положение за десять минут.

Выйти не решился почти никто: идти до ближайшей станции метро по обледенелому тротуару было никак не меньше тех десяти минут, за которые водитель взялся устранить неполадку. В итоге на починку ушло более получаса, но большинство пассажиров так и остались сидеть на своих местах: когда уже прождал 15 минут, начинаешь бояться, что троллейбус тронется, как только ты сойдешь.

Дыханием я проплавил в инее, покрывавшем стекло, круглое смотровое отверстие. Видно через него было немного: кусок дома и недавно установленный в специально разбитом скверике еще один памятник героям Великой Отечественной войны. В этом году, приурочив к очередной, в общем-то, не слишком круглой годовщине Победы, их установили по всей стране как-то особен-

но много, включая статую совершенно невероятных размеров и весьма сомнительных художественных достоинств. Весь город был заклеен афишами концертов песен военных лет, кинотеатры показывали ретроспективы черно-белых фильмов о партизанах и взятии Рейхстага, модные фотоцентры с помпой открывали выставки вроде «Лица героев» или «Те, кто...».

Для меня возвращение Победы из архивов на улицы оставалось загадкой. Двадцать лет назад, насколько я помнил, этому событию уделялось куда меньшее внимание. Людей, которые в ту войну не то что сами с оружием в руках ступали по полям смерти, сочащимся кровью, которой пролито столько, что всю ее впитать земля не может, но хотя бы помнили вой сирен тревоги, рвущий пелену чуткого детского сна, в живых оставалось все меньше и меньше. Но почему-то именно сейчас праздник Победы нежданно обрел ту значимость, которая была у него, наверное, только в первые десять-пятнадцать лет после окончания войны.

Может быть, это было последнее «спасибо» последним живым ветеранам. А может, государство черпало вдохновение в их подретушированных историками подвигах и надеялось, что граждане последуют его примеру. И Победа стала вдруг занимать все больше места в сознании народа. Мне это казалось противоестественным: накрашенные старухи плохо смотрятся на пропагандистских плакатах. Семидесятилетней Марлен Дитрих нельзя доверять соблазнение нации.

История — это Медуза Горгона; под ее пристальным взглядом все обмирает и окаменевают. Живые лица, способные когда-то выразить боль, радость, страсть, страх, — застывают с одинаковой героической гримасой. Настоящие цвета — розовый, зеленый, голубой, карий, рыжий, пшеничный — пропадают, уступают место двум мертвым: слепяще-мраморному — для вождей, гранитно-серому — для исполнителей их воли.

Раскиданные по всей нашей стране окаменевшие бойцы Великой Отечественной — как наколотые на булавки засушенные бабочки. Одни призваны уберечь от тления красоту и изящество, другие — спасти от забвения героизм и самопожертвование. Но состояние души нельзя сохранить в формалине. Дети, приученные говорить «Слава героям», плохо понимают, о чем речь. Подлинная память о любой войне живет всего три поколения: чтобы чувствовать, что она значила для тех, кто ее пережил, нужно слушать об этой войне от них самих — сидя у них на коленях. Для праправнуков солдат, не заставших уже их в живых, останутся только скучные учебники, слащавые, однобокие фильмы и

грозно смотрящие в вечность пустые глаза без зрачков, выдолбленные в граните статуй.

У меня, как и почти у всех, наверное, наворачиваются на глаза слезы, когда заслуженный артист сочным баритоном выводит: «Этот День Победы...» Я тоже рос на фильмах о танкистах и о подвиге разведчика Кузнецова. Нацарапать свастику — символ зла, и звездочку — герб «хороших» — на флаге или башне танка до сих пор умеет каждый мальчишка, малюющий что-то в своей тетрадке, и я лично перевел на эту непреходящую тему не меньше десятка детских альбомов для рисования. Раз в год, увидев старика с орденой планкой, я испытываю желание сказать ему «спасибо», хотя в остальное время его занудство и ставший с годами невыносимый характер заставляют меня пожелать ему самого страшного. В конце концов, я пишу слово «Победа» с большой буквы.

Видимо, я чувствую по поводу той войны и людей, которые в ней победили, то же, что и большинство. Но я не понимаю почему с каждым годом она становится все важнее, а остальные, кажется, этому совсем не удивляются.

Памятники и мемориальные доски на каждом углу кажутся мне своеобразными урнами — но не для праха, а для отлетевших душ умерших стариков с орденой планками. Ваяющие героев Великой войны скульпторы просто отработывают гонорары, политики, произносящие речи на церемонии открытия монумента, на самом деле думают о своих любовницах, а дети, кладущие цветы у подножья, волнуются, как бы не споткнуться, идя обратно, ведь это очень важный праздник, хотя и непонятно, почему. Узнать в граните и мраморе отголоски знакомого лица, в последний раз виденного перед боем шесть или семь десятилетий назад, и заплакать могут только ветераны. Скоро их не останется совсем, а город окончательно превратится в бессмысленный и бесполезный сад камней...

Троллейбус конвульсивно дернулся, затарахтел и поехал, а я так и сидел, примерзнув взглядом к сужающемуся прозрачному кружку на белом окне.

В приемной (назвать ее по-другому у меня просто не поворачивался язык) бюро переводов «Акаб Цин» на сей раз сидела не та очаровательная роботизированная девушка, что выручила и обрекла меня, передав мне новую главу, а сошедший с рекламной страницы глянцевого журнала для верхнего сегмента среднего класса современный молодой человек в строгом костюме с

почти незаметным налетом легкомыслия, дозволенного банковским сотрудникам на коктейльной вечеринке.

Зубы у него были белыми, как альпийские вершины, и он об этом хорошо знал. Радужная улыбка была поразительно прочно пришита к его лицу. Глаза не выражали ровным счетом ничего. Наверное, этот навык вырабатывается только после долгих лет особых тренировок.

Приняв папку с выполненным заказом, клерк поблагодарил меня и, безошибочно назвав мои имя и отчество, спросил, желаю ли я и дальше продолжать работать с тем же клиентом. Испарину, выступившую на моем лбу, и мелко дрожащие руки, протянутые с жадностью и нетерпеливостью героинщика, он тактично не заметил. Типовой пластиковый файл со следующей частью перевода и гонорар в белом конверте с логотипом бюро «Акаб Цин» легли на прилавок. Никаких вопросов служащий не задал, а обмен двумя одинаковыми черными папками и конвертом с хрустящими купюрами дополнил забавное сходство происходящего с некой шпионской операцией или сделкой по поставке все того же героя.

— Когда же вам успели это доставить? — я указал на полученную мной папку. — Ведь вроде бы я только вчера предыдущую часть забрал на перевод. Вам что, сразу несколько дали? Я бы мог тогда...

— Нет, что вы, — он улыбнулся еще шире, — мы бы вам тогда, разумеется, вручили все сразу. Так было бы намного эффективнее. Незадолго до вашего прихода занесли. Минут сорок назад.

— А... вы не могли бы сказать, кто занес? Как он выглядел, и вообще...

— Мне очень жаль, но мы не предоставляем сведений о наших клиентах, — благожелательное выражение на его лице неуловимо переменилось: то, что я ошибочно принял за улыбку, казалось теперь грозным оскалом хищника, предупреждающим чужака, что тот вступает на запретную территорию.

— Да, я понимаю, прошу прощения...

— Можете вернуть заказ в любое время, как только будет готов, — как ни в чем не бывало продолжил он. — Мы работаем без выходных. Всего доброго.

Стемнело удивительно быстро, словно кто-то повернул выключатель. Когда я заходил в подъезд дома, где находилось бюро, улицы еще плавали в молочном мареве. Но всего за пятнадцать минут воздух так щедро разбавили чер-

нилами, что, если бы не фонари, от Земли остался бы только пяточок двадцати шагов в радиусе и со мной в центре.

Решив не искушать судьбу, я поехал на метро. С наступлением темноты я почувствовал себя куда менее уверенно, и ни предвкушение нового путешествия во времени, ни мысли о все четче вырисовывающейся в словесном тумане разгадке конечной цели экспедиции не помогли мне больше отвлечься от образа чудовища, всю ночь ждавшего меня под дверью моей квартиры. В переходах мне несколько раз казалось, что на меня и идущих впереди людей падает тень от огромной фигуры, закрывающей даже светильники на потолке. Я оборачивался, только чтобы укорить себя за слабость и потакание своим глупым страхам. От ощущения того, что за мной следят, физически ощутимо свербило в спине и неприятно щекотало в затылке. Дождавшись поезда на самом краю платформы, я уступил себе еще раз и, расталкивая выходящих из дверей пассажиров, до отправления успел пробежать два вагона, прежде чем заскочил внутрь. За мной никто не погнался, и до выхода на улицу тревога чуть разжала хватку.

Хотя я мог бы скостить приличный кусок пути, идя от метро по пустым вечерним переулкам, ноги понесли меня на Арбат — там пока было многолюдно, а значит, вероятность нападения снижалась — во всяком случае, мне хотелось так думать. Сдерживать себя мне становилось все труднее, и если, отсчитывая тройные арбатские фонари, мне еще удавалось шагать размеренно, чтобы не привлекать внимание, то зайдя в свой двор, я стремглав кинулся к подъезду. На другом конце дворового сквера опять слышался лай — не иначе как это место действительно облюбовала свора бродячих псов.

Но когда я уже набирал входной код в подъезде, вечернюю арбатскую какофонию — мешанину из гула моторов, шума голосов, гудков и собачьей перебранки — прорезал долгий жуткий вопль, леденящий и какой-то *нездешний*.

Собаки мгновенно смолкли, словно поперхнувшись своим лаем, а потом одна за другой отчаянно взвыли. Я дернул ручку двери, закрывая ее за собой, и за считанные секунды взлетел на этаж, загнанно огляделся по сторонам на площадке, и только оказавшись в своей квартире и щелкнув всеми замками, изможденно прислонился к стене в прихожей и попробовал отдышаться.

На лестнице все было тихо. Даже не снимая пальто, я прошел в комнату и выложил на стол папку. Из-под блестящего черного пластика мне успокаивающе подмигнула старая песочная бумага. Я вытер вспотевший лоб и откинулся на спинку стула.

«Что значение индейского слова сакб, как называли ту удивительную белокаменную дорогу, по которой мы решили ступить далее, раскрылось для меня лишь позднее. И что жизнь моя от этого переменилась, и я сам после уже никогда не был прежним.

Перемены же эти были связаны со случившимся во время моего странствия по сакбу и с тем, что открылось мне в конце моего пути. С тем знанием, о котором поведу рассказ ниже и о котором я писал уже во введении к настоящему отчету, помещенном мною в Первой главе сего дневника...»

• La Iniciación •

La Iniciación

«Что по этому сакбу мы отправились далее, и шли, если верить звездам, на юго-восток, и что в первые часы путь давался нам необычайно легко, поскольку под ногами впервые за долгие дни оказалась мощная дорога, а не коварная земля болот.

Но что та легкость, с которою мы продвигались вперед поначалу, была обманчивой; и теперь, когда я уже считаю эту проклятую дорогу живым существом, то думаю, что она так нарочно заманивала странников, привлекая их ровными своими камнями и свободным от лиан небом над головою. Нам и ранее следовало догадаться о причинах того, почему растения и животные не осмеливались вступать на нее, отчего сакб оставался всегда пустым и чистым.

Что по прошествии некоторого времени начало твориться с нашим отрядом скверное: люди шли все с большим трудом, а каждый шаг стоил таких усилий, будто сакб пил из нас жизнь всякий раз, когда нога прикасалась к его камням.

Что, ощутив это, обратился я к проводнику Хуану Начи Кокому за надлежащими объяснениями, и тот, не скрывая от меня правды, сообщил, что дорога эта заколдована древними волшебниками его народа, и сказал он также о том, что в этих местах ему еще не приходилось бывать ранее, и ведет он нас только по указаниям стариков, с которыми говорил до отправления в путь. И что те предупреждали его о колдовских свойствах До-

роги судьбы, но тогда, помолившись Пресвятой Деве Марии, он набрался сил, чтобы справиться с сомнениями и преодолеть страх; теперь же опасается, что испанские боги не ступали еще в эту чащу и здесь сильнее ее вековые хозяева.

Что мне пришлось опять и утешать его, и грозить, и уверять в беспредельном могуществе Господа нашего Иисуса Христа и Богородицы, и напоминать, что пред ними туземные божки — лишь деревянные чурбаны, удел которых — тлен и забвение. Что слова мои возымели на него определенное действие, отчего он утих и только умолял меня не оскорблять индейских богов, пока мы находимся в их вотчине, а не в Мани, под защитой крепостных стен и монастырских распятий.

Что с наступлением темноты всеми нами овладел страх, причин которому было не найти, а описать который я полагаю невозможным. И что этот страх возымел такую власть надо всеми солдатами, и даже надо мною, и Васко де Агиларом, и братом Хоакином, что по немому согласию мы в одно мгновение решили остановиться на том месте, где находились, и разбить там лагерь; далее же двигаться только с восходом солнца.

Что эту ночь мы провели в великой тревоге и, как бы ни были утомлены долгой дорожкой, так и не сумели сомкнуть глаз, пребывая в тяжелой полудреме, но приходя в сознание от странных шумов, которые слышались из чащи.

Что более всего смутил нас удивительный и страшный крик неизвестного дикого зверя, напоминавший отдаленно вопль ягуара, раздававшийся в зарослях неподалеку от нашего лагеря.

И что припомнил я, как такой же крик слышал сквозь сон на рассвете в ночь, когда второй наш проводник, полукровка Эрнан Гонсалес, порешил себя».

Я отложил в сторону листы и потер виски. Начав постепенно привыкать к мысли о том, что между описываемыми в дневнике событиями и моей жизнью налаживается некая необъяснимая связь и эта странная синхронизация все усиливается, я был готов поверить в то, что замогильный вой, который я слышал в своем дворе — не что иное, как эхо криков разбуженных конкистадорами духов сельвы.

Ягуар в Москве? В моем дворе? Может, стоит перечитать желтую прессу за последнюю неделю — вдруг мелькнет где-нибудь заметка о сбежавшем из

зоопарка хищнике? Если книга действительно обладала теми магическими свойствами, которые я ей приписывал, и способна была исказить действительность, проецируя на нее происшествия, обрисованные на своих страницах, почему не допустить, что она заставила некоего сторожа забыть запереть дверь в одной из камер узилища на Краснопресненской?

Пожалуй, по достоинству оценить возведенные мною шаткие логические конструкции могли бы только инженеры с Загородного шоссе, но меня это не смущало. Делиться своими соображениями с кем бы то ни было я пока не собирался, сознавая, что и друзья, и милиция посоветуют изгнать терзавших меня бесов курсом феназепама, а если проявить настойчивость, то могут и уечь, чего доброго, в лечебницу. Сам же я все еще сохранял уверенность в том, что рассудок мой оставался незамутненным, несмотря на все испытания, выпавшие на мою долю в последние недели.

Вещественных доказательств этого у меня имелось более чем достаточно: перенесенная мною болотная лихорадка оставила после себя опустевшие наполовину пачки жаропонижающего и иссушила мое тело.

Я трогал своими руками пломбы уголовного розыска, которыми криминалисты опечатали вход в бюро переводов после страшной и, несомненно, преисполненной тайного значения смерти его сотрудника. (Как если бы милиционеры рассчитывали с свойственными им решимостью и наивностью запечатать этими жалкими бумажками раскрытые — вполне вероятно, мною — вра-та в майянскую Преисподнюю!)

И наконец, предостережение, начертанное на моей двери... Жуткий шарж на так любимую Борхесом розу, которую похитил из своего сна Лао-Цзы... Неопровержимое свидетельство материализации демонов из индейских преданий — а откуда еще могло явиться в наш мир это чудовище? Надпись видел не я один, и уж вряд ли возможно заподозрить в склонности к паранойяльным фантазиям мою соседку из квартиры напротив — человека с железной, как рельс, психикой, советской еще закалки.

Приводя эти аргументы раз за разом, мне постепенно удалось доказать собственную нормальность хотя бы себе самому. При этом я так и не отважился выйти на лестничную клетку, чтобы проверить, на месте ли надпись на двери.

Вместо этого я прошаркал к входу: еще раз ощупал все замки и на всякий случай подергал дверную ручку. Потом, вжавшись ухом в прохладную дерматиновую обивку, опасливо вслушался в лязг старого лифта, натужно ползаю-

щего по шахте. Осмотрел окна, от греха подальше запер форточку, зажег свет по всей квартире и только тогда, наконец, почувствовал себя в относительной безопасности.

Стены моего сталинского дома по толщине наверняка не уступали крепостным, окружавшим испанский монастырь в Мани, а стальная дверь, на которую я потратил некогда две месячные зарплаты, выдержала бы и удар тарана. Я мог бы, совершив днем короткий набег на ближайший продуктовый магазин, неделями выдерживать вражескую осаду.

Но Хуан Начи Коком, похоже, больше полагался на кресты монастыря св. Михаила архангела, чем на весь гарнизон Мани, включая кавалерию, пушки и аркебузы. Силам, от которых мне предстояло оборонять мою крепость, не были страшны ни сталь, ни свинец, не говоря уже о тусклом столовом серебре или смехотворной нержавеющей столовых ножей — всего, что я мог им противопоставить.

Я человек неверующий. В церкви бывал всего-то десяток-другой раз, да и то — чтобы наперекор возмущенному шипению служек пощелкать затвором фотоаппарата, не покупая при этом свечек даже для очистки совести. От запаха ладана у меня кружится голова и хочется на свежий воздух, а от обилия золота тянет на неуместные мысли о бандитских цепях толщиной в палец и вообще о нуворишеском пристрастии к показной роскоши. Что сказать еще? Ветхий и Новый заветы я честно пытался прочесть, но, к своему стыду, заскучал и увяз. Яйца на Пасху никогда не красил, и уж тем более не постился. Святые с тяжелых православных икон на меня уже давно махнули рукой и больше не заглядывают ищуще мне в глаза, когда я по рассеянности или из любопытства забредаю все же в какую-нибудь церквушку.

Купи я себе, поддавшись трусости, распятие или лик Михаила архангела, в моих руках они все равно остались бы бесполезными деревяшками или кусками пластика, вроде бронзовой статуэтки Будды, которая пылится на шкафу у меня в большой комнате. Бесхитростная фигурка Христа, уже третье тысячелетие в муках умирающего на двух деревянных брусочках, превращается в магический артефакт, только напившись эманаций человеческой радости, надежды, страданий и отчаяния, наслушавшись мольбы и благодарности.

Исходя из того, что разряженное оружие может только раздражить противника, я решил никакой религиозной символики не покупать. Что поделатъ,

с верой как с любовью: либо есть, либо нет. В призраков — пожалуйста. В волшебные книги — сколько угодно. Но вот с Библией и Евангелием возникали сложности: именно в эту историю верить у меня никак не получалось, хотя я пару раз честно пробовал. Неубедительно, и все тут.

Иной священнослужитель, споткнувшись о мой скептический взгляд, прятал пренебрежительную усмешку в окладистой бороде и завязывал со мною душеспасительную беседу. Когда у меня было время и настроение, я выслушивал его и отвечал, но к концу разговора каждый из нас непременно оставался при своем мнении. Засахарив мою кислую гримасу всепрощающей улыбкой, очередной батюшка говорил мне тогда, что я просто еще не созрел, что я не готов открыть глаза и понять.

Что же, возможно, так оно и есть. Но, глядя на истово крестящихся бабушек, читая о цепляющихся за религию раковых больных, с любопытством антрополога выглядывая в толпе прихожан бритых бандитов с массивными защитными амулетами на борцовских шеях, мне думалось: я созрею еще не скоро. Вера — костыль, за который хватается сомневающийся в своем завтрашнем дне. А мою жизнь делали вполне предсказуемой рутина и работа, справляясь с этой задачей не хуже священных гороскопов маяя. До последнего времени.

Меня озадачивает то, как государство, семь с лишним десятков лет посвятившее истреблению веры и выкорчевыванию из человеческих душ самой потребности в ней, вдруг принялось креститься и биться лбом об пол с остревением, которому позавидовали бы самые набожные из старушек. Верит ли оно в свой завтрашний день? Зачем тянется к костылям?

О чем думают министры, во время пасхальной службы с серьезным видом осеняющие себя крестным знамением, стараясь при этом глядеть мимо десятков телекамер, как будто не ради телевидения разыгрывается это представление, как будто вся их истовость — от сердца? Разве не эти люди с просветленной улыбкой принимали постриг в Компартию всего-то несколько десятилетий назад? Не они ли прижимали к сердцу заветную книжечку партбилета и молились на иконы с хитровато-благодарным ленинским ликом? Не они упражнялись в атеистической риторике на комсомольских собраниях, дабы оставаться в хорошей идейной форме?

Сотни церквей, строящихся по всей стране, могли бы свидетельствовать о возрождении ее духовности, не занимайся конструирующая их организация

беспошлинным ввозом спиртного и сигарет; так что всем новым храмам следовало бы давать имя Спаса-на-Крови. Но более всего прочего поражает воображение без спросу возвращенный с того света циклопический собор в центре Москвы. Снабженная платной трехэтажной подземной парковкой, способная вместить десятки тысяч прихожан, эта фабрика благодати отчего-то навевает на меня мысли о гаитянских колдунах, умеющих поднимать мертвецов и заставляя их себе служить.

Да простятся мне эти нападки при рассмотрении моего дела на Страшном суде — видит Бог: формально принадлежа к новому поколению, но все же оставаясь, видимо, *homo soveticus* с атрофировавшимися железами, ответственными за выработку *секрета веры*, я, тем не менее, с уважением отношусь к православию и к христианству вообще, равно как и к другим религиям. Не знаю, что оскорбляет этого и других богов больше — мой честный атеизм и этнографическое высокомерие или весь этот помпезный театр, в котором миллионы людей скверно играют в веру — то ли с оглядкой на небеса, то ли друг для друга...

И тут *оно* взвыло еще раз — не в отдаленном углу двора, а прямо у моего подъезда, так что я впервые смог как следует расслышать его.

За доли секунды до того, как мелко задребезжало стекло в кухонном окне, я еще пытался рационализировать, дать хоть сколько-то разумное и приемлемое объяснение всей этой истории. Убеждал себя, что некие закулисные организаторы этой сложной, многоступенчатой и обладающей понятным только им самим смыслом интриги могли устроить и ночной розыгрыш под моей дверью, и изобразить вопли тропических хищников во дворе. Посаженный в чашку Петри моего воображения, полную питательной среды из средневековой летописи, мимолетный испуг, порожденный этими невинными хулиганскими выходками, вырос, разбух, как колония дрожжей, и стал выплескиваться за край.

Но услышанный мною вой окончательно расставил все на свои места. Человеческая память, как морской прибой, стачивает острые углы пережитого: тускнут краски, забываются детали. Выпавшие кусочки мозаики заменяются выдуманными воспоминаниями, чтобы черные пятна стершихся обстоятельств не тревожили нас. Но как всего за несколько часов я сумел позабыть этот странный тембр, не присущий голосу ни человека, ни животного? Правда, раньше мне не приходилось слышать его со столь малого расстояния...

Вопль, должно быть, начался на какой-то запредельной, недоступной человеческому уху ноте, но *беззвучный звук* этот был настолько силен, что подавил собой все остальные: казалось, мир стих на доли секунды. А потом он ударился в оконные стекла, натянул их, как ветер натягивал паруса испанских каравелл, и те противно зазвенели. Меня словно накрыло взрывной волной: барабанные перепонки зазудели, уши заложило и захотелось раскрыть рот, как при бомбежке или в набирающем высоту самолете. И, наконец, переходя в слышимую часть спектра, он обрел объем, заполнив собою мою голову, квартиру, двор, а потом и весь город. Прорезавшись тоскливым визгом, он постепенно преобразился в густой угрожающий бас, как адский — и живой, в этом сомнений у меня не было, — антипод сирены воздушной тревоги. Продолжался этот кошмар не менее двух минут, и дьявол знает, как должно выглядеть существо, чьи легкие и глотка способны были выдержать его.

Сев на подоконник, я попытался заглянуть вниз, но это было дело практически безнадежное: вход в подъезд (а именно там *оно* и пряталось) находился по той же стене, что и все мои окна, так что, сколько бы я ни прижимался щекой к стеклу и до боли не скашивал глаза, в поле моего зрения попадал только самый краешек жестяного козырька над подъездной дверью.

Пораженная, оглушенная вечерняя Москва впала в ступор: за воплем последовала кладбищенская тишина, словно на многие квадратные километры вокруг люди умолкли, не веря услышанному и переживая заново веками забытое состояние страха — оттого, что человек перестает быть хозяином введенной ему части мира.

Однако состояние такое длилось недолго — уже через полминуты хлопнула оконная рама, и пьяный мужской голос прогремел:

— Еще раз эту сигнализацию услышу — шины проколю, суки!

Что же, по крайней мере, *это* слышал не я один.

Умывшись холодной водой, я подверг новой инспекции собачку и засовы, что на несколько минут принесло мне успокоение. На лестничной клетке стояла тишина, во дворе мирно загудела, паркуясь, чья-то машина, прозвенели девичьи голоса. Было еще не очень поздно; должно быть, придумав услышанному объяснение по вкусу, жители окрестных домов прогнали пробежавший по коже озноб и вернулись к своим делам.

Притронуться к дневнику сразу после этого я не мог — все еще мерзко дрожали колени, к тому же никак не получалось отделаться от ощущения, что чем дальше я продвигался в чтении, тем более ощутимой и материальной становилась нависшая надо мною угроза.

Заныло в животе, и я решил сделать перерыв. В любом случае, для того, чтобы держать оборону, кухня подходила куда лучше комнаты: небольшое, хорошо освещенное пространство, ни темных углов, ни старых зеркал, и к тому же какие-никакие запасы провианта. Поставив на конфорку чайник, я щелкнул тумблером радиолы и попал на вечерние новости.

«Землетрясение в Пакистане, по непроверенным данным, унесло жизни ста тридцати тысяч человек. Президент страны Первез Мушарраф объявил чрезвычайное положение. Горные районы Пакистана лежат в руинах, точное число жертв в городах и поселках, отрезанных катаклизмом от цивилизации, неизвестно...»

Голос у диктора был будничным, с легкой ноткой сдержанной профессиональной встревоженности: было ясно, что сто тридцать тысяч смертей не задели его за живое. Работая в новостях, наверное, привыкаешь к трупам не меньше патологоанатомов — чуть ли не каждая сводка начинается с катастроф, войн и терактов. Разве что не приходится глядеть на трупы вблизи; зато их куда больше. Сто тридцать тысяч... Лично я не могу вообразить себе даже такое число живых людей, что уж говорить о мертвецах? Впрочем, для меня они оставались такой же кровавой абстракцией, как и для ведущего: все равно трудно представить себе в деталях разоренные пакистанские деревни, переполненные больницы с уложенными рядами сотнями мертвых тел, облака назойливых жирных мух, отъевшихся на падали; а главное, незачем это делать. Проще думать о своем, пока ведущий убаюкивающее-монотонно перечисляет разрушения и подводит свежие итоги подсчета обнаруженных трупов.

Однако же этот год выдался богатым на всяческие катаклизмы, подумалось мне. Землетрясения, наводнения и ураганы чередовались, сменяя друг друга в вечерних новостных выпусках и соревнуясь за место на первых полосах газет. Порядком потрепанная стихией Азия обивала пороги ООН, добиваясь новых инъекций гуманитарной помощи и срочного переливания финансов. Но «Врачи без границ» и спасатели из развитых стран, которых вечно швыряют в самое пекло под предлогом благотворительности — а на самом деле просто ради тренировки — разрывались между Латинской Америкой, Ближ-

ним Востоком, Карибами и Индонезией. Европа боролась с бюджетным дефицитом и структурным кризисом экономики, а Уолл-стрит и так уже разбил все свои копилки, вытягивая Белый дом из новой зрелищной военной авантюры.

Хотя наверняка в прошлом году бедствий и катастроф было не меньше. Просто я не обращал на них внимания или, скажем, не так часто включал радио.

Я приглушил приемник и прислушался — на улице по-прежнему было тихо. Достал деревянную доску, покромсал, как придется, пару крупных картофелин, затаив дыхание, пошинковал лук и, запалив огонь под закопченной, как британский танк под эль-Аламейном, сковородой, разогрел ложку бледного подсолнечного масла. Пока картошка шипела и отплевывалась, я то и дело бросал лопатку, чтобы опасно подкрасться к двери и заглянуть в глазок или подползти к окну, приоткрыть на секунду форточку и подставить ухо морозному сквозняку, улавливая в его дыхании отголоски того сатанинского воя.

Картошка все же улучила момент и подгорела, а лук, пока я не смотрел, наоборот, выбрался наверх и остался непрожаренным. Но, запивая все это безобразие, к которому я бы раньше и близко не подошел, остывшим переслащенным чаем, я смаковал его, как испанские матросы, измученные протухшей водой и искрошенными сухарями, перемешанными с крысиным пометом, смаковали, сойдя наконец на берег, свежую оленину и птицу, которую, на свое горе, подносили им гостеприимные майя. В последние дни я питался все больше бутербродами, и заскорузлый костромской сыр на подернувшемся плесенью бородинском хлебе меня уже порядком утомял. Слава Пресвятой Деве Марии, под раковиной обнаружили сетки с пожухшим луком и проросшими картофельными клубнями. Смахивая со стола крошки, я дал себе слово завтра же закупить в ближайшей лавке продовольствия еще, по меньшей мере, на недельный переход. Кто знает, когда мне представится следующий шанс сделать это.

Страницы книги, печатную машинку и словари я, поколебавшись, перетащил на кухню. Нагрел еще чаю, заправил в «Олимпию» свежий лист, отвел вправо каретку и набрал полную грудь воздуха, готовясь к погружению.

«Что наутро, хотя я и боялся недосчитаться солдат или же прочих членов нашего отряда, все оказались целы, однако отдохнуть никому из нас не удалось. Что некоторые роптали и просили остаться и отложить от-

правление, чтобы выпасться хотя бы днем, но проводник наш от этого предложения пришел в великое беспокойство и требовал немедленно сняться с места и двигаться далее.

Что Васко да Агилар выступил против того, чтобы продолжать путь, и жаловался на усталость, а когда узнал, что вперед мы все же пойдём по настоянию Хуана Начи Кокома, поглядел на него недобро и обещал вскоре расплатиться с индейцем за все; брат же Хоакин, напротив, смиренно поддерживал проводника, стараясь укротить гнев сеньора де Агилара мягкими словами.

Что когда мы свернули лагерь и снова зашагали по белой дороге, спросил я у Хуана Начи Кокома, не думает ли он, что товарища его, полукровку Эрнана Гонсалеса, мог убить Васко де Агилар. Что индеец смутился, затруднившись назвать убийцу, и говорил лишь, что Эрнан Гонсалес не накладывал на себя рук.

Что по размышлении и некотором молчании Хуан Начи Коком вернулся к этой нашей беседе, добавив к сказанному, что скорее грешит не на кого-либо из нашего отряда, а на некоего человека-ягуара. Объяснить же толком, что это за создание и отчего оно могло покуситься на жизнь его соплеменника, проводник не мог. Что из его путаного рассказа я лишь уяснил, что этого странного оборотня индейцы почитают за одного из самых могущественных и самых опасных демонов и что в отдаленных деревнях, расположенных в сельве, он часто ворует детей, наведываясь туда по ночам; защититься же от него, а тем более убить, никак невозможно.

Что, припомнив о тревожившем меня зверином вопле, спросил я у Хуана Начи Кокома, не ягуар ли это кричал в окрестностях лагеря прошедшей ночью, на что тот отвечал отрицательно. Что, по его словам, вой обычной дикой кошки он сумел бы различить без какой-либо сложности и без боязни ошибиться. Тот же крик, что доносился из сельвы накануне, более всего напомнил ему его раннее детство, когда при таком же звуке мать прятала его в самый надежный угол и запирала покрепче дверь, а отец выходил на улицу с фонарем и особым заколдованным копьем, которое поражало не только людей и животных, но также и духов.

Что я сам более всего склонен был считать, что Эрнан Гонсалес, если и не повесился сам, то скорее уж был удушен Васко де Агиларом, нежели погублен индейскими божками. И что последующие события определили среди нас правого и заблуждающегося.

Что так шли мы вперед целый день, но продвинуться смогли весьма недалеко по причине той усталости, которая нас охватила. И что к концу следующего дня наш отряд поразила новая напасть: двое солдат, Франсиско Бальбона и Фелипе Альварес, те, что ослабли более других, стали бредить, говоря, что видят впереди две огромные пугающие фигуры, которые, по их разумению, были стражниками некоего прохода.

Что ни я, ни брат Хоакин, ни Васко де Агилар, ни наш проводник ничего подобного увидеть не смогли, а посему солдатам приказали ступать далее под страхом сурового наказания. И что один из них, Фелипе Альварес, подчинился, хотя Васко де Агилару пришлось его для этого избить; второй же, Франсиско Бальбона, бросился бежать назад, криком моля Пресвятую Богородицу о помощи. Что бежал он с изрядной скоростью, и остановить его не было возможности, так что через несколько минут он скрылся уже за поворотом сакба. И что через мгновение раздался с той стороны оглушающий рев, от которого даже у меня затряслись колени, а мольбы Франсиско Бальбона, равно как и звук его шагов, оборвались.

Что Хуан Начи Коком воспрепятствовал тем, кто хотел броситься на помощь Франсиско Бальбоне, говоря, что по сакбу возможно идти только в одну сторону — вперед; возвращение же назад невозможно, и дрогнувших пожирают демоны».

Мне хотелось прервать перевод и отдышаться уже на том отрывке, где дневник представлял нового героя хроники, вполне вероятно, сейчас затаившегося под моими окнами. Но, надеясь встретить хотя бы еще одно упоминание человека-ягуара в следующих строках, я одолел еще несколько абзацев. И только последние слова, маячок-предупреждение, оставленное мне автором, сбilo меня с ног и заставило оторваться от книги.

Я не знаю, в какой именно миг — тогда ли, когда я впервые увидел эти страницы и согласился взяться за их перевод, или уже позже, когда мне давали понять, насколько серьезна игра, в которую я ввязался, и предлагали отказаться от участия, — моя работа стала превращаться в мою страсть, в мою жизнь, в ее смысл, в выложенный белыми камнями майянский сакб, ведущий меня к неведомой цели и отбирающий мои силы с каждым сделанным по нему шагом.

Понимал ли писавший дневник, что созданная им книга будет обладать магической силой, словно щупальце мифического гигантского кракена захле-

стывающей неосторожного читателя и топящего его блеклую действительность в по-маркесовски перенасыщенной красками пучине своего фантастического повествования?

Или же автор сам наделил этой силой свое творение? Я надеялся найти ответ на десятки вопросов, беспокойно, как пчелы в улье, роившихся в моей голове, в конце дневника. А он подбадривал, раззадоривал меня, раскладывал среди строк приманки обещаний, но, соблазнившись ими, я только попал в новые силки, еще более прочно удерживавшие меня, в то время как миражи обещанных ответов так и оставались где-то на линии горизонта и не думали приближаться.

Впрочем, возможно, это бесконечное оттягивание разговора начистоту было просто одним из уготованных мне испытаний. Преодолев разочарование и подавив ропот, я вскоре был удостоен объяснения — если не всего, то многого из происходящего.

Предостерегая свой отряд от возвращения назад по сакбу, Хуан Начи Коком на самом деле обращался ко мне. Он глядел мне в глаза — сквозь пять столетий, через книжную пыль и тлен, через индустриализацию, фрейдизм и развитый социализм, через тонны дурацких однодневок в бумажных обложках о невероятных приключениях грудастых блондинок в южноамериканских джунглях, — через все, что должно было сформировать мое представление о мире и о месте в нем индейцев майя. Сквозь все, что могло заставить меня взглянуть на разворачивающуюся драму как на балаган, заставить усомниться в подлинности этого рассказа. Он устало, но настойчиво смотрел на меня с песочных страниц, утирая со лба пот, и я понимал: это мне предназначены его слова о дрогнувших душах, которым суждено быть растерзанными демонами.

Отступить поздно. Где-то далеко-далеко за спиной с грохотом захлопнулась дверь, с которой начался мой спуск в это подземелье. Заигравшись, я пренебрег предостережениями, которыми изобилует дневник. И теперь, если верить Хуану Начи Кокому, единственное спасение было в продолжении начатого пути.

И все же, прежде чем прервать короткий привал и, рассекая своим мажете хитросплетения майянских суеверий и достойных иезуитов интриг братьев-францисканцев, снова броситься очертя голову в дебри заковыристых староиспанских деепричастных оборотов, я решил лучше изучить своего нового противника. Кто такой человек-ягуар?

Кюммерлинг только беспомощно пожал плечами. В разделе «Религия и мифы майя» этот проходимец ограничился замечанием о том, что основные боги майянского пантеона имели по нескольку обличий и имен, а также обладали двойниками и антиподами, отчего не вдававшимся в тонкости европейцам казалось, что божеств у аборигенов — неисчислимое множество. Для наглядности он привел пару слизанных с чьей-то серьезной монографии рисунков богов, среди которых я узнал покровителя ученых и грамотности — Ицамну, непренных Чаков, а также богиню Луны Иш-Чель.

Человек-ягуар, видимо являвшийся достаточно заметным персонажем майянской мифологии, все же был упомянут, но лишь вскользь, среди прочих демонов и демиургов. Полагая, что со среднестатистического читателя и этого будет вполне довольно, Кюммерлинг в своей характерной склеротической манере сбился на другую тему.

Что же, ничего иного я от него и не ожидал. Оставалось надеяться, что Э. Ягониэль не упустит возможности на таком ярком примере продемонстрировать изумленной публике, чем отличается подлинное волшебство от ярмарочного шарлатанства. Уж он-то не позволит себе обойти вниманием такое любопытное создание. Я был практически уверен в своем успехе, отправляясь на поиски человека-ягуара напрямик в глоссарий.

На «Ч» его, разумеется, не было. Он затаился на букве «Я», как раз под словом «Ягуар», выделенный одновременно и жирным и наклонным шрифтами: **«человек-ягуар** (миф.) — стр. 272–275». Вот это удача! Сразу три страницы, заполненные скрупулезно собранными сведениями, смелыми гипотезами, а если повезет, то и снабженные иллюстрациями!

267, 269, 271, 277, 279... Пойдите, этого не может быть! Сначала я решил, что в спешке пролистнул нужное место или что склеившиеся от времени страницы попусту треплют мне нервы. Закрыв и открыв глаза, словно рассчитывая таким образом рассеять наваждение, я вернулся на двести шестьдесят седьмую страницу и медленно, методично проделал весь короткий путь до двухсот восемьдесят первой, где, к своему ужасу, обнаружил виденный мной уже мрачный портрет Диего де Ланды.

Нужные мне два листа отсутствовали. Они были удалены из тома аккуратнейшим образом, одним идеально прямым разрезом. Тоненькие полоски бумаги — все, что оставалось от страниц с двести семьдесят первой по двести

семьдесят шестую — свидетельствовали о том, что речь идет не о типографской ошибке, а о преднамеренном злодеянии.

Листы, извлеченные точно таким же образом из другой книги, лежали на столе прямо передо мной. Отрицать это было невозможно: могущие оказаться бесценными для меня сведения о пресловутом майянском оборотне были изъяты из случайно приобретенной мною книги той же рукой, что подкладывала мне для перевода новые главы дневника.

Были ли эти страницы вырезаны из труда Ягонизэля еще до того, как он попал в мои руки? Или неизвестные оскопили книгу, когда она лежала, преданная мною, дожидаясь своей участи у мусоропровода? Более вероятно второе; иной смысл приобретала в этом случае и пропажа моих переводов первых глав.

На мгновение я ощутил себя крысой, запертой пытливым ученым в хитроумном лабиринте, оборудованном специальными устройствами, поднимающими и опускающими дверки, которые открывают новые ходы, ведущие на свободу или в западню, отсекают пути к отступлению, постоянно изменяют рисунок этого лабиринта, делая запоминание изначального маршрута делом заведомо обреченным.

Нет, я не сам бежал, зашоренно глядя только перед собой, по его бесконечным дорожкам; кто-то направлял меня, отворяя и запирая дверки возможностей, подкладывая нужную информацию, убирая со сцены персонажей, чья роль уже отыграна, чтобы вновь оставить меня один на один с лабиринтом. Значит, выбора не было, была лишь его иллюзия? И каков был пункт назначения того единственного маршрута, который для меня прочертили?

Я вернулся к Ягонизэлю. Увлеченный водоворотом своих — будем надеяться, шизофренических — открытий и догадок, я уже решил было, что, материализовавшись посреди изданного десятилетия назад научного труда, портрет Диего де Ланды станет с такой же непосредственностью блуждать по его страницам, возникая в той главе, на которую мне надлежало обратить особое внимание. Но нет — юкатанский епископ был, кажется, вполне доволен своим прежним расположением. Пассажи, посвященные человеку-ягуару, до похищения просто соседствовали с заметками о человеческих жертвоприношениях, будучи включенными автором в раздел «Верования и обряды маяя». Однако теперь мне уже сложно было судить, о чем именно предостерегал читателя епископ.

Хуже всего было, что я до сих пор не мог связать воедино все отдельные события, из которых складывалась — одновременно сейчас и в шестнадцатом

веке — эта странная и все более мрачная история. Может быть, я и сам принял бы в ней более активное участие, будь правила известны мне заранее.

Пока же мне не оставалось ничего другого, как последовать совету Хуана Начи Кокома и, преодолев искушение броситься назад, снова прибиться к арьергарду испанского отряда.

«Что через несколько сотен шагов от того места, где убежал от нас на свою погибель Франсиско Бальбона, увидели мы двух вытесанных из камня идолов невеликого размера — каждый из них едва доходил мне до пояса; однако же, вид у этих каменных карликов был пресвирепый, глаза круглые и выпученные, а рты полны громадных клыков. Что Фелипе Альварес, не доходя еще и двадцати шагов до них, и смотря не самих божжков, а высоко над ними, пришел в такой ужас, что потерял дар речи и обмочился.

Что ударами и пинками Васко де Агилар провел его мимо тех идолов, преодолев самое отчаянное его сопротивление. И что, не взирая на ласковое обхождение и ангельскую кротость, с которою обращался с несчастным взявший над ним опеку брат Хоакин, оный Фелипе Альварес более уже в себя не пришел. Что из звуков он издавал лишь мычание, с губ же его постоянно стекала слюна, а глаза были широко раскрыты и обращены в пустоту.

Что следующей ночью на привале Фелипе Альварес был убит ударом кинжала в сердце. И что совершившего это злодеяние установить не удалось; никто этого и не желал, так как своим непрерывным мычанием несчастный внушал всем такую тоску и страх, что и я, и прочие были в душе благодарны его убийце.

Что проводник наш, Хуан Начи Коком, доверяя мне более прочим, сказал после этого, что среди нас есть человек, который знает о конечной цели нашего похода более его самого. Что этот-то человек и мог прикончить Фелипе Альвареса, поступая согласно тайным своим соображениям.

Что тогда я не понял, о чем со мной говорит проводник, однако решил, уловив возможность, вновь попробовать дознаться о том, что известно об этой цели самому индейцу. Что на сей раз тот отпираться не стал и только лишь удостоверившись, что другие нас не слышат, поведал мне преудивительную вещь.

Что, по его словам, недалеко от места под названием Калакмуль, куда, вероятно, и вел сакб, располагался древний храм, содержавший неболь-

шое хранилище самых сокровенных книг его предков. Что об этом храме живший с ними дед говорил, что в нем хранится также и некая рукопись, которую принято называть летописью грядущего, потому что век за веком она раскрывает будущее майя и всего мира и предрекает его неизбежную кончину, называя с точностью день, в который небеса обрушатся на землю.

Что рукопись та описывает и знаменья, по которым возможно будет определить приближающийся Апокалипсис, дабы дать посвященным время возвестить предначертанное остальным майя, предоставив этому народу время для молитв и прочих необходимых приготовлений. Что это знание тайно, и тайна эта охраняется людьми, демонами и богами наравне. И что знание это проклято, как прокляты и все посвященные в него.

Что, по словам проводника, сам он только потому слышал о нем, что мать его относилась к старинному роду, наиболее достойные сыны которого правили в древности всеми этими землями, и что царская кровь течет и в его жилах. Рассказал он также, что в детстве в доме их жил некий старик, которого он тогда почитал за своего деда, и что этот старик не работал и ничего не делал в доме, а только играл с мальчиком и рассказывал ему сказки, требуя, чтобы тот их запоминал. И что в один день старик ушел за порог и более никогда не возвращался.

Что многие небылицы его Хуан Начи Коком сумел запомнить, в их числе и историю о храме в Калакмуле. И что о смысле этих сказаний и об их значении задумался он и догадался лишь десятилетия спустя.

Что когда я спросил его, отчего он не желал говорить мне об этом ранее и стал говорить теперь, ответил мне Хуан Начи Коком, что время его истекает и скоро он отправится в подземный мир; я же, по его разумению, являлся тем человеком, которому ему надлежало передать это послание. Что о многом, выходя из Мани в поход, он еще не знал сам, однако оно открылось ему в пути, через сны и видения. Что незримою рукою был ведом и я сам, оттого и защищал проводника от убийц и от гнева товарищей. Что послание то в один день станет мне известно и что на меня будет возложена обязанность передать его далее».

(La Revelación)

La Revelación

Должен признаться, я далеко не сразу сумел осознать весь смысл прочитанного, поистине вселенский масштаб описываемых в дневнике событий и размах двигающих их древних механизмов, тронутых тысячелетней ржавчиной.

Постепенно возводя шаткую башню своего понимания того, что со мной происходило, я все еще не был готов отвлечься от работы скромного камешка, один из другим укладывающего кирпичики запретных знаний, чтобы, окинув уже взглядом архитектора все целиком, увидеть в нем контуры будущего здания.

Почти все кирпичи были уже обожжены и лежали у моих ног, оставалось лишь водрузить каждый из них на свое место и, поднявшись на балкон построенной башни, оглядеть мир с новой, недоступной прежде высоты. Однако я отчего-то оттягивал этот момент, предпочитая увлеченно месить раствор и в сотый раз выравнивать уже уложенные камни. Глядеть только себе под ноги было спокойнее, чем задуматься наконец, куда ведет меня выбранная мною дорога.

И хотя автор дневника, утратив веру в мою проницательность, уже перешел от полунамеков и ребусов к популярным объяснениям, я продолжал прятать голову в песок и делать вид, что все равно ничего не понимаю.

В первые минуты меня просто переполнили счастье и гордость: ведь я, очевидно, с достоинством выдержал все испытания, и написавший отчет все

же решил придумать завесу над его главной загадкой. Теперь я знал: не тонны золотых украшений, не драгоценные камни манили Диего де Ланду, не ради обретения потерянных кладов майя юкатанский епископ принес в жертву сельве десятки испанских конкистадоров. Нет, он желал обладать сокровищем куда более ценным: не иначе как древний манускрипт являлся магическим артефактом, во всяком случае, францисканец должен был в это верить.

Заполучить в свое распоряжение самое сокровенное предсказание майя-янкских жрецов, прикрыв дерзкую операцию бутафорской охотой на ведьм, — вот что замыслил настоятель монастыря св. Антония. Быть может, об этой потерянной летописи ему было известно нечто такое, о чем индейский проводник не догадывался, несмотря на свои прозрения. Так или иначе, те силы, которые Диего де Ланда не поспешил выделить на экспедицию в Калакмуль (я поверил Хуану Начи Кокому, считавшему, что отряд двигался именно туда), были достаточным доказательством важности миссии, возложенной на автора отчета.

Зачем? Я мог помыслить лишь об одной причине.

Власть! Предсказания грядущего Апокалипсиса были наверняка далеко не единственными сведениями, сокрытыми в летописи. Считая, что он сможет причаститься тайн будущего, епископ де Ланда мог надеяться обрести ответ на многие вопросы, касавшиеся и испанского завоевания Юкатана, и предназначенного для всего мира. Более того, история с захватом манускрипта отдавала и политикой: обладатель единственного точного пророчества волен раскрывать его частично или полностью, правдиво или нет, трактовать в выгодном для себя ключе, манипулируя безоговорочно верящими в него индейцами. Возможно ли изобрести более могущественный инструмент для подчинения непокорных иноверцев, чем установление монополии на толкование их священного писания?

Оборвав очередную главу на словах, дразнящих любопытство читателя и распалюющих его фантазию, писавший давал понять: история не окончена. Хотя в последнем прочтенном мной отрывке и не находилось прямых указаний на то, что содержание манускрипта позже стало известно автору дневника, мне отчего-то казалось, что дело обстояло именно так.

Отныне я был просто обязан дочитать его до конца. Происходящее со мной давно уже вышло за рамки занимательного кабинетного приключения, призванного скрасить рутину моих будней, но только сейчас я начинал догадываться, почему так выросли ставки в этой игре.

Если я действительно стоял на грани раскрытия одной из величайших тайн древних майя, если мог вместе с пробравшимся в Калакмуль конкистадором услышать предназначенные лишь избранным предсказания и — как знать? — заглянуть сквозь пелену веков не только в прошлое, но и в будущее, — имел ли я право отступить?

Наконец, пути назад у меня не было хотя бы потому, что я и сам бы уже не согласился вернуться в свою обычную жизнь. Жизнь? Разве можно было назвать этим чудесным, великим словом мое жалкое прозябание, существование от заказа до заказа, которые всего-то и позволяли мне, что купить еще продуктов да оплатить счета за воду и электричество, и для чего? — просто чтобы протянуть до следующих заказов, до пенсии, до смерти.

В детстве я предпочитал книжки о морях и ковбоях прогулкам во дворе с соседскими мальчишками, — не знаю, от болезненной ли своей стеснительности или от того, что взбивать конскими копытами пыль прерий и оборонять от краснокожих покосившиеся форты мне казалось делом куда более увлекательным, чем расстреливать из рогатки чужие стекла и делать несчастным бродячим кошкам инъекции одеколona «Красная Москва», чем развлекались дворовые хулиганы.

Прошло больше тридцати лет — и что изменилось? Фенимор Купер и Жюль Верн все еще занимали привилегированные места на моих пыльных книжных полках. Это уже был почет скорее формальный, сродни тому, которого удостоиваются ушедшие в отставку ветераны, — по круглым датам их исправно украшают блестящими медальками из дешевых никелевых сплавов, но к награждениям их уже никто не прислушивается, а их воспоминания о былых военных подвигах воспринимаются как рыбацкие байки.

Я вырос из них, но это не значило, что мне стало уютнее в реальном мире и что, взрослый, я отдавал предпочтение дружеским попойкам, карьере и ухлестыванию за женщинами — всему, чем полагается заниматься в свободное время твердо стоящим на этой земле мужчинам. Нет, я по-прежнему отчаянно пытался укрыться в вымышленных мирках, при чтении поднимающихся и обретающих ложный объем, как картонные фигурки со страниц таких специальных детских книжек, знаете? Только вот в мирки Верна мне больше не верилось: теперь-то я видел, что за их раскрашенной поверхностью ничего нет.

Однако стоило мне ввязаться в историю с испанским дневником, таким достоверным, таким подлинным, как неубедительной картонной декорацией стал казаться весь мир вокруг меня. И, окунувшись в магическую реальность

дневника, возвращаться в свою блеклую, плоскую, так называемую «настоящую жизнь» стало для меня делом просто невыносимым.

В компании суровых, по глаза заросших бородой конкистадоров мне теперь было проще, чем с немногими чудом сохранными университетскими приятелями. Я охотно разделял с испанцами все тяготы их похода и не бежал от угрожавших им опасностей, рикошетом бивших и по моей жизни. Я поверил в их цель, после чего она стала и моей тоже. Я вместе с ними бился над разгадкой истинных задач экспедиции, и мне выпала честь узнать о них одним из первых.

Последний отрывок мне пришлось изучить заново не менее трех раз. Я чувствовал себя провинциальным туристом, который до тошноты долго трясся в старом разваливающемся автобусе, вслед за загорелым жилистым гидом пробирался по узким и скользким тропам, все на свете проклял и пожалел, что прельстился на посулы турагентства, но взобрался-таки на некую заветную гору. И вот проводник разрешает остановиться и передохнуть, а сам с загадочной улыбкой отодвигает раскидистые ветви, и перед тобой предстает вид настолько невероятный, что у тебя перехватывает дыхание, ты теряешься и не знаешь, на чем остановить взгляд, а в лицо плещет холодный ветер, высушивая испарину, снимая усталость и освежая восприятие.

Тебя пронизывает осознание собственной сиюминутности, бренности, тщетности в сравнении со спокойным, почти вечным величием того, что ты видишь перед собой. Потом ты пробуешь, чтобы пленить и посадить в золотую клетку хоть частицу этого переживания, сделать фотографию. Достоешь свою дурацкую дешевенькую камеру, наводишь ее и растерянно понимаешь, что объектив захватывает только крошечный прямоугольник безграничного пространства, раскинувшегося перед тобой. Беспомощно переводишь видоискатель с одной детали на другую, но куда там! — величественной этой картине тесно даже в поле твоего зрения, а десять-на-пятнадцать стандартной фотокарточки будут ей настолько малы, что не стоит и пытаться втиснуть ее туда.

Я тщился поймать в видоискатель своего понимания все грандиозное полотно, с которого создавший его художник сдернул, наконец, покрывало, представляя на суд зрителям. Обряд посвящения состоялся, но был ли я готов к открывающемуся мне знанию? Уверен, даже самому автору дневника было непросто поверить в услышанное — а ведь в его время ангелы и бесы еще раз-

гуливали на свободе, а не были загнаны в резервации специалистами по delirium tremens.

«...Что это знание тайно, и тайна эта охраняется людьми, демонами и богами наравне. И что знание это проклято, как прокляты и все посвященные в него... И что на меня будет возложена обязанность передать его далее...»

Передать далее? Уж не для того ли и писался дневник, чтобы сохранить и донести до других полученные его автором сведения?

Неужели я и в самом деле был не случайным читателем старинных путевых заметок, а адресатом послания, отправленного до востребования через столетия и континенты? Эта версия казалась совершенно неправдоподобной, фантастической, и все же только она была способна выдержать критику. Только в ней находилось место для всех удивительных событий, которые потрясли мою жизнь в последние месяцы. Она единственная объясняла их и давала представление о том, чего мне приходилось ждать в будущем.

Но, думая о собственной избранности, я все еще не понимал пугающего значения всех прочтенных мною строк. Я жадно заглотил наживку целиком, даже не почувствовав стального крючка, на который она была насажена. Он дал о себе знать лишь полчаса спустя.

Вслушиваясь в отдаленный гул машин и доносящийся с Арбата слабеющий гомон толпы, я возбужденно вышагивал вокруг овального обеденного стола в большой комнате и старался объединить все, что со мной произошло, в единое целое.

Итак, допустим, что переводимый мною дневник со всей его приключенческой мишурой был всего лишь введением, подготовкой к неким откровениям, пророчествам, содержавшимся в более поздних главах. Положим, описываемая в нем история правдива и, более того, понимать самые странные ее части надлежит именно буквально, а не как некую метафору. То есть, если упоминаются демоны, охраняющие сокровенные знания от любопытных, в них лучше поверить и прислушаться к предостережениям. Что же тогда? Я попробовал восстановить всю историю с самого начала...

...Отправленный в поход за некими майянскими книгами и идолами испанский дворянин вместе со своими товарищами и подчиненными оказался марионеткой в руках сил куда более могущественных, нежели корона или церковь, хотя сам поначалу считал, что выполняет именно их волю. Не поставив его в известность о подлинной задаче экспедиции, Диего де Ланда доказал, что сам играл независимую партию, цели и смысл которой были понятны только ему самому.

Будущий юкатанский епископ оправдал выделение таких значительных ресурсов для столь туманной миссии опасениями индейского мятежа. Даже если такая угроза и действительно существовала, интуиция подсказывала мне, что де Ланда использовал ее скорее как предлог для осуществления своих теневых планов. Он составил их уже за месяцы до происшествия с собакой ключника, выведшей того на языческие капища в подвалах монастыря в Мани. Через осведомителей ему стало известно о существовании некоего старинного майянского свитка с мрачными и грозными предначертаниями, обладание которым сулит ему безграничную власть над умами майя, над судьбой полуострова, а возможно, и нечто намного большее.

Знал ли он, где искать манускрипт? Хотя летучие отряды рассылались из Мани во все концы Юкатана, самый крупный отправился именно в Калакмуль. Остальные, вероятно, были просто прикрытием, а уничтожение тысяч книг на грандиозном в своем варварстве *auto de fé* — попыткой скрыть пропажу важнейшей из них. Де Ланда хотел завладеть свитком во что бы то ни стало, и исполняющие его приказание конкистадоры не останавливались ни перед чем. Ни загадочное исчезновение и предположительная гибель половины отряда в неурочную грозу, ни предупреждения перепуганных индейцев (планы настоятеля каким-то образом были донесены майянским старейшинам), ни нападения свирепых дикарей, ни вспышка болотной лихорадки, ни сопротивление, с которым сама сельва, казалась, встречала чужаков, — ничто не поколебало их решимости. Да, солдаты роптали, но все поползновения к бунту были подавлены командирами отряда в зародыше. Индейский проводник говорил, что один из людей в отряде точно знал, что за добыча ждала его в конце пути, что именно надлежит искать, чтобы затем доставить это нетерпеливо дожидавшемуся вестей епископу. И мне еще только предстояло вывести этого человека на чистую воду...

Но если есть одни силы, стремящиеся взломать печати и узнать запретное, то, согласно предупреждению Хуана Начи Кокома, должны проявить се-

бя и другие, противодействующие им, эти сведения оберегающие. Зная об этом, можно ли было продолжать считать все напасти, обрушившиеся на экспедицию, простой случайностью и отказаться от поисков их скрытого значения? Нет, беды, раз за разом подвергавшие отряд децимации, и не могли быть ничем иным, как результатом демонического или же божественного вмешательства.

Мне вспомнился тот вечер, когда я прочел главу, в которой лишь недавно выступившие в поход конкистадоры потеряли половину отряда, оставленную сторожить лагерь. Единственная иллюстрация в той главе — отталкивающий уродец, изображенный в самом конце, на незанятом буквами месте, звался Снас. Чак, одно из самых могущественных майянских божеств. Так могли ли гроза, озарявшая незрячее черное небо ветвистыми молниями, и хлынувший на сельву ливень, смывший все следы исчезнувших людей и коней, быть проклятиями и слезами бога дождя? Не содержали ли и другие роковые происшествия тайных знамений, которые я не смог разгадать из-за своей неискушенности?

Участники экспедиции подвергли себя опасности, едва ступив на путь, который мог привести их к упоминавшемуся Хуаном Начи Кокомом знанию... Знанию, вероятно, содержавшемуся в позднейших главах заметок... И значит, достаточно было сделать первый шаг по ведущей к нему тропе...

Бумажку, которая поставила все на свои места, мне вложило в руки Провидение. Обычно я, не задумываясь ни секунды, швырял в урну квитанции, вручаемые в бюро при передаче готового заказа. Но она каким-то чудом избежала этой доли, спрятавшись в заднем кармане брюк и пересидев там несколько чисток.

То, что вчера показалось бы мне клочком паршивой бумаги с чьим-то небрежным росчерком и расплывшимся синим штампом, сегодня превратилось в бесценный документ, в ту самую на первый взгляд ничем не примечательную, но заветную костяшку домино, которая падает первой и увлекает за собой тысячи других, открывая взгляду новые узоры и зашифрованные рисунки.

«Бюро переводов «Азбука», и далее — от руки: «заказ выполнен, принят. Выплачено 970 руб.00 коп. Семенов И.». Забавная, похожая на яйцо буква «о», уже будила во мне беспокойные воспоминания, но невиданная «з» с захластом чуть ли не на две строчки вниз не оставляла никаких сомнений.

Я точно знал, где видел такой же почерк, я слишком долго и слишком внимательно всматривался в те четыре слова, и они плясали у меня перед гла-

зами до сих пор, словно выжженный в глазной сетчатке неосторожного рабочего слепящий зайчик пламени сварочного аппарата.

«Они идут за мной». В панике брошенная в конце одной из глав книги карандашная надпись, стертая и утопленная в крови, была написана той же рукой, что выдавала мне расписки за сделанные переводы в бывшей детской библиотеке.

Теперь я понимал, кто читал дневник до меня, какие посулы, заставившие его выхватывать крупницы знания у меня из-под носа, он увидел в прочтенных им страницах, зачем старался перевести раньше меня новые главы дневника и скрывал при этом от меня и их содержание, и свою работу. И я знал, какую цену ему пришлось за это заплатить. Неясно было однако, до скольких глав успел добраться притворявшийся равнодушным клерк из моего старого бюро и что именно навлекло гнев заказчика, если за убийством стоял он? Расправились ли с ним за то, что он покусился на чужие секреты, или же такая судьба ожидала любого, кто прикасался к испанскому дневнику? Вот на этом-то месте и повалилась та самая костяшка домино.

Уничтожившие любопытного клерка создания, добравшиеся, верно, и до первого переводчика, измучившая меня болезнь, потусторонний ночной гость, вопли юкатанского лесного дьявола в моем дворе — все это были звенья одной цепи. Цепь эта уходила в темный омут, и к ней был прикован сказочный ларец. Пытаясь достать его, я сам вытягивал из мрака звено за звеном, и каждое следующее было ужаснее предыдущего.

Я повторял судьбу неназванного испанского офицера, мы с ним вместе делали каждый новый шаг, преодолевая чье-то растущее сопротивление, словно натягивая все больше невидимый жгут, упрямо продвигаясь вперед — одновременно, — он в шестнадцатом веке, я — в двадцать первом. Я больше не был наблюдателем, незаметно для себя я стал частью этой истории, увязнув в ней по пояс, и продолжал — теперь уже добровольно — погружаться все глубже.

Творившееся со мной было тенью, повторением случившегося пять веков назад. Но может быть, и первое, и второе были отголосками, реинкарнациями неких изначальных откровений, первой передачи Знания, состоявшейся невообразимо давно? Знания, которое впоследствии кочевало от хранителя к хранителю — иногда напрямую, от учителя к ученику, иногда — через посредников, пропадая на долгие столетия и снова возвращаясь в наш мир из небытия, приводя за собой сонмы демонов и чудищ... Из поколения в поколе-

ние, из эры в эру, из уст в уста, с пергамента на бумагу, от рождения Вселенной — и до ее последнего вздоха, который оно само и предрекает, и описывает.

Если так, то в эти самые минуты я проходил обряд посвящения и в ближайшее время должен был принять на себя обязанности хранителя — приобрести к тайне, оберегать ее, покуда хватит стойкости, а затем — найти последователя, которому смогу ее передать. Была ли предусмотрена награда за честное исполнение этого тяжкого долга? Если сильные мира сего алкали скрытых в рукописи секретов, наделяли ли эти секреты своих носителей властью и мощью, как полагал де Ланда? Увы, вряд ли...

Францисканец не мог знать всего. Не думаю, что к порогу его кельи по ночам являлся молчаливый голем: одного такого предупреждения многим хватило бы, чтобы утратить навсегда охоту разыскать мифическую рукопись. Но я то это предупреждение получил и теперь понял, что мне оно мне сулило.

Надпись “El conocimiento es una condena” была еще одной частью мозаики, которую я аккуратно положил рядом с другой: «...Что это знание тайно, и тайна эта охраняется людьми, демонами и богами наравне. И что знание это проклято, как прокляты и все посвященные в него...»

Бывает, когда строишь в уме сложные схемы, стараясь разложить по полочкам разрозненные явления и увидеть в них закономерности, путеводная нить логики выскользывает из рук, и, пока не найдешь ее снова, казавшаяся стройной система вдруг представляется нагромождением не связанных друг с другом элементов, половина из которых — вообще лишние. Или, чрезмерно увлекшись изящным вариантом решения, начинаешь закрывать глаза на принадлежащие к конструкции детали, только потому что им нет места в этой красивой схеме, они могут обременить ее, и придется строить все заново.

Согласовав между собой все частички истории с дневником, я не подумал только об одном: что, если эмиссар де Ланды сумел выполнить свое поручение? Что, если вопреки обещаниям индейского проводника, древняя рукопись так никогда и не попала в руки автора заметок, но была обнаружена другим человеком, который затем успешно доставил ее настоятелю монастыря св. Антония в Исамале? Ведь состоялось же то аутодафе! В чем был смысл проводить его, если центральная часть сложного, многоступенчатого плана, каким мне виделась вся интрига вокруг летописи, закончилась провалом, и Диего де

Ланде не удалось получить манускрипт? Могло ли случиться так, что на самом деле он наложил на него руки? Судя по всему, это должно было повлечь некие переломы в его жизненном пути... Были ли они? Да, были. Скандал с аутодафе, вызов в Испанию, отстранение от должности и процесс, затеянный против него по обвинению в превышении полномочий.

А затем — личное заступничество Генерала францисканского ордена, чудесное оправдание на мадридском разбирательстве и триумфальное возвращение на Юкатан — чтобы вскоре занять освободившееся место епископа. После истории с летописью он не только не пострадал, но и, напротив, вознесся. Скептики скажут: епископ — не Папа, и даже не кардинал, таких высот вполне возможно достичь и без помощи высших сил. Однако кто сказал, что сам де Ланда непременно хотел для себя папских регалий? Не обязательно взирать на мир с балкона собора Святого Петра, чтобы вершить его судьбы...

Нет, рано, слишком рано было еще делать выводы. Я по-прежнему нуждался в новых главах путевого журнала, чтобы окончательно разобраться в происходящем.

За окном была уже глубокая ночь, но спать совсем не хотелось. И на улице, и на лестничной клетке стояла полная тишина, и не напряженная, что-то скрывающая, а обычная, пустая. Я чувствовал: что бы ни преследовало меня прошлым вечером в моем дворе, оно ушло, отступило, хотя бы и на время. Но успокоения мне это не принесло: я был слишком взволнован своими последними открытиями, чтобы уснуть.

Три сорок... КВ-радиостанции в такое позднее время вещают только легкий джаз, ведущие досыпают последние часы перед утренним эфиром. А мне вдруг так захотелось послушать последние новости! Пусть пожары, пусть войны, пусть ограбления, лишь бы что-нибудь реальное, современное, любой спасательный круг, который не дал бы мне окончательно захлебнуться в тягучей смеси старинных хроник, мистических подтекстов и собственных домыслов...

Прикрыв за собой на всякий случай кухонную дверь, я принялся крутить ручку настройки на радиоле, пока унылые завывания пустого эфира, дробная фортепианная капель и задумчивые саксофонные соло не сменились человеческими голосами.

«...разумеется, Андрей Валерьевич, я совершенно с вами согласен. Последние события не могут не вызывать определенной встревоженности, особенно у тех из наших слушателей, кто пристально следит за новостями. Создается впечатление, что различные стихийные бедствия происходят все чаще и чаще. Вот, возьмем хотя бы последнее землетрясение в Пакистане. Речь идет уже, насколько мы понимаем, о сотнях тысяч жертв, разрушения просто гигантские. Стоит ли напоминать о недавнем цунами в Юго-Восточной Азии, унесшем жизни более двухсот тысяч человек. Или об ураганах, которые один за другим проходят по Соединенным Штатам — заметим, намного чаще, чем раньше, и тому есть свидетельства метеорологов. Новый Орлеан, Хьюстон, не говоря о десятках менее крупных городов, по нынешний день не могут оправиться от предыдущих ударов стихии, а по прогнозам их ждут новые штормы. Ну и у меня к вам такой вопрос: это у нас, я имею в виду людей, которые следят за новостями, просто такое впечатление складывается, а на деле статистически ситуация всегда такой была, или все же есть какие-то глобальные изменения, скажем, связанные с парниковым эффектом? Напоминаем нашим уважаемым радиослушателям, что сегодня ночью у нас в студии гости — Андрей Валерьевич Сузи, глава Росгидрометцентра, Марат Зиновьевич Готлиб, геолог, специалист по тектонике, и Сергей Кочубеевич Шайбу, руководитель МЧС. Прощу, Андрей Валерьевич...»

Я с недоверием уставился на приемник. Неужели в полчетвертого ночи министр и глава Росгидрометцентра, вместо того чтобы спать, принимают участие в какой-то популярной радиопередаче о природных катастрофах? Нет, быть того не может. Наверное, просто запись старой передачи прокручивают...

«Спасибо. Я считаю, глобальные климатические изменения еще не начались. Вот взять ураганы, да, о которых вы говорили, в Мексиканском заливе, в США. Ну, пока нет достаточно оснований говорить о том, что они связаны, к примеру, с парниковым эффектом. То есть в будущем, если выбросы двуокиси углерода в атмосферу не сократятся и она продолжит нагреваться, то мы можем ожидать лет через двадцать, к примеру, такой эффект, это да. По поводу землетрясений, мне кажется, это вообще вопрос к Марату Зиновьевичу уважаемому, потому что с климатическими процессами это никак не связано. То есть, если вас интересует мое мнение, то о глобальной тенденции говорить пока не приходится. Скорее, отдельные события, просто как-то так у нас получается, что они одно за другим, и все это по телевизору постоянно, вот и кажется, что уже бог не весть что».

«Ну что ж, тогда перейдем к вам, Марат Зиновьевич. Цунами, землетрясения, извержения — не слишком ли часто мы слышим о них в последнее время?»

«Часто? Да практически все время! И знаете что? Ведь это все абсолютно естественный процесс, и при том он уже изучен довольно неплохо. Просто там, в Азии, как раз недалеко от побережья Индонезии происходит, как бы это вам попроще объяснить, схлопывание тектонических плит. Они, плиты, я имею в виду, находятся в непрерывном движении, и есть две точки разлома. В Атлантическом океане одна — там они расходятся, как бы разъезжаются, и вторая вот, как раз, в Юго-Восточной Азии, та самая. Отсюда, от схлопывания этого, и землетрясения, и цунами. И более того вам скажу — процесс этот только набирает ход, и регион будет оставаться сейсмически нестабильным, так что если вдруг нас сейчас слушают люди, которые хотели поехать в отпуск в Таиланд, или на Бали, пусть этот риск принимают в расчет. А говоря об ураганах, наводнениях и прочем, — с моей епархией это ничего общего не имеет, тут Андрей Валерьевич прав».

«Спасибо, Марат Зиновьевич. Если уважаемые гости позволят мне небольшое отступление, я бы хотел рассказать о моей недавней беседе с одним довольно известным экологом, чье имя я сейчас называть не стану. У него есть весьма любопытная теория, согласно которой вся Земля, весь мир, так сказать, вся совокупность созданий и материи, является неким сверхсуществом, возможно, тем самым окончательным, физическим воплощением бога, которое люди всегда пытались объять и представить. Сам человек, по этому определению, — как бы один из видов его клеток. А вот человеческая цивилизация — такая своеобразная раковая опухоль на теле этого сверхсущества. Собственно, рак — это неожиданное изменение поведения клеток человеческого тела, не правда ли? Они начинают бесконтрольно расти, уничтожать остальные клетки и ткани, рассылать метастазы по всему организму, каждая из которых должна стать новой опухолью, и все это подчинено примитивной, разрушительной логике экспансии и пожирания. Цивилизация — такое же заболевание, такой же сбой в генетическом коде клетки, который превращает замечательного тихого пещерного человека, абсолютно неопасного для экосферы, в новый вид существа, в зачаток будущей опухоли. Пораженное цивилизацией, человечество начинает бурную деятельность, претерпевая изменения по тем же принципам, по которым развивается раковое заболевание. Непомерный и неконтролируемый рост численности, метастазы эпохи Великих открытий и колони-

зации, Колумб и Васко да Гама, Афанасий Никитин, на худой конец. Ну и аналогия эта, разумеется, идет дальше и применима к индустриализации, глобализации, вырубке лесов Амазонии и Сибири, выбросам двуокиси углерода в атмосферу, исчерпанию запасов ископаемых, сливам токсичных отходов в реки и океаны, взрывам на атомных электростанциях и прочему. А вот все бедствия и катаклизмы — это просто следствие того, что человечество этот живой сверхорганизм уже почти отравило, и он постепенно умирает. Мизантропическая такая теория, надо признать, но что-то в ней есть, не правда ли? Это, конечно, не значит, что я сам в нее верю.

Ну и теперь, возвращаясь к нашей теме, вопрос к главе МЧС — Сергей Кочубеевич, имеются ли в вашем распоряжении технические ресурсы, при помощи которых можно проводить мониторинг опасных природных процессов, предсказывать их каким-либо образом, чтобы...»

На слове «предсказывать» у меня потемнело в глазах. Ответа министра я даже не слышал: его заглушал чудовищный грохот, с которым в моей голове становились на места тектонические плиты смысла. На учащающиеся катаклизмы, вообще переставшие сходиться с первых полос газет и журналов, я и сам уже стал обращать внимание. Но навести мостик между сведениями из последней главы дневника и известиями о набирающих оборот природных катастрофах я не сумел, да и побоялся бы.

Отчего-то у меня появилась уверенность в том, что страдания жителей горных пакистанских сел и раскинувшихся в долинах грязных нищих городов самым непосредственным образом связаны с отчаянием выживших обитателей индонезийских островов, чьи дома и семьи слизнули гигантские волны. Их крики и плач — отголоски воплей отчаянья жителей Нового Орлеана, тоже лишившихся крова и родных, потерявших веру в лучшее правительство на земле и из последних сил самостоятельно обороняющих родные развалины от мародеров.

Все эти события только казались разрозненными, и то, что они происходили на разных материках и имели различную природу, усугубляло это заблуждение. На самом же деле имелась некая связующая нить, сшивающая все эти пестрые лоскутки воедино, а игла, сквозь ушко которой эта нить была пропущена, ни на секунду не прекращала свою дьявольскую работу, присоединяя к образуемому полотну новые фрагменты. И теперь я начинал понимать, что в ближайшее время судороги, охватившие планету, не только не остановятся,

но и, напротив, будут нарастать, распространяясь и на новые, доселе не тронутые бедствиями страны.

Увидев во дворе своего дома дохлых крыс, можно брезгливо обойти трупики или пожалеть умерших зверьков, но можно и увидеть в этом ясное предзнаменование надвигающейся эпидемии чумы. До сих пор, читая газеты или слушая радио, я или сочувствовал мексиканцам, или утомленно перелистывал дальше, не в силах третью неделю копать вместе со спасателями в прибрежных песках острова Ява, извлекая оттуда раздувшиеся, рвущиеся в руках тела аборигенов и туристов.

Без подсказки суфлера, нашептывающего мне со страниц старинной книги, я бы ни за что не догадался услышать в эхе пакистанских землетрясений, азиатских цунами, американских торнадо и мексиканских наводнений предконцертную настройку труб Апокалипсиса. Я уже давно внимал ему, но лишь сейчас меня научили правильно понимать и относиться к этим вестям. Не поздно ли?

И еще я подумал, что даже если мне суждено будет стать преемником безвестного конкистадора, и получить от него знания о майянских пророчествах, то уж передать их грядущим поколениям у меня, вероятно, не выйдет. Потому что предсказания эти касаются не некой отдаленной точки, с трудом видимой сквозь туман будущего, а дней, которые придется застать большинству из нас, в том числе, видимо, и мне. Не оттого ли так обостряется противостояние демонов, людей и божеств вокруг этих старых страниц, которые по прихоти одной из сторон продолжают попадать ко мне? Какая роль все же отведена мне в этой драме, написанной несколько тысячелетий назад и приближающейся к своей развязке только теперь? Если я не могу стать простым хранителем тайны, что еще я могу сделать, и стоит ли мне даже пробовать совершить это?

Я обессиленно опустился на диван и зажался в самый угол, раздавленный, пораженный, онемевший. Если бы над моей головой только что разверзлись небеса, и некто громогласный обратился бы оттуда ко мне, назвав меня по имени, я был бы потрясен не больше, чем после того, что мне намеками открыла эта странная ночная радиопередача. Постепенно ко мне стал возвращаться слух: министр Шайбу все еще неторопливо бубнил об успехах своего ведомства.

«...разумеется, все под полным контролем. За последние годы, как вы знаете, финансирование МЧС существенно увеличилось. У нас появились средства

для обеспечения полноценного функционирования всех наших структур. Правительство правильно оценивает степень угрозы и готово отразить ее. Наши спасательные отряды постоянно проходят тренировки и учения. В распоряжение министерства поступает новейшая техника. Такие опасности, как землетрясения, наводнения, ураганы пока невозможно предвидеть заблаговременно. Но мы сотрудничаем с ведущими научными институтами, которые ведут разработки в этом направлении. Отлажен механизм эвакуации населения из зон бедствия. На данный момент наши отряды обладают высокой мобильностью и готовы прибыть в пострадавший район меньше чем за сутки. В общем и целом, на сегодня мы можем справиться практически с любой нештатной ситуацией. И если на территории Российской Федерации будут происходить такие природные катаклизмы, как те, что сейчас отмечаются в Азии и Латинской Америке, я думаю, мы сможем справиться с ситуацией не хуже, а может, и лучше наших зарубежных коллег», — деревянным военным языком рапортовал Шайбу.

«Спасибо, Сергей Кочубеевич. А теперь, уважаемые радиослушатели, у вас есть возможность задать ваш собственный вопрос главе МЧС. Напоминаем наш телефон...»

Я был уверен, что передача транслируется в записи, и трубку взял в руки просто машинально, все еще занятый своими собственными мыслями, весьма далекими от того, что говорил министр Шайбу. Однако после нескольких длинных гудков в динамике мягко щелкнуло, и нежный девичий голос заинтересовался, как меня зовут и откуда я, а потом сообщил, что переключает меня на студию.

Как знать, не был ли всемогущий министр такой же, как и я, пешкой в близящейся к завершению разыгрываемой небесной партии? Иначе какой бес заставил его поздней ночью, вместо того, чтобы отсыпаться между бесконечными перелетами по истерзанным катастрофами регионам, тащиться в эфир радиопрограммы, которая вещала лично для меня и вряд ли могла похвастаться другой аудиторией? Кто мог дать мне ответ на только что сформулированный вопрос лучше, чем главный чиновник, в чью сферу компетенции входят эпидемии, крушения, голод, ураганы и землетрясения? В положении этом чувствовалось и изящество, и ирония сидящих над шахматной доской игроков. Я склонил голову, показывая, что оценил этот небольшой забавный маневр по достоинству.

Дмитрий Глуховский

Однако был мой выход.

«Итак, у нас есть первый вопрос от нашего слушателя из Москвы. Пожалуйста, вы в эфире!»

Я кашлянул, с удивлением слыша, как мое эхо доносится из колонки радиолы, облизнул высохшие губы и негромко, но четко выговорил:

«Скажите, Сергей Кочубеевич, а вам не кажется, что все ваши усилия абсолютно бесполезны, потому что просто надвигается конец света?»

- La Condena -

La Condena

Вопреки моим ожиданиям, министр не смутился, не удивился и не отказался отвечать на такой абсурдный вопрос. Тем же будничным тоном он сказал:

«Конечно, у правительства имеются сведения об этом. Иначе какой смысл был бы у всех приготовлений, которые сейчас ведутся? Мы...»

«Что это? Что происходит?!» — вдруг прервал его голос ведущего. «Это же...» — трансляция оборвалась, приемник тихо зашипел и отключился.

В буфете мелко задребезжал чайный сервиз, из кухонного шкафа начали фальшиво подпевать тарелки, лампа качнулась несколько раз, как набирающие разгон детские качели, и погасла. Немногие горящие окна в доме напротив почернели, перегорела гирлянда уличных фонарей во дворе, и все погрузилось в совершенную, непроглядную тьму. Звон посуды в шкафах достиг неприятной, истерической тональности, пол под ногами конвульсивно завибрировал, послышалось мягкое шуршание, и на голову мне что-то посыпалось.

Еще несколько секунд потребовалось на то, чтобы извлечь из пыльного чулана где-то в закоулках памяти газетные вырезки под громким названием «Энциклопедия экстремальных ситуаций», которую публиковало когда-то одно из бесплатных московских изданий. Нужная была озаглавлена «Что делать при землетрясении». Встать в дверном проеме: там шансы выжить под завалами оптимальны, обещала статья. Зацепившись за ножку стола, я чуть не перевернул его, отшиб себе колено, повалился на пол и в темноте попытался нащупать дверь. Однако еще пару мгновений спустя все прекратилось: я физически ощу-

тил, как спазм отпустил напряженную, тужащуюся землю; лязг тарелок и стаканов стих, ожившая было мебель снова застыла. Я все еще не решался поднять-ся на ноги, опасаясь, что затишье было лишь временным. И в этот момент со мной произошло нечто странное: то ли от накопившейся за последние дни страшной усталости, то ли от пережитого только что потрясения я впал в забвение, скорее сравнимое с обмороком, чем с дремотой.

Во сне мне неожиданно снова явилась моя собака, хотя я был уверен, что после всего случившегося мне не миновать липких и удушливых видений, посланных рассерженными майянскими богами. Помню, что был несказанно рад ее видеть: теперь мне было достаточно кошмаров наяву, и сон давал мне редкие мгновения душевного отдыха. Однако все пошло кривь и вкось: я хотел, по обыкновению, выйти с ней на улицу, прогуляться по парку и дать бедняге размять лапы, затекшие за все эти недели, в которые нам не давали свиданий, но она наотрез отказывалась следовать за мной на лестничную клетку. Как бы ласково ни уговаривал я ее, как бы ни заманивал к двери, она не вставала со своего коврика на кухне, вжималась в пол и испуганно скулила, а когда я пытался поднять ее силой, начинала глухо рычать и скалить зубы.

Пораженный ее упрямством, я несколько раз подходил к входной двери и глядел в глазок — на лестнице все было тихо. Это было странно и непривычно: при жизни собака никогда не упускала возможности выйти на прогулку, даже если только что вернулась с улицы. И даже всего за несколько дней до того, как болезнь, от которой я по небрежности забыл ее привить, свела ее в могилу, она слабо била хвостом и силилась подняться на разъезжающихся лапах, когда при ней кто-то неосторожно произносил слово «гулять». И уж, разумеется, ни разу не было такого, чтобы она пренебрегала таким приглашением в моих снах.

Однажды знакомый охотник подарил мне рысью шкуру, добытую им недавно где-то на Дальнем Востоке. Шкура эта пробыла у меня дома ровно два часа: при ее виде или, скорее, запахе у моей собаки случился такой приступ паники, что я не решился больше мучить бедное животное. Обычно уравновешенная и молчаливая, она замерла на пороге комнаты, где я бросил охотничий трофей, и принялась лаять что было сил. Она не смолкла ни на секунду в течение всех этих двух часов, пока полностью не осипла, и при этом ее колотила такая дрожь, будто она попала под электрический ток. Сеттер, как я уже го-

ворил, охотничья порода, но я никогда надолго из города не уезжал, и диких зверей ей видеть не приходилось; однако памятью, оставленной в наследство тысячами поколений сеттеров, она безошибочно узнала рысь по запаху. Шкуру пришлось с извинениями вернуть, а с собакой — еще довольно долго налаживать отношения: после такого фокуса с моей стороны она относилась ко мне с понятным недоверием.

Все это я рассказываю к тому, что, вернувшись во сне от входной двери на кухню, я застал картину, очень похожую на то давнее происшествие: собака застыла, вжавшись в угол, шерсть на загривке встала дыбом, лапы тряслись, а пасть открывалась и закрывалась, издавая только еле слышное повизгивание. Взгляд ее был прикован к пустому пространству неподалеку от того места, где стоял я. Она должна была видеть нечто такое, что мне с моими глазами было недоступно... Хищника куда более страшного, чем сибирская рысь, такого, что он смог напугать ее и после смерти... И только когда я обернулся к собаке, мне почудилось, будто боковым зрением я зацепил какую-то смутную полупрозрачную тень, медленно подбирающуюся все ближе и ближе... Тут собака, наконец, сумела залаять, и наваждение рассеялось, словно сгусток тумана, разорванный порывом ветра.

Я очнулся и сел, глядя сквозь ночной полумрак в коридор, на то самое место, куда мгновения назад смотрела моя собака. И еще несколько долгих секунд меня не отпускало ощущение, что там действительно кто-то есть, и оттуда он, или *она*, так же пристально смотрит в мою сторону, но есть одно отличие: я слеп, а *она* меня видит...

Сон этот неприятно поразил меня и долго еще не шел из головы. Во-первых, я не ожидал такого бесцеремонного вторжения индейских духов в мою святую святых, такого наглого посягательства на мою тайную отдушину. Во-вторых, участие в этом нелепом кошмаре моей собаки странным образом придавало ему достоверности, показывало серьезность положения. Впервые за все это время она вплавь пересекла Лету, чтобы предупредить меня об опасности, и я не имел права оставаться глухим к ее предостережениям.

* * *

— Дмитрий Алексеевич, вы дома? У вас тоже свет отключили? Неужели землетрясение? Ужас какой! Дмитрий Алексеевич... — приглушенный стальной

дверью, донесся с лестницы голос соседки — той самой, выговаривавшей мне на днях за хулиганские надписи рядом с моей дверью.

Осторожно, на ощупь, я приподнялся и, полусогнутый, вытянув перед собой руки, словно надеясь оградиться ими от подстерегающих меня бестелесных чудовищ, двинулся вперед. Хоть одна живая душа в этом царстве мрака! Ничего мне не хотелось сейчас больше, чем просто увидеть, да пусть хотя бы услышать рядом с собой обычного человека, из плоти и костей, перекинуться с ним парой слов, обсудить происшедшее, просто почувствовать, что я не одинок, что все это творится не только со мной...

— Иду-иду! Чертово электричество, ничего не видно, — я чуть снова не потерял равновесие, пребольно ударившись плечом о дверной косяк.

Тапки мерзко скрипели, в крошку растирая по паркету отвалившуюся от потолка штукатурку. Глаза слишком медленно привыкали к темноте, очертания предметов проявлялись неспешно, как контуры будущей фотографии на погруженном в раствор негативе.

— Дмитрий Алексеевич, вы дома?

— Дома! — крикнул я, выпутываясь из силка телефонного провода. — Сейчас открою, Серафима Антоновна!

— У вас тоже свет отключили? Неужели землетрясение?

— У всего дома вырубил, и не только у нашего! Балла четыре по Рихтеру, не меньше! — наугад брякнул я, шаря руками по дерматиновой обивке в поисках замка.

— Ужас какой! Дмитрий Алексеевич...

Попробуйте-ка найти выключатель в темной комнате, — какими привычными бы ни были все расстояния в вашем жилище, сколько десятков тысяч раз вы ни щелкали бы тумблером, зажигая или гася лампы, в кромешной тьме нащупать его удастся не сразу. То же и с замком, будь он неладен...

— Дмитрий Алексеевич, вы дома? — тревожно переспросила из-за двери соседка.

— Да дома, дома! — раздражаясь то ли на нее — за внезапную ее глухоту (а ведь сколько раз видел, как она подслушивала за соседями, прильнув ухом к чужой замочной скважине, увлекшись настолько, что даже не замечала, как я поднимался по лестнице!) — то ли на себя, за свою неуклюжесть и неповоротливость, крикнул я.

— У вас тоже свет отключили?

Тревожно? Или точно с той же интонацией, что и в первый раз? Что за дьявол... Я затих и приник к обивке, вслушиваясь.

— Неужели землетрясение?

Это была не догадка, не предчувствие, не подозрение — просто в меня, будто в полный сосуд, залили некую густую леденящую жидкость. Состав ее был — мгновенное осознание творящегося пополам с безотчетным желанием немедленно бежать, прятаться где придется — в шкафу, за диваном и, дрожа, надеяться, что опасность минует, не причинив мне серьезного вреда.

— Ужас какой! Дмитрий Алексеевич...

Так и не успев повернуть замок, я отпрянул назад и начал отступать на кухню, слыша, как тот, кто притаился на лестнице, заново и заново заводит свою кошмарную пластинку.

— Дмитрий Алексеевич, вы дома? У вас тоже свет отключили? Неужели землетрясение? Ужас какой! Дмитрий Алексеевич... У вас тоже свет отключили? Неужели землетрясение? Ужас какой! Дмитрий Алексеевич... У вас тоже свет отключили? Неужели землетрясение?

Время замедляется... Снаружи доносится негромкий противный скрежет, как если бы наружную железную обшивку кто-то пытается поцарапать гвоздем. Потом звук этот делается сильнее, настойчивее.

— Ужас какой! Дмитррр.... — надтреснутый голос соседки перерастает вдруг в звериный рык, и тут на дверь обрушивается удар такой силы, что она гудит как монастырский колокол, а с потолка снова сыпется штукатурка. Я валюсь на пол и на четвереньках ползу, поскользываясь в пыли, на кухню, мечтая сделаться незаметным, крошечным, превратиться в таракана, чтобы забиться в щель за плинтусом — может, хоть там им не удастся меня достать...

— Дмитрий Алексеевич! — новый удар; стальное полотно стонет, скоро оно сдастся под этим нечеловеческим напором и вылетит из коробки, посыплются искры, полетит металлическая стружка, и эта тварь ворвется в мой дом...

— Вы дома? — по железу словно молотит таран, так что уши закладывает от грохота, пол ходит ходуном; затем наступает секундное затишье, и я успеваю услышать собственный шепот: «пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.....», — а оно, верно, тем временем берет короткий разбег, чтобы опять бросить свою гигантскую тушу на мою дверь.

— У вас тоже свет отключили? — и сразу, встык — рев, какой неспособно издать ни одно из известных мне животных, — властный, разъяренный, оглуша-

ющий. От него перехватывает дыхание — не по-книжному, а взаправду — так, что не получается впустить в легкие воздух, колени и руки трясутся, как у припадочного, а внизу живота делается мокро и горячо.

— Неужели землетрясение?!

Тут подслеповато моргает лампочка, будто сама жмурясь от непривычки в своем свете, таком ярком после долгих минут, проведенных в сумраке, потом прокашливается приемник и невнятно, сквозь помехи, как случайно пойманное в тылу противника родное «Совинформбюро», докладывает:

«...в некоторых районах отмечены перебои с электроснабжением. По последним данным, сила подземных толчков составила более пяти баллов по шкале Рихтера. В районах Одинцово, Строгино и Митино частично обрушились несколько панельных пятиэтажных зданий. Есть пострадавшие...»

Через стекло видно, как зажигаются окна соседних домов, их темные силуэты с горящими точками напоминают циклопическую перфокарту, сквозь которую кто-то светит огромным фонариком...

Я сижу на полу, весь белый от осыпавшейся штукатурки, закрыв голову диванной подушкой, прямо подо мной на полу темнеет позорное пятно.

На лестничной клетке, кажется, все стихло.

...Сил у меня хватило только на то, чтобы брезгливо ополоснуться в душе. И, несмотря на два пуховых одеяла, под которыми я надеялся укрыться от кошмаров и согреться, всю ночь меня бил озноб.

Проснулся я от долгого, самоуверенного звонка в дверь: мне отчего-то подумалось, что так трезвонить может только милиция. На улице уже было совсем светло, и это придавало мне спокойствия. Закутавшись в одеяло и щурясь, я поплелся открывать. Пол и мебель были густо припудрены известью; казалось, что в квартире шел снег. Внутри у меня пробежал щемящий холодок, как будто я начинал скольжение с вершины американских горок — в пропасть: вчера все было наяву.

На пороге стоял, уставившись прямо в глазок, невысокий крепкий мужчина в длинной кожаной куртке китайского образца. Почувствовав, что я смою на него, он отгородился красной книжечкой с надписью «ГУВД». Обреченно вздохнув, я отпер замок.

— Майор Набатчиков, — произнес он так, будто говорил «Меня зовут Бонд».

Я понял, что испытываю к майору иррациональную антипатию. В следующие минуты он сделал все, что укрепить ее.

— Это что такое? — тоном, которым хозяин отчитывает нагадившего в тапки кота, спросил он, указывая на наружную сторону входной двери.

Утирая выступившую испарину и уже догадываясь, что сейчас там увижу, я осторожно выбрался на лестничную клетку и, аккуратно притворив дверь, осмотрел ее.

Она вся была исполосована глубокими рытвинами, которые выглядели бы точь-в-точь как следы чьих-то громадных когтей, если считать сопротивление материалов лженаукой и допускать, что ороговевшие клетки кожи могут быть тверже стального листа.

Я молча развел руками, пытаюсь придать своей физиономии обескураженное выражение и тем самым выгадать еще чуть-чуть времени. Изобрести ни одного мало-мальски правдоподобного объяснения состояния моей двери я не мог, да и врать милиции с ходу как-то побаивался.

Набатчиков выбил из пачки сигарету, чиркнул металлической зажигалкой и затянулся, ощупывая меня взглядом. Глаза у него были недобрые, глубоко посаженные, а тяжелые надбровные дуги дополняли их сходство со смотровыми щелями в танковой броне. Выпустив облако гари, майор развернулся и пополз в наступление.

— Как спалось? — он тягуче сплюнул в белую пыль.

— Тревожно. Так трясло, — пожаловался я.

— А больше ничего не слышали? Крики, может быть? Звуки странные какие-нибудь?

— На улице, кажется, кричал кто-то, но я не обратил особого внимания. Понятное дело, землетрясение. Видите ли, — на мое плечо, наконец, села муза, и я ощутил прилив вдохновения, — в последние дни я скверно спал и вчера решил принять снотворного. Переборщил, кажется: даже когда трянуло, не смог себя заставить подняться с постели, так что все было сквозь сон. Пока не очнулся вот, с вашей помощью, надеялся, что мне все это вообще померещилось. Димедрол пил, — уточнил я на всякий случай.

Тут майор, заслонявший своим корпусом ведущий вниз лестничный пролет, дал задний ход, и я судорожно глотнул воздуха: на межэтажной площадке темнело огромное багровое пятно, очерченное мелом.

— Соседка ваша, — кивнул на пятно Набатчиков, стяхивая пепел. — Разодрана в клочья, грудная клетка вспорота. Пикантная деталь: сердца нет. Это не вы, случайно? Шучу, шучу, — не утруждая себя улыбкой, добавил он.

— Боже... — я потер рукой глаза и только тогда обратил внимание, что и сам весь покрыт известью; в горле запершило.

Дверь соседской квартиры приотворилась, из нее показался еще один оперативник, высокий, чернявый, кадыкастый — внешне совершенно непохожий на Набатчикова, и в то же время неуловимо его напоминающий. Мне подумалось, что ГУВД, да и вообще все то, что в нашей стране принято с анатомической иронией именовать «органами», должно быть, подвергает ауру своих сотрудников некой чеканке, в результате чего им не надо даже предъявлять гражданам свои удостоверения — те и так все сами чувствуют на астральном уровне.

— Ничего не понимаю, — негромко обратился второй к майору. — Дверь открыта, квартира нетронута. По пыли идут следы до выхода. Здесь ты сам все видел, у нас это отснято, — отпечатки ее тапок на лестничной клетке, и полоса эта по ступеням, когда ее тащили. Больше никаких следов нет. Что вы слушаете, это вас не касается! — прищурился он, глядя на меня.

— Тогда я пока умоюсь, с вашего позволения?

Воду в кране я пустил совсем тоненькой струей, чтобы она не заглушала долетавшие через открытую дверь обрывки разговора:

«... что напоминает... в цирке тигр дрессировщика порвал... приезжал, еще когда работал... тут не человек... цирк, зоопарк позвонить... некоторые богатые чудаки в квартирах держат...»

«...следов нет... тетки отпечатки повсюду, а этого... только когти вот на двери... почему у него?.. что-то знает...»

Когда, натянув тренировочные штаны, я вернулся на лестницу, они уже успели определиться с тактикой.

— Мы вас пока беспокоить не будем. Вы подумайте, память напрягите. Димедрол, в конце концов, развеется ведь когда-нибудь. Телефончик свой оставьте, и наш запишите. Из Москвы пока никуда не пропадайте. И вот еще что — складывается у нас такое впечатление, что до вас тоже пытались добраться. Знаете, все-таки, как говорится — «Моя милиция меня бережет». Вы не подумайте, что нам все равно, у нас ведь тоже отчетность страдает. И два нераскрываемых убийства в одном доме для нас хуже, чем одно. С наступающим вас, — заключил майор, швыряя окурок мне под ноги.

Запираясь, я тоскливо подумал, что и сам был бы рад не пропадать никуда из Москвы, но обещать ничего не мог.

...Они недалеко ушли от истины: это был не тигр, а ягуар. Но делиться своими переросшими в уверенность предположениями с ними я так и не стал. Пусть их очерствелый мозг и сумеет воспринять их, и даже поверить моей истории, — что с того? Служебные инструкции МВД не описывают способов борьбы с майянскими оборотнями... Против них наверняка бессильны даже серебряные пули и прочие народные средства, упоминаемые в европейской мифологии.

Угроза была теперь более реальной, чем когда-либо. Моя несчастная соседка поплатилась только за то, что первой вышла из своей квартиры после землетрясения, совпавшего по времени с пришествием чудища, посланного, чтобы покончить со мной. Моя авантюра стоила жизни невинному человеку, и это само по себе уже было достаточным основанием задуматься о том, имею ли я право ее продолжать.

Наконец, я просто боялся. Мне то казалось, что я уже переступил рубеж, до которого можно еще было делать выбор: словно хотел полюбоваться с канатного мостика на протекающую внизу горную реку, но сорвался, и теперь меня уносит течением; то вдруг я начинал говорить себе, что все еще можно отыграть назад, передумать, отступить, спастись.

Задремать у меня больше не получилось, несмотря на то, что спал я всего несколько часов. Все утро я провел с веником и тряпкой, подметая полы и вытирая пыль с мебели, очищая квартиру от обвалившейся штукатурки с такой тщательностью, словно хотел одновременно стереть следы землетрясения из памяти, чтобы и дальше можно было закрывать глаза на самые очевидные доказательства моих гипотез, выпросить прощения у демонов и вернуться к обычному моему существованию.

К тому моменту, как мое жилище снова обрело прежний вид (оставалось только побелить потолок), мне почти удалось в сотый раз договориться с собой о прекращении работы над книгой. И тут в прихожей вкрадчиво запиликал телефон.

— Дмитрий Алексеевич? — голос принадлежал молодой девушке.

Я почему-то сразу решил, что она должна быть очень красива; таким вот будоражащим воображение тембром обладают ведущие утренних программ

на радио. Их, должно быть, специально отбирают по всей стране, доверяя им непростое, ответственное дело: с нежностью и осторожностью сапера будить невыспавшихся, похмельных сограждан. Она еще не успела ничего сказать, а я был готов уже со всем согласиться.

— Вас беспокоят из бюро переводов «Акаб Цин». У нас для вас новый заказ. Вы не могли бы подъехать, как только завершите работу над предыдущим? И пожалуйста, постарайтесь сделать это до тридцать первого числа, а то в Новый Год мы не работаем, из-за ритуалов.

— Хорошо, — механически отозвался я.

— Замечательно. Тогда мы вас ждем, — ее голос звучал доброжелательно, почти ласково, как если бы я позвонил по телефону доверия.

С полминуты после того, как она положила трубку, я слушал короткие гудки, пытаюсь вспомнить, оставлял ли я в этом странном бюро свой домашний номер. Конечно, в наше время про любого можно найти какую угодно информацию, и все же...

Так и не придя к однозначному выводу, я вернулся в комнату, заправил в «Олимпию» новый лист бумаги и принялся начисто перепечатывать перевод последней главы. В голове у меня было блаженно пусто, я не терял время на сомнения и колебания, и всего через пару часов работа была доведена до конца.

Так, наверное, наркоманы, принявшие твердое и окончательное решение завязать, переступить, начать новую жизнь, в один миг вдруг словно забывают об этом и, не встречая никакого внутреннего сопротивления, как бредущие под шепот Луны сомнамбулы, срываются с места и едут за дозой. Они не думают ни о чем и когда их уже затягивает в водоворот-слив сладкого забвения; только на следующий день вместе с судорогой ломки приходит раскаяние.

Скрепив скобкой чистовик, я оделся потеплее и робко заглянул в глазок. На лестничной клетке уже никого не было; но опечатанная соседская квартира, следы когтей и надписи на моей двери, которые я так и не успел отчистить, напоминали о том, как близко к краю пропасти я стоял. Не отважившись пройти по размазанному уборщицей кровавому пятну, я вызвал лифт, а выйдя наружу, сразу поймал машину.

Окна покрытой грязными разводами «шестерки» были затуманены инеем, она тряслась, как продрогший дворовый пес, а водитель-кавказец в лезущем двустороннем пуховике цветов коллажей Энди Уорхола молчал, нахохлив-

шись, словно боясь, что вместе с паром из его рта выйдет драгоценное тепло и кастанедовская жизненная сила.

Разрушений от ночного катаклизма на заснеженных московских улицах на глаз заметно не было, но повсюду копошились желтые муравейники — муниципальные рабочие отлаживали невидимые коммуникации, видимо поврежденные подземными толчками.

— В Ленинакане страшнее было, — хрипло проронил водитель.

— Мне и вчерашнего хватило, чтобы до смерти перепугаться, — честно ответил я.

— У меня тогда полсемьи погибло. Дом пропал. Я когда в Москву переезжал, думал, по крайней мере, здесь трясти не будет...

— Вы знаете, я думаю, сейчас от этого уже нигде скрыться не получится, — сказал я то ли ему, то ли себе.

— В газете такое прочитал? — нахмурился он.

— В книге.

Водитель кивнул и снова умолк, погружившись в свои мысли. До конца поездки тишину разрезали только однообразные проклятия, которые он посылал в космическое пространство, когда на дороге складывалась особенно сложная ситуация.

Охранник на входе в особняк, где размещалось бюро «Акаб Цин», узнал меня и, не задавая вопросов, сам выписал пропуск. Несмотря на праздники и природные бедствия, в коридорах было довольно многолюдно: планетарный капитал, одним из крошечных форпостов которого было это сияющее здание, не признавал выходных. Двое маляров в аккуратных оранжевых комбинезонах белили потолок.

Привычно утопив кнопку с цифрой «пять» в алюминиевой панели лифта, я прикрыл глаза и вдохнул полной грудью. Внутри витал неуловимый аромат: нечто между благородным старым деревом и сдержанным мужским парфюмом, каким полагается душить пожилым, но подтянутым миллиардерам, стоящим у руля своих белоснежных яхт.

На этот раз меня встретила холеная, хорошо выдержанная в солярии брюнетка среднего возраста. Мило улыбнувшись, она приняла папку с готовым переводом и, подойдя к сейфу в глубине офиса, извлекла оттуда точно такую же, отличающуюся только номером на наклейке.

— Благодарим вас за оперативность. Это очень важно при исполнении данного заказа.

Я сразу узнал ее голос: это она звонила мне сегодня утром. Принимая конверт с гонораром, после некоторых колебаний я все же спросил, хотя и не был уверен, что во время телефонного разговора с ней просто не ослышался:

— Скажите, а о каких ритуалах вы говорили?

— Прошу прощения? — она изогнула бровь контуром, очень точно придававшим ее лицу выражение «вежливое любопытство».

— Ну, по телефону... Вы сказали, что на Новый год бюро не будет работать из-за ритуалов.

— Ах, да... Совершенно тривиальные ритуалы. Салат оливье, чищенные серпантином апельсины, шампанское. Фильм «Ирония судьбы». Новогоднее обращение президента. Общение в трудовом коллективе.

— Корпоративная вечеринка? — кивнул я.

— Да, можно и так назвать. Корпоративная вечеринка, — посреди фразы она вдруг перестала улыбаться, словно забыла, что при беседе с клиентами это надо делать всегда; мне сразу стало как-то неуютно, будто из павильона, где снималось кино, разом исчезли все красочные декорации, и вокруг остались только серые бетонные стены.

— И когда же теперь будет можно вернуть вам готовую работу? — спросил я заискивающе, пятясь к выходу.

— Не волнуйтесь, с вами свяжутся, — она спохватилась и снова натянула свою благожелательную улыбку, но это только усугубило мой испуг.

На улице было еще светло: благодаря милиции мой день начался куда раньше обычного. Я решил рискнуть и пройтись немного пешком, рассчитывая, что морозный декабрьский воздух протрезвит меня и вернет ясность рассудку.

Не напони мне веселый оперативник и приветливая дама из бюро о приближающемся празднике, я, может, так и не вспомнил бы о нем: что за нелепая идея праздновать нынешний Новый год в мае тысяча пятьсот шестьдесят второго? Однако кроме меня в этом, похоже, никто не сомневался: ледяной ветер надувал болтавшиеся над дорогами растяжки с поздравлениями, в витринах магазинов призывно подмигивали пластмассовые елки и эпилептически подергивались заводные красномордые Санта-Клаусы.

Люди тащили обвязанные глянцевыми лентами яркие коробки и пакеты с подарками, улыбающихся лиц вокруг было непривычно много. Проходя мимо елочного базара, я все же не выдержал и встал в очередь. Трудно объяснить, зачем я это сделал. Скорее всего, потому что, поставив живую елочку у себя дома, нарядив ее блестящими стеклянными шарами, которые пока дожидаются своего часа, завернутые в старые газеты в коробке на антресолях, и включив маленькую гирлянду, можно греться в ее свете, спасаясь от сгущающейся вокруг тоски и одиночества, так остро ощущающихся в дни рождения и под Новый год... Который, к тому же, может стать последним.

Прежде чем запихнуть купленную елку в багажник пойманной машины, я взял в киоске пару свежих газет. Аршинные заголовки били тревогу, почти всю первую полосу занимали фотографии просевших от землетрясения пятиэтажек; оказывается, московские толчки были всего лишь слабым эхом куда более страшной катастрофы, чудовищным молотом сокрушившей Иран. Десятки тысяч погибших в Тегеране, сотни — по всей стране...

Молох набирал мощь, остановить его было не под силу никому, но я хотя бы мог понять его природу, истолковать происходящее, узнать, чего стоит ожидать и возможно ли еще спастись. И подумать только — быть может, заветный ключ был в моих руках прямо сейчас!

Разумеется, когда я добрался до дома, мне уже не хватило терпения заниматься игрушками и гирляндами. Поставив елку в ванну, я только сполоснул руки и бросился к рабочему столу. Новая глава напоминала приключенческий роман, и пока перевод не был готов, оторваться от нее я так и не сумел.

«Что первую откровенную беседу нашу с проводником Хуаном Начи Кокомом нам пришлось прервать, так как в ближайших к нам кустах мы услышали подозрительный шорох. Что, пойдя туда и обнажив клинок, я громким голосом потребовал прятавшегося в них обнаружить себя и назваться. Что из-за кустов этих вышел Васко де Агилар, и что был он на меня весьма зол, и лицом от бешенства и от стыда красен. Что мне он сказал, будто справляя в тех кустах нужду, а разговора нашего с проводником не слышал вовсе. И что я словам его не поверил, однако же обвинять его во лжи не стал, не желая вынуждать его к защите чести, а притворился, что принял его объяснения.

Что путь наш по сакбу в тот день похода, ставший последним, давался нам особо трудно, так как все в отряде нашем телесно ослабли до крайности. Что я по-прежнему шел подле Начи Кокома, остальные же брели на некотором расстоянии от нас, негромко переговариваясь, так что слов их беседы я слышать не мог, однако ветер был в их сторону, и посему сам я говорить о тайных вещах с проводником опасался.

Что к концу дня увидели мы впереди просвет, а затем и белую макушку индейского храма, поднявшуюся над листвою деревьев. И что до того еще, как солнце село, дорога привела нас к круглой площади, вырубленной в сельве и выложенной белым камнем, на которой и размещался замеченный нами издалека храм. Что на этой площади сакб оканчивался, и со всех сторон окружали ее деревья высокие, растущие одно к одному, сквозь которые пройти не было возможности.

Что сам храм, как и говорил мне Хуан Начи Коком, был размером невелик, но красотой превосходил все из доселе виденных мною на Юкатане старинных построек.

Что формой храм напоминал пирамиду, по четырем сторонам которой наверх шли крутые лесенки с высокими ступенями, ведущие сначала к широкому выступу, опоясывающему постройку примерно посередине ее высоты, а потом дальше, к маленькой площадке, расположенной на самой вершине. Что помимо этого храма тут же имелись еще несколько меньших сооружений, среди них и сухой колодец, не менее семи эстадо глубиной, из тех, что имеются и в других заброшенных городах. И что, по словам Хуана Начи Кокома, колодец этот, называемый майя «сенотом», использовался его отцами и дедами, заблудшими язычниками, для жертвоприношений, среди которых были и человеческие.

Что хотя ни в самом храме, ни в окрестностях его следов пребывания людей не имелось, постройка своим состоянием была отлична от тех, что мне доводилось видеть ранее. Что прежние были покрыты мхом и чаще всего разграблены, эта же была чиста от растительности, и такой белизны, будто возведена только накануне.

Что проводник наш к пирамиде приближаться отказался, воздержавшись и от прогулок по мощеной площадке. Что все то время, пока мы бродили по описанным мною сооружениям, исследуя их, он ожидал нас у дороги, лишь изредка давая мне пояснения, когда я обращался за ними; от

чрезмерного любопытства при изучении построек он нас предостерег, особенно заклиная воздержаться от вторжения в храм.

Что я был единственным из всех, кто послушался его, помня о том, что он поведал мне ранее; прочие же не обратили внимания на его уговоры. Что по указанию брата Хоакина солдаты поднялись по ступеням до выступа на пирамиде, где нашли замурованный камнями вход. Что все они вместе стали ломать его, зовя и меня на подмогу, а брат Хоакин поторапливал их и говорил им, будто внутри могут находиться несметные богатства, от которых каждому из работавших положена часть; но что я сослался на недомогание и уклонился, имея некоторое дурное предчувствие. Что отказ мой вызвал среди остальных недовольство и насмешки, однако принудить меня никто не посмел.

Что проводник Хуан Начи Коком, увидев, что уговоры и предупреждения его не имеют силы, отчаялся остановить их и стал тогда плакать и молиться Всевышнему, дабы тот защитил его от гнева индейских богов.

Что солдат Педро Ласуэн был первым, кому удалось пробить в закрывающей вход стене небольшое отверстие, о чем он радостным криком сообщил всем. И что по прошествии нескольких часов удалось им проделать в стене изрядную брешь, но из-за наступившей ночи работу пришлось приостановить.

Что на ночлег мы все же собрались все вместе посреди площади, причем проводник наш тому сопротивлялся. Но что, по приказу Васко де Агила-ра, несмотря на мои возражения, Хуана Начи Кокома привязали, чтобы он не смог в темноте один убежать, бросив отряд.

Что на этом месте сон у всех нас был мгновенный и тяжелый: и у меня, и у проводника, и у часовых. Что посреди ночи очнулся я на краткое время оттого, что почудилось мне, словно поблизости грохочут, падая, камни, а потом сквозь сон слышал я еще другой гул, тоже как бы от камней, но теперь совсем рядом с нами. Что подняться на ноги мне не удалось; тяжело было даже приоткрыть глаза, и сделал я это с превеликим трудом. И что сквозь морок показалось мне, будто я вижу на самом краю круга света, исходящего от догорающего костра, неимоверно высокую и широкую темную фигуру, очертаниями схожую с человеческой, но со странно приплюснутой головою, словно растущей прямо из плеч.

Что наутро мы обнаружили Педро Ласуэна мертвым на том месте, где он заснул; череп его был раздавлен в крошку, словно по нему прокатил-

ся громадный каменный жернов, и кроме крови и этой крошки ничего совсем не осталось. И что орудия, которым ему размозило голову, или следов злоумышленника, сотворившего это, найти никто не смог.

Что вместо небольшой дыры, пробитой накануне солдатами, в стене храма теперь зияла огромная пробоина, через которую мог пройти, не сгибаясь, и весьма высокий человек. Что после случившегося с Педро Ласуэном никто не отважился войти внутрь; только брат Хоакин, упрекнув прочих за трусость, поднялся по ступеням.

Что остальные тем временем, говоря между собой, требовали немедленно покинуть проклятое место. Что брат Хоакин не появлялся в течение часа, однако никто из отряда, включая даже и сеньора Васко де Агилара, известного своей бычьей смелостью и безрассудством, за ним ступать не решился.

И что когда все готовы были уже выступить в обратный путь, к чему я их и побуждал, на ступенях появился брат Хоакин Герреро, целый и невредимый; что в одной руке он держал горящий факел, а в другой — несколько свертков. Свертки эти оказались индейскими рукописями, сделанными на коре и на выделанной коже.

Что при виде этих свертков Хуан Начи Коком бросился к брату Хоакину со страшным криком, но Васко де Агилар сбил его с ног и связал; убивать же единственного проводника брат Хоакин запретил.

Что после этого сказал брат Хоакин, что внутри пирамиды есть сокровищница, полная золотых слитков и искусных изделий, украшенных драгоценными камнями, и что от всех этих богатств каждому причитается такая доля, сколько он сможет унести, и клада хватит на всех. Но прежде чем воздать себе по заслугам, сказал брат Хоакин, надо было отомстить убийце Педро Ласуэна.

И что в этот самый миг меня ударили сзади по голове; и что я, оглушенный, упал, а когда пришел в себя, был уже связан по рукам и ногам. Что предательский удар мне нанес Васко де Агилар, находившийся в заговоре с братом Хоакином, о чем тот сам сообщил мне позже.

Что, пленив меня, брат Хоакин объявил, будто я совместно с проводником Хуаном Начи Коком вступил в сговор с дьяволом, чтобы погубить весь наш отряд, и, пользуясь полученной от него силой, препятствовал осуществлению воли Церкви, убив лучших воинов, а также и другого проводника, полукровку Эрнана Гонсалеса.

Что взбешенные солдаты хотели прикончить меня тут же, но брат Хоакин остановил их, напомнив, что кровопролитие противно Господу нашему Иисусу Христу и Святому престолу, так что при обычных обстоятельствах меня надлежало бы сжечь на костре, но что из-за спешки, с которой следовало возвращаться теперь в Исамаль, со мной поступят иначе. И что, сказав так, он велел бросить меня связанным в сухой колодец, куда майя кидали предназначенных на заклятие.

Что приказ его был тут же выполнен; и хотя я и думал, что обязательно разобьюсь о дно колодца, сего не случилось, поскольку я смог задержать свое падение, уцепившись за стены, а внизу сенота была мягкая земля. Что при том я все же сильно ушибся и сломал себе ногу, отчего побег из колодца сделался немыслим. И что вокруг себя увидел я много человеческих костей и целые скелеты, оставшиеся от принесенных в жертву индейцев.

Что, хотя я боялся расправы и над Начи Кокомом, проводника они убивать не стали, нуждаясь в нем, чтобы найти дорогу обратно в Исамаль. Что через короткое время храм был разграблен, о чем я мог судить по довольным крикам наверху. Что вслед за тем голоса их стали удаляться, отчего я поверил, что останусь в этом страшном месте один, пока не погибну от жажды и голода.

Но что когда голоса почти стихли в отдалении, наверху увидел я брата Хоакина и подумал, что тот вернулся, чтобы пощадить меня или же чтобы покончить со мной, хотя бы и таким способом проявив милосердие. Однако же тот задержался, чтобы говорить со мной, вместо отпущения грехов проведя последнее дознание.

Что рассказал он мне, как подслушивал сам и подсылал подслушивать других все мои секретные беседы и с Эрнаном Гонсалесом, и с Хуаном Начи Кокомом, и признался, усмехаясь, как удавил полукровку, сонного, а затем вздернул его на суку на устрашение его соплеменнику и мне, но я не внял предостережениям. Что заколол он и помутившегося рассудком Фелипе Альвареса, за которым сам же ухаживал, чтобы тот своими завываниями не смущал остальных и не мешал двигаться к цели. От меня же брат Хоакин хотел узнать, отчего я променял веру Христову и любовь отца Диего де Ланды на туземные суеверия и дружбу немытого майя.

И что я ответил ему, что поступал не по уму, а по сердцу и считал, что свитки индейские, которые хотел получить настоятель, должны были оставаться нетронутыми и спрятанными, пока не настанет их день, и

Дмитрий Глуховский

не мне вмешиваться в их судьбу. И что летопись грядущего, которой алчет отец де Ланда, не для него предназначена.

Что от моих слов пришел монах в неописуемую ярость, плюнул мне на голову, обзвав упрямым ослом, и уверил меня, что среди добытых рукописей есть и искомая, так как разсланные настоятелем доверенные лица рыщут по всему Юкатану и собирают все дьявольские писания, дабы уничтожить их, и ни одно не ускользнет от них. И что проклял он меня и пожелал мне мучительной и долгой смерти, которую я, по его убеждению, совершенно заслужил, после чего оставил одного, подыхать как пса».

(Feliz Año Nuevo)

Feliz Año Nuevo

Дрожащими руками я отодвинул от себя кипу исписанных спешащим косым почерком листов и протер слезящиеся от напряжения и усталости глаза. На дне жертвенного колодца, куда коварный монах отправил моего конкистадора, могли согнуться мы оба. Осуществлялся самый мрачный из воображенных мною сценариев: дневник оказался предсмертными записками несчастного авантюриста, медленно умирающего от жажды и голода в сердце сельвы.

Кто бы ни нашел их среди развалин годы или столетия спустя, и какого кропотливого труда ни стоило бы ему восстановление манускрипта, работа эта была напрасной. Из летописи грядущего дневник превращался в летопись обычную, документ не магический, и потому вечный, а самый заурядный, исторический, чуть ли не бытовой, а значит, тленный и тщетный. Писавший его человек, надеясь этим занятием отогнать назойливые мысли о скорой кончине, роящиеся в его голове, как мухи над трупом, не поднял завесу, скрывающую великую тайну крушения мира, а лишь на краткий миг заглянул в образовавшуюся в ней прореху.

Я был почти полностью уверен, что если следующая глава и существовала, то состояла она только из тоскливого и путаного описания последних часов жизни теряющего сознание конкистадора. Он был так же бессилен и жалок, как и я. Пустившись в поход по губительному лабиринту по его следам и всецело ему доверившись, я завершил свой путь в тупике, где еще белели его кости. И

некому было указать мне выход обратно, и чугунные шаги приближающегося Минотавра становились все громче...

Как он мог так попасться?! Как мог позволить себе быть таким легкомысленным? Отчего не предвидел главной опасности, остался глух к предупреждениям, не разоблачил предательских козней брата Хоакина и его быкоподобного подельника Васко де Агилара? Неужели он не понимал, что ответственен не только за свою жизнь?!

Я взбешенно смел со стола и страницы с набросками перевода, и листы старинной книги, а потом с размаху грохнул по нему кулаком, так что дерево надорванно закричало.

Вся эта история показалась мне дьявольским розыгрышем, затеянным сонными демонами и пыльными божками с первым попавшимся смертным только для того, чтобы спастись от вековой скуки. Посягнув на божественное, тогда как мне не причиталось и кесарева, я, должно быть, порядком посмешил всю небесную галерку, внеся необходимый комический элемент в движущуюся к развязке вселенскую трагедию.

Глядя на разлетевшиеся по полу страницы, я с трудом удержался от того, чтобы плюнуть на них. К чертям мертвых индейцев с их неразгадываемыми шарадами! Плевать я хотел на все эти пирамиды, лесных оборотней, воняющих серой францисканцев и головорезов в кирасах! В костер хроники, прорицания, книги из древесной коры и резных идолов!

Злость вытеснила из меня страх, и, нахлобучив ушанку, я выбрался на улицу: завтра Новый год, а в холодильнике пусто, как в захолустном краеведческом музее.

...Картошка, вареная колбаса, яйца, соленые огурцы и майонез по отдельности — всего лишь продукты, но это как раз тот пример бытовой алхимии, когда совокупность слагаемых превосходит их арифметическую сумму. Оливье для любого постсоветского человека — не просто салат, а культурный символ, знак, ассоциативный ряд к которому длиннее кремлевской стены. Для меня же он, вместе с традиционным шампанским, баночкой красной икры и мандаринами, должен был стать якорем, который моя истерзанная штормами каравелла собиралась бросить в гавани реальности. Плавание было окончено. Я возвращался.

И теперь я хотел вновь ощутить себя обывателем, в веселых хлопотах готовящимся отметить Новый год. Притвориться, что прошлых недель не было в моей жизни. Хотел ощутить невинный страх за то, что не успею купить подарки друзьям — вместо сгущающегося ужаса перед скорым и неизбежным Апокалипсисом, радость предвкушения праздника — вместо радости от того, что мне вновь удалось ускользнуть от подосланных убийц, и новогоднее одиночество холостяка — вместо космического одиночества Ноя, которые сутки подряд всматривающегося в непроглядную темень за бортом своего ковчега.

Времени уже было к девяти; еще вчера в этот час я бы нипочем не отважился показаться даже на лестничную клетку. Но сейчас во мне что-то переломилось. С несвойственной мне наивностью я решил, что если я выхожу из игры, то она сама собой прекращается.

Однако во дворе действительно было тихо, только из ближайшего продуктового киоска доносилась одна из рождественских песен Бинга Кросби. Огромными хлопьями медленно падал снег, пухлые ватные сугробы росли на глазах, а небо приняло такой неправдоподобно густой синий цвет, что мне показалось, будто воплотилась одна из моих смешных детских грез — попасть внутрь игрушки-пузыря с идиллическим зимним пейзажем и вихрящимися, если встряхнуть ее как следует, пенопластовыми снежинками. Дома вокруг были словно склеены из папье-маше, и если в обычной суетной грязно-серой Москве добродушный старик Кросби был бы более чем неуместен, то в этом волшебном засахаренном городе с поздравительной открытки, в который я неожиданно попал, его приторные композиции звучали как национальный гимн.

Все-таки нет лучшего праздника, чем Новый год. И пусть кто-то считает его большевистским эрзацем Рождества, по мне, этот суррогат куда приятнее оригинала. Все его квази-традиции, те самые советские ритуалы, которые подменили собой ритуалы христианские, мне кажутся не кондовыми, а милыми и трогательными — может быть, потому что я и сам — один из детей ушедшей эпохи. Новый год хорош именно своей бессмысленностью, своим отказом от любых корней — этнических или религиозных. Это праздник ни о чем, и потому — для всех. Привязанный только к пустой календарной дате, лишенной исторического, нравственного или любого другого значения, он может одинаково искренне отмечаться и православными, и буддистами, и русскими, и татарами. Вот истинный день межкультурного, межнационального примирения...

Безжалостно распотрошив свой бумажник в соседнем универсаме, я вернулся домой, навьюченный пакетами с провизией. В квартире было тепло

и уютно, и, приняв ванну, я приступил к приготовлению ужина. Радиола негромко мурлыкала что-то американское из сороковых или пятидесятых, кажется, Глена Миллера.

Завтра же, прямо с утра верну последнюю переведенную главу в бюро, думал я, отхлебнув сухого белого, и с аппетитом уплетая спагетти карбонара. Следующей у них все равно не окажется, да пусть даже и будет, у меня хватит сил отказаться от нее. А потом обзвоню университетских приятелей — выясню, не поздно ли еще napроситься к кому-нибудь в гости.

На ночь я около получаса перечитал при свете зеленой настольной лампы несколько глав «Мастера и Маргариты», а потом меня накрыл легкий и теплый, как хорошо взбитое пуховое одеяло, рождественский сон.

Это был чудесный спокойный вечер.

Последний такой вечер в моей жизни.

* * *

Все началось с «Олимпиаи». Безупречный немецкий механизм, с сорок девятого года прослуживший трем поколениям нашей семьи без единого нарекания (профилактические смазки машинным маслом и замена износившихся лент не в счет), вдруг отказался работать. Так что с самого утра мне пришлось тащить этого пятнадцатикилограммового монстра в единственную чудом оставшуюся открытой мастерскую, где мне обещали его починить в ближайшие дни — избегая называть конкретные сроки. На ее поиски я убил добрую половину дня, а после прочих событий уже и речи не шло о том, чтобы отмечать Новый год с друзьями.

Зато за «Олимпиаю» я был спокоен. Хозяин мастерской, милый старичок в засаленном синем халате, был так обходителен и со мной, и с печатной машинкой, что на ум сразу приходило определение «техническая интеллигенция». Он ласково погладил клавиши, прислушался к мягкому стрекоту отъезжающей каретки, и я ждал уже, что он вот-вот достанет стетоскоп и скажет «Олимпиаи»: «Ну-е-с, рассказывайте, что с вами приключилось».

Вместо этого он заверил меня, что ничего страшного с «малышкой» не произошло, но повозиться с ней все же придется, «И к тому же, сами понимаете, праздники...», поэтому раньше третьего числа звонить смысла не имеет. Запрошенная им цена была довольно внушительна, но спорить в моем по-

ложении было просто глупо: сдавать рукописный перевод я не мог, и потом, машинку все равно надо было чинить. Когда мы обо всем условились, он предложил мне светскую беседу — вроде той сигары, которую финансовые тузы непременно выкуривают в кино, чтобы скрепить достигнутые договоренности.

— Как трясло-то, а? У меня половина посуды с полок слетела... И штукатурка прямо пластами отваливалась. У соседа сверху инфаркт случился, не поверите, а ведь он моего возраста... Мне самому пришлось валидол глотать.

— У меня тоже после этого такой бедлам был, полдня убирался.

— Скажите, — спросил он вдруг, неловко улыбаясь. — А вы в конце света верите?

Я хотел было утвердительно кивнуть, но почему-то передумал и только неопределенно пожал плечами, выжидающе глядя на мастера.

— Читал я где-то в газете, будто какие-то индейцы предсказали... Инки, что ли? Или ацтеки? — он не поднимал на меня глаз, перебирая эти заведомо неверные ответы, словно подталкивая меня к тому, чтобы я поправил его.

— Ничего такого не слышал, — покачал головой я. — А потом, знаете, в газетах каждый год про конец света пишут. К двухтысячному, помните, сколько было заметок? Ничего, держимся, — я осторожно улыбнулся.

— Майя! Вот кто это был. Майя! Неужели и вправду ничего не слышали? — он наконец поднял взгляд и вперился в меня так пронзительно, что мне стало зябко.

— Ей-богу, от вас впервые слышу. С наступающим вас! Я побегу, у меня еще дел много, детям подарки купить надо, — уже через плечо врал я, поднимаясь по лестнице из подвальчика, где размещалась мастерская.

— Майя, точно майя, — хлопнувшая железная дверь оборвала его бормотание, и я с облегчением вздохнул.

* * *

Дорога домой предстояла неблизкая, и прежде чем спуститься в подземку, я подошел к стенду с газетами. Почти все издания пестрели фотографиями из Ирана или снимками раненых, сделанными в московских больницах, причем большинство из них были цветными, отчего весь стенд напоминал огромный тропический цветок — из тех, что источают запах гниющего мяса, чтобы

привлечь мух. И ровно в центре этого макабрического бутона красовалась «Независимая газета» с пришпиленным сверху сборником кроссвордов «От тещи».

Заголовок «Независимой», набранный огромными буквами, было невозможно проглядеть: «МАЙЯ ВСЕГДА НАБЛЮДАЮТ ЗА НАМИ».

Гам толпы стих, заглушенный грохотом биения моего сердца. Я прислонился спиной к столбу и умоляюще посмотрел на небо, но сегодня его заволокли плотные лохматые облака, через которые сверху меня не было видно. Когда я набрался духу и снова взглянул на прилавок, зловещая газета все еще покоилась на своем месте.

Решившись, я подошел к продавцу и попросил «Независимую». Он посмотрел на меня немного удивленно — хотя, быть может, мне это только показалось, — и, повинувшись мгновенной вспышке стыда, как подросток, в первый раз покупающий презерватив, я заодно набрал множество других изданий, надеясь, что единственно нужное мне потонет среди них, а не будет, вызывая усмешки, маячить на самом видном месте.

Раскрыл я ее, только усевшись поудобнее на изрезанном дерматиновом диване в вагоне и удостоверившись, что никто из моих соседей не проявляет ко мне чрезмерного любопытства.

До чего же я сделался смешон и жалок, изгрызенный, словно секвойя жучком-древоточцем, своей индейской шизофренией! Статья называлась «Майя Плисецкая и КГБ: Я знала, что они всегда наблюдают за нами».

Верстка была сделана так, что злополучный сборник кроссвордов скрывал половину заголовка и фото великой балерины. На всякий случай я тщательно изучил каждое предложение: о пирамидах, жрецах и конкистадорах там, разумеется, не было ни слова. Просто отрывок готовящихся к публикации воспоминаний Плисецкой, посвященный ее отношениям с Родионом Щедриным и госбезопасностью в тот период, когда звездная пара только начала выезжать на зарубежные гастроли.

Успокоенный и одновременно разочарованный, я принялся перелистывать остальные газеты. Среди бесчисленных репортажей с мест землетрясений из России, Европы и с Ближнего Востока, обескураженных комментариев сейсмологов, печатных гипнотических сеансов министров и мэров, пытающихся успокоить население, и актуальных толкований катренов Нострадамуса, я наткнулся на пару заметок, авторы которых словно свалились с Марса и вовсе не были встревожены последними событиями.

Первый посвятил целый разворот в «Коммерсанте» проекту грандиозного монумента, одобренного на днях московским правительством. Трехсотметровый бронзовый самолет «Ла-5» времен Великой Отечественной было решено установить на смотровой площадке на Воробьевых горах в память о летчиках-героях, оборонявших столицу от фашистских коршунов в ходе битвы под Москвой. Фашистские коршуны даже не были заключены в кавычки, что заставило меня поморгать и перечитать фразу заново. Уникальная конструкция памятника, предложенная ведущим британским скульптором, была такова, что бронзовый истребитель мог почти целиком парить над спокойно спящим городом. В статье отдельно подчеркивалось, что в тени его гигантских крыльев оказывалась площадь в несколько квадратных километров, а в фюзеляже предусматривался просторный выставочный зал и даже несколько аудиторий для студентов МГУ, где им будут читаться лекции по истории Второй Мировой. Воздвигнуть монумент планировалось в течение одного года, и необходимые средства уже были собраны среди патриотически настроенных представителей крупного бизнеса.

Вторая статья рассказывала о прошедшей накануне торжественной церемонии открытия мемориального музея Валентины Анисимовой (Кнорозовой), для которого на месте снесенных исторических особняков в одном из московских переулков по специальному проекту было возведено впечатляющего вида здание.

Вначале я небрежно пропустил заметку, продолжив жадно прочесывать газету в поисках скрытых знамений Рагнарека, однако вскоре под ложечкой начало тревожно тянуть, и пальцы сами собой пролистали страницы в обратном порядке.

Фамилия «Кнорозова» определенно встречалась мне раньше... Актриса театра кукол, «самоотверженно посвятившая всю свою жизнь творчеству и семье», судя по опубликованной фотографии, через десять лет после смерти удостоилась мавзолея немногим скромнее ханойской усыпальницы Хо Ши Мина. С болезненным любопытством прочитав статью, я удостоверился, что тело Кнорозовой хотя бы не покоилось в хрустальном гробу посреди музея, который репортер ничтоже сумняшеся назвал «храмом памяти великой актрисы»; и без того уже пахивало культом личности.

Среди разделов, открытых для посетителей, имелась обширная экспозиция кукольных героев, «в которых Анисимова вдохнула жизнь», фотовыставки «Школа» и «Молодые годы», а также «Семейные архивы», досконально задо-

кументировавшие ее многолетний брак с неким Юрием Кнорозовым, ученым-этнологом, изучавшим народы Мезоамерики. История ее жизни показалась мне донельзя банальной, и как отчаянно я ни тер виски, понять, чем именно Анисимова заслужила такое подобострастное отношение со стороны московских властей, у меня так и не вышло.

В то же время меня не покидало ощущение, что заметка о музее Анисимовой неслучайно приковала к себе мое внимание. Настороженно и внимательно, словно продвигаясь наощупь по темной комнате, я перечитывал ее еще и еще, пока не пришел к выводу, что все дело в нелепых «Семейных архивах», а точнее, в муже Кнорозовой. Выходило, что он занимался культурами майя и ацтеков. Не был ли он тем самым перешейком, что соединял древние территории Латинской Америки и сегодняшнюю треснувшую по швам Евразию? Или же, одурманенный манускриптом, я видел притаившихся майя повсюду — как в случае с Плисецкой? Где проходила тонкая грань между безумием и реальностью, и мог ли я быть все еще уверен, что уже не переступил ее?

Помню, озарение тогда было совсем близко; оно могло наступить еще до конечной станции Сокольнической линии (нужную — «Библиотеку имени Ленина», я, разумеется, пропустил, увлекшись конспирологическими изысканиями).

Помешал тот мальчик.

Он, верно, уже не первую минуту смотрел на меня так вот: нехорошо, исподлобья, и до того внимательно, что первой моей мыслью было — как же я не почувствовал на себе его тяжелого взгляда раньше?

Лет ему на вид я не дал бы больше пяти, но на румянном личике не было и следа той веселой беззаботности и непосредственности, в которых находят обычно отдых и утешение играющие с малышами взрослые. Напротив, казалось, что с дивана напротив меня изучающе рассматривает умудренный летями старик, утомленный жизнью и давно разочаровавшийся в ней. Мне сразу подумалось о переселении душ, хотя до сих пор я удерживался от соблазна верить в эту теорию.

Он был почти неподвижен, только покачивал флегматично свисающей с дивана ножкой. Выглядело это так, будто некто, вселившийся в его тело, пытается придать естественности его поведению, но выходит неуклюже, дерганно, как у деревянных кнорозовских марионеток.

Когда я перехватил его немигающий взгляд, странный мальчик ничуть не смутился, а вместо этого легонько кивнул — не мне, а сам себе, словно удовлетворенно отмечая, что все же добился желаемого. Я сначала отвернулся, решив не обижаться на ребенка за бестактность, но потом, не выдержав, снова посмотрел на него — чтобы упереться в его прищуренные глаза, которые он и не думал опускать. Мне стало неудобно, и я заерзал на сидении, будто припрятанный шпаргалку двоечник, на которого пристально уставился преподаватель.

Почему его не одернут родители? Я беспомощно завертел головой, стараясь определить, кто же из находящихся рядом с мальчиком взрослых может приказать ему снять с меня осаду. Но он сидел особняком от соседей и слева, и справа, и ни те ни другие, казалось, не только не имели к нему никакого отношения, но и вообще не замечали его.

Бежать, оставляя поле боя такому несерьезному противнику, мне было стыдно, и я решил хотя бы не вскакивать с места в то же мгновение, а набраться мужества и дождаться следующей станции, чтобы степенно подняться и покинуть вагон.

Перегон до нее растянулся, по меньшей мере, вчетверо; никогда еще я с таким нетерпением не дожидался остановки поезда. Я готов был уже отступить даже от этого маленького маневра, бросить знамена и скрыться в дальнем конце вагона; я даже собрал уже свои газеты, собираясь вставать, когда мальчик заговорил.

Он, несомненно, обращался ко мне. Из-за стука колес и гудения туннеля было не разобрать ни слова, и я не мог даже догадаться, о чем он со мной говорил. Выражение лица его оставалось неизменным, и только рот беззвучно открывался и закрывался: он и не пытался перекричать шум несущегося поезда. Мне вдруг захотелось услышать его, и я показал на уши, давая понять, что ничего не понимаю, но мальчик никак не отозвался на мой просительный жест.

Когда состав влетел на станцию «Университет», и стало слышно чуть лучше, до меня, наконец, донесся его голос: неожиданно низкий, взрослый, даже с легкой хрипотцой. При его звуке меня пробрала дрожь; одновременно на мальчика пораженно оглянулись все находящиеся рядом пассажиры.

«...найти его. Ибо беда мира в том, что болен Бог его, оттого и мир болен. В горячке Господь, и творение его лихорадит. Умирает Бог, и созданный им мир умирает. Но не поздно еще...»

Последние слова были заглушены бодрым дикторским объявлением, призывающим не забывать вещи в вагоне. Одновременно старушка, сидевшая рядом с мальчиком, рассеянно уставившись в пустоту, словно проснулась, взяла его за руку и, строго сказав «Алешенька, не шали!», решительно потащила его к выходу. Он не сопротивлялся, но, будто зная, что я стану провожать его взглядом, у самого выхода обернулся, зыркнул на меня через плечо, и еще раз кивнул — но теперь уже мне, как бы подтверждая, что все это не причудилось мне только что, а произошло в действительности.

Я не осмелился следовать за ним. Растерянный, я остался, пригвожденный к сиденью, закрыл глаза и втянул в себя нечистый, изжеванный вагонный воздух. В который раз за последние дни я подумал о феназепаме с тем же малодушием и робкой надеждой, с какими булгаковский прокуратор мечтал о чаше с ядом. Искушение забыться и забыть было настолько велико, что, проходя по пути домой мимо дежурной аптеки, я остановился у витрины и несколько долгих минут боролся с собой, уткнувшись лбом в холодное грязное стекло и расплываясь взглядом в елочной мишуре, которой была обвита неоновая вывеска «24 часа».

В первом раунде я потерпел поражение, и накинуть на себя узду мне удалось только у прилавка, когда хмурый фармацевт, то и дело поглядывавший на часы, спросил у меня, сколько еще я намереваюсь задерживать очередь, ничего не покупая. Сконфуженно попросив аспирина, я прошмыгнул к кассе и выбежал вон из аптеки.

Не знаю, правильно ли я поступил, отказавшись встретить Новый год в омуте забвения. Не уверен, что это помогло бы мне удержаться на краю пропасти, хотя сберець пару волос, поседевших за ту ночь, я бы, наверное, смог.

* * *

Нарядить елку! Забравшись на шатающийся стул, я извлек с антресолей запылившуюся картонную коробку с игрушками, осторожно протер темно-синие и вишневые стеклянные шары, обдул присыпанные шершавым снегом шишки, проверил гирлянды. Как обычно, пришлось порядком повозиться с крестовиной, но я был только этому рад. По радио передавали что-то из современной эстрады, но я, вместо того, чтобы поморщиться и переключить на другую волну, распевал под фонограмму вместе с безголосой силиконовой блон-

динкой с собачьей кличкой. Десяток кое-как приставленных друг к другу корявых слов о земной любви я выводил под немудрящий звонкий мотивчик со старательностью буддистского монаха, повторяющего заветные мантры, перебирая по кругу уже натертые до блеска игрушки, как четки, и постепенно успокаивался, успокаивался...

Впервые за последние годы я искренне пожалел, что у меня нет телевизора. По той же причине, по которой я всегда отказывался его приобретать: из-за способности этого прибора успешно замещать собой человеческое сознание, подменяя критическое мышление аналитическими программами, предлагая вместо собственных эмоций — глянцево счастливое и неубедительно переозвученные истерики героев мыльных опер, затыкая любопытство новостями. Сейчас я хотел вслед за всей страной замкнуть свой разум на это устройство. И пусть чьи-то напичканные скрытой рекламой фантазии заглушат мое собственное распалившееся воображение, как радиовышки КГБ СССР уверенно глушили надрывающиеся из-за рубежа голоса капиталистических стран. Я хотел, чтобы в моей голове включили блаженную тишину и пустоту. Чтобы выключили проклятый страх и сосущее одиночество.

Водрузив на верхушку красную звезду, я еще раз проверил дверь, сделал радио погромче и принялся кромсать овощи для новогоднего салата. Однако благостные новости о том, что Дед Мороз из Великого Устюга уже подъезжает на своих санях к Москве, прерывались экстренными выпусками о подводных толчках невероятной разрушительной силы у побережья Тайваня. Несколько прибрежных городов оказались под ударом цунами, а почти весь материковый Китай остался без Интернета — землетрясение повредило проложенные по дну океана кабели.

На третьей такой сводке за полтора часа я дрогнул, хотя до тех пор при помощи гирлянд, стеклянных шаров и безмозглых песенок мне удавалось держать мысли о событиях сегодняшнего дня закупоренными в одном из темных подвалов памяти. Но они скреблись все громче, все настырнее, требуя обратить на себя внимание, обещая вознаградить меня за это, обещая открыть глаза, поведать секреты...

Я мог сколько угодно затыкать уши, зажмуривать глаза и, как трехлетний ребенок, кричать: «Я ничего не вижу! Я ничего не слышу!» Кошмар продолжался независимо от того, соглашался ли я принимать в нем участие и правильно ли понимал отведенную мне роль. Сухая пыльная земля Ирана уже напилалась кровью, но она могла выпить и еще. Океан, за несколько минут слизнувший

сотни тайваньских небоскребов и утащивший за собой, словно гальку во время отлива, десятки тысяч человеческих жизней, только пробуждался после сна длиной в геологический период. Пришедшие в движение тектонические плиты, эти шестерни в механизме Апокалипсиса, набирали ход, приводя в действие чудовищные жернова, перемалывающие в пыль целые города, страны и народы. Наступал ли конец света или же только конец очередной эпохи в истории планеты, человек вряд ли был готов к нему больше, чем в свое время динозавры. Предчувствие близящегося краха мира витало в воздухе и сквозило в истерических газетных заголовках. Снежное покрывало, укутавшее Москву под Новый год, казалось мне белым погребальным саваном, и даже всеобщее праздничное настроение, старательно создаваемое у граждан властями и менеджерами по продажам, если приглядеться, было чрезмерным, натужным. Стоило ли мне и дальше пировать за общим столом, если, в отличие от остальных, я был трезв и отчетливо видел у них на теле чумные бубоны?

Четыре всадника не явились в назначенный час, и вместо последней битвы Добра и Зла увлеченные постмодернизмом боги решили сделать крушение мира бессмысленным и безликим. Последний суд, заседание которого бесконечно переносили под разными предложениями, кажется, был и вовсе отменен, и покоящиеся на Масличной горе — самом дорогом кладбище мира — зря занимали первые места в партере. Не будет трубы архангела, не будет процесса, не будет оправданных и осужденных, не будет воскрешенных, и ни Эдема, ни Преисподней; и всех ждет лишь одинаковое развоплощение.

Лукавили, лукавили библейские пророки. Опростоволосились поверившие им бородатые мусульманские мудрецы, сели в лужу христианские богословы. Все произойдет очень буднично.

Просто судороги, в которых мучается Земля, будут становиться все более страшными, пока очередной катаклизм не окажется достаточно мощным, чтобы повергнуть в океанскую пучину крошащиеся под ногами обезумевших от страха людей континенты.

Играющие в песке на морском побережье дети могут сколько угодно укреплять свои замки, рыть водоотводные каналы и притаскивать булыжники, чтобы выстроить защитные стены. Все эти инженерные ухищрения — до первого прилива, который смоеет их равнодушно, как смывает тайваньские небоскребы. Человек — вошь перед первозданной мощью океана, и американские

города растворятся в соленой воде точно так же, как города японские, немецкие или российские. И бессильно разведет руками всемогущий Сергей Кочубевич Шайбу, второй после Господа.

Надломятся и сползут в бездну близнецы Петронас в Куала-Лумпуре, лопнут усталые фермы Эйфелевой башни, обратятся в мраморную крошку и сгинут пережившие сотни поколений дворцы и храмы вечного Рима, под сомкнувшимися волнами блеснет на прощание, как брошенная на память золотая монета, купол мечети Аль-Акса, расколется сокрытый под ней Краеугольный камень, и вместе с белыми клочками иудейских записок к Иегове водные вихри невиданной силы закружат титанические глыбы Стены плача.

Пусть пока мало кто в это верит, но с каждым новым землетрясением, цунами, извержением догадывающихся будет становиться все больше. Не знаю, останется ли у них время, чтобы осознать все и покаяться, хоть в покаянии и не будет никакого смысла, чтобы потешить себя надеждами, отчаяться и, наконец, отрешиться. Или же все случится настолько стремительно, что большинство успеет только испугаться.

Пусть о грядущем конце пока молчат и муэдзины, приглядывающие за своей беспокойной паствой со сторожевых вышек минаретов, и затуманивающие рацию дымом кадил православные попы. Пусть католические священники не умножили еще свои обороты, задирая цену на индульгенцию желающему причаститься человечеству. Хватит времени — будут и лжепророки с сектантами, и чудесные планы спасения с последующим разоблачением, и оргии, и иступленные мольбы, и массовые самоубийства тех, кто спешит и не хочет дожидаться. Хотя лично я предпочитаю гильотину дыбе и надеюсь — ради нашего общего блага, — что гибель цивилизации будет мгновенной.

И вправду, что чувствовал Ной, глядя за борт? О чем думал Лот, уходя из пожираемого адским пламенем Содома, не смея обернуться назад? Какая будет бушевать в голове последнего тибетского монаха, с кажущейся безмятежностью взирающего на руины Вселенной из деревушки в погружающихся на дно Гималаях, так и не ставших новым Араратом? Что буду ощущать я?

Как глупо было бы, если единственные знамения конца света были бы ниспосланы именно мне — разочарованному и едкому, недалекому и необразованному, трусливому и сомневающемуся, неспособному стать ни спасителем, ни даже пророком... Мне, принимающему божественные откровения за паранойяльный бред! Готовому добровольно отдать себя на растерзание пси-

хиатрам, едва услышав описанные в учебной литературе по шизофрении *голо-са*, даже если они бы раздавались из неопалимой купины!

И как странно было бы, если бы оказалась несостоятельной и христианская, и иудейская, и мусульманская эсхатология, а верный сценарий конца света был бы предсказан языческими жрецами с полуострова Юкатан! Если бы задобренные вырванными из груди, еще бьющимися человечьими сердцами кровожадные майянские божки были бы более честны со своими почитателями, нежели всепрощающий Иисус, просветленный Будда и гордый Магомет...

* * *

Я вновь стоял на перепутье, и мне опять нужен был совет. Поразмышляв, я решил обратиться к моему испытанному, хоть и своенравному наставнику — Э. Ягонизлю. Без труда отыскав в глоссарии не самый очевидный для такой книги термин «Апокалипсис», я попал на четыреста третью страницу.

И Ягонизль не подвел — сразу взял быка за рога.

«Для религий Мезоамерики характерны представления о повторяющихся циклах сотворения и разрушения. И ацтеки, и майя были убеждены, что Вселенная уже прошла через четыре таких цикла и сейчас находится в пятом, в котором Земле суждено погибнуть из-за землетрясений.

Немало копий было сломано современными учеными при попытке вычислить точную дату майянского Армагеддона — и их любопытство вполне можно понять. По наиболее достоверным на сегодняшний день данным, расчет будет выглядеть следующим образом. Длина каждого из циклов созидания и разрушения составляла тринадцать Бактунов — т.е. около 5200 лет. И сам Армагеддон, несущий смерть вырождающимся народам и всем живым существам на Земле, должен наступить в последний день тринадцатого Бактуна.

Вера майя в цикличность устройства мироздания была абсолютна, так же как и их убежденность в неотвратимости грядущего Апокалипсиса. Полностью полагающиеся на своих звездочетов и прорицателей, индейцы Мезоамерики превратили всю историю своей цивилизации в один большой самоосуществляющийся гороскоп. Под диктатом астрологии оказались не только жизни отдельных представителей племени, но и судьба всей культуры. Безусловная, непререкаемая вера в то, что мир приговорен к уничтожению,

и точная дата его краха доступна для вычисления смертными, стала своеобразной адской машиной с часовым механизмом, заложенной под майянскую цивилизацию.

Эта вера, несомненно, давала майя и ацтекам определенные преимущества по сравнению с другими народами, а именно время подготовиться к Армагеддону. И если с классическими майя все более или менее ясно, то представления о конце света у ацтеков, а также тольтеков, и, соответственно, завоеванных и подпавших под их влияние поздних майя представляют большой интерес.

Дело в том, что народы этих культур, так же как и майя, вели круговой календарь с пятидесятидвухлетним циклом. В него укладываются три принятых у майя системы летоисчисления — основанная на 260-дневном годе («цолькин»), на 360-дневном («тун») и 365-дневном («хааб»). Ровно раз в пятьдесят два года или, если угодно, хааба, исполнялось 73 цолькина, замыкались на целых значениях и все три вида недель — девятидневная, тринадцатидневная и двадцатидневная. Словом, круг проворачивался до конца, после чего отсчет начинался заново. Как раз в последние дни этого большого пятидесятидвухлетнего цикла у ацтеков и тольтеков наступал период очищения и подготовки к вероятному Армагеддону. Обычаи и традиции эти весьма любопытны и могут оказаться полезными до сих пор.

Итак, в последние пять дней большого цикла мир застывал на краю бездны. Мало кто в те времена жил больше шестидесяти лет, поэтому на памяти почти всех индейцев, которым доводилось застать эти проклятые дни, такое происходило впервые. Однако они самым доскональным образом воспроизводили все отточенные их предками ритуалы, ведь для каждого из них угроза конца света была не только реальной, но и более чем вероятной.

В преддверии Апокалипсиса мир наполняли злые духи. Они выходили из лесов, просачивались сквозь трещины в земле, поднимаясь на поверхность из мрачных глубин, всплывали со дна рек и озер. Они могли оставаться невидимыми или принимать как человеческое, так и звериное обличье. Встреча с рыщущими на воле демонами сулила беззащитным людям порчу, долгие болезни и даже смерть.

Чтобы уберечься от духов, индейцы на пять долгих дней превращали свои деревеньки и города в своеобразные астральные крепости. Все жители прятались по домам, и ни при каких обстоятельствах не покидали их в течение этих пяти дней, причем особенный запрет касался детей и беременных жен-

щин. Наружу выходили только опытные воины, вооруженные особыми колдовскими копьями, заговоренными против демонов. Сменяясь, они держали оборону своих городков, обходя пустые улицы днем и ночью и отпугивая бесов. В самом начале этого странного периода требовалось погасить все огни, так как свет и тепло пламени могли привлечь духов. Обязательно полагалось разбить всю имевшуюся в доме посуду. Все пять дней необходимо было провести в приготовлениях к концу света: в страхе, в смирении и в молитвах.

В последнюю, пятую ночь мужчины поднимались на крыши своих домов, рассаживались на них и, обратив взоры на восток, терпеливо ожидали восхода Солнца. Боясь даже перешептываться между собой, они бесконечно долго вглядывались в черный пустой горизонт. Никто не знал, поднимется ли светило вновь над покорно приготовившимся к заклятию мирозданием. Каждый индеец понимал, что Солнце может больше никогда не взойти, и тьма воцарится во Вселенной навек, предвещая скорый ее распад, как и записано в священных книгах.

И только когда оно, наконец, озаряло далекие темные холмы и кроны деревьев, они спускались вниз и возвещали своим близким благовест: мрак рассеялся, мир пощажён — по крайней мере, еще на пятьдесят два года».

Зачарованный нарисованной Ягониэлем картиной, я застыл посреди кухни с книгой в руках. Эти пять страшных дней накануне конца света, описанные им, напомнили мне мою собственную жизнь в последние недели. Не владея опытом защиты от злых духов, который за свою тысячелетнюю историю накопили индейцы, я оказался почти в таких же условиях, но был куда более уязвим. У меня не было заколдованного копья, и я не знал, что горящий свет может накликал духов. Я не стану бить фамильное венецианское стекло и богемский фарфор даже теперь, и все, что мне остается — в сотый раз подкрасться к дверному глазку, боязливо заглянуть в него, подергать ручку и вернуться к себе на кухню, единственное место в мире, где я чувствую себя в относительной безопасности. За моим порогом клубится тьма, в моем дворе бродят разбуженные безалаберными конкистадорами демоны сельвы, и мне не позволено сойти с этой призрачной тропы, хотя я не понимаю, зачем ступаю по ней и куда она ведет...

«До Нового года осталась одна минута!», — сообщил диктор и смолк, давая слушателям возможность в веселом переполохе разобрать фужеры под

шампанское, запалить бенгальские огни, потушить свет и ослабить проволоку на *той самой* бутылке.

Я бросился к холодильнику, схватил шампанское и успел выстрелить пробкой в потолок точно вместе с двенадцатым ударом Курантов. Потом плеснул себе в бокал сладкой пены, распахнул окно, сделал маленький глоток и подставил лицо под порыв морозного ветра, отдающего приятным легким запахом гари, как будто где-то рядом топили дровами. Прямо в мой бокал опустилась огромная ажурная снежинка, и я улыбнулся, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

Для меня было очень важно успеть. Когда знаешь, что делаешь даже самые заурядные вещи в последний раз, они обретают особенную сладость и новый смысл.

«С Новым годом!» — надрывалось радио...

(EL Encuentro con el Destino)

El Encuentro con el Destino

Ягониэль только еще раз подкрепил мои собственные заключения, подтвердил объективность и фатальность вселенских процессов, которые мне случайно пришлось подглядеть. Но получи я еще хоть с десяток доказательств здравости своего рассудка, дела это не меняло: оставшись без напарника и без надежд узнать, чем закончилась та экспедиция пятисотлетней давности, я утратил единственный ключ к шифру, которым были закодированы происходящие со мной и со всем светом события.

Я принес из соседней комнаты листы последней главы и, ковыряя вилкой оливье, внимательно перечитал ее. Сейчас я искал одно: любое упоминание событий более поздних, чем те, которым была посвящена глава. В дневнике довольно часто встречались такие ссылки на открытия или выводы, сделанные его автором позднее; они намекали на то, что все описанные злоключения он благополучно пережил, а сам журнал составлялся много позже, когда ему была уже известна вся история от начала и до конца.

Однако в последней главе, как тщательно я ни изучал бы ее, ничто не указывало на то, что сброшенному в колодец конкистадору удалось выбраться оттуда живым. Похоже, я все же делал искусственное дыхание посиневшему и распухшему утопленнику. Черт с ним, сказал я себе. Как трудно ни давалось бы мне это решение, надо было отступить. Он мертв, как мертвы переводчик-испанист, клерк из бюро «Азбука», как моя несчастная соседка. Упокой, Господи,

его мятежную душу, или что там говорили в таких случаях испанские священники в шестнадцатом веке.

И тут, словно прощаясь с покойником, во дворе надрывно взвыли собаки.

Сердце мое сорвалось и рухнуло вниз: бродячие псы стали для меня герольдами потусторонних визитеров, своим воем возвещающими их прибытие в наш застывший от ужаса мир. Неужели они возвращаются?..

Что теперь? Боги, что теперь? Поступить, как велел Ягониэль? Выключить свет, попытаться сделаться невидимым для духов? Разбить что-нибудь из посуды? Раз уж я не могу отразить их нападение, попробовать хотя бы спрятаться...

Прокравшись в коридор, я щелкнул всеми рычажками сразу, выключив пробки, снова подергал дверь, навесил собачку, потом вслепую вернулся на кухню, одним глотком допил остававшееся на дне фужера шампанское и наугад метнул его в кафель над разделочным столом. Бокал тонко взвизгнул, на пол посыпались стеклянные брызги. Я присел на краешек дивана и замер, весь обратившись в слух.

Собаки унялись, и на некоторое время на улице стало совсем тихо. Потом кто-то пьяный заорал песню про замерзающего ямщика, за ней последовала затяжная канонада из фейерверков и петард, и снова наступило затишье. На лестничной клетке и в коридоре, кажется, все тоже оставалось спокойно. Хотя глаза и немного привыкли уже к темноте, без света все равно было жутковато. Но если индейский способ защиты от бесов действовал, пренебрегать им в такую минуту было бы непростительным безрассудством.

Не выдержав темноты и ожидания, через десять минут я все-таки позволил себе запалить стоявшую на столе свечу, о чем тут же пожалел.

Из комнаты — точнее, даже не из нее самой, а как бы с улицы, но через открытое в комнате окно — послышался далекий, приглушенный крик. Что кричали, было не разобрать, однако мне почудились обрывки испанских слов. Возможно, что-то вроде «*¡vien aquí!*», но ручаться я бы не стал: в ту минуту я думал совсем о другом. Окно в комнате было тщательно заклеено на зиму, а форточка — заперта на шпингалет; совершая вечерний обход укреплений, я как следует проверил ее. Неужели она все же отворилась? Но как? Или же, что куда скверней, звук идет не с улицы?

Даже при моем безграничном уважении к авторитету Э. Ягониэля, я не отважился отправиться в комнату без света. Рискуя демаскировкой, я высоко поднял блюдце с обросшей восковыми подтеками свечкой и медленно двинулся вперед. В моих ушах глухо били огромные индейские боевые барабаны: видят боги, в то мгновение я был готов ко всему — и к нападению свирепого ягуара, и к встрече лицом к лицу с бесстрастным хранителем майянских гробниц...

Однако там никого не было; я ожидал увидеть хотя бы надутую парусом занавеску — это означало бы, что форточка все же распахнулась и странные звуки долетали из двора. Но в комнате царил полнейший штиль, и хоть мои нервы были уже на взводе, обнаружить ничего более пугающего, чем играющие со мной в прятки тени от вычурной антикварной мебели, я не смог. Разве старое зеркало, висевшее на дальней стене, чуть покосилось.

Зеркало это было частью наследства, доставшегося мне от бабушки. Огромное, почти в человеческий рост, оно было оправлено в массивную золоченую раму, украшенную замысловатой резьбой. Бог знает, сколько ему было лет — бабушка и сама унаследовала его от своих родителей, вместе с буфетами и стульями карельской березы. Точно не меньше ста пятидесяти, заверил меня приглашенный оценщик.

Я им почти не пользовался: за свой долгий век зеркало порядком помутнело. То ли потускнела амальгама, то ли исцарапалась поверхность стекла. Я его, сказать по правде, не особенно любил. Отражение в нем получалось всегда слегка расплывчатым, неверным, а иной раз — если заглядывать в него под определенным углом — и искаженным, но не забавно, как в комнате смеха, а как-то неприятно, тошнотворно, словно я смотрел на заспиртованного уродца в кунсткамере. Сфокусировать взгляд на своем отражении в нем было невозможно, и после полуминуты попыток сделать это начинали болеть глаза. Продать зеркало в антикварный салон не позволял семейный кодекс чести, поэтому я ограничился тем, что перевесил его на дальнюю стену, почти в угол, чтобы как можно реже попадать в его поле зрения. Там оно и висело, как старый паук, протянув ниточки отражений всюду, куда могло достать. Если мне случалось оказываться в зоне его досягаемости, зеркало жадно притягивало мой взор, и тогда я, краем глаза увидев себя в нем, подчинялся ему и на несколько секунд подходил поближе — посмотреть на себя его тусклым старческим взглядом и подкормить его.

Рама при этом была сработана превосходно, и, несмотря на свой почтенный возраст, зеркало было довольно крепким. Как-то раз трухлявый деревянный дюбель, за который оно цеплялось к стене, не выдержал его солидного веса, и оно рухнуло на пол с метровой высоты. От рамы лишь откололся небольшой кусок, который был без особых сложностей приклеен на место, однако столяр строго предупредил меня, что следующее подобное потрясение может закончиться для зеркала плачевно.

Поэтому-то я и заметил, казалось бы, совсем небольшой перекосяк в его положении. Надо было его аккуратно поправить, от греха подальше. И уж не принял ли я со страху скрип дерева за звуки далеких голосов? Учитывая то, что мне пришлось пережить за последние дни, с меня станется.

Но меньше чем через минуту меня уже было и каленым железом не заставить даже прикоснуться к чертову зеркалу. Произошедшая с ним метаморфоза была за гранью моего понимания, и, прежде чем испугаться, я несколько долгих секунд стоял перед ним, медленно холодея и продолжая отчаянно, но все так же безуспешно искать в нем свое отражение...

Стеклопанель была совершенно темной. Я не увидел в зеркале ни своего лица, ни пламени ровно горящей свечи. Опешив, я сначала повел ее вверх-вниз, словно зеркало было окном, за которым кто-то в ночи ждал моих тайных знаков, потом поднес огонь совсем близко к стеклу. Оно оставалось на месте, однако неизвестным образом полностью утратило свои обычные свойства.

Меня захлестнуло скользкое, леденящее подозрение: что, если дело не в зеркале? Так резко, что свеча чуть не погасла, я повернулся к окну. Глубоко в ночной тьме за оконным стеклом вынырнуло мое лицо: багровое, выхваченное из мрака закоптившим от переживаний пламенем, оно напоминало перекошенную от страха греческую театральную маску. Что же, я хотя бы оставался при своем теле и все-таки продолжал отражаться в зеркалах. По крайней мере, в большинстве из них.

Немного осмелев, я захотел разобраться в этой загадке.

Черная гладь стекла, похоже, поглощала весь попадавший на нее свет и не отпускала ни частицы его обратно. Сначала я был уверен, что в зеркале не видно вообще ничего, однако, проведя перед ним пять или шесть минут, до боли выпучив глаза, я вроде бы различил где-то вдалеке перед собой неясный контур. И когда я переместил свечу в сторону, надеясь осветить его получше, мне почудилось, что он изменил форму, будто там, внутри, кто-то шевелился...

Во мне боролись страх и любопытство. Так и подмывало попробовать дотронуться до темной поверхности; казалось, при прикосновении по ней пойдут круги, а рука погрузится внутрь... И чем дольше я стоял перед зеркалом, тем больше убеждался в том, что странный далекий силуэт мне не причудился. Он постепенно оживал, начинал двигаться все быстрее, и под конец принялся яростно метаться из стороны в сторону, словно пытаюсь преодолеть некую невидимую преграду, вырваться на свободу.

Напуганный, я отдернул руку и отпрянул назад; рассмотреть его мне так и не удалось: стоило отойти от зеркала, как загадочное пятнышко померкло и растворилось во тьме. Новых же попыток сделать это я предпринять не успел, потому что в прихожей зазвонил телефон.

После случившегося я уже, конечно, и не думал про Новый год, так что звонок, прозвучавший стократ громче и резче обычного в повисшей напряженной тишине, заставил меня буквально подскочить на месте. Бросив ошалевший взгляд на часы (если верить стрелкам, было полвторого ночи), я робко приблизился к трезвонящему аппарату, и только услышав в прихожей запах хвои от моей маленькой елки, подумал, что меня еще никто не поздравил. Трубку я снял, предварительно прочистив горло и намерившись звучать как можно спокойнее и веселее, когда вспомнивший обо мне друг нетрезвым голосом станет пенять мне за мое затворничество.

— С вами все в порядке? — не здороваясь, каркнул тревожно кто-то смутно знакомый по ту сторону провода.

— Д-да... — от неожиданности я подавился своими словами. — А ч-чем, собственно, обязан?

— Майор Набатчиков, ГУВД. Дмитрий Алексеевич, я попрошу вас оставаться дома и никуда не выходить. Дверь никому не открывайте. Ваша жизнь может быть в опасности.

Куда только делись циничные, пренебрежительные нотки, так резавшие мне слух при последнем общении с майором? Теперь он говорил совершенно иначе — предельно серьезно, сжато. Ясно было, что именно сейчас Набатчиков не фальшивит, возможно, потому что ему открылись какие-то новые подробности этого дела, всей серьезности которого он раньше не понимал.

— Вы слышите меня, Дмитрий Алексеевич? Не вздумайте покидать вашу квартиру! Дождитесь меня. Я буду у вас завтра, прямо с утра.

— Я понял, понял вас... Случилось что-то? — если у Набатчикова имелась причина так обеспокоиться, мне было лучше о ней знать сразу, не дожидаясь следующего дня.

— Групповое ритуальное убийство. Сектанты. Возможно, жертвоприношение... Вы что, с ума сошли их в таком виде в «скорую» грузить?! По мешкам разложите и герметично закройте! — последние две фразы были явно адресованы не мне; майор кричал в сторону, к тому же, видимо, прикрывая трубку ладонью.

— И, позвольте, какое это имеет ко мне отношение? — насторожился я.

— Что же вы мне ничего о конце света не сказали? — укоризненно отозвался он вопросом на вопрос.

— Как... Вы знаете?! — сейчас я и не думал отпираться; я чувствовал запредельное, нечеловеческое облегчение оттого, что мой секрет известен кому-то еще, что есть живая душа, с которой я могу теперь, не опасаясь психиатрической лечебницы, всерьез обсудить положение, в котором очутился. — Но откуда? И вы верите?!

— Это не телефонный разговор, Дмитрий Алексеевич, вы сами должны понимать, — сухо оборвал он меня. — Прошу вас, дождитесь нас, и будьте бдительны.

Трубка щелкнула и жалобно заныла. С добрую минуту прослушав короткие гудки, я, наконец, повесил ее и ввернул пробки. Вернулся в комнату и осторожно осмотрел зеркало: никаких следов чего-либо сверхъестественного. Колдовство рассеялось, вероятно, в тот самый момент, когда раздался телефонный звонок от Набатчикова. Мне хотелось думать, что его приземленность сможет защитить меня от необъяснимого, а бульдожья милицейская хватка окажется сильнее гибельного объятия щупалец, утягивающих меня в юкатанские топи.

Я не посвящал майора в свои тайны, однако ему было что-то известно; что ж, я был готов многое ему рассказать. Доставшаяся мне ноша была слишком велика для меня одного, и я не просил о ней. Знает ли он, чем это может быть для него чревато? Должен догадываться, иначе вряд ли стал бы так навязчиво меня предостерегать.

Я лег в постель немедленно, рассчитывая приблизить завтрашнее утро, но от волнения проворочался всю ночь, барахтаясь на мелководье дремоты, и так и не смог прилично выспаться. Зато я услышал майора, еще когда он поднимался по лестнице, и был уже на пороге, когда он только потянулся к моему дверному звонку.

В руках у Набатчикова был казенного вида портфель из дешевого кож-заменителя. Не разуваясь, он по-хозяйски прошел на кухню и водрузил портфель на стол, многозначительно глянув на меня. Я выжидал.

— Неужели вы думали, что ваша причастность к этой истории останется секретом для органов? — он по-инквизиторски добродушно усмехнулся.

— Вы понимаете, — взволнованно начал я, — просто обстоятельства тут такие необыкновенные, что я сомневался в своем здравомыслии. Вы же сами видели следы ягуара, но это не все, был еще и голем...

— Нет никакого голема, как нет и ягуара, — сморщился он. — Вы же взрослый человек. И не надо уводить разговор в сторону, которая не имеет никакого отношения к делу.

— Как же не имеет?! — запротестовал я, но он нетерпеливо отмахнулся.

— Почему вы не сказали, что знаете, отчего погибла ваша соседка? Вы отдаете себе отчет в том, что первым попадаете под подозрение?

— Я? Но вы сами видели, нападали и на меня... — растерянно пролепетал я. — Больше того, нападали как раз именно на меня... Ягуар... Или оборотень...

— Да что вы заладили со своим ягуаром? — раздраженно бросил он. — Подслушали наш разговор на лестничной клетке и схватились за соломинку? И почему вы не сказали главного?

— Главного?..

— Вам ведь было с самого начала прекрасно известно, что вся эта история вертится вокруг вас и вашей работы!

— Но откуда вы...

Тут он движением мясника, вспарывающего брюхо поросенку, расстегнул свой портфель и, засунув руку ему в нутро, выдернул оттуда ворох забрызганных кровью страниц.

— Узнаете?!

Да, я их сразу узнал — те самые листы с переводом первых нескольких глав, сделанные мной под копирку для личного пользования и похищенные кем-то, когда я бросил их у мусоропровода в одном из приступов малодушия. Но откуда они взялись у майора?

— Вы ведь давали их прочесть вашей соседке? Не смотрите на меня так, для органов не составляет ни малейшего труда выяснить, кому они принадлежали. Пометки на полях сделаны тем же почерком, каким написаны от вашего

имени жалобы в домоуправление на соседей-алкоголиков. Если эти кляузы, конечно, тоже не дело рук големов, — он скривился в подобии улыбки.

— Они были у соседки? — я тщетно пытался свести все воедино.

— Ваши экзерсисы, — Набатчиков тряхнул листами перед моим носом, — она по достоинству не оценила, засунула их на шкаф, вместе со старыми газетами. Убийца, искавший бумаги, даже не догадался посмотреть там.

— Уверяю вас, я ни за что не стал бы... У нас не было таких отношений, чтобы...

Я даже толком не мог завершить фразу: мысли мои уже побежали в другом направлении. Бедная Серафима Антоновна... Я-то винил в краже перевода демонов и оборотней, но, оказывается, моя любопытная соседка их опередила. И, наверное, успела даже прочесть, прежде чем определить вместе с прочей бумажной требухой в очередь на выброс. Так значит, ее страшная смерть в ночь землетрясения была неслучайной? «Они» пришли за ней, точно так же как пришли ранее за клерком из прежней переводческой конторы? Так же, как приходили и за мной?

Майор без спроса перехватил мои мысли.

— Вряд ли мы обратили бы внимание на эти бумажки, кабы не подозрительное исчезновение некоего гражданина Семенова, сотрудника бюро «Азбука». Почерк тот же, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы связать оба убийства. От гражданина Семенова, правда, осталось только пять литров крови, неравномерно распределенных на двадцати квадратных метрах офисной площади. По удивительному совпадению гражданин Семенов принимал от вас готовые переводы с испанского языка, о чем свидетельствуют записи в журнале заказов.

Я нашел в себе силы только кивать в такт его рассуждениям.

— И вот вчера, всего через несколько минут после боя курантов, мне приходится бросить семью и друзей и ехать в Бибирево, потому что в новогоднюю ночь на крыше одной из новостроек группа неустановленных лиц вскрывает грудные клетки другим лицам, вырывает их сердца и отрубает им головы. Кровищи, доложу я вам, давно уже столько не видел, — он остановился, чтобы посмаковать мой испуг и отвращение с тем выражением, с каким злые дети наблюдают муки пытаемых ими насекомых.

— И что же мы находим на месте преступления? — драматически произнес майор, убедившись, что желаемый эффект достигнут. — Продолжение ваших трудов, Дмитрий Алексеевич. А также некоторые еще менее внятные записи о грядущем конце света.

— Какое продолжение? — ошеломленно спросил я.

— Сейчас-сейчас... — он снова запустил руку в портфель и, покопавшись там, извлек другие страницы, тоже все в кровавых пятнах. — Так, так... где это у нас было? Ага... «Век за веком она раскрывает будущее майя и всего мира и предрекает его неизбежную кончину, называя с точностью день, в который небеса обрушатся на землю», — он помычал, водя пальцем по строкам, и продолжил, — ...так, вот оно — «...приближающийся Апокалипсис, дабы дать посвященным время возвестить предначертанное остальным майя, предоставив этому народу время для молитв и прочих необходимых приготовлений. Что это знание тайно, и тайна эта охраняется людьми, демонами и богами наравне!» — победоносно закончил он и положил листы на стол. — Итак, мы обнаруживаем ваш перевод — или его следы — на местах всех трех убийств, одно из которых, прошу не забывать, множественное. Напрашиваются выводы...

Я прислонился к дверному косяку, стараясь успокоиться, собраться с мыслями, срочно изобрести аргументы, чтобы отразить его натиск.

— Сейчас я расскажу вам, что происходит, а вы поведаете мне вашу роль в этой истории, договорились? В Москве действует некая языческая секта, которая под влиянием предсказаний всяких индейцев вообразила, что скоро наступит конец света. Подкрепляя свои убеждения переведенными вами, Дмитрий Алексеевич, текстами — хотя не исключено, что вы их просто сами и сочиняете — они совершают ряд ритуальных убийств. Иногда в качестве жертв избираются те, кто встает у них — или у вас — на пути, или просто случайно, даже ни о чем не подозревая, прикасается к вашим священным писаниям, — он иронически приподнял брови. — Подобные случаи — и у нас сплошь и рядом, и в зарубежной практике известны. Сатанисты там, свидетели чьи-то, старообрядцы... Преступники, как обычно, считают себя богоизбранными и верят, что после Армагеддона им зачтется. Да... Пальчики мы уже сняли, все экспертизы проводятся, скоро будут результаты. А пока их нет, как нет еще и обвинения против вас, вы можете добровольно признаться, что являетесь руководителем и духовным наставником этой секты.

Я отчаянно замотал головой, словно связанный по рукам и ногам висельник с кляпом во рту, для которого это последний способ выразить свое несогласие с приговором.

Но так как на сей раз Набатчиков явился без напарника, то роли и плохого, и хорошего следователей ему пришлось разыгрывать в одиночку. Недоб-

рая гримаса на его небритой физиономии сменилась на другую, предположительно изображавшую понимание и даже сочувствие.

— Или, может быть, вы сами — жертва? Вами воспользовались? Вас *заставили* заниматься этим текстом? А теперь отступать — слишком поздно, и вы опасаетесь за свою жизнь?

— Я не знал, к кому обратиться, — прошептал я. — Милиция не занимается мистикой...

— Знали бы вы, чем только ни занимается у нас милиция, — он тяжело вздохнул и почему-то похлопал себя по животу. — И говорю вам, нет тут никакой мистики. Вы сами видели ваших тигров или чертей? Нет! И никто их не видел. Преступники просто пытаются сбить нас со следа. А может быть, это часть обрядов. Однако вернемся к делу. Вы утверждаете, что переводите эти опусы с испанского. Можете предъявить оригинал?

— Конечно. Погодите секунду, — оставив его на кухне, я прошлепал в комнату и вернулся с вырезанными из старой книги листами.

— Этот материал приобщается к делу, — безапелляционно заявил он, и листы исчезли в его портфеле.

— Постойте, но мне надо сдать их обратно в бюро...

— Не волнуйтесь, мы сдадим их за вас. Но для начала вы должны сдать нам само бюро, — он иезуитски улыбнулся. — Название и адрес.

— «Акаб Цин», — мне пришлось продиктовать по буквам.

Записав все в блокнот круглыми, старательно вычерченными буквами, Набатчиков закрыл его и погрозил мне карандашом.

— В ближайшие сутки оставайтесь дома. Через пару часов мы навестим вашу фирму, а там уже и до развязки недалеко. Но если за вами следят — а за вами, скорее всего, следят — дожить до финала будет для вас не так-то просто, — он сгреб со стола все бумаги и направился к выходу.

— И почему именно сейчас это надо было делать? — посетовал он, застегиваясь. — Так вчера хорошо сидели... А сегодня вечером должны были с детьми в театр идти, на бенефис Анисимовой...

— Какой Анисимовой? — насторожился я.

— Валентины Анисимовой. В кукольный театр. Говорят, отличная постановка, кстати, что-то о завоевании Латинской Америки, по-моему. До этого ходили на «Приключения Петрушки», дети были в восторге...

— Погодите-ка... Разве эта Анисимова не умерла еще десять лет назад? — спросил я озадаченно.

— Что за чушь! Конечно нет. С чего вы взяли? Две недели назад были с семьей на спектакле, она на сцену выходила.

Ощущение реальности вдруг покинуло меня, и, чтобы убедиться, что не сплю, я по-кастанедовски посмотрел на свои ладони, а потом еще и ущипнул себя украдкой за ногу.

— Ну, не поминайте лихом, — он шагнул за порог. — Ведите себя хорошо, и тогда завтра мы с вами увидимся еще раз.

— Если конец света не настанет, — пробормотал я себе под нос, но он все равно расслышал.

— Неужели вы верите в подобную белиберду? — майор разочарованно покачал головой. — Очнитесь, ничего не будет!

Возражая ему, на улице заверещала автомобильная сигнализация, потом к ней присоединилась еще одна, и через пару мгновений, словно заразившись кликушеством, весь двор зашелся в этой спонтанной машинной истерике. С кухни послышался уже знакомый щемящий звон посуды, и я, первым сообразив, что происходит, крикнул Набатчикову:

— Сюда! В проем! Землетрясение!

Очертания стен и сетчатого чулка лифтовой шахты, слепящие контуры окон смазались, потеряли четкость; казалось, все вокруг подернулось мелкой рябью, будто состояло не из твердой материи, а из зыбкого, дряблого желе. Этот озноб через ступни, через впившиеся в дверной проем руки передался нам, и еще несколько нескончаемых минут нас колотило так безжалостно, что я подумал: вот оно...

Я слышал, как застонал весь дом — основательный, на совесть и на страх построенный немецкими военнопленными под дулами придирчивых сотрудников НКВД, он сопротивлялся, вцепившись в землю намертво, как вековой дуб. По потолку разбежались извилистые трещины, целыми пластами валилась штукатурка, крошился кирпич; на одном из верхних этажей рухнуло, дико загрохотав, что-то громоздкое. Подъезд наполнился тревожными криками, женскими воплями. В лифте, с дьявольским скрежетом застрявшем этажом выше, кто-то подвывал от страха.

Приступ этот продолжался куда дольше, чем первое землетрясение, — тогда я даже не успел толком осознать происходящее, как все закончилось. Сейчас же, когда земля, наконец, успокоилась, я никак не мог поверить, что кошмар позади и нам всем дана еще одна отсрочка.

Я протер глаза и закашлялся, выбивая известковую крошку из легких. Набатчиков, с лицом белым, как у актеров театра Кабуки, уже стоял на ногах и деловито отряхивался.

— Все остается в силе, — сообщил он мне. — Не давайте себя запугать!

— Но ведь... — я попытался было спорить, однако он уже резво спускался по лестнице; провожая его взглядом, я крикнул ему вслед: — У вас вся спина белая...

* * *

Следует объяснить, зачем я тогда нарушил запрет майора, и сам отправился в бюро «Акаб Цин». Моя встреча с ним прошла вовсе не так, как я предполагал. Вместо внимательного слушателя и защитника передо мной снова предстал циник-оперуполномоченный; непонятно было даже, с какой стати я понадеялся на его чудесное преображение после случая с ритуальным убийством.

Неудивительно, что я почувствовал себя преданным, когда он по-воровски выхватил у меня страницы дневника, а после равнодушно оставил на растерзание — не все ли равно, оборотням или сектантам-убийцам, отделавшись рекомендацией «вести себя хорошо».

В душе штормило; теперь, когда я осознал, что мной просто воспользовались, решение открыться майору, помочь ему с расследованием виделось мне жалким, необдуманным, продиктованным единственно моей наивностью и одиночеством. Мне казалось, я сам предал тех, кто доверил мне тайны Вселенной. И лишь желанием во что бы то ни стало загладить свою вину перед ними можно объяснить то, с каким остервенением я набирал следующие двадцать минут номер «Акаб Цин». Пустое: прослушав несколько сотен тоскливых долгих гудков, я списал все на повреждения телефонного кабеля, наспех оделся и бросился на улицу. Я должен был непременно добраться до бюро раньше, чем милиция, чтобы предупредить их, чтобы покаяться и, может, еще вымолить прощение.

Повсюду выли сирены; посреди двора «скорая помощь» перемигивалась с милицейским «уазиком», санитары в куртках поверх белых халатов возились вокруг лежавших на земле носилок. Ничего странного, что у кого-то не выдержало сердце, подумал я, еще немного, и я сам вполне мог оказаться на месте этого бедняги...

Несколько арбатских домов заметно просело; у только недавно сданной нуворишеской многоэтажки у метро землетрясением будто вырвало хребет, и она прямо на глазах безвольно расплзалась, окруженная растревоженным роем пожарных машин и оранжевых реанимобилей.

Садовое кольцо, в эти часы закупоренное тромбами автомобильных пробок даже в обычные дни, сегодня, не вынеся землетрясения, остановилось окончательно и по всему периметру. Помочь тут уже было нельзя ничем: пациент остывал, и, констатировав его кончину, я отправился пешком. Метро, судя по всему, находилось в предсмертном состоянии: все дубовые двери были в судороге распахнуты настежь, исторгая пенный поток покрытых грязью, спотыкающихся, жмурящихся пассажиров.

На улицах было невообразимо многолюдно, причем большинство потепрянно стояло на месте или сомнамбулически бродило взад-вперед, видимо, в панике покинув свои жилища и, в ожидании новых толчков, опасаясь в них возвращаться. В ровных рядах домов чернели провалы рухнувших строений: на обломках одного из них две измазанные старухи упрямо тыкали клюшками груды камней, кажется, пытаясь разыскать пропавшую кошку, и отказывались отойти, несмотря на распоряжения подъехавших спасателей.

Лопухие милицейские курсанты нерешительно отгоняли робких мародеров от рассыпавшихся в хрустальную крошку витрин шикарных магазинов, пузатые гаишники споро расчищали полосу для движения спецтранспорта, продирающиеся через переулки «скорые» забирали у подъездов раненых.

От вчерашнего предпраздничного зимнего великолепия ничего не осталось: за ночь сильно потеплело, сугробы потемнели и оплыли, как раскисающие в блюдечке с чаем куски сахара. Под ногами чавкала грязная жижа, по которой не удалось бы пройти и ста шагов, безнадежно не измазав ботинки и не забрызгав брюки. Воздух был непривычно теплый и сырой.

Сколько хватило сил, я бежал, потом, сорвав дыхание, шел и, наконец, изможденно брел — мимо разрушенных строений, кишаших, как муравьиные кучи, мимо плачущих женщин и рыдающих детей, мимо искореженных в авариях машин, и растущих палаточных городков, и рядов страшных черных полиэтиленовых мешков, и взрослых мужчин, разговаривающих с этими мешками, как со своими живыми дочерьми, отцами, женами...

Москву было не узнать: одной чудовищной пощечиной с нее снесло весь лоск, все ее праздное сытое благодушие; горожане, обычно глядящие вокруг себя с чувством уверенности и превосходства, сейчас озирались по сторонам

беспомощно и затравленно. Новогодние гирлянды и растяжки болтались, порванные в лоскуты, и тяжелый, пахнущий разложением ветер зло трепал их, макал в коричневые лужи и снова вздергивал вверх.

Прелюдия была сыграна.

Дурак, ничтожество! Покорно уступить дневник этому неверующему циничному подлецу, так задешево продать душу правоохранительным органам, в очередной раз спрятав голову в песок! Поддаться на шаблонные следственные приемы и дежурные слова сочувствия... Что я скажу, придя в бюро с пустыми руками, без перевода главы, без оригинала, взмыленный и жалкий, раскаившийся Иуда?

Однако больше всего я боялся, что Набатчиков опередит меня, и, пока я достигну особняка, в котором находилось «Акаб Цин», он будет уже оцеплен милицией. Но у той сегодня, очевидно, хватало забот и без сектантов-переводчиков; никаких следов готовящейся спецоперации я не заметил. Бойко хлопала входная дверь, в здание и из здания сновали люди: бурлящая в его помещениях деловая активность от катаклизма не остыла ни на градус.

Проскользнув мимо отвлекшегося охранника, я забился в лифт и нажал кнопку с цифрой «пять». Двери не шелохнулись, и лифт остался на месте, хотя освещение работало. Проверяя его на неисправность, я ткнул другую кнопку и через несколько секунд стоял на третьем этаже, где размещалась какая-то финансово-аналитическая компания. Однако и оттуда уехать на пятый я не смог: треклятый лифт отказывался реагировать. Снова спустившись на первый, я безуспешно попытался найти пожарную лестницу, после чего был вынужден все же пойти и сдать на милость охраннику. Этого я тут прежде не видел, впрочем, униформа у него была привычная.

— У вас что-то с лифтом, — надеясь огорошить его, с ходу заявил я.

— Что такое? Вы, вообще, куда? — он распушил усы и поднялся в полный рост.

— В бюро переводов «Акаб Цин», на пятый этаж. А у вас в лифте кнопка не работает, и он на пятый не едет.

— Вы издеваетесь, что ли? — нахмурился он. — Какое еще бюро переводов? У нас тут сплошные банкиры. Нет тут никакого бюро и не было на моей памяти. А я здесь уже два года сижу.

— Нет, это вы издеваетесь! — я распетушился. — Как же нет, когда я только пару дней назад в нем был, заказ приносил? Говорю вам, на пятом они сидят!

— Какой еще пятый?! Вы на улицу выйдите, товарищ, и посмотрите — в здании всего четыре этажа! А кнопка эта никогда не работала, она просто так там вделана, потому что других панелей управления не нашлось. Всего добро-го! — и он подпихнул меня к выходу своим внушительным животом.

Этажей действительно было четыре. Как же я раньше не обращал на это внимания?

Я пересчитал их не меньше десяти раз, обошел особняк кругом и, на всякий случай, еще раз пересчитал. Строение, несомненно, было то самое, только вот надписи «Бюро переводов «Акаб Цин» я нигде не обнаружил. Отдавая себе полный отчет в том, как глупо должен смотреться со стороны, я даже потер каж-дую из латунных табличек рукавом — вдруг это поспешная маскировка или об-ман зрения? Зря позорился: ни одна из них не поддалась; более того, все они были слегка поцарапаны, чуть потускнели и совершенно очевидно висели на этом месте уже не первый месяц.

Раздосадованно плюнув, я отступил назад и натолкнулся на невысокого худенького старика в номенклатурной шапке-пирожке, стоявшего у меня за спиной. Подслеповато щурясь сквозь очки в роговой оправе, он так же, как и я, озадаченно разглядывал таблички с названиями фирм.

— Не подскажите, бюро переводов не тут располагается? — осведомил-ся он.

— Два дня назад еще было тут... Кажется... — неуверенно отозвался я.

— Ах, вот как. Ну да, конечно... Что ж, придется мне тогда как-нибудь иначе... — задумчиво протянул он. — Благодарю вас, вы мне очень помогли, — и ревматической пингвиньей походкой старичок заковылял прочь.

Он, наверное, очень спешил, потому и не заметил, как из его кармана выпорхнул и спланировал в грязь клочок бумаги.

— Пойдите! Вы обронили! — но пока я подбежал к тому месту, где у него выпала бумажка, тугоухий старик уже успел скрыться за поворотом.

Отряхнув слякоть, я развернул ее. Это был написанный перьевой руч-кой, расплывающийся адрес, медленно превращающиеся в две кляксы назва-ние улицы и номер дома.

«Ул. Ицамны, 23»

El Fin del Mundo

Совпадение? Не может быть!

Имя Ицамны было знакомо мне лучше, чем имя любого другого индейского божества. Старший из богов, венец майянского пантеона, изобретатель письменности, покровитель ученых и астрологов, супруг светлой Иш Чель...

Мысли у меня в голове замелькали с головокружительной быстротой. Я словно несся в тележке аттракциона «Мертвая петля», пролетая мимо обрывков образов, недодуманных и невысказанных предположений, силясь удержаться в ней, когда рельсы умозаключений закладывали особенно крутой вираж...

Старик искал то же, что и я — бюро переводов, которого, по утверждению охранника, нет и никогда не было, хотя я лично неоднократно заходил в него. Неважно, парит ли «Акаб Цин» где-то в тонком эфире, раз в столетие открывая врата в наш мир, или же просто размещается в подвале, но глубоко законспирировалось в преддверие милицейского бала-маскарада.

Значение имеет только одно: для двоих это бюро точно должно существовать. Для того, кто приносит туда новые главы дневника, и для перелагающего их с испанского на русский, чтобы затем вернуть переведенные страницы обратно. Вдруг бюро — всего лишь почтовый ящик для переписки двух этих людей?

И ведь лишь пару минут назад я разговаривал с человеком, который так же, как и я, был уверен в реальности «Акаб Цина»! Связь между ним и моей ра-

ботой была бы не вполне явственной, и мое желание непременно обнаружить ее можно было бы списать на отчаяние и шизофрению, если в довершение всего старичок не выронил бы записку с именем майянского бога. Могло ли все это быть просто причудливой комбинацией случайных событий?

Наперед зная ответ, я сорвался с места и, крепко сжав бумажку в руке, кинулся догонять завернувшего за угол старика. Что-то подсказывало мне: в «Акаб Цин» мне больше не попасть никогда. Я мог только догадываться о том, что с ним произошло, отчего вход был запечатан, а само мистическое бюро отчалоило от нашего измерения; но исчезновение его, очевидно, было необратимым.

Оттого ли, что я не выдержал посланных мне испытаний, оказался недостойн предложенного знания, по трусости и скудоумию предал небесное на расправу земному? Или же потому, что пережившие века страницы конкистадорского дневника были тем самым волшебным билетом в иные сферы мироздания, без которого проход туда простым смертным был закрыт?

Да пусть даже «Акаб Цин» банально эвакуировалось, получив звонок из милиции, — у меня наверняка не оставалось ни малейшей надежды получить новые заказы после того, как я предал бюро на расправу ГУВД и утратил оригинал одной из глав.

Так или иначе, единственный уходящий в непроглядный туман канатный мостик, протянутый между мной и заказчиком, обрывался; меня лишали возможности сделать выбор самостоятельно. Должно быть, именно поэтому сейчас мне казалось, что нет ничего мучительнее, чем быть сброшенным с божественной колесницы и обреченным остаток дней брести по пыльной обочине заурядной в своей бессмысленности человеческой жизни — хотя еще накануне я сам собирался отказаться от продолжения работы над дневником.

И вот судьба — по недосмотру или из жалости — дарила мне еще один, последний, невероятный шанс: возможное знакомство с самим таинственным заказчиком, или хотя бы с его курьером. Я просто не имел права упустить его!

За какие-то две с небольшим минуты старик успел отойти на весьма приличное расстояние, и если бы не старомодная шапка, как поплавков, привязанный к грузилу его хромоты, дергано выныривающая из моря голов, я бы неизбежно потерял его из виду.

Врезавшись в инертную человеческую массу, обозленно распахивая ее локтями, отдавляивая ноги и игнорируя протесты и угрозы, я пробивался к сво-

ей цели. Барашковый пирожок, покачиваясь и погружаясь, просто плыл по течению толпы, в то время как я делал добрые шесть, а то и семь узлов, вполне достойных матерой акулы. Но — поразительное дело! — дистанция между нами при этом не сокращалась ни на метр. Как яростно я ни работал бы руками, вполне заслуженно нарываясь на тычки и оскорбления, какими мощными ни были бы мои гребки, они не могли приблизить меня к старику. Ощущение было не из приятных: я будто очутился в одном из тех бредовых сновидений, что высасывают из мышц всю силу: в них пытаешься бежать, но только тщетно перебираешь вялыми, как холодец, ногами, оставаясь на месте.

Вдруг, резко дернувшись, словно крючок закусил огромная рыбина, поплавок шапки стал уходить вправо и вдруг совсем пропал. Я постарался запомнить место, где он утонул в толпе, выскочил на проезжую часть, чуть не попав под гудящий басом грузовик, и помчался вдоль тротуара, как летучая рыба выпрыгивая над поверхностью, чтобы оглядеться. Вот тот самый рекламный щит, у которого он исчез! От наводненного людьми проспекта тут незаметным притоком уходил вбок извилистый переулок; не повернул ли старик в него?

Снова вклинившись в толпу и расщепляя ее плечами, я продрался поперек широкого тротуара и растрепанный, вспотевший, вывалился в убогую безлюдную улочку, застроенную облезлыми трехэтажными домами. Определенно, в тот день мне везло нечеловечески: всего в трехстах метрах я увидел знакомую ковыляющую фигуру. Окажись я тут всего на несколько секунд позже — я бы мог потерять старика: он как раз добрался до следующего перекрестка и на моих глазах свернул налево.

— Стойте! Подождите! — выкрикнул я что было сил, но он не обратил на меня ни малейшего внимания.

Проулок, в который он нырнул на перекрестке, выглядел еще более подозрительно: старинная, выложенная камнями мостовая, грязные дома с наглухо заколоченными ставнями, ни одной припаркованной машины, ни единой живой души.

Однако я даже и не подумал прекратить преследование: ведь если старик — действительно тот, за кого я его принимаю, я смогу получить от него ответы на все мои вопросы. На все! Кому, как не ему знать, чем закончилась экспедиция в сельву для поверившего в индейские предания и пророчества и сброшенного за это в майянский жертвенный колодец конкистадора? Ведь у

него должны быть и другие главы дневника, если только они вообще существуют. Заходил ли он в бюро, чтобы справиться насчет перевода последней части, конфискованной у меня майором, или хотел передать им новую главу? Быть может, она сейчас у него с собой, и мне просто нужно догнать его, представиться, объяснить...

Просто догнать? Несмотря на свой ревматизм, старикашка передвигался на удивление стремительно. В легких у меня уже начало жечь, сердце раздулось, и грудная клетка стала ему слишком тесна, мускулы жалобно ныли, но остановка по требованию тела была исключена. Напрасно я пытался снова и снова докричаться до прыткого старичка: только сорвал установившийся было дыхательный ритм. То ли расстояние до него было слишком большим, то ли он и вправду не очень хорошо слышал, а может, заметил погоню и боялся остановиться?

Когда он, наконец, замедлил шаг, я вообразил, что мои исступленные призывы все же достигли его ушей. Однако старик просто пытался сориентироваться; через миг он канул в ближайшей темной подворотне. Пока я преодолел те три с половиной сотни шагов, которые нас разделяли, он воспользовался полученной форой и сгинул во дворах. Поколебавшись, я последовал за ним.

Никогда еще мне не приходилось встречать в этом городе таких странных, настолько не соответствующих времени и месту дворов. Я будто попал в средневековую Европу из исторических фильмов пополам с безжизненными графическими фантазиями Эшера. Узкие петляющие проходы, заваленные невообразимым хламом: дырявыми детскими колясками, сломанной мебелью, ржавыми велосипедами и полуразбитыми гипсовыми статуями; дачные заборчики с покосившимися калитками, условно разделяющие чьи-то владения, уходящие в небо пожарные лестницы, и надо всем этим, на уровне последнего этажа — крытые деревянные галереи, словно на крепостной стене какого-нибудь французского родового замка.

Откуда-то долетали звуки разговоров: детских — веселых и капризных, женское любовное воркование, громыхала брань, звенело праздничное застолье, но вокруг никого не было, и запыленные окна оставались мертвы и пусты. Я начал догадываться, что старик намеренно свернул в эту подворотню, пытаясь скрыться. Что же, замысел удался: через несколько минут я окончательно потерял его из поля зрения, а шорох его шагов занесли, как метель заносит следы, доносившиеся со всех сторон призрачные голоса.

Еще какое-то время я брел наугад, пока не оказался в тупике с низенькой деревянной дверью под шиферным козырьком. Подъезд тоже был необычным и более всего напоминал уходящую вверх мрачную шахту, по стенам которой шла узкая — всего полметра шириной — лестница без перил. Видит всемогущий Ицамна, с меня случилось бы и забраться по ней до самого конца, лишь бы достать неуловимого старика. Но тут я заметил прямоугольник света впереди — там на беспокойном ветру хлопала еще одна дверь. Подъезд оказался проходным; скорее всего, старик не стал карабкаться наверх по шатким ступеням, а проскользнул на улицу. За ним!

Толкнув дверь, я выбрался наружу и застыл, ошарашенный. Неведомо как лабиринт дворов вывел меня в тот самый арбатский переулок, где находилась детская библиотека, ставшая потом моей первой переводческой конторой. Я был совсем недалеко от своего дома, не потратив на обратный путь и третьей части времени, положенного мной, чтобы добраться до «Акаб Цина»! Что за чертовщина?

В отличие от странных улочек и дворов, по которым я, словно Алиса кэрролловского белого кролика, преследовал предполагаемого заказчика, этот переулок был запружен народом. Ближайшее ко мне добротное серое жилое здание было будто гигантским колуном рассечено надвое; края раны уже довольно сильно разошлись, обнажив внутренности. С первого по шестой этажи в образовавшейся расщелине были видны половинки квартир: где-то обклеенные старыми обоями спальни, где-то дорого отремонтированные гостиные или зависшие над пропастью унитазы. Картина напоминала огромный кукольный домик, который можно раскрыть и заглянуть к нему внутрь. Изредка в проемах мелькали синие комбинезоны спасателей, проверяющих, не остался ли кто в западне. У подъезда высилась небольшая гора диванов, телевизоров, компьютеров и набитых одеждой чемоданов — жильцы спасали самое ценное, пока подъезд не оцепила подоспевшая милиция. И сейчас еще собравшаяся вокруг толпа возмущенно гудела, требуя у милиционеров снять кордон и пропустить ее в погибающее здание.

Цела ли старая библиотека? В груди у меня защемило: это непримечательное и мало кому нужное строение в арбатской подбрюшине было одним из немногих мест в Москве, к которым я испытывал необъяснимую нежность.

...Землетрясение пощадило ее. Деревянная постройка девятнадцатого века оказалась прочнее монументальных глыб сталинского ампира, аляповатых монстров элитных жилых комплексов и хрущевских многоэтажных хижин. Пломбы Угрозыска на дверях были срезаны: то ли наведывались конкуренты из ГУВД, то ли мародеры воспользовались катаклизмом, чтобы попытаться удачи в прикрытом за нарушения офиса.

Сам не зная зачем, я поднялся на порог и взялся за ручку; она неожиданно мягко подалась вниз, и дверь с недовольным скрипом отворилась. Воровато оглянувшись, я шагнул внутрь. Хулиганская выходка сойдет мне с рук: во всеобщей суматохе никому нет дела до заброшенной переводческой конторы.

Там царил густой полумрак и было душно, как в веками остававшемся запечатанном склепе. Предзакатному зимнему солнцу не по силам было проникнуть сквозь заросшие грязью оконные стекла. В глубине помещения на полу чернела страшная широкая полоса: видимо, владельцев конторы сюда до сих пор не пускали, а милиции отмывать следы убийства было недосуг.

Приблизиться и осмотреть их я не осмелился; вместо этого подошел к прилавку, за которым меня обычно встречал желчный Семенов. Из-за скверного освещения его рабочего места почти не было видно, но я будто предчувствовал, что там найду.

Среди осыпавшейся штукатурки и книжной пыли на стойке покоилась она. Мне достаточно было всего один раз погладить пальцами заботливо выделанную кожу, чтобы узнать ее — украшенную золоченым вензелем папку, в которой я получил самую первую, а, вернее, вторую главу старинной книги.

Я не стал искать объяснений. Жадно схватив папку, я стремглав вылетел из библиотеки и бросился в свое логово. Ни землетрясения, ни чудовища, ни даже милиция не страшили меня сейчас. Я боялся лишь одного: проснуться в поту в своей постели, судорожно сжимая пустые руки, в которых всего несколько мгновений назад держал свой бесценный груз, эту вымоленную и выстраданную мной индульгенцию.

* * *

Сверху лежал свернутый вчетверо клетчатый тетрадный лист, а за ним виднелись они! Страницы моего дневника! Дрожащими руками я отложил в сторону бумажку — она подождет. Весь мир подождет...

«Что в обозначенном колодце, или сеноте, как именовали его индейцы, мне пришлось провести пять дней и четыре ночи, и что обстоятельства моего пребывания в оном колодце, как и моего освобождения из него, были преудивительны и чудесны.

Что до наступления дождливого времени на Юкатане оставалось еще несколько недель, и дни стояли весьма жаркие и засушливые, и что испытание жаждою перенес я единственно благодаря росе, капли которой слизывал ранним утром с каменных стен сенота. Однако пуще влаги нуждался я в надежде на избавление, которая таяла с каждым часом, проведенным мною в заточении.

Что в первый день думал я, что сеньор Васко де Агилар вспомнит об обязательствах, кои накладывают на него его дворянское звание и благородное происхождение, что вспомнит и о тех сражениях, в каких бывали мы с ним вместе, и дрались плечом к плечу, и прикрывали друг другу спину; и что вернется он, и выручит меня из плена. Но что слово проклятого брата Хоакина, этой твари с раздвоенным языком, оказалось для сеньора Васко де Агилара сильнее, чем слово крови и чести; Господь ему судия.

Что в первый день, а также и в день второй, кричал я и звал из своего колодца, надеясь привлечь к нему вероломного Васко де Агилара или кого-то из солдат, если те надумают вернуться и помочь мне, упомнив, что я всегда был милостив и мягок с ними. Однако никто из них не пришел; и что тогда я стал кричать еще громче, надеясь, что меня найдут индейцы и помогут выбраться, или хотя бы умертвят меня из ненависти или из милосердия.

Что на исходе второго дня от непрерывных криков своих я потерял голос и более не мог звать на помощь. Что тогда же меня стали покидать и силы, так что почти все время я проводил лежа на земле лицом вниз, моля Господа о прощении. Что нога моя распухла и стала чернеть, и боль от нее была невыносимая. И что мысль о медленной и мучительной гибели была мне так противна, что думал я наложить на себя руки, дабы избежать страдания. Что совершить это над собой я хотел каменным индейским ножом, какой нашел среди костей и черепов на земле.

Но что в третью ночь, когда я оставил уже всякую надежду на спасение, произошло странное событие, не позволившее привести мои греховные намерения в исполнение.

Надлежит объяснить, что индейское городище, в коем находился сенот и искомая пирамида, было местом заброшенным и пустынным; его сто-

ронились даже звери и птицы, потому и днем, и ночью стояла вокруг тишина. Однако в ту ночь, о которой я повествую теперь, поблизости громко ревели обезьяны так, будто что-то напугало их. Что от этого шума я очнулся и решил, что зверей потревожили проходящие мимо люди, и стал кричать снова, спрашивая на испанском и на местном наречии, есть ли кто рядом. Что сил моих и голоса хватило мне лишь на два громких крика, после чего я опять осип и мог молить о помощи только шепотом.

И что через короткое время далеко вверху увидел я огонь свечи, и освещенное ею лицо, которое показалось мне лицом белого человека. Что человек этот долго вглядывался вглубь колодца, но, наверное, видеть меня не мог. Что я, сорвав голос, не знал, как завладеть его вниманием и призвать его на помощь. И что стал тогда размахивать руками и прыгать на здоровой ноге по колодцу, хотя вторая моя нога от этих движений и причиняла мне невыносимейшую боль.

Что под конец мои старания возымели действие, и глядевший в колодец человек меня заметил, потому что стал водить свечой вокруг, пытаясь рассмотреть меня получше; после же он снова исчез, к моему превеликому отчаянию и разочарованию, и более уже не появлялся.

Что остаток ночи я провел в молитвах и размышлениях о случившемся, и пришел к заключению, что виденное мною лицо принадлежало не человеку, но было божественным знаком, поданным мне, чтобы я отринул свои греховные помыслы и имел мужество бороться.

И что поступил я так; и за то было даровано мне скорое избавление».

Я перечитал еще раз строки, в которых плененный конкистадор описывал бывшее ему знамение. Вот сквозь мутную пелену полузабвения он слышит вопли обезьян-ревунов; хватаясь изодранными в кровь пальцами за выступы каменной кладки, с трудом поднимается на ноги. Что же он кричит? «Есть тут кто?!»

«Hay alguien aqui?!»

Не те ли слова я слышал, сидя на кухне в новогоднюю ночь? И, о Боже, не его ли, заглядывая в свое зеркало, я видел на дне жертвенного колодца — потерявшего голос, раненого, истощенного, но все еще живого — всего через несколько минут после того, как я отказался от него, поставил на нем грубо сколоченный солдатский могильный крест?

Неужели разделявшая нас толща веков чьей-то прихотью могла истаять до такой степени, что стала пропускать свет и звук? Как знать, не превратилась ли бы она в мембрану, сквозь которую я смог бы даже протянуть несчастному испанцу руку помощи, не испугайся я, не верни меня в действительность полуночный тревожный звонок от Набатчикова?

Какая ирония в том, что я, утративший веру в спасение моего конкистадора, не сумевший даже правильно истолковать значение и смысл нашего невозможного ночного свидания, внушил ему надежду, а мое перекошенное от страха лицо предстало перед ним, как знак свыше! Знак же этот — продолжать борьбу и не отступаться на полпути — был дан не только ему, а прежде всего мне. Но я-то принял его за бесовские проказы, да еще и завесил зеркало простыней, чтобы оно больше не вздумало сводить меня с ума. Ничтожество, дурак!

Однако конкистадору не терпелось досказать мне историю своего чудесного освобождения...

«Что по прошествии четырех дней и четырех ночей мне послышались человеческие голоса, но, будучи изможден и находясь в беспамятстве, я не смог даже встать и воззвать к ним.

Что голоса, однако же, сделались громче, и что я услышал, как меня кличут по имени, а после на меня плеснули водой, отчего я пришел в сознание. Что вверху, у горла сенота, увидел я нашего проводника, Хуана Начи Кокома, и с ним еще нескольких индейцев. Что люди эти сбросили мне вниз веревки, которыми я обвязал себя, и что при помощи этих веревок они подняли меня со дна страшного колодца и положили на живую зеленую траву. И что возблагодарил я тогда Пресвятую Деву Марию и плакал как ребенок, а после снова забылся.

Что проснулся я в небольшой индейской деревушке, и было мне сказано, что в беспамятстве я провел еще несколько дней. И что в этой деревушке меня кормили и выхаживали, и приложили целебные листья к моей покалеченной ноге, отчего мучившая меня боль прошла и опухоль спала.

Что когда мой ум и дух вернулись ко мне, позвал я Хуана Начи Кокома и стал расспрашивать его, как удалось ему бежать от Васко де Агилара и брата Хоакина и зачем он захотел выручить меня из колодца. Что проводник поведал мне, как на одной из стоянок солдаты взбунтовались, отка-

зываясь идти через болота; другой же дороги не было, поскольку священный сакб, по которому мы пришли в Калакмуль, вел только в одну сторону.

Что Васко де Агилар пробовал усмирить мятежников силой, но был смертельно ранен ударом кинжала; и что сам Хуан Начи Коком, улучив миг, обрезал веревку, коей был привязан к раненому, и сумел скрыться в зарослях. Что, помня доброе мое к нему отношение и желая воздать мне за него, повернул он назад и шел через лес, пока не был остановлен обитающими рядом с Калакмулем индейцами. Что эти индейцы пленили его и вначале хотели убить, но что жрец их, услышав мольбы моего проводника, не допустил казни и выслушал его. Узнав же, что Хуан Начи Коком пытается спасти меня и что оба мы пострадали, желая защититься от поругания и уничтожения древние индейские рукописи, жрец этот приказал его освободить. Что также приказал он и извлечь меня из сенота вопреки местному обыкновению, по которому смертным нет обратного пути из жертвенного колодца, как нет грешной душе выхода из Преисподней.

Что с этим преудивительным человеком, жрецом, я после имел длительные беседы, сносясь с ним посредством Хуана Начи Кокома. И что сообщил он мне сведения, переменившие меня и преобразившие мою жизнь.

Что, по словам этого жреца, священная индейская книга, за какой охотился по поручению отца Диего де Ланды брат Хоакин, была для его народа источником великих бед и потому так усердно оберегалась от любопытных. Что книга эта, в точности как говорил мне ранее Хуан Начи Коком, последний из сынов выродившейся царской династии, была сводом прорицаний, главным среди которых было предречение конца мира.

Что вера индейского народа в непреложность этих предречений была совершенна, и что все города, и все люди, и все цари его жили в точном соответствии с пророчествами. День же, обозначенный в одной книге как день гибели мира, по индейскому календарю уже наступил, и случилось это за века до прибытия на Юкатан испанцев.

Что свершившееся в тот день стало для индейского народа его концом, одновременно же и его самой страшной тайной, и величайшим позором. Ибо время было жрецами высчитано неверно, и прорицание не осуществилось; однако вера майя в обреченность мира, и в непогрешимость великого предсказания, и в правоту колдунов и астрологов была так огромна, что они сами исполнили пророчество.

Что в обозначенный день ушли они из городов, и сожгли свои дома, и разбрелись по лесам, и что не стало больше государств и княжеств, а стали разрозненные племена. Что с годами забыты были и искусство скульптуры, и строительное ремесло, в коем достигли индейцы несказанных высот, и грамота, и многие обычаи богослужения. И что стал этот проклятый день не концом мира, а гибелью народа; те же, кто не желал верить в предсказанное, назывались отступниками и поносились, и жилища их разорялись, и селения были преданы огню.

Что говорил мне жрец также и о том, как его племя, бывшее века назад могучим и славным княжеством, разрушалось год за годом, превращаясь в дикарей, и не помнило уже, что осталось последним хранителем той самой священной книги, которая погубила майя. Что книгу эту он сам получил от своего отца, когда тот умирал, а тот от деда; и что когда настанет его черед умирать, должен был и он передать рукопись своему сыну, который также должен был сделаться жрецом и хранить ее. И что так должно было продолжаться, покуда великий индейский бог Ицамна и прочие боги живы и мир стоит. Потому что самая сокровенная и разрушительная тайна священной рукописи в том, что прорицание верно, а ошибочен лишь расчет времени, который провели астрологи, толковавшие книгу.

И что каждый сын народа майя и каждый живущий на свете человек из любого другого племени, какому богу он ни поклонялся бы, помнить обязан, что мир конечен так же, как смертен человек; и что священная рукопись — тому подтверждение, и о том вечное напоминание, и потому должна быть сохранена любой ценой.

Однако соблазн толковать пророчество и исчислять точный день светопреставления посредством этой книги — греховен и губителен; и что, как стал он однажды причиною падения империи майя, так же может ввести в искушение, а затем обратить в пепел империи грядущего, а даже и всех живущих на земле людей. Человек слаб, труслив и любопытен, оттого подобные знания для него опасны.

Что тогда спросил я у жреца, не попала ли святая книга в руки нечестивому монаху, брату Хоакину, когда тот разграбил индейский храм в Калакмуле. Что тот утешил меня, и разъяснил, что в оскверненной солдатами пирамиде лежала обманка, видом похожая на искомый манускрипт, но заведомо лживая и пустая.

Что спросил я также у него, отчего он поведал мне, чужаку, сию тайну, о которой неведомо было многим из сынов его народа. И что он возразил мне, и признал, что индейская богиня Иш Чель не соблаговолила послать ему сына, и в вымирании рода своего он видел знак вымирания майя. Что доносили ему вести о бородатых людях из-за моря, и об их чудесных лодках, и громоподобном оружии, и о доблести в сражениях. Что все это пробудило в нем любопытство, и просил он великого Ицамну открыть ему правду об этих людях. И что тот послал ему видение, в котором бородатые люди подчинили себе земли и майя, и ацтеков, и прочих народов, и правили большей частью света.

И что тогда решил хранитель книги, что не может унести с собою в могилу тайну конца мира, только оттого, что не имеет сына; также и народ его должен передать ее другому народу, если сам не оставил после себя наследников. И что когда решил он так, то молился своим божествам, среди которых был и бог смерти Ах Пач, и бог солнца Ах Кинчил, и сам Ицамна, и спрашивал, правилен ли его замысел. И было ему знамение, укрепившее его веру в это.

Что случилось это несколько месяцев назад, и что с тех самых пор, положившись на волю индейских богов, сей жрец терпеливо ожидал их помощи, покуда Ицамна не положил меня в свой сенот, отступившись от моей жизни. Что, по его разумению, я был предназначен богами для того, чтобы принять у него древнюю рукопись и, сделав так, уберечь ее от тлена и забвения.

Что третьим вопросом моим к нему было, как узнать, когда же станет подлинный судный день, и что будет причиной ему. Что тогда усмехнулся жрец, и сказал мне, что бородатые люди так же слабы и любопытны, как его соплеменники; и что новые исчисления, которые проводил его отец, дают миру еще около шестисот тридцати цолькинов, что на наш счет составляет четыреста пятьдесят лет. Что, однако, он повторно предостерег меня от соблазна высчитывать точный час светопредставления, потому как дело это не человеческое, а божественное.

И сказал он мне, что земля погибнет тогда, когда умрет Ицамна — отец и старейшина индейских богов, премудрый властитель сего мира, вообразивший и так воплотивший его.

И что предзнаменованием светопредставления станет немощь этого бога, от которой станет и мир лихорадить.

И что когда закроет он глаза в последний раз, погрузится мир в вечную тьму.

И что когда начнутся предсмертные судороги его, скорчит всю землю от страшного сотрясения почвы, и рушения гор, и буйства морей.

А после настанет конец.

Таковы подробные обстоятельства моего похода в древний индейский город Калакмуль и обретения мною удивительного свитка, который я храню по сей день и ради описания которого я затеял настоящий отчет. О прочем же — и о возвращении в Мани, и о разоблачении мною умыслов отца де Ланды, и о нынешнем местонахождении Книги поведал я уже в Главе Первой сего отчета, и повторять это считаю излишним.

В непрестанном ожидании предреченного дня,

Писано собственноручно Луисом Каса-дель-Лагартто, в Мадриде, в июле 1592 года от Рождества Христова».

* * *

И это все?!

Тропический смерч, бушевавший в моей голове все время, пока я читал завершающую часть повествования Луиса Каса-дель-Лагартто, вырвал у меня из рук последний лист, но я долго еще сидел, не смея шелохнуться и не веря, что больше конкистадору сказать нечего.

И тогда я услышал, как со смачными щелчками, соединяясь пазами, превращаются в единое целое разрозненные части этой невероятной истории.

Как случайное участие в экспедиции необычного испанского офицера, готового поверить язычникам вместо того, чтобы во славу Христа спалить их деревни, оборачивается промыслом майянских богов.

Как обретает смысл погоня сквозь четыре с половиной столетия неких сил за тайным свитком, или хотя бы за сведениями о нем, и стремление других сил, не жалея человеческих жизней, воспрепятствовать этому.

Проясняться стала и моя собственная роль, и оказалась она вовсе не так жалка, как мне думалось ранее; доказательством тому было мистическое обращение ко мне заточенного в сеноте Каса-дель-Лагарто. (Всего через несколько минут я получил еще одно подтверждение этому.)

И еще... Неожиданно четко я вспомнил мальчика, разговаривавшего со мной в вагоне метро. До сих пор я не решался трактовать его слова, не будучи полностью уверен, что они не навеяны моей эсхатологической паранойей. Но сейчас, дочитывая рассказ конкистадора, я мгновенно узнал в них последние речения майянских пророков.

«...найти его. Ибо беда мира в том, что болен Бог его, оттого и мир болен. В горячке Господь, и творение его лихорадит. Умирает Бог, и созданный им мир умирает. Но не поздно еще...»

Кем бы ни был тот мальчик, и кто бы ни вложил эти слова в его уста, они магическим образом дополняли исповедь Каса-дель-Лагарто, который внял заветам жреца и избегал толковать предсказание, просто сохранив его для потомков.

Неужели что-то могло быть еще сделано? Ведь сказано было мне «Но не поздно еще...» и «...найти его». Ицамна всемогущий, найти кого? И как?!

Задумчиво перекладывая страницы дневника, я зацепился взглядом за тетрадный лист, лежавший в найденной папке. Записка? Стоит ли читать чужие письма, когда всего за один любопытный взгляд на не предназначенный для твоих глаз текст можно поплатиться сердцем? Разумеется, стоит!

Почерк был тот же самый, что на бумажке с адресом, которую выронил убегающий старик; узнал я и чернила перьевой ручки. Сомнений быть не могло: у бюро «Акаб Цин» я столкнулся лицом к лицу с самим заказчиком. Он меня не узнал, и неудивительно: до тех пор мы с ним никогда не встречались. Загадочным для меня было только его решение отнести папку с последней главой в заброшенную переводческую контору на Арбате... Я развернул записку.

«Не беспокойтесь о предыдущей главе, переведите лучше эту. Потом вернете обе сразу. И прошу Вас, поторопитесь! Времени остается совсем мало.»

ЮК»

(El Templo de la Memoria)

El Templo de la Memoria

Вопрос на засыпку: где в Москве находится улица имени Ицамны?

Рассуждая здраво, в этом городе не место проспектам, бульварам и площадям, названным в честь божеств индейцев майя. Однако записка с адресом «ул. Ицамны, 23» была у меня в руках, и меня там ждали. От того, насколько быстро я сумею разыскать эту улицу, зависело нечто намного более важное, чем просто моя собственная судьба.

Глупо считать, что на картах и автомобильных атласах Москвы обозначены все существующие переулки и дома: тайных мест здесь предостаточно. Однако надежда обнаружить улицу имени старшего из богов майянского пантеона не покидала меня, и я продолжил ползать с лупой по огромной топографической карте города.

Записка с адресом была единственной зацепкой, оказавшейся в моих руках. Разумеется, первым делом, я должен был выполнить просьбу заказчика и как можно скорее перевести последнюю главу сочинения Каса-дель-Лагарто; затем ее следовало вернуть загадочному старику. Я мог, конечно, просто оставить перевод на прилавке в старой библиотеке — там же, где нашел папку, но мне необходимо было, в конце концов, лично встретиться с этим человеком и получить от него объяснения. Ко всему прочему, он — впервые — обратился ко мне напрямую; это доказывало, что между нами действительно установилась некая особая связь, и я был вправе рассчитывать на его откровенность.

Он торопил меня. Я и сам понимал, что время на исходе. Но мог ли я что-либо изменить? Вряд ли возможно отвратить и даже задержать надвигающийся Апокалипсис, строча перевод криптоисторического документа; до такого еще не додумался даже ни один супергерой из американского кино, богатого горячечными сценариями конца света. Да и индейские пророки никак не обмолвились о грядущем мессии, на роль которого я мог бы претендовать, не сломайся моя печатная машинка. Определенно, я был безнадежен. И все же на этот раз я твердо знал, что пути назад нет, и готов был идти до самого конца.

«Найди его», «еще не поздно»... Не будь это предположение таким абсурдным, я решил бы, что речь идет о том, чтобы разыскать самого находящегося при смерти майянского бога. Однако тут, по крайней мере, надо лететь в Мексику, а у меня даже нет загранпаспорта. Кто же тогда? Растолковать эти слова мог только один человек — подписавшийся «ЮК» старик, который вовлек меня в эту фантастическую интригу. Что, кстати, могут означать эти буквы? Не иначе как начало слова «Юкатан»...

Значит, все же улица имени Ицамны. Улица, которой не было ни на одной московской карте, плане, в телефонном справочнике и атласе автолюбителя. У меня ушло около двух часов, чтобы окончательно в этом убедиться.

Тогда, утомленный мельтешением сине-белых сплетений переулков и бульваров, я взялся за дело с другого конца. Быть может, если перевести последнюю главу, заказчик сам разыщет меня, как находил до этого?

Накачав себя кофе так, что стало заплетаться сердце, я четыре часа подряд переводил и переписывал начисто последнюю главу. Предыдущую же, изъятую у меня Набатчиковым, я мог восстановить только приблизительно, так как, читая ее, делал лишь наброски перевода, рассчитывая потом вернуться к оригиналу еще раз и подготовить финальный вариант.

Вряд ли стоило надеяться на мягкосердечность майора и его желание мне помочь. Было неясно, почему он до сих пор не заявился ко мне, требуя ответа за дачу ложных показаний по поводу местонахождения «Акаб Цина». Собирался же он брать штурмом нехорошее бюро в течение нескольких часов после нашей встречи? Не иначе как землетрясение все же вмешалось в его планы. Но скоро он наверняка опомнится и начнет меня донимать, так что на счету каждая минута, которую я могу уделить работе.

Кажется, у соседа с седьмого была электрическая пишущая машинка. Ждать, пока из мастерской вернут «Олимпию», я никак не мог; надеюсь, что старушка простила мне эту маленькую измену. Видят боги, сдавая ее в ремонт, я вовсе не пытался под видом краткосрочной госпитализации заманить ее в дом престарелых.

Наш лифт, которого от подземных толчков настиг инсульт, так и оставался, парализованный, между четвертым и пятым этажами; так что, прежде чем постучаться к соседям, мне пришлось одолеть восемь лестничных пролетов. Электричество дали всего двадцать минут назад, и вся их семья собралась на кухне, где, зашкаливая от переизбытка эмоций, надрылся телевизор.

В столице в катастрофе сгнули более тысячи человек, еще столько же пока считались пропавшими без вести. Через три-четыре дня от их поисков, как обычно, откажутся, и на завалы придет тяжелая строительная техника, превращая рухнувшие здания в братские могилы, но пока власти клятвенно обещали, что сделают все для спасения каждой человеческой жизни.

Вот, подняв десятиметровую чугунную балку, из случайного укрытия достают заплаканную маленькую девочку. Таких чудес будет всего-то два или три на весь перепуганный город, но они дадут новые силы тысячам людей, в иступлении разгребающих руины своих домов исцарапанными пальцами и обрывающих телефоны штабов МЧС. Что может быть страшнее и мучительнее надежды?

Теперь — больницы; так уж заведено на телевидении. Рыдающие как младенцы старики, угрюмо молчащие дети со старческими глазами, бинты, бинты, бинты... Нам нужна кровь для переливания, много крови. Море крови...

И это — только Москва, а ведь есть еще и Питер, и Екатеринбург, и Сочи, и Махачкала, и Владивосток. Есть еще наполовину затопленный Нью-Йорк и десятки тысяч горожан, замешкавшихся при эвакуации и потому оставшихся в своих квартирах с легкими, полными соленой воды. И Токио с поверженными стоэтажными башнями, задавившими целые кварталы; и серые квадратики крыш с черными точками выплывших людей — все, что осталось от ушедшего в пучину японского города Кобе. И перемазанные потом пополам с кровью индийцы, для которых сотни тысяч размолотых катаклизмом мертвых тел через несколько дней обернутся многомиллионными жертвами неизбежных эпидемий.

Переступив через порог соседской кухни, я сам стоял десять, двадцать минут — остолбенев, прилипнув взглядом к экрану, боясь шелохнуться и не от-

важиваясь заговорить о дурацкой машинке. И только когда новостной блок, посвященный Армагеддону, подошел к концу, я разлепил губы.

— Сергей Андреевич, у вас машинка была печатная, помните?..

«Новый поворот в деле о групповом убийстве в московском районе Бибирево», — беспардонно перебил меня телевизор.

Кадры с места событий: люди в милицейской форме осторожно ступают по залитому густеющей кровью полу; санитары грузят на носилки заколоченные трупы в необычных одеяниях: что-то яркое, кажется, украшенное птичьими перьями; крупным планом — рука с дорогими швейцарскими часами, потом валяющаяся на полу причудливая маска, вызывающая в памяти иллюстрации из книги Ягониэля.

«Личности некоторых жертв установлены», — на экране появляются фотографии живых, улыбающихся людей; так же трудно подобрать подходящий снимок для некролога и гравировки на могильном памятнике... В трех из них я узнаю сотрудников «Акаб Цина» — молодую девушку с короткой стрижкой, ухоженную брюнетку и самца с обложки глянцевого журнала. Боже, боже... Меня словно самого накрывает, оглушает тяжелой океанской волной... «На Новый год мы не работаем, из-за ритуалов». Что за дьявольские церемонии проводили они на крыше бибиревской многоэтажки? Неужели согласились добровольно идти на заклятие, или в их обряды кто-то вмешался? И, если только Набатчиков не солгал, выбивая из меня признание, для чего им понадобились копии моего перевода?

А вот и сам майор, глядя мимо камеры, неожиданно сухим, кондовым языком дает разъяснения корреспонденту. Стоп-кадр на лице следователя...

«Только что мы получили сообщение, что расследующий дело майор Петр Набатчиков объявлен в розыск. По заявлению пресс-службы ГУВД города Москвы, есть все основания опасаться за его жизнь. Пока непонятно, связано ли исчезновение майора Набатчикова с последним делом, которое он вел».

Я зашарил рукой в поисках стула и без спросу нацедил себе из-под крана воды. Чертов болван! Говорил я ему, какие тут сектанты... Бедняга...

— Вам нехорошо, Дмитрий Алексеевич? — встрепнулся сосед.

— Да уж, хорошего, честно говоря, мало... Собственно, хотел насчет печатной машинки, — осушив стакан и наливая себе еще, выдавил я.

— Что же вы собрались печатать? — уже с антресолей поинтересовался он.

— Завещание, — я попытался отшутиться, но Сергей Андреевич понимающе кивнул.

* * *

Почерк показался мне похожим на тот, которым Набатчиков записывал в свою книжечку мои признания, и я с немалой толикой облегчения решил, что с майором не случилось ничего дурного.

Послание было положено мне под дверь; должно быть, принесший его человек — возможно, и сам Набатчиков — заходил как раз в тот момент, когда я поднимался к соседям. Не достучался и оставил записку:

«Если хотите получить обратно то, что у Вас забрали, приходите сегодня в два часа пополуночи на Гоголевский бульвар»

Мыслей у меня в тот миг только и было, что о конфискованной главе, перевод которой я должен был представить как можно быстрее; ничего другого у меня и не отбирали. Немного настораживало, что доброжелатель, словно персонаж детективного романа, пожелал остаться неизвестным. Однако почерк, повторюсь, почудился мне знакомым, а чтобы вернуть пропавший оригинал, я был готов к жертвам куда более серьезным, нежели ночное паломничество к памятнику автору «Вия».

Поэтому, расправившись с переработкой перевода заключительной части повести Луиса Каса-дель-Лагарто, я еле дождался наступления оговоренного времени.

Несмотря на поздний час, на Арбате в слепящем свете прожекторов в двух или трех местах еще продолжали работать спасатели. Однако бульвары словно находились на территории другого государства: здесь было совсем пустынно и клубился такой плотный туман, будто на землю опустилось грозное облако.

Москва — город, в котором почти никогда не темнеет. Сияет неоновая реклама, не жалеют сил софиты ночной подсветки, в лучах которых с удовольствием позируют, переживая ночью второе рождение, даже самые чумазые и неказистые московские дома. Вечно колышущееся над городом марево, смесь испарений сотен заводов и миллионов людей, впитывает в себя этот базарный

блеск и начинает исходить собственным белесым фосфоресцирующим свечением.

Но в ту ночь бульвары были будто накрыты колпаком; здесь царил густой, душный сумрак. Фонари горели один через десять, превращая туманную аллею в цепочку уходящих вдаль мерцающих молочным светом шаров, просших голыми ветвями мертвых деревьев. Еще только приблизившись к покрытому холодной испариной, окаменевшему писателю, я уже пожалел, что поддался искушению и пришел на встречу.

Въезд на бульвары, верно, был перекрыт из-за завалов; за все время мимо не проехало ни единой машины. Окна домов были все сплошь черны, словно им запретили смотреть на бульвар. Тут, видимо, просто еще не успели включить ток, успокаивал себя я, но выходило плохо: случись что со мной сейчас, никто даже не заметит.

Я нервно огляделся: никого. Возможно, просто чья-то шутка? Следственный эксперимент? Крадучись, я медленно двинулся вперед. В записке не указывалось, где именно мне назначено свидание, так что придется преодолеть все расстояние от Гоголя до Кропоткинской...

Аллея была пуста. Обследовав ее до самого конца и подходя уже к торговым павильонам у метро, я ускорил шаг, чтобы удостовериться в том, что меня провели. Может быть, в этот самый момент, воспользовавшись моим отсутствием, злоумышленники взламывают мою квартиру, чтобы похитить последнюю главу дневника! Я резко развернулся, собираясь бросить все и бежать домой, и тут увидел...

...Шагах в тридцати за моей спиной в коконе света чернела странная фигура. На первый взгляд человеческая, она неприятно царапала глаз неестественными изгибами рук и ног, скрюченной осанкой, безвольно висящей головой. В то же время в силуэте виделось что-то неуловимо узнаваемое...

Существо сделало шаг навстречу: резким движением задралось вверх колено, дернулся таз, и с какой-то необъяснимой воздушностью оно перенеслось на добрых полтора метра вперед, окунувшись в тени. Оттуда, словно желая приободрить меня, оно кивнуло: голова порывисто откинулась назад и снова упала на грудь.

Я и сам хотел приблизиться к нему, но каша тающего снега, тонко размазанная по черному асфальту, превратилась в настоящие зыбучие пески: ноги вязли в ней, отказываясь слушаться. Зловещая темная фигура была почти неподвижна — только чуть покачивалась, словно колеблемая ветром — и не

проявляла никакой враждебности. Однако ужас, который я испытывал от одного взгляда на нее, не уступал тому, что мне пришлось пережить, когда я тягался с рвущимся в мой дом големом.

Рука создания, безжизненно висевшая вдоль туловища, вдруг взлетела вверх и, описав, полукруг, опять обмякла; движение это повторилось еще, и еще — пока я не понял, что оно манит меня к себе. Опустив глаза, я глубоко вдохнул, попробовав опустошить голову, и заставил себя сделать два десятка деревянных шагов вперед.

Посмотрел на него вновь и, не выдержав, начал креститься: хотя моя душа и была заполнена взболтанной смесью из научного атеизма и майянских суеверий, руки сами собой принялись творить этот защитный знак; не иначе как сказывалась пресловутая генетическая память.

Все-таки это был человек.

Сквозь разорванную куртку я увидел чернеющую на груди кошмарную рану. Голова свисала вниз и набок, но когда я решился оторвать глаза от земли, она дернулась и приподнялась, встречая мой взгляд.

Это был Набатчиков, безнадежно мертвый, но непостижимым образом удерживающийся на ногах. Незрячие глаза оставались открытыми, но закатились под лоб; на губах и ноздрях запеклась кровавая пена. Одна из неловко повернутых рук прижимала к боку злосчастный дерматиновый портфель. Колени бедного майора были чуть подогнуты, а все тело грузно подалось вперед — поза, противоречащая любым представлениям об устройстве опорно-двигательной системы человека. Поза, в которой невозможно устоять, если только не...

О боже...

То, что я принял вначале за серебристые переливы тумана, было поблескивающими в свете фонаря еле заметными нитями, уходившими от локтей, запястий, колен, пят, таза, плеч и темени мертвого майора куда-то высоко вверх. На этих нитях и висело его выпотрошенное тело, они же и двигали его, будто огромную марионетку. Кем бы ни был чудовищный кукловод, он так и остался для меня инкогнито: посмотреть наверх я не осмелился.

В ужасе я отпрянул назад, но прежде чем успел сбежать, мертвец выбросил вперед руку, и на асфальт шлепнулся его портфель. Он отдавал мне его... Возвращал мне то, что было у меня отнято, как и обещала просунутая в дверь записка. Не за этим ли я сюда пришел?

Набатчиков тактично сделал шаг назад. Я, не переставая креститься, подобрал с асфальта портфель и, поскользнувшись и чуть не упав в грязь, кинул-

ся от этого проклятого места. Только удалившись от него шагов на двести, я замедлил ход и оглянулся. Несчастный майор стоял там же, где я его покинул, и каким-то необыкновенно живым движением печально махал мне вслед...

* * *

В тот вечер я впервые за последние годы сильно напился. Бутылка шотландского виски, припасенного мной для особых случаев, оказалась как нельзя кстати. Только опустошив ее наполовину, я набрался довольно храбрости, чтобы заглянуть в портфель убитого. Достал оттуда заветные листы, а прочее спустил в мусоропровод, пьяно умоляя обреченную на скитания душу майора простить меня за произошедшее. О том, что я оставляю улики, делающие меня главным подозреваемым в устранении Набатчикова, я не думал. Да и не все ли равно, когда Вселенная катится в тартарары...

Потом я еще, кажется, долго рыдал, кричал что-то гневное в окно, грозил хмурому и безмолвному небу, позабыв о мерах предосторожности, откупорил шампанское, когда бутылка виски опустела... Но листы дневника и сделанную часть перевода трогать не посмел. Наконец, забылся сном, лежа на полу в ванной, где меня до этого тошнило.

Очнулся я оттого, что кто-то лизал мне руку. Еле подняв опухшие веки, попытался унять спазмы в желудке. Подполз к краю ванны и минут пять плескал себе в лицо холодной водой, пока не смог хоть немного соображать. И только тогда обернулся.

Посередине комнаты, приветливо стуча по полу хвостом, сидела моя собака. Следовательно, я все еще спал. Однако какое достоверное похмелье! Все как в жизни, даже вестибулярный аппарат пошаливает, когда пробуешь подняться на ноги.

Собака пребывала в явной агитации: нетерпеливо поскуливала, порывалась вскочить и броситься ко мне, но ждала, пока я обращу на нее внимание. И лишь после того, как я ласково потрепал ее загривок, она перестала себя сдерживать и, подскочив, исхитрилась лизнуть меня в нос. Потом, выбежав в прихожую, вернулась с поводком в зубах. Точно, сон, причем по обычному сценарию; слава богам, а то после свидания с Набатчиковым на бульварах я уже окончательно решил, что все последние дни я силюсь выбраться из-под

бескрайнего жаркого ватного одеяла кошмара, от отчаяния принимая его за реальность... Но ведь не может быть сна во сне? Правда?!

Выходить из дому я больше определенно не хотел. Но собака звала меня на улицу так настойчиво, что мне пришлось уступить. В конце концов, это-то как раз просто сновидение, да и потом, я ее уже давненько не выгуливал.

Дома и улицы были не бутафорскими, как часто случается во снах, а почти настоящими, только вот следов землетрясения я нигде не замечал. Вокруг спешили по своим иллюзорным делам серые безликие люди, обычные статисты моих ночных грез. В общем, ничего особенного — сон как сон, вот только собака опять вела себя странно.

Вместо того чтобы, отпущенной с поводка, радостно носиться вокруг, она просяще заглядывала в глаза, хватала зубами за полы пальто и тянула куда-то, отбегала, показывая нужное направление, потом возвращалась и лаяла на меня, укоряя за несообразительность.

Она вела меня в место, где непостижимым образом сплетались пульсирующие магические траектории всей истории со старинной испанской книгой: к бывшей детской библиотеке.

Обойдя строение сзади, собака как вкопанная замерла у высоченных железных ворот, втиснутых между двумя старыми желтыми особняками, и громко залаяла. Если бы она не привела меня сюда, вряд ли я когда-либо обратил внимание на эти ворота, выглядевшие как въезд во двор продуктового магазина или какого-нибудь госучреждения. Но с ними было что-то неладно; вслушиваясь в собачий лай, я чувствовал, как в моей памяти беспокойно ворочаются, просыпаясь, смутные полузабытые образы. Что-то связанное с Диего де Ландой...

Случай с ключником монастыря святого Михаила-архангела в Мани, разбуженного сорвавшимся с цепи псами, которые вывели его к тайным капищам майя в пещерах неподалеку от часовни! С находки, сделанной этими псами, по сути, все и началось пять веков назад, если верить де Ланде. Что же наша собака? Ворота были плотно закрыты и надежно заперты, заглянуть за них мне так и не удалось. Однако я решил обязательно вернуться сюда наутро, и, чтобы не забыть об этом, укусил себя за руку, оставив отметину на память: во сне вообще делаешь много невразумительных вещей.

Просыпаться во второй раз на том же самом месте, заново обнаруживая у себя все те же неизбежные симптомы, было еще более мучительно. Опять же,

теперь все было наяву. Меня терзала нечеловеческая жажда, пол был основательно изгажен, а в голове будто лежал чугунный шар, вроде того перекатывающегося груза, которым уравнивают неваляшки, только со мной он проделывал этот забавный фокус с точностью до наоборот.

Синие следы от зубов на руке напомнили мне о моих видениях.

Первой моей мыслью была робкая надежда на то, что снами окажутся оба ночных моциона: напился вчера вечером до безобразия, вот и результат. Однако листы предпоследней главы, сложенные в аккуратную стопочку, ждали меня на рабочем столе. Сам стол, стоящий посреди разгромленной комнаты, был вызывающе нетронут и прибран, словно хитрющая нейтральная Швейцария в разоренной мировой войной Европе.

Я испытал чувство острого стыда пополам с рвотным позывом и потащился обратно в ванную комнату. Нечего было и думать о том, чтобы садиться за работу в таком состоянии. Лучшее, что я мог сделать, — выйти на улицу и проветриться, заодно и доползу до библиотеки, осмотрю ее окрестности. Как знать, вдруг ворота, к которым меня привела собака, и вправду стоят там?

Шатаюсь как чумной, я медленно плелся по Арбату. Улица оживала, с поразительной скоростью стряхивая с себя следы землетрясения: за утро почти на всех пострадавших домах выросли строительные леса, по которым сновали похожие на индейцев гастарбайтеры из Средней Азии. Многие здания уже сияли свежей краской: Москва, великая блудница, изо всех сил старалась скрыть под толстым слоем грима следы вчерашних побоев.

Признаться, обходя старую библиотеку вокруг, я и не надеялся найти за ней те серые ворота. Сколько раз уже случалось, что собака во снах выводила меня к несуществующим местам, приносила несуществующие предметы или убеждала меня, что останется живой и радостной, даже когда я проснусь.

Но ворота были тут как тут. Метра три высотой, не меньше, наглухо задраенные, да еще и с натянутой поверх колючей проволокой. К одной из створок прибит «кирпич», и больше никаких знаков или надписей. Словом, все точь-в-точь как в сегодняшнем сне.

Я, наверное, не менее десяти минут околачивался вокруг них, всячески пытаясь заглянуть внутрь и предчувствуя, что сейчас из-за ворот выйдет сторож, а может даже милиционер с автоматом, и попросит у меня предъявить документы, которые я как назло с собой не взял.

И только потом, уже мысленно пережив будущий позор, просто подошел к створкам вплотную и потянул их на себя. Они неожиданно мягко поддались,

открывая тесную, но длинную пешеходную улицу, продолжавшуюся, сколько хватало глаз. На ближайшем ко мне здании болталась сорвавшаяся с гвоздя табличка: «Ул. им. Ицамны», а чуть ниже — номер дома: «986».

Я осторожно притворил ворота и перевел дыхание. Потом, не выдержав, открыл их снова и посмотрел еще раз. Улица была на месте, и табличка не изменилась. В висках застучало, а перед глазами вихрем закрутились горячие снежинки. Я нашел ее. Я ее нашел!

* * *

Штурмовой группы спецназа, поджидающей меня в засаде, в подъезде не обнаружилось; очевидно, расследование пропажи майора затягивалось. Однако милиция могла появиться в любую секунду. Наставало время решительных действий.

Зарядив в машинку чистый лист бумаги, я передернул каретку, и под бравурный марш собственного сочинения во всеоружии высадился на побережье Юкатана. Зная наперед, чем окончатся приключения Каса-дель-Лагарто, я мог позволить себе насмеяться над его и над своими опасениями, сетовать о нашей беспечности и поражаться нашей слепоте, которая помешала разоблачить предательский заговор на самых ранних стадиях. Вместе с ним я старался напоследок надышаться дурманящими запахами тропического леса, насладиться звенящим пением удивительных цветастых птиц, послушать у ночного костра солдатские байки.

Наше путешествие подошло к концу; оно закалило меня, превратив в другого человека, оно раскрыло передо мной далекие грозные горизонты и, в точном соответствии с индейскими предостережениями, наградило и прокляло меня знанием о скором Апокалипсисе.

Я понимал, что в моей жизни наступает новый, быть может, заключительный, но самый главный этап. Со странной уверенностью, с какой я знал о бесповоротности исчезновения «Акаб Цина», сейчас я чувствовал, что, когда за моей спиной захлопнутся серые ворота, многое в этом мире потеряет для меня значение, а встреча, которая меня ждет там, по адресу ул. Ицамны, 23, станет важнейшим событием в моей судьбе.

Закончив работу, я подшил все страницы и собрал перевод в изрядно поправившуюся коричневую папку. Принял ванну, выгладил свою лучшую бе-

лую рубашку и надел уже много лет неношенный костюм. Опохмелился остатками шампанского, оглядел свою любимую квартиру, прощаясь с ней, и щелкнул выключателем.

Снаружи опять было темно; отношения со светлым временем суток у меня определенно не складывались. Нельзя сказать, чтобы я не любил солнце; у нас с ним просто не совпадали ритмы.

Хорошо, что, в отличие от вчерашних потусторонних бульваров, по всей улице имени Ицамны ярко горели фонари. Судя по номеру последнего дома, путь мне предстоял неблизкий. Поразительно, что такая длинная улица могла оставаться незаметной для горожан, хотя не исключено, что некоторые категории москвичей о ней хорошо знали, как знали о существовании секретных линий правительственного метро или о действующих ядерных реакторах в черте города.

Дома, тянущиеся вдоль расковырянной брусчатки, встречались самые разнообразные; непонятно было даже, как они уживаются на одной улице. Настоящие деревенские избушки со срубами из уложенных крестом почерневших от времени бревен. Старомосковские купеческие особняки с белой окантовкой. Грубые бараки с покатыми крышами и долгими рядами крошечных окон. Потом, вдруг — колониальные дома, расписанные нездешними яркими цветами, с синими ставнями, будто перенесшиеся сюда с кубинских открыток. И сразу, встык — номенклатурные шестиэтажные монолиты с четырехметровыми потолками. Каменная мостовая под моими ногами незаметно перетекла в плотно уложенные бетонные плиты, те — в обычный городской асфальт.

На улице было безлюдно, но во многих окнах горел свет и виднелись человеческие силуэты. Казалось, я попал в нескончаемый театр теней и брел от одной его сцены к другой. В воздухе неслась музыка — от «Рио-Риты» и Утесова до «Битлз» и современной эстрады. Рассматривать дома, заглядывать в окна и прислушиваться к смене мелодий было так увлекательно, что я и не заметил, как трехзначные порядковые номера сменились двузначными. Здания постепенно расступались, открывая впереди небольшую площадь, на которой возвышались постройки знакомой пирамидальной формы.

Однако огромный, похожий на древнеримский дворец дом с номером «23» оказался ближе, чем загадочные строения вдалеке. Переступив через свое любопытство, я остановился у его дверей — деревянных, массивных и

очень высоких, словно сделанных не для людей, а для неких демиургов будущего. Такие же ввели в советские министерства и в станции метро, спроектированные в сталинскую эпоху.

За дверным стеклом маячила картонка с надписью «Вход в мемориальный музей В. Анисимовой с другой стороны здания». Но я нажал на ручку, и дверь открылась.

Наверное, я с черного хода попал в тот самый «храм памяти» почившей актрисы, недавно с помпой открытый московскими властями. По всей видимости, это был долгострой: воздух в гулких бесконечных коридорах отдавал чем-то затхлым. Пахло не краской и деньгами, как во всех амбициозных современных проектах, а книжной пылью и потертой тканью, как от театральных занавесов и старых плюшевых кресел. Возможно, это запах экспонатов, сказал я себе.

Свет давали только висящие высоко под потолком хрустальные люстры, горящие в четверть силы и через одну. В облицованных гранитом стенах через каждые пятьдесят метров темнели проемы арок — там находились выставочные залы. Помпезные бронзовые доски у входа в каждый из них оглашали название экспозиции: «Первые шаги», «Детский садик», «Здравствуй, школа!», «Гордость класса» и так далее.

Так я дошел до настоящего перепутья: налево — коридор «Вся жизнь — театр», прямо — «В кругу семьи». Правый проход был отгорожен абсолютно неуместным бетонным забором с колючей проволокой и огромными красными буквами: «Опасно!».

Куда дальше?

Тогда, в вагоне метро, перед тем как со мной заговорил мальчик, я читал про этот музей... И помню, на один краткий миг меня озарило понимание того, что музей этот, как и та навязчивость, с которой в моем поле зрения появляется эта актриса, как-то связаны с ее мужем. Как там его фамилия? Кнорозов? А зовут, кажется, Юрий. Да, Юрий Кнорозов. Имя определенно знакомое. И инициалы...

Так вот зачем я здесь!

Не его ли мне надо найти?

И я устремился в коридор с выставками, повествующими о семейной жизни Валентины Анисимовой. «Первый поцелуй», «Лидочка», «В тесноте, да

не в обиде»... и вот, в конце концов, искомое — «Юра». Я заглянул внутрь и ахнул.

За аркой распахивался невообразимых размеров зал, уставленный сотнями самых невероятных экспонатов, связанных с цивилизацией майя. Тут были и макеты пирамид Тикаля, и ушмальский Храм Колдуна в миниатюре, десятки всевозможных карт и многометровые стенды с майянской посудой, орудиями труда, мечами, луками, копьями... В особых застекленных саркофагах с датчиками температуры и влажности хранились сложенные гармошкой книги из кожи и древесной коры. Вдоль стен стояли на постаментах фигуры индейцев в полный рост. Я не мог отделаться от ощущения, что это — чучела, до того натурально они смотрелись. Воины в полном боевом облачении, с татуировками и шрамами, жрецы в пышных одеждах, улыбающиеся дети со щенками на руках, женщины с домашней утварью... Огороженный золотыми столбиками с бархатными красными барьерами, в центре зала покоился изрезанный древний алтарь с четырьмя кровостоками.

Я прошел все помещение, узнавая лишь десятую часть имен и названий, хотя и думал, что поднаторел в майянской истории, проштудировав Ягониэля, Кюммерлинга и рукописи Луиса Каса-дель-Лагартто, не говоря уже о познавательных брошюрах. Но это, как выяснилось, было далеко не все.

За высокой двустворчатой дверью в конце этого зала начинался еще один, не меньших масштабов, озаглавленный «Конкиста». На входе посетителей встречали две фигуры испанских солдат в кирасах и выгнутых шлемах, при алебардах и аркебузах. Глаза у них подозрительно блестели, и я предпочел как можно скорее миновать их. Чуть ли не половину одной из стен занимал гигантский портрет Диего де Ланды — в точности такой, как виденной мной у Ягониэля. Прямо ему в глаза с противоположной стены недобро глядел Эрнан Кортес.

Здесь тоже было на что полюбоваться: и маленький макет часовни в Мани с трогательным крошечным аутодафе, и сцены баталий между конными конкистадорами и устроившими засаду индейцами, и первое издание книги «Сообщение о делах на Юкатане» за авторством настоятеля исамальского монастыря. Однако я чувствовал, что мне пора идти дальше.

Помещение, посвященное Конкисте, заканчивалось неприметной дверкой. Рядом висели стрелки указателей: «Дирекция» и «Пантеон». Дойдя до комнаты с надписью «Директор», я безрезультатно подергал ручку и вернулся к развилке. Оставался пантеон...

Этот коридор выглядел совсем иначе и более всего напоминал энный этаж какого-то учреждения или научного института. Крашенные бежевой масляной краской стены, кабинеты с табличками: «Ах Кинчил», «Болон Цакаб», «Эк Чуах»... На некоторых было по два или три имени. Все они были крепко заперты. Я шел мимо них довольно долго, насчитав не меньше сотни, пока не уткнулся в лифтовую дверь. Рядом с ностальгического вида прозрачной кнопкой вызова, внутри которой при нажатии оживал алый светлячок, было выгравировано: «Ицамна».

Лифт — старый, с двумя внутренними деревянными дверцами, складывающимися гармошкой, громыхнул, когда я вошел внутрь, и гостеприимно зажег слабую лампу под круглым плафоном. В нем была всего одна кнопка — и ни цифры, ни надписи. Что ж, зато невозможно ошибиться.

Когда он, лязгнув, пополз вверх, я попробовал прикинуть, сколько этажей может быть в здании музея. Где-то восемь, самое большее — десять.

Прошло три, пять, двадцать минут, а он все поднимался и поднимался, скрежеща заржавевшим механизмом; лампа иногда гасла, но после загоралась вновь, и я устал уже считать минуты и удивляться, а лифт все тащился — выше, выше...

Потом он вздрогнул и встал. Это произошло так неожиданно, что я перепугался: застрять где-то на уровне вершины Джомолунгмы было бы сейчас очень некстати.

Попробовал выбраться — дверцы распахнулись; я очутился на заброшенной окурками лестничной площадке, выложенной мелкой коричневой плиткой. Передо мной была скучная дверь с приклеенной к ней пластмассовой табличкой — белой с черными буквами, из тех, на которых в поликлиниках пишут обычно «Терапевт» или «Окулист».

На этой значилось: «БОГ».

Я постучал.

(Las Conversaciones)
con Dios

Las Conversaciones con Dios

— Открыто, — послышался негромкий, удивительно знакомый голос.

Затаив дыхание, я приотворил дверь и робко заглянул внутрь, готовый увидеть там решительно все что угодно — от райского облака и церемониальной комнаты индейского храма до каморки музейного зрителя, обладающего специфическим чувством юмора.

Не поддающиеся объяснению события последних дней подготовили меня к тому, что стонающий дряхлый лифт, устроенный в здании загадочного музея на несуществующей улице, вполне может доставить меня на самый верхний ярус мироздания. Куда же еще можно было подниматься битый час, как не на небеса, или, по меньшей мере, Олимп?

Поэтому я даже ощутил некоторое разочарование, когда комната, в которой я очутился, оказалась всего лишь больничной палатой. Унылые зеленоватые стены, зашторенное слепое окно, передвижная капельница у аккуратно заправленной койки. Обиталище всемогущего Ицамны я представлял себе несколько иначе...

Он поднялся мне навстречу из-за небольшого и, наверное, не очень удобного письменного стола, заваленного рабочими бумагами, какими-то схемами и чертежами, придавленными пресс-папье в форме майянских храмовых пирамид. Я сразу узнал его, хотя до сих пор и видел мельком всего один

раз: это был тот самый старик, что искал, как и я, отплывшее в астрал бюро «Акаб Цин». Так значит, ничто из произошедшего не было случайностью? И оброненная им записка стала своеобразным пригласительным билетом, подтверждением того, что я записан на прием к... Богу?

— Кнорозов, Юрий Андреевич, — представился он, усугубляя мое замешательство. — Благодарю вас за расторопность.

Я представился в ответ, вызвав его снисходительную усмешку, а после неловко замолчал, ожидая, что он заговорит первым. Но он не торопился начинать беседу, внимательно изучая меня. Преломленный толстыми линзами роговых очков, его собранный в пучок взгляд медленно полз по мне, заставляя съеживаться и прятать глаза.

Несмотря на некоторую нелепость и даже затрапезность своего наряда — облезлых бурых тапок, тренировочных штанов и казенной белой пижамы — он отнюдь не смотрелся жалко или хотя бы несерьезно. Если бы не разноцветная россыпь таблеток на прикроватной тумбочке и не полупустая капельница, терпеливо дожидаящаяся окончания прерванной процедуры, я решил бы, что стою не перед больным, а перед главврачом этой странной одноместной клиники.

Спартанский дух, в котором была выдержана комната, разбавляли многочисленные фотографии, густо покрывавшие стены у койки и рабочего стола. Тут были и древние коричневатые карточки с каллиграфическими подписями, и черно-белые фото из семидесятых, и современные любительские десять-пятнадцать. Почти все изображенные на снимках лица и виды казались неуловимо близкими, некоторые — чуть не родными, но чтобы разобраться в этом ускользающем ощущении, нужно было подойти к ним поближе.

Палата выглядела обжитой, словно размещенный в ней пациент провел здесь уже немало времени. Несмотря на всю скупость и суровость обстановки, заметны были попытки облагородить ее. Посреди комнаты стоял мебельный комплект, будто целиком похищенный из советского дома отдыха: два старых кресла с полированными деревянными ручками и набитыми поролоном сиденьями, и полированный же круглый столик с довольно дурацкой цветочной вазой.

В углу гонял заикавшуюся пластинку Мирей Матье ламинированный под дерево электрический проигрыватель. Картавые исповеди французской певицы недолго разрежали повисшую тишину: смутившись, проигрыватель поперхнулся и умолк. Не зная, куда себя деть, я снова посмотрел на хозяина палаты.

После нашей встречи у особняка «Акаб Цин» Кнорозов запомнился мне более хрупким, неуверенным, но то ли я не успел разглядеть его как следует, то ли он нарочно хотел произвести такое впечатление — так или иначе, теперь он совершенно преобразился. Невысокий и сухой, из-за манеры держать себя по-военному прямо и жестко, он казался крупнее, нежели был на самом деле. Вместо позвоночника этому старику, наверное, имплантировали кусок железной арматуры, а тяжелые, резкие черты лица и неподвижный взгляд навевали мысли о спустившемся со своего пьедестала каменном командоре.

— Простите, что я так на вас уставился, — наконец произнес он. — Столько времени с вами знаком, а лицом к лицу встретились всего единожды, и то — понимаю это я только сейчас.

— Откуда вы меня знаете? — осторожно поинтересовался я.

— Я вас, как бы это выразить, вижу. Вместе со всем остальным. Но вы играете очень заметную роль, да и сами, конечно, об этом догадываетесь.

Я на всякий случай кивнул: было немного стыдно признаваться, что я так до сих пор почти ничего толком и не понял.

— Мне очень важен перевод последних глав книги, которую я вам передавал. Он должен помочь мне разобраться в том, что со мной творится. Довольно глупо себя чувствую, если честно: всю жизнь посвятил изучению майя, сто раз бывал в Латинской Америке, испанский — как родной, а тут вдруг все позабыл и даже этот немудрящий текст понять не могу. Возьму в руки — все путается, выходит сплошная абракадабра. Хорошо хоть, догадался нанять переводчика. В первый же раз, когда я вас увидел, понял: именно вы сможете сделать это наилучшим образом. Объяснить мне, что происходит, и чего ждать.

— Но я не...

— Знаете, разумеется, вы все знаете. Просто вам необходимо собраться с мыслями. Поразмышляйте, а я пока поставлю чайник — хорошо тут хоть с газом перебоев нет. Я не требую от вас скоропалительных ответов. Разговор, который нам предстоит, значит для меня слишком много, чтобы я дал волю своему нетерпению.

Надо было сказать ему, что я сам пришел сюда в поисках объяснений, рассчитывая вернуть ему переведенные главы и взамен выслушать, что означает затаянная им со мной игра, откуда взялась таинственная книга Каса-дель-Лагарто и как следует толковать пророчества майя. Однако похоже было, что

сейчас он не спешил прочесть перевод, с выполнением которого так меня торопил.

Пока старик возился с газовой конфоркой, я, пытаюсь потянуть время, сделал вид, что рассматриваю висевшие на стене фотографии. Долго притворяться не пришлось: снимки действительно оказались весьма занимательными.

На одном из них я, к немалому удивлению, обнаружил свою собаку. Это была именно она, коричневое пятно на носу, будто след от лапы, — я бы не спутал ни с чем.

Но прежде чем я успел задать вопрос, взгляд уцепился за уже виденное мною где-то фото миловидной молодой женщины. Она так заинтриговала меня, что я с минуту мучительно перебирал обстоятельства, при которых мог с ней столкнуться. Потом вдруг вспомнил: это была та российская победительница конкурса «Мисс Вселенная», обошедшая смуглолицых моделей из Венесуэлы и Пуэрто-Рико. Как же ее звали? Лидия... Да не Кнорозова ли?..

— Моя дочь, — подтвердил старик, подавая мне дымящуюся чашку. — Правда, красавица? — гипсовая маска его лица на миг дала трещину. — Мы с Валей, моей женой, очень долго хотели ребенка, но никак не получалось. Лучших врачей обошли, даже к мексиканским брюхо обращались — ничего. А потом, когда уже совсем отчаялись, случилось чудо, и она забеременела. Знаете, говорят, поздние дети красивы, как ангелы? Это про Лиду. Но когда ей было лет тринадцать, она очень подурнела, превратилась в эдакого гадкого утенка. Плакала иногда, боялась, что такой уродливой ее никто никогда не полюбит. А я ей — «Глупая, для меня ты всегда будешь самой красивой на свете...» — он задумчиво улыбнулся.

— Не только для вас, — улыбнулся я в ответ. — Но и для всего остального мира.

— Какая разница? — возразил он и почему-то снова помрачнел.

Я осекся и вновь принялся сосредоточенно разглядывать фотокарточки. Тут, кажется, была вся его жизнь — с раннего детства (серьезный мальчик в коротких штанишках на лямках держит вверх тормашками несчастного плюшевого медведя); пришедшаяся на военные годы юность (статный лейтенант в летной форме позирует рядом с каким-то старинным перехватчиком); свадьба; потом он уже в зрелом возрасте — на раскопках в джунглях; множество снимков на фоне юкатанских пирамид...

Я вернулся к фото, на котором Кнорозов был запечатлен рядом с самолетом. Плавные, почти элегантные линии корпуса уже во второй раз за послед-

ние минуты вызвали у меня ярчайшее дежа-вю. «Ла-5», подсказал внутренний голос. Черт возьми, откуда мне это известно?

— Это наш «Ла-5», — дублируя мои мысли, пояснил старик. — В свое время считался самым современным и грозным истребителем. Немцы его боялись как огня. Я застал только самый конец войны — был слишком молод. Взяли меня бортмехаником, на мою долю пришлось всего несколько боевых вылетов. Зато все остальные в эскадрилье были опытными, прошли почти всю войну, от Москвы до Берлина. Я был мальчишкой, влюбился и в них, и в авиацию. Когда отслужил, пошел в училище, потом мечтал поступить в конструкторское бюро. Скажи мне тогда, что всю жизнь отдам майя, я бы только посмеялся...

Он продолжал еще что-то рассказывать о своей службе, о том, какой честью ему казалось тогда просто находиться рядом с опытными боевыми пилотами... Было видно, что тема эта его необычайно занимает, а тень от крыльев истребителя «Ла-5» распростерлась чуть ли не на все его молодые годы.

И тут я вспомнил — уже настороженно, потому что последние недели отучили меня верить в случайные совпадения — откуда мне знакомо название кнорозовского самолета и его очертания. Из недавно прочтенной газетной статьи о планах воздвижения циклопического монумента «Ла-5» на Воробьевых горах!

Что же получалось? Покойная жена Кнорозова удостоилась мемориального комплекса, размахом многократно превосходящего Пушкинский музей. Истребитель, на котором он летал во время армейской службы, увеличенный чуть ли не в сотню раз и отлитый из бронзы, занимал почетное место у МГУ — в назидание молодежи. Наконец, дочь старика, несмотря на всю скромность своих внешних данных, mesmerizировала жюри престижного международного конкурса и завоевывала титул самой красивой женщины планеты — не потому ли только, что таковой ее считал отец? Так кто же сейчас передо мной стоял, приняв обличье старика, сползшего в гневные рассуждения о незавидной судьбе солдат великой войны?

— ...как сейчас обходятся с ветеранами! Люди, которые не раздумывая отдавали свою жизнь ради будущих поколений, достойны лучшего обхождения. Спросите у подростков, да даже и у людей среднего возраста — никто уже и не помнит о том, каких нечеловеческих усилий стоило нам одержать ту победу!

Подвиги, не уступающие воспетым в греческих мифах, забыты. Ветераны доживают свой век в нищете. Государственный склероз, вот что...

— Кто вы?.. — оборвал его я. — Кто вы такой?!

Старик насутился, недовольный тем, что я его перебил.

— Я уже представился, — сухо проронил он.

— Что, во имя всего святого, значит табличка на вашей двери? Какое отношение вы имеете к Ицамне? Что вообще все это означает?! — я уже не сдерживал себя и почти кричал.

Теневой воротила, коллекционирующий древности и антикварные книги? Случайно нашедший источник безграничной власти историк-мегаломан? Советский ученый, в которого во время исследовательских экспедиций на полуостров Юкатан вселилась заточенная в затерянной пирамиде божественная сущность? Обычный городской сумасшедший, коллекционирующий газетные вырезки и сочиняющий под них свою отсутствующую биографию? Кто, ко всем чертям, был этот странный старик, вовлекший меня в фантастическую историю пятисотлетней давности, вплетенную в будущее? Кто поставил под удар мой рассудок, словно игровой фишкой распоряжаясь моей жизнью?!

— То, что написано на двери — в той или иной степени правда, — неожиданно тихо отозвался он. — Забавная такая аллегория, кто бы мог подумать, что мое подсознание еще способно на шутки...

— Да объясните вы, наконец, что происходит? Что это за место? Что за дьявольский лифт, который может подниматься на километровую высоту — в пустоту? Что за мертвая улица в тысячу домов, не отмеченная ни на одной карте? Я, наверное, просто брежу... Вы мне кажетесь, вот и все! Ничего этого нет, я сейчас проснусь, и выяснится, что это мне приснилось, и не было никакой книги, никакого Каса-дель-Лагарто, и не будет никакого конца света! Ну конечно! Боже, да какие големы, какие оборотни, какие марионетки?! Я просто сплю и вы мне снитесь!

Я никак не мог унять, меня колотила крупная дрожь. Он внимательно наблюдал за мной, не делая попыток остановить или успокоить меня. Когда спазм закончился и меня перестало выворачивать словами, он покачал головой и усмехнулся.

— Поразительно, до чего же любому человеку, даже воображаемому, свойствен эгоцентризм.

— Что вы имеете в виду? — вскинулся я.

— Вам будет нелегко в это поверить, но все обстоит с точностью до наоборот. Мне немного неловко вам об этом говорить, но это как раз вы снитесь мне. Как и весь окружающий вас мир.

— Какие невероятные бредни! — возмутился я.

Версия первая: с лифтом связан какой-то сложный технический трюк, заставляющий его пассажиров чувствовать нескончаемый подъем, на самом же деле он перевозит всего на два-три этажа вверх; что же касается странной улицы, ее вообще нет. В конце концов, не стоит забывать, что она была совершенно необитаема — не исключено, что я просто прогуливался среди специально установленных декораций. Надо только понять, с какой целью была затеяна эта грандиозная манипуляция.

Вторая: я все же не сумел почувствовать ту тонкую пленку, которая отделяла реальный мир от воображаемого, созданного моей взбудораженной фантазией, и, прорвав ее, соскользнул в топи клинической шизофрении. В эту самую секунду я, вероятно, беспокойно мычал, запеленатый в смирительную рубашку, в особом боксе для буйно помешанных где-то в кашенковских казематах. Разумеется, это было бы прискорбно, но хотя бы объяснимо и доступно к пониманию.

Ничего другого нельзя было и помыслить. Утверждения этого самоназванного Ицамны были безусловным абсурдом и провокацией. Воистину, вот коронный сюжет для ночного кошмара: один из встреченных в нем персонажей нагло заявляет вам, что иллюзорны вы, а не он.

— Сейчас я проснусь!

— Я и не ожидал, что этот разговор получится простым, — устало ответил он. — Не знаю даже, как убедить вас, что проснуться *куда-либо еще, кроме как в мой сон*, — он сделал небольшую паузу, чтобы дать мне прочувствовать смысл этих слов, — у вас не выйдет. Хуже того, я и сам не могу очнуться, поэтому мы просто обречены на общение друг с другом.

— Как весь этот безграничный, многогранный, неопишимо разнообразный мир, включающий всех моих знакомых и меня самого, может вместиться в вашу черепную коробку? — я постарался придать моему голосу ироническую интонацию, но в самый ответственный момент сорвался и дал петуха.

— А в вашу он, значит, влезает? — язвительно откликнулся он.

— Ну, допустим на долю секунды, что вы правы, просто чтобы выставить вас на посмешище. И где же тут, по-вашему, доказательства того, что этот мир создан вашим воображением?

— Если бы он был плодом моего воображения, это было бы еще полбеды. К несчастью, я угодил в подвалы подсознания. Неужели вы думаете, что я стал бы всерьез воображать себя Ицамной и писать на своей двери «Бог»? Согласитесь, это, по меньшей мере, нескромно...

— Вы увивливаете от ответа!

— Ну, хорошо. Вы, кстати, не курите? Составите мне компанию? — он накинул на плечи пальто и жестом пригласил меня за собой на площадку. — Мне, вообще-то, нельзя, но вы ведь никому не скажете...

Чиркнув спичкой и с удовольствием затягиваясь дешевой сигаретой, он испытующе осмотрел меня.

— Да взять хотя бы майянскую пирамиду с мумией вождя — и это на Красной площади! Неужели это не кажется вам полным абсурдом? Хотя, с другой стороны, откуда вам знать, что там находится в действительности...

— Это же Мавзолей! — возразил я; мне самому, одурманенному повестью Каса-дель-Лагарто, случилось принять его за индейский храм, но я-то тогда сумел прийти в себя.

— Однако не свяжи я свою жизнь с изучением цивилизации майя, он бы там не оказался! Все дело в том, что, учась на инженера-конструктора, я принял участие в конференции социалистической молодежи в Мексике.

Я глядел на него как на безумца.

— Я был лучшим студентом потока. Меня пригласили на собеседование в Комитет Госбезопасности и взамен на мое согласие сотрудничать с ними приподняли лично для меня Железный занавес. Посоветовали учить испанский, и через полгода я полетел в Нью-Мехико.

При упоминании о КГБ мое лицо, видимо, еле заметно дернулось, потому что он прервался и с вызовом сказал:

— И не подумайте, что я сожалею о сотрудничестве с Комитетом. Их сейчас все хулят, а они полезного тоже немало сделали. И уж если кто и смог бы сейчас в нашей стране навести порядок, так это они.

Но я уже совладал с собой и не собирался пускаться в споры. Мне хотелось только, чтобы он досказал историю своего романа с майя.

— Организаторы слета решили устроить нам небольшую культурную программу — повезли на экскурсию в Ушмаль. Все передовые трактористы, доярки и шахтеры из нашей группы пробежались по пирамидам рысцой и вернулись в автобус, а меня там словно молнией ударило. Хожу, фотографирую, разглядываю все — час, другой, и не могу оторваться. Меня потеряли уже, чуть не

оставили на развалинах. Вернулся в город, накопил себе книг по индейской истории, читал со словарем, и уже на обратном пути понял, что самолетами больше заниматься не смогу. Ничем больше не смогу заниматься, кроме майя. Совершенно потрясающая цивилизация, и поразительно малоизученная. Буквально загадка на загадке. Взять хотя бы ее необъяснимое крушение — и это на самом взлете. Даже письменность была не расшифрована. Некоторые специалисты и вовсе считали иероглифы декоративным орнаментом. Майя тогда еще искали своего Шампольона, и я поставил себе задачу им стать. Выучился на историка, занимался криптографией, лингвистикой — всем, что помогало мне разобраться в майянской иероглифике. Положил на это всю жизнь и преуспел.

— Это вы расшифровали их письменность?

Старик сумел меня озадачить: ни Ягониэль, ни Кюммерлинг ни словом не упоминали заслуг Кнорозова. Опять лгал или я просто невнимательно читал?

Он с достоинством кивнул.

— Это ровным счетом ничего не доказывает, — упрямо сказал я. — У меня есть каноническое объяснение происхождения Мавзолея, и оно ничуть не хуже вашего.

— Валяйте, объясните тогда тем же путем все, что с вами случилось за последние несколько недель, с того момента, как вы начали переводить эту книгу, — он выпустил струю дыма мне в лицо и раздавил окурочок. — Про чело-века-ягуара, про безголового хранителя гробниц, про летопись грядущего...

— Я надеялся, что все это расскажете мне вы, — подавившись заготовленной ядовитой репликой, признался я.

— К несчастью, до вас невозможно достучаться, — он развел руками. — Говорю вам в который раз, все это происходит с вами, да и со всей окружающей вас вселенной, потому что я вижу это в своем сне. Следовательно, вселенная и есть я.

— Но тогда, если вы и есть царь и бог этого мира, вы должны быть всемогущи! Докажите мне, что ваши слова не пусты. Совершите чудо! Превратите чай в вино или, на худой конец, воспарите! Сделайте так, чтобы я вам поверил!

— Удивительно, — вздохнул Кнорозов. — Видимо, с этой проблемой приходится сталкиваться всем. Непременно нужны чудеса. Вынужден вас разочаровать. Я бессилен.

— Но это же ваш мир!

— Это мой вязкий, горячечный бред. Я просто смотрю его, и не в силах что-либо изменить. Конечно, мои скрытые желание или подавленные устремления формируют его, влияют на него и толкают вперед его витиеватый сюжет, но не в большей степени, чем это бывает в обычных снах. Можно только постфактум пытаться понять, что означал тот или иной поворот; этим я тут, в основном, и занимаюсь...

Я снова притих, озадаченный внезапным кульбитом, который проделали мои мысли. Так и не найдя самостоятельно ответа на повисший вопрос, я обратился за помощью.

— Однако если это ваш сон, то где же вы настоящий?

— Хороший вопрос. Скорее всего, я лежу под капельницей в Московском онкологическом центре, где мне предстоит операция по поводу злокачественной опухоли мозга. Первые подозрения появились полтора месяца назад, сначала я не поверил, родным говорить не хотел, но потом анализы все подтвердили и рентген.

Пришлось лечь в больницу. Великолепная современная клиника, обходительный персонал... Лида сказала, что пока не сможет приехать, — вставил он вдруг. — С работы не отпускают, и Алешенька заболел... Валя тоже позабыла, не заходит...

— Но разве ваша жена не умерла? — ошеломленно спросил я.

Старик подавился словами, растерянно глядя на меня. Приоткрыл было рот, чтобы возразить, но что-то вспомнил, да так и остался стоять с опущенной и обиженно подрагивающей нижней губой. Отвернулся, зачем-то пригладил волосы рукой, опять закурил. Долго молчал, потом хрипло проронил:

— Простите. Я иногда забываю об этом.

У меня мелькнула безумная мысль: не оттого ли еще десять лет назад отдавшая свой гривенник Харону Валентина Анисимова внезапно воскресала из мертвых и выходила к публике на бис, что муж ее не желал помнить, что остался один? Я смотрел на старика, понимая, что вопрос этот может ранить его еще сильнее, и не отваживался задать его.

Сделать это я так и не успел: с Кнорозовым произошло что-то страшное.

Он пошатнулся и в поисках опоры прислонился к стене, испуганно оглянувшись по сторонам, потом побледнел и стиснул свою голову с такой силой, будто иначе она могла вот-вот лопнуть из-за чудовищного внутреннего давле-

ния. Упал на колени и прямо на глазах стал делаться сначала восковым, а затем все более прозрачным, почти растворяясь в воздухе.

И тут, будто отзываясь на настигший его странный приступ, застонали и вздрогнули основы всего огромного здания, в котором мы находились. Началось землетрясение.

Я хотел помочь старику, но он взмахом руки отогнал меня прочь. Тогда, не зная, где укрыться, я бросился в комнату, оставив Кнорозова на площадке.

Припадок, в котором билась земля, был самым мощным из всех, что мне пришлось пережить за эти дни. Мир сотрясался так, что я несколько раз падал на пол, тщетно пытался подняться и снова валился ниц, не в состоянии удержаться на ногах даже доли мгновенья. Однако уходящая за облака удивительная башня из слоновой кости, в которой была устроена кнорозовская келья, оказалась куда крепче, чем любое обычное московское здание. Стены и потолок уверенно держали натиск стихии, свет не гас ни на секунду. Осмелев, я ползком подобрался к окну и отодвинул занавеску.

В глубине души я был убежден, что увижу московские улицы с высоты птичьего полета, но готовился и оказаться в космическом пространстве, чтобы узреть харкающие раскаленным газом огненные протуберанцы или рождающиеся в муках сверхновые. Именно в тот миг я, наверное, начал верить в слова Кнорозова, но пока все еще воспринимал его утверждение о том, что он является вселенной в себе, слишком буквально.

Увиденное мною, при всей своей невозможности и одновременно обыденности, куда больше доказало мне его правоту.

Нарушая все законы пространства и гравитации, окно, прорубленное в стене комнаты, выходило на потолок совершенно такой же больничной палаты. Впившись пальцами в подоконник и заглядывая сквозь невообразимо толстое стекло, я смотрел откуда-то сверху на распростертое на койке немощное стариковское тело, к которому десятками вьюнков-паразитов присосались трубки катетеров. Вокруг суетились женщины и мужчины в белых халатах, переливались огни стильной бежевой медицинской аппаратуры и в пролегающие глубоко, как туннели метро, вены подагрических узловатых рук старика вонзались жала одноразовых шприцов.

Это был он. Настоящий Юрий Кнорозов.

Новым толчком меня опять швырнуло на пол; оторвавшись от линолеума, я уткнулся в мозаику фотографий, которой обросли стены палаты. Перед глазами поплыли снимки: Кнорозов с экипажем своего сакрального «Ла-5», он

же, постепенно стареющий, отмечающий десятилетний, тридцатилетний, полувековой юбилей Дня Победы со своими сослуживцами, кучка которых редет с каждым годом...

Десятки фото Кнорозова с его женой, о которой он так мало и неохотно говорил со мной, но которая, верно, была самым дорогим для него человеком — свадьба, отпуск в Крыму, совместные поездки в Латинскую Америку, поцелуй на фоне Пирамиды Гнома...

Несколько групповых портретов с людьми в кондовых костюмах и плащах, с непроницаемыми физиономиями...

Старинные монохромные карточки, судя по подписи, с лицами его родителей, еще какие-то незнакомые люди. И любимая дочь — во всех возрастах, от рождения до нынешнего дня.

Вот он сам, совсем пожилой, стоит рядом с какой-то церквушкой; на другой фотографии — пересекает двор ветхого белокаменного монастыря, чинно беседуя с солидным благостным попом.

Многие из людей, появившихся на его снимках, чрезвычайно сильно напоминали мне знакомых по журнальным обложкам или из телерепортажей всемирно известных политиков, кинозвезд, ученых, но спутать их не позволяли недопустимые расхождения во времени — скажем, пилот кнорозовского истребителя в сорок пятом был неотличим от одного из популярнейших современных американских певцов.

И чем дольше я всматривался в эти кадры, тем очевиднее становились для меня параллели, проведенные невидимым карандашом между жизненными вехами и людьми, определившими судьбу Кнорозова, и особыми приметами сегодняшней действительности — в особенности в нашей, но также и в прочих странах. Весь известный мне мир словно нес на себе отпечаток личности этого загадочного старика.

Я мог бы сказать, что в тот момент, когда я окончательно понял, что он мне не лгал и не заблуждался, в моем мозгу — а мне все же было привычнее и уютнее считать его своим — стали разворачиваться грандиозные процессы, по масштабам не уступающие образованию и крушению целых галактик. Ведь я переосмысливал и заново созидал для себя картину мира, в то время как старая, теряя форму и содержание, рассыпалась и развеивалась по ветру, будто высохшая песочная скульптура.

Но все было иначе. Я просто поверил в эту возможность.

В двадцатый век, век триумфа симбиоза науки и техники, восславленного материалистической пропагандой, религиозные и мистические догмы, полагающие возможность тонких сфер мироздания, сильно сдали свои позиции.

И однако же, до сих пор любой человек в той или иной степени готов допустить, что все, что он видит вокруг себя, существует лишь постольку, поскольку существует он сам, могущий эту реальность (если тут вообще уместно говорить о реальности) воспринимать. Число философов, сделавших себе имя на этой изящной умственной конструкции, пропорционально ее недоказуемости и соблазнительности.

Но если принять допущение, что весь окружающий мир находится в нашей голове, что мешает сделать еще один шаг вперед и примириться с чуть более смелым предположением — что, если голова эта не наша, а чужая?

Религиозные вольнодумцы — в особенности придерживающиеся восточных верований, не исключают, что вместилище мироздания — некое великое, всеобъемлющее божественное сознание. Тут вполне может сказываться присущая человеку гордыня: собственным эгоцентризмом он согласен поступиться, только если таким образом приобщится к чему-то невыразимо более могучему, прекрасному и величественному, чем он сам.

Однако кто может, ничтоже сумняшеся, исключить, что вместилище это — не заполненное нестерпимо ярким светом безграничное сознание Будды или Иеговы, а тесное, пахнущее старыми купюрами и нафталиновыми шариками «Я» одинокого ностальгирующего пенсионера, умирающего от рака мозга? По крайней мере, это объясняет многое из сегодняшних реалий...

Состояние лежащего внизу старика, видимо, стабилизировалось: бронуновское движение медсестер и врачей по его палате замедлилось, и постепенно она опустела. Одновременно с этим стихли и подземные толчки, расшатывающие здание музея. Зашторив окно, я выбрался на лифтовую площадку. Кнорозов сидел на полу, прислонившись к стене и изможденно опустив веки.

— Как вы?

— Прошу прощения... Так схватило... Думал, конец настает, — почти неслышно ответил он.

— Я видел вас, настоящего... В окне. Все в порядке, вас спасли.

— Спасли?! — он распахнул глаза, и я отпрянул, боясь, что меня поразит сверкнувшим в них электрическим разрядом. — Мне вкололи морфины. Килотонное болеутоляющее. Из-за постоянных инъекций я не могу прийти в себя... Это как тот таз с цементом, в который опускали ноги должников мафии, прежде чем скинуть их в Гудзон. Мне не выплыть. Я обречен на пожизненное заключение в этом нескончаемом душном кошмаре.

— И что же теперь? — потерянно спросил я.

— А вот это вы мне скажите. Затем вы сюда и прибыли.

— Но что я должен сделать? Чего вы от меня хотите?

— С той самой минуты, как я оказался в этой палате, я знал, что попал сюда неслучайно. Я что-то искал, но не знал, что именно. Чрезвычайно неприятное ощущение. Не дает успокоиться, постоянно подхлестывает, копаешься в предметах, воспоминаниях, мыслях в поисках того, что потерял. Я спустился вниз, в музей — обследовал все залы — безрезультатно. Прошел по всей улице Ицамны, от своего рождения до последних лет — ничего. Когда понял, что сплю и что проснуться не удастся, стал делать вылазки в город, в Ленинскую библиотеку, в архивы, бродить по улицам, но никак не мог найти это — чувство потери не унималось, все зудело и зудело. Пока однажды, вернувшись в музей, не задержался у экспозиции, посвященной майянской эсхатологии. И подобрал там валявшуюся на полу старинную книгу. Повесть Каса-дель-Лагарто. Мгновенно понял: это оно. Раньше ее там не было, могу отдать руку на отсечение — наверное, потому что до тех пор я не был еще готов к тому, чтобы получить ее. Попытался прочесть — не вышло. И это несмотря на то, что полжизни учил испанский, и друзей у меня в Латинской Америке всегда было полно, и даже лекции на языке читал... А дальше вы знаете.

— Но почему вы не принесли в бюро всю книгу сразу?

— Вы же сами прекрасно чувствуете, что это не просто старый томик. Дневник Каса-дель-Лагарто обладает исключительной силой, и мне он был дан как толкование и как руководство. Я должен был познавать его содержание постепенно, глава за главой. Да и вы тоже, хоть и были посланы для перевода книги, оказались бы не готовы сразу открыть для себя последние страницы повести.

— Я был послан? Но я оказался в бюро по чистой случайности! И потом, у меня была полная свобода выбора — я мог и отказаться от выполнения этого заказа.

Набравшись духу, Кнорозов встал на ноги и утомленно, кажется, усомнившись в своих умственных способностях, произнес:

— Конечно, учитывая все обстоятельства, ваши слова о свободе выбора звучат особенно трогательно... Касательно же «Азбуки», мой выбор остановился на ней по весьма конкретной причине. Там, если вы знаете, в свое время находилась детская библиотека, с которой у меня очень много связано. Когда Лида была маленькой, она ее просто обожала и частенько меня туда таскала. Идем с ней, она лопочет что-то свое, я механически отвечаю, а сам думаю о работе. Однажды, пока она там возилась со своими книжками про зайчиков, у меня случилось подлинное озарение. Я взломал майянский шифр. А теперь там открылось бюро переводов, видите, как интересно...

— Уже закрылось, — заметил я.

— Ах да... Но он сам виноват, этот бедолага. Знание было предназначено только для меня — ну и вас, разумеется, а посторонние не должны совать свой нос в то, что касается моей жизни... и смерти.

— Так это вы?.. — Да нет же, говорю я вам! Господи, у меня даже не получается вспомнить испанский, не выходит сообразить, что мне надо найти в этом треклятом бреде, а вы считаете, что я сознательно заклинаю майянских духов и инспирирую покушения на зазнавшихся офисных крыс и чрезмерно любопытных домохозяек?! Это творится само собой, и мне не дано что-либо изменить! Меня просто несет все дальше и дальше бурным мутным потоком, и мне нужна ваша помощь, чтобы понять, что меня ждет впереди...

Но что мог я, фантом среди фантомов в этом призрачном мирке, сделать для его всесильного и беспомощного повелителя? Где искать подсказку? Он утверждает, что я все знаю, надо лишь поразмыслить, вспомнить... И меня осенило.

«...Ибо беда мира в том, что болен Бог его, оттого и мир болен. В горячке Господь, и творение его лихорадит. Умирает Бог, и созданный им мир умирает. Но не поздно еще...» — так говорил тот мальчик в вагоне метро.

Он умирал на моих глазах, оттого что метастазы завоевывали его тело и мозг. Репликой его судорог и эхом мучавших его приступов боли были разрушающие континенты землетрясения, поглощающие огромные города цунами и перепахивающие целые страны ураганы. Услышанное мною пророчество было не литературным изыском майянских жрецов, а чудовищной метафорой конкретных физиологических процессов, уничтожающих Кнорозова-Ицамну вместе со всей спрятанной в его сознании Вселенной...

Не поздно — сделать что? Спасти его? Как?

— Я вижу, вы уже начинаете соображать, что к чему... — отметил наблюдавший за моими колебаниями старик. — Это очень важно — ведь вам придется не только прочесть мне последние главы книги, но и истолковать их. Позвольте, я расскажу вам, что произошло до того, как я попал в эту палату. Быть может, это поспособствует... Все началось три месяца назад. Мигрени, головокружения... Не сосуды ли пошаливают, подумал я? Сидишь у врача, описываешь симптомы, думаешь, что тебе пропишут таблетки и рекомендуют воздержаться от нагрузок, а вместо этого тебя направляют на осмотр к онкологу. Ты смотришь на доктора, как побитый пес, и жалко виляешь хвостом: мол, доктор, но ведь это же ничего серьезного, да? А он строго отвечает, что с анализами лучше не затягивать. Нет ничего хуже нескольких дней, которые проходят с момента этой процедуры и до мига, когда ты звонишь, чтобы узнать результаты. Ты терзаешься поочередно то отчаянием, то надеждой. Убеждаешь себя, что все хорошо, и находишь в медицинской энциклопедии с десяток доказательств этому. Снова, поддавшись мнительности, загнанно мечешься, и коварная энциклопедия уже предсказывает тебе самое страшное. Не желая зря пугать родных и смущать друзей, хранишь это в секрете, хотя так хочется рассказать кому-нибудь, потому что эта тайна жжет и жжет тебя изнутри. А когда в трубке говорят «Злокачественная опухоль мозга», ты превращаешься в ходячего мертвеца. О покойниках — либо хорошо, либо ничего. Поэтому узнавшие о твоём заболевании родственники — да, слово «рак» тут же становится табу, и это можно называть только «заболеванием», словно это увеличивает шансы на спасение — больше с тобой не ругаются, а только стараются развеселить тебя, отвлечь от мрачных мыслей. Но ангел смерти уже поцеловал тебя в лоб, заявляя свои права, и печать от его губ видна живым. Веселье делается принужденным, улыбки — приторными, голоса — неестественно ласковыми, а люди не хотят долго находиться рядом с тобой. Да ты и сам ощущаешь себя прокаженным, начинаешь избегать друзей, чтобы не обременять их собой. Знаете, как слоны, когда предчувствуют скорую гибель, покидают стадо, уходят в особые места и там испускают дух... Майя не раз выручала меня. После того как умерла моя жена, я с головой погружился в работу. У индейцев я нашел и свое последнее пристанище, когда узнал, насколько тяжело болен. Оставшиеся до операции недели я решил целиком посвятить делу моей жизни. И попал в эту дьявольскую ловушку, оказался внутри морфинового сейфа с кодовым замком, ключа от которого у меня нет.

— И вы считаете, что найденная вами книга, этот дневник вообразимого конкистадора, и есть тот ключ, который поможет вам спастись отсюда? Я должен объяснить вам, в чем скрытый смысл послания?

— Я не знаю точно, поможет ли он мне освободиться. Но прочесть и осознать послание — это то, для чего я оказался в этом мире. И то, для чего я вызвал к жизни вас.

— А эти землетрясения... Это отголоски вашей боли... — прошептал я.

— Да. Но боли не только физической. Это еще и страх смерти, и отчаяние. Когда диагноз не оставляет тебе надежды, а лечащий врач говорит, что операцию делать не стоит, потому ты можешь ее не перенести, и что химиотерапия лишь усугубит твои страдания, наступает новый этап. Ты говоришь себе: если самонадеянная современная медицина не в силах справиться с этой напастью, это еще не значит, что все потеряно. Есть еще чудодейственные лекарства из акульего хряща и женьшеня, и экстрасенсы, и очищающие медитации. Но колени дрожат все сильнее, и, не зная, на что опереться, ты становишься набожным, хоть и плевал в молодости на образа. Просовываешь крупные купюры в щели гремящих мелочью жестяных церковных копилок, истово крестишься на закопченные иконы, с рвением раскаявшегося грешника набиваешь на лбу шишки, кладя поклоны, и втайне надеешься, что в небесной бухгалтерской ведомости вот-вот сведут баланс. Поздно: Господь уже расположил, и в Книге Живых на будущий год твое имя не прописано. Врачи вновь констатируют ухудшение, выбивая у тебя из рук последний костыль. Тогда ты бросаешь вызов всему свету и с куражом камикадзе начинаешь отрицать все происходящее с тобой — от начала и до конца. Орешь на врачей, издеваешься над скорбными минами родных, требуешь от друзей, которые пришли поддержать тебя, не соваться не в их дело. Бунтуешь, пока хватает сил, но однажды валишься в обморок прямо на улице, и тогда тебя отвозят в клинику — самую лучшую, куда тебя против твоей воли пристраивает влиятельный друг. И там уже, опустошенный, прикованный к капельнице, оьянненный обезболивающим, погружаешься в бесконечный кошмар, который можно осознать, но из которого невозможно пробудиться... Отрезанный от внешнего мира и заточенный сам в себе, ищешь возможности повернуть все вспять, ищешь спасения любой ценой... Ищешь и не находишь. Тычешься, ослепленный, в поисках выхода, но повсюду упираешься в шипы колючей проволоки... Ответьте мне, где выход? Чего мне ждать?!

Итак, мне была уготована роль оракула, от которого ждали окончательного, не подлежащего обжалованию приговора. Переводчика, помогающего подсознанию донести что-то безгранично важное до разума.

Пока я молчал, собираясь с мыслями, старик дрожащими пальцами вскрыл сигаретную пачку, закурил и перевел дыхание. Я же вспоминал страницы переведенных мной последних глав, и со все большей обреченностью сознавал, что мне не суждено дать ему то, что он так рассчитывает от меня получить — утешение и надежду.

Он вскинул подбородок, и я понял, что не смогу ему солгать. Он был из тех, кто на своей казни отказывается надевать черную повязку, желая глядеть в глаза расстрельной команде. Его кургузое пальтишко поверх больничной пижамы словно превратилось в генеральскую шинель, небрежно накинутую на блистающий орденами китель.

— Я готов рассказать вам все, — сглотнув, выговорил я. — Пойдемте внутрь, мне холодно...

(Capitulo I)

Capítulo I

Мы уселись в угловатых, тесных креслах, и я, открыв папку, стал зачитывать ему последние две главы. Он внимательно, напряженно вслушивался в каждое мое слово; я же будто превратился в механическое пианино, бездушно проигрывающее партитуру по перфорированным валикам: мысли мои были далеко. Я впервые увидел целиком все это замысловатое и причудливое, пугающее и завораживающее полотно. Теперь я был окончательно уверен, что все части истории известны мне и стали на свои места.

Меня удивляла лишь та отстраненность, с которой я, будучи частицей этой воображаемой Вселенной и ее угасающего бога, мог рассуждать о грядущем конце. Но не потому ли я и был назначен оракулом, что мог в нужный момент связать все части его личности и навести мосты между всеми областями сумеречного сознания, включая и его преисподнюю? Не потому ли, что оставался последней крупницей рассудочности в распадающемся внутреннем мире этого человека?

Страшный недуг слишком стремительно расправлялся с Кнорозовым. Сумасшедшая, необузданная жажда жизни, бурлящая в старике, несмотря на его годы, не позволяла ему смириться с поставленным диагнозом, с мрачными прогнозами врачей, и ему просто не хватало времени, чтобы договориться с самой собой — он все искал что-то, что способно было дать ему хоть тень надежды...

Но заботливые доктора, боясь, что бунтарь поранится, спеленали его и бросили в наркотический омут, тусклыми, лживыми голосами обещая опера-

цию и спасение, но зная, что драгоценное время уже упущено. Преданный и скованный, старик все глубже опускался в пучину своих грез, навеванных майя-янскими мифами, в которых он в последние годы скрывался от реальности, становящейся все более холодной и чужой.

Однако вместо того, чтобы остановить течение мыслей, болеутоляющее повернуло его вспять и проложило новые, путаные русла. В безысходном и бесконечном кошмарном сне, который умирающий старик должен был смотреть за всех его участников, все главные вехи творящегося с ним несчастья коварные майя подменили собственными метафорами и образами.

Какие-то частицы его «я» все еще помнили о нависшей над ним страшной угрозе и посылали тревожные сигналы, преломляющиеся в призме подсознания и превращающиеся в главы конкистадорского дневника, который одна ипостась Кнорозова писала другой...

История болезни преобразилась во всемирную историю, прогнозы врачей — в апокалиптические прорицания индейских колдунов, а сам создатель этого галлюцинаторного мирка — в Ицамну, его беспомощного бога, покровителя бессильной науки и олицетворение тщетной мудрости.

Противостояние тех сторон его личности, которые хотели знать правду, и тех сил, что пресекали любые поползновения к ее раскрытию, по-звериному цепляясь за жизнь, в его сновидении вылилось в борьбу майянских демонов и желающих притронуться к запретному знанию людей. Всех их покарали за любопытство, и только я оказался неприкосновенной священной коровой. Мне дозволено было добраться до самых сокровенных тайн, чтобы затем приподнять небесный полог и говорить с богами.

И вот Ицамна-Кнорозов сидел передо мной, дослушивая терпеливо последние слова последней главы этого дневника, добившись от меня того, что желал. Теперь мне открылось все до конца; я мог донести до него истину, которой он жаждал, как бы ужасна она ни была...

«И что предзнаменованием светопреставления станет немощь этого бога, от которой станет и мир лихорадить.

И что когда закроет он глаза в последний раз, погрузится мир в вечную тьму.

И что когда начнутся предсмертные судороги его, скорчит всю землю от страшного сотрясения почвы, и рушения гор, и буйства морей.

А после настанет конец».

Избегая отрывать взгляд от бумаги, боясь встретиться с Кнорозовым глазами, я тихонько сложил листы в стопку и не спешил заговаривать с ним вновь. Строки прорицания были сухи и безжалостны, как вердикт военного трибунала. Они не оставляли свободы толкования. Я надеялся, что на этом мой долг будет исполнен, и мне не придется разъяснять старику, что дневник, на который он так рассчитывал, не дает ему и тени надежды.

Но Кнорозов молчал. И после минутной тишины я стал сомневаться, что он сумел или пожелал понять то, что я ему прочел. Что ж... Значит, моя роль не была еще отыграна до конца; перед тем как падет занавес и наступит тьма, я еще должен был произнести написанные специально для меня заключительные слова. Я должен был провозгласить конец одного человека и конец целого мира. Язык присох к гортани; я дважды открывал рот, намереваясь начать, но, не найдя верного слова, оставался безмолвным. В конце концов я неловко, трудно, словно короткая эта фраза состояла из деревянных кубиков, застрявших у меня в горле, вытолкнул:

— Вы умрете.

Он не отзывался. Обеспокоенный, я все же поднял взгляд: слышит ли он меня?

Ицамна возвышался надо мной, скрестив руки на груди, впившись зубами в побелевшую губу и упрямо покачивая седой головой. Да, я не мог обещать ему спасения. Но, перечитывая и восстанавливая в памяти дневник конкистадора, снова и снова мысленно возвращаясь к словам индейского прорицания, я понимал, что все же не зря был вызван к жизни его воображением. Я мог ему помочь.

— Смириться. Просто смириться.

Не он ли сам говорил мне, что судороги, скрутившие землю в последние недели, были проекцией не только и не столько его телесных страданий, как смятения, в котором пребывали его разум и чувства?

Если я и вправду был всего лишь вспышкой нейронных искр в его мозге, мне не дано было исцелить убивающую его болезнь, не дано облегчить мук, грызущих его тело. В моих силах было только одно: установить мир в его душе. Бесплезная борьба ожесточила его, но он не хотел оставить веру в возможность спастись. Как убедить его в том, что боль уйдет, только если он прекратит сопротивление?

— Рукопись говорит, мир конечен. Человек смертен. Уже в тот день, когда мы появляемся на свет, каждый из нас обречен. Вы всю жизнь посвятили

изучению майя, но не постигли главной из их мудростей. Помня о смерти, они побороли свой страх перед ней. Мы же отрицаем смерть, изобретая лекарства, диеты и дыхательные гимнастики, обещающие протянуть наше существование еще хоть на день, словно этот дополнительный вымоленный день мы проживем иначе, не так бездарно и бессмысленно, как все прочие отмерянные нам дни. Но, теша себя иллюзиями бессмертия, мы только усугубляем свой ужас и свою боль в тот день, когда неотвратимость конца становится очевидной. Каждый майя помнил, что умрет. Каждый знал, что сгинет весь мир. Это предопределено. Это записано в майянских пророчествах, в каждой клетке человеческого тела и на каждом кирпичике, из которых сложено само мироздание. Такое ли уж огромное значение имеет, когда именно наступит смертный час? Да, чтобы говорить так, нужна великая смелость; в индейцах ее воспитывали с самых первых лет, и не думаю, что расставание с инстинктами давалось им легко. Но взамен они получили право жить спокойно и умирать достойно. Как люди, а не как животные.

Я остановился, готовясь выслушать и его, но Ицамна не удостоил меня ответом. Глядя на меня презрительно и зло, он продолжал несогласно качать головой. Воздух вокруг старика сгустился и наэлектризовался настолько, что меня отталкивало от него прочь. Случилось именно то, чего я опасался: мое толкование пророчеств оказалось нежелательным, а сам я был жалок и неубедителен в своих попытках примирить его с грядущим. Он ожидал прихода волхва, быть может, даже явления мессии, но вместо этого к нему постучался соглашатель, Иуда, чей голос звучал в унисон с отрешенными голосами опустивших руки врачей.

Как он решит мою судьбу, после того как я предрешил его? Испепелит на месте своим взором? Или сюда ворвутся кровожадные демоны из его кошмаров, чтобы растерзать меня? Я стал неугоден, а значит, мне было не миновать скорой расправы...

— Я могу помочь вам обрести внутренний мир. Обрести покой, который вы заслужили. Побороть страх. Утешить вас. Исповедовать... Для этого я здесь, — заспешил я, опасаясь, что если не успею переубедить его, то просто растворюсь в воздухе за собственной никчемностью.

— К чертям исповеди!!

От его зычного рыка, отдававшего юкатанскими грозowymi раскатами, стены испуганно подернулись ознобом, а у меня подогнулись колени. Только теперь я начинал верить — сердцем, а не головой, — что он и есть создатель и вершитель судеб нашей маленькой абсурдной Вселенной.

— Мне не нужен духовник! Я не желаю смиряться! Чего я ждал, что я искал все эти недели?! К чему все это было? Ради чего?!

Но я не имел права отказаться от своих слов. Зажмурившись и дрожа, готовый к мгновенной казни, но упрямый, — как обмочившийся от страха, привязанный к смолянному столбу и обложенный хворостом еретик в позорном балахоне, я не мог уступить. К чему лгать на Последнем суде?

— Как вы можете оставаться слепым? Ведь пророчество приводит точный перечень знамений, предвещающих крах мира. И все они осуществляются...

— Прочти мне эти строки еще раз! — приказал он.

Я подчинился, надеясь, что это поможет ему образумиться. Но, едва дав мне завершить главу, Кнорозов, чуть смягчив тон, потребовал перечесть ее заново. Кажется, он услышал в моих словах нечто, сокрытое от меня самого. По мере того как я в третий, пятый, десятый раз повторял зазубренный уже отрывок дневника, морщины на его лице разглаживались, а угли гнева в глазах бледнели, пока совсем не погасли.

— Бедняга, — наконец произнес он. — Ты так ничего и не понял, но ты смог донести это до меня...

Удивленно уставившись на него, я ждал объяснений.

— Они не называют срок! Они запрещают вычислять день гибели мира. Знание — это действительно приговор. Если ты знаешь, сколько тебе отмерено, вся жизнь превращается в ожидание казни в одиночной камере. А что, если в пророчестве сделана очередная вычислительная ошибка?! Нельзя терять веру. Что, если я могу еще выздороветь?! Ведь операция может еще закончиться хорошо! Неужели ты не понял главного в этой треклятой истории? Майя исчезли, потому что сами предрекли свой конец и, безоговорочно уверовав в него, сами же его и предопределили. Прорицание не сбылось бы, не осуществи они его сами. Что с того, что я смертен? Линия становится отрезком, если ограничить ее двумя точками. Пока нет второй точки, это луч, уходящий из мига рождения в бесконечность. Я не желаю знать, когда умру! И пока я не знаю, когда настанет мой час, я вечен!

Стоило ли спорить с ним далее? Разве я не сказал все, что мог сказать? Не сделал все, что мог сделать? Склонив голову, я шагнул к выходу. Там, где-то невообразимо далеко внизу, доживал последние дни мой мир, и я хотел успеть попрощаться с ним. Пройти по Арбату, подставить лицо стилому январскому ветру, умыться опускающимся в ладони снегом, потереться щекой о серую кору припорошенных тополей, послать воздушный поцелуй Москве с Воробьевых гор... Еще раз поставить пластинки Майлса Дэвиса, Бенни Гудмена или Эндрю Агафонофф, еще раз вдохнуть густой аромат свежего кофе, наконец позвонить университетским друзьям...

Что с того, что друзей этих нет и никогда не было, как не было и нет ни меня самого, ни моих родителей? Что с того, что я никогда не узнаю, ни что на самом деле находится на месте Мавзолея, ни как в действительности выглядит Жан-Поль Бельмондо или Мэрилин Монро, да и существовали ли они вообще?

Я не видел и не увижу иного мира, кроме того, где на Красной площади воздвигнута майянская жертвенная пирамида, где, Москву оккупируют усталые мертвые солдаты, где как фальшивые золотые, призывно сверкают купола церквей-новостроек и по прихоти неведомого высшего существа люди ностальгируют по прошлому, опасаясь будущего... Мира, слепленного по образу и подобию одного-единственного человека, в тесном сознании которого мы все ютимся, думая, что это и есть безграничная Вселенная.

Я люблю этот мир именно таким, каким его знаю. И я хочу ему об этом сказать. Пока еще не поздно...

Кнорозов остановил меня в дверях.

— Погодите. Вот, возьмите первую главу. Мне она теперь уже точно ни к чему... И знаете, что? Спасибо вам. Вы не зря появились здесь. Можете считать меня безумцем, но вы мне помогли. Вы дали мне силы бороться. И даже если моя борьба обречена на поражение, я не отступлю и не оставлю ее. И я не буду больше увлекаться предсказаниями. Прощайте, — он протянул мне ладонь.

Но прежде чем я покинул его, мой взгляд зацепился за висящие на стене фотокарточки. Одна из них заставила меня замешкаться.

— Скажите, а что на ваших снимках делает моя собака?

— Ваша? — устало возразил он. — Нет же, это мой пес, Кецаль. Он, правда, давно умер...

— Не имеет значения, — я тихо улыбнулся. — Прошу вас, вы гуляйте с ним иногда. Ему там скучно и так хочется побегать...

— Я знаю, — он улыбнулся мне в ответ — впервые за все время. — Знаю.

Лифт сорвался в пропасть с невообразимым грохотом и с такой скоростью, что я испугался, не отправляют ли меня за мое неверие в ад. Но нет; спустя всего несколько минут он доставил меня обратно в пыльные музейные коридоры. То ли Ицамна был искренен, благодаря меня за помощь, то ли иной Преисподней, кроме той, в которой мы привычно обитаем, не существует.

Наружу я выбрался через главный вход, найдя его по указателям. Бредя по оживленной улице, я все обдумывал наш разговор. Кнорозов не хотел меня слушать; так кто же из нас верно понял послание Каса-дель-Лагарто? Что ждет нас за последней чертой и стоит ли бояться этого?

Ведь вся жизнь человеческая, по сути, есть медленное умирание. Умираем даже не мы сами — постепенно увядает окружающий нас мир. В первые годы нашей жизни и он находится в расцвете. (Не потому ли детские воспоминания так ярки?) Нас окружают близкие создания — отец, мать, бабушки, дедушки, за ними приходят друзья из детского сада и школы, расцветает первая любовь. Это и есть краеугольные камни, на которых зиждется маленькая Вселенная каждого из нас. В детстве и юношестве она полностью реальна и осязаема, пока все дорогие нам люди вместе с нами пребывают среди живых. С каждым из них нас связывают мириады тончайших нитей: общие мысли, совместно проведенные каникулы, легкие, кружащие голову романы, протянутая вовремя рука. Сплетаясь воедино воспоминаниями и переживаниями, эти люди и ткут шелковую пряжу нашей действительности, нашего мира, нашей жизни.

Но годы идут, и они — один за другим — покидают нас, обращаются в бесплотных призраков и находят свое последнее прибежище в наших воспоминаниях. Пытаясь заставить родной голос зазвучать хоть на доли секунды в нашей голове, стараясь вернуть из небытия очарование их улыбки, мы можем часами тщетно рассматривать их фотографии. Боль утраты любимого существа нельзя преодолеть, ее притупляет только время.

И с каждой новой смертью наша Вселенная все больше сдвигается в другое измерение — в плоскость наших фантазий, плоскость нашей памяти. Она уходит в прошлое, мы все меньше живем сегодняшним днем, и все больше погружаем себя во вчера, которое нечетко и расплывчато отпечаталось в нашем сознании.

Первыми уходят бабушки, дедушки, погибает собака, которая была с нами рядом, пока мы подрастали — и вместе с ними умирает наше детство. Их смерть — это рубеж: после нее начинается так называемая зрелость.

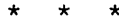
Потом приходит черед родителей; когда и они нас покинут, это будет означать, что взрослая жизнь окончена и мы замерли на пороге старости. И вот умирает кто-то из давно поседевших школьных друзей или беззубо, но с прежним задором улыбававшихся нам товарищей по университету; наконец, муж или жена.

Это последний знак: пора готовиться и нам. Потому что весь наш мир, словно гибнущий огромный океанский лайнер, погружается в пучину прошлого. Темные воды по капле заполняют каюты воспоминаний, заселенные образами коллег, армейских сослуживцев, фантомами отцов и братьев, матерей и сестер... Хлынут в роскошные банкетные залы, где мы отмечали свои маленькие триумфы: успешно сданные школьные экзамены, выстраданное поступление в университет, любовные победы, свадьбы и рождения детей, годами ожидаемые повышения по работе. Затопят и трюмы, куда свалены гнить черные часы нашей жизни: мы хотели бы задраить их наглухо, но память зияет щелями, края которых никогда не сойдутся.

В старости мы гораздо больше принадлежим вчерашнему дню, чем настоящему. И обклеенная пожелтевшими от времени фотоснимками келья Кнозорова-Ицамны, его больничная палата в башне из слоновой кости мало чем отличается от комнат, в которых доживают свои дни другие одинокие старики.

Они часто не приемлют новой жизни, сварливо отталкивают настоящее, оно им не нужно, оно вторгается в счастливый акварельный мир их прошлого. Их «Титаник» почти уже ушел на дно, но они не хотят покидать его. Стоя у заржавевшего штурвала, они пристально вглядываются *назад*, в даль. Они живут в воспоминаниях, их мир почти окончательно сдвинулся в измерение призраков и иллюзий, где живы их родители, где можно ощутить на коже шершавую ладонь дедушки, который гладит их по щеке, и где все еще слышен азартный лай их любимой собаки, требующей, чтобы ей снова бросили палку, чтобы эта веселая и простая игра никогда не заканчивалась.

...Когда волны забвения доберутся до капитанского мостика и лизнут наши ноги, надо будет только с достоинством отдать в последний раз честь и молча закрыть глаза. И тогда мы в свою очередь станем тем рубежом, который обозначит конец детства для наших внуков и начало старости для наших детей.

Не возьмусь сказать точно, сколько времени я провел на аудиенции у Бога: часов у меня не было. Если судить по мрачному небосклону, разбавленному лишь мутной облачной суспензией, стоял поздний вечер, а может, уже и ночь. Однако вокруг было непривычнолюдно. Рабочие и спасатели продолжали расчищать завалы, а в палаточных городках, которыми обросли прореженные землетрясениями улицы, бурлила нездоровая, лихорадочная деятельность. Видимо, горожане теперь боялись спать, не зная, удастся ли им еще открыть глаза, сомкни они их сейчас хоть на миг. Что ж, страх был им простителен, ведь им было неведомо то, что знал я. А после моей беседы с Ицманной возвещать всем им скорый и неминуемый конец я отчего-то не хотел.

Как вы проведете оставшиеся вам скупо отсчитанные часы? Что станете делать, понимая, что всего теперь уже не успеть? Какие из давних мечтаний попробуете осуществить?

Мне не было известно, сколько еще времени у меня остается на завершение моих земных дел; но среди них было одно, не терпящее отлагательств. Мне передали первую главу дневника Каса-дель-Лагарто. Ту самую, из-за которой был пожран чудовищами несчастный переводчик-испанец, возможно, взглянувший за раскрашенный декоративный фасад мироздания и обнаруживший, что оно сыпется старческой трухой. По кнорозовскому соннику его смерть означала исключительность содержащихся в этой главе сведений. Клерк из бюро переводов безнаказанно одолел куда большую часть книги, прежде чем пришли и за ним. Вероятно, одни лишь первые страницы дневника стоили столько же, сколько все срединные главы, взятые вместе.

Дома не было света; варить кофе пришлось при свечах. Позвякивая блюдцем, я прошел в комнату и, осторожно водрузив подсвечник на рабочий стол, с благоговением раскрыл кожаную папку. Сколько раз мне приходилось фантазировать, что же именно окажется на потерянных страницах, первая из которых была увенчана тяжелой шапкой «Capítulo I»... И лишь сейчас, перед заключительным аккордом небесного органа, мне позволено было ее про-

честь. Мой путь оканчивался там же, где начинал свое странствие испанский конкистадор: в городе Мани, прохладным апрельским утром 1562 года.

«Имя мое Луис Каса-дель-Лагарто. Я происхожу из старинного дворянского рода, и мои предки служили еще королю Кастилии Фердинанду и его царственной супруге Изабелле I, и те знали их как верных вассалов, готовых отдать жизнь и душу за корону без колебаний. Родился я в Мадриде и, продолжая традиции мужчин моей семьи, сделался воином. Честный род наш обеднел; ища славы, а более всего, средств к существованию, достойному дворянина, достигнув двадцати восьми лет, я решил отправиться в Вест-Индию, которую покорил для короны сеньор Эрнан Кортес, величайший из завоевателей. Так я прибыл в Юкатан, где и прослужил около пяти лет, усмиряя индейцев и способствуя укреплению власти короля и Папы. Там я сдружился с монахами, укрепившими мои знания грамоты, благодаря чему я сейчас могу записать эти строки. Там же произошла со мной преувеличенная история, которую, с помощью Господа, поведаю в настоящем сообщении.

Что Юкатан, который раньше считали островом, в действительности является частью недостаточно изученного материка. Что земля там ровная, лишённая возвышенностей, отчего плохо видна с кораблей, и что лишь в местности между Кампече и Чампотонем виднеются холмы, самый большой из которых зовется Лос Дьяблос, для коего названия имеются причины самые зловещие.

Что берега там также ровные и низкие, при неглубоком дне, отчего большие корабли не могут подойти к ним близко и ходят на некотором удалении; само же дно илистое, поэтому если случается так, что корабль выбрасывает на берег, погибают немногие. Однако под илом есть скалы и сланец, которые часто портят корабельные канаты.

Что земля Юкатана населена индейским народом, называемым майя. Что народ этот был в древности велик, о чем и по сей день напоминают сооруженные им постройки; но случилось так, что, уверовав своим жрецам и предсказателям, обещавшим Судный день раньше срока, в обозначенный миг он бросил свои города и сам потерял память. Что в наши дни испанцы склонили их к вере Христовой, чем уберегли от новых искушений, но и помешали помнить заветы прадедов.

Что солдат, пишущий этот дневник, волею Господней оказался вовлечен в события, открывшие ему потаенные знания индейского народа, среди которых величайшее — известие о будущем конце мира и его верные приметы, а также прочие предсказания. Что тайны эти записаны в древней индейской книге, называемой «Летописью грядущего», доставшейся мне в моем походе вглубь Юкатана в 1562 году.

Что некто Диего де Ланда, францисканский монах, настоятель монастыря в городе Исамаль, пользовавшийся поддержкой губернатора и благоволением Генерала своего ордена, прослышал об этой удивительной книге от своих доверенных людей. Что и те индейцы, которых он крестил, и те, которых пытал, одинаково говорили ему, будто святее этой книги нет писания, и важнее сокрытых в ней истин знаний нет, потому как в ней заключен весь мир от начала и до конца.

И что посчитал ту книгу крамольной и святотатственной, поскольку вмешивается в Божий промысел, и весьма опасной, поскольку, предопределяя все события, которым суждено произойти, доказывает индейцам, а равно и испанцам, что ни в чьей власти, даже и не в Господней, изменить предначертанное.

Что, убоявшись того, что летопись эта повредит не только положению испанцев в Юкатане, но, будучи переложенной на кастильский, сможет и посеять смуту в сердцах всех католиков в Европе, решил ее уничтожить. Однако же прилюдно говорить о том, что такая сатанинская книга есть, не решился; главное же, не знал ни как она выглядит, ни где ее искать.

Что тогда убедил этот брат Диего де Ланда прочих монахов, и губернатора, и офицеров, что, покуда остаются у местных жрецов любые рукописи, равно как и идолы, индейская вера в Иисуса Христа и Пресвятую Деву Марию останется мелкой, как прибрежные воды Юкатана. И что причиною послужил случай, когда брат де Ланда обнаружил окровавленных истуканов, которым индейцы якобы приносили жертвы в Мани.

Что разослал он отряды испанцев во все окрестные индейские селения, и те изъяли хранившиеся там старинные книги, и заодно деревянных идолов, и прочее, что использовалось еще язычниками для служения их богам. Что всем им было велено везти изъятое в Мани, а при невозможности доставить сатанинскую тарабарщину во францисканский монастырь, жечь ее прямо на месте.

Что в одну из таких экспедиций был отправлен и я, и поверенный брата де Ланды, брат Хоакин Герреро, и сеньоры Васко де Агилар, и Херонимо Нуньес де Бальбоа, и кроме нас еще около сорока испанцев, и индейские проводники. Что ни мне, ни двум другим сеньорам об истинной цели нашего похода брат де Ланда ничего не сказал, поведав о ней только брату Хоакину Герреро.

Что все индейские рукописи, в изобилии свезенные солдатами в Мани, 12 июля 1562 года от Рождества Христова брат Диего де Ланда предал огню, устроив самое большое аутодафе из когда-либо виденных в Юкатане. Что замыслено оно было единственно дабы уничтожить Летопись грядущего. И что после этого аутодафе не осталось у индейцев более ни одной книги, и так уверился брат де Ланда, что искомая рукопись была уничтожена им промеж прочих.

Но что книга, которую он хотел сжечь, была спасена. И что промысел Господень, по которому она должна быть сохранена для ныне живущих и для их детей, и для детей их детей, и внуков их внуков, осуществлен был моими руками. Что святую эту рукопись, переданную мне индейскими жрецами, я сумел уберечь и доставить в Мадрид, где и спрятал в королевских архивах.

Что аутодафе, которое провел ослепленный своим рвением брат де Ланда, я наблюдал, переодевшись в купеческое платье и изменив свое лицо до неузнаваемости. Что на сожжении видел я и брата Хоакина, человека коварного, словно змея, и такого же живучего — единственного, кто помимо меня вернулся из нашей экспедиции.

Что сам я сумел добраться обратно в Мани живым лишь благодаря помощи верного моего друга, индейца Хуана Начи Кокома, и проводников майя, которые вели меня, минуя все опасности, потаенными тропами; брату же Хоакину не иначе как помогал сам дьявол.

Что после этого с ближайшей каравеллой отправился я назад в родную Кастилию, где на поднесенные майя щедрые дары, среди которых были и золотые украшения, приобрел себе поместье, и где поныне существую в мире и покое.

Что бури пощадили и корабль, на котором я шел из Юкатана в Испанию, и дальнейшую мою жизнь: как хранитель индейских предсказаний, я надежно оберегаюсь Господом от всяческих напастей.

Что, храня память о будущем, я не только знаю, что мир конечен; я помню и о том, как обманулись майя, загадав свою погибель. И что знамения,

схожие с предсказанным, уже являлись прежде, вводя наших предков в заблуждение и в искушение. Что помню я о том предостережении от попыток прочитать свою судьбу, которое сделали нам потомки древних индейцев.

Ибо в сознании неизбежности конца — спокойствие, а в неизвестности — надежда; неизвестностью же и надеждой и жив человек. И накануне конца мира будет лелеять надежду, потому что таким создан. Расставшийся же с ней обрекает себя заранее. Чтобы понять это, я и был послан Господом в Юкатан с экспедицией, о которой расскажу ниже».

Вот и все. Кольцо повествования замкнулось. Что было дальше, я уже знал.

Мягко опустив листы на стол, я прислушался. Прошло немало времени, пока мне удалось осилить и переписать начисто Первую главу, однако новых спазмов катаклизма не последовало. Тщетно, представив себя замершим в засаде пауком, я пытался ощутить легчайшие вибрации стен. Землю, кажется, отпустило... Надолго ли?

Настенные часы утверждали, что была четверть одиннадцатого. Что за несусветная глупость! Не иначе как одним из толчков повредило механизм и шестерни застряли, приковав стрелки к мигу, когда началось землетрясение: за окном клубилась все та же тяжелая мгла. Одиннадцать вечера по всем моим расчетам уже давным-давно миновало, а для десяти утра снаружи было слишком темно.

Однако когда минут через пятнадцать беспокойных блужданий по квартире я вновь задел взглядом циферблат, малая стрелка сползла вниз ровно на четверть оборота. Они снова шли? Забавно.

И тут в моей голове метнулось нечто... Воспоминание? Мысль? Яркое, как первое мгновение дежа вю, и такое же эфемерное, мимолетное. Уцепившись за этот образ, я осторожно, словно он держался на грозящем порваться волоске, потянул его к себе... Что-то связанное с индейскими обрядами... Боже!

Меня захолонуло. Колени подогнулись, в животе нехорошо защекотало. Боясь того, что сейчас увижу, я достал из ящика стола наручные электронные часы с оборванным ремешком. Они-то оставались неподкупными и равнодушными к любым потрясениям. И показывали они ровно столько же, сколько круглые настенные, столько же, сколько кремлевские куранты, сколько и любые другие верно идущие часы в этом городе.

Действительно, до одиннадцати утра оставалось уже совсем немного, и все же на улице стояли душные, непроглядные, невозможные сумерки.

Расплескивая горячий воск, я бросился к книжным полкам, где притворился спящим Э. Ягониэль. Да, он был готов рассказать мне еще раз о странном и завораживающем ритуале, проводимом юкатанскими индейцами раз в пятьдесят два хааба, когда Вселенная замирала на краю пропасти. О тех страшных пяти днях, в которые Земля отдавалась на милость чудовищ и бесов, когда люди, притихшие, перепуганные, прятались по своим хижинам и дворцам, не отваживаясь показаться за дверь. Потому что на пять бесконечно долгих дней духи смерти были спущены с цепи и рыскали по свету, алчно заглядывая в оконца человеческих жилищ. А в конце этого испытания выдержавшие его должны были столкнуться еще с одним, куда более суровым.

Пока я перечитывал описания обрядов и вспоминал их смысл, прошло еще около полчаса, но небосвод оставался все таким же черно-серым, грязноватым, непроницаемым. Я более не нуждался в толкованиях, Ягониэль объяснил мне все. Хотя столбняк, выгибавший Землю в болезненных агониях, был усмирен, отмены приговора это не означало. Напротив... Мне подумалось о той расслабленности, в которой опадает тело казнимого электрическим разрядом осужденного, после того как ток отключается.

Что же... Мне оставалось только одно.

В свой последний поход я собирался основательно, словно отправляясь в экспедицию на Северный полюс. Термос с чаем, теплая одежда, ручка и кипа чистой бумаги, две упаковки стеариновых свечей, стеклянный колпак, чтобы их не задуло. Да, стоит взять еще один свитер: там, наверху, сейчас, наверное, очень ветрено...

Поднимаясь на десятый этаж по лестнице, я прикладывался ухом к дверям соседских квартир. Везде было тихо; только в двух из них заглушенные разговоры чередовались с придушенным детским плачем. Мрачную торжественность этих минут ощущал не только я: люди боялись говорить громко и покидать укрытие родных стен, чувствуя поджидающих их во внешнем мире демонов. Я же их не страшился: что значит встреча с духами по сравнению с тем, что предстоит встретить всему миру в ближайшие часы?

Замок и милицейскую печать, закрывавшие мне выход на крышу, я легко сломал. Большинство законов и правил, преисполненных значения в обыч-

ное время, накануне Апокалипсиса теряют всякий смысл. Ветер вечности срыгает с человека всю нанесенную обществом шелуху, всю наросшую коросту цивилизации, оставляя его первозданным, нагим и беззащитным — наедине с собой и с миром, один на один с богами и со смертью.

Вопреки моим ожиданиям, на крыше почти не было холодно. Густые серые клочья облаков, жирно выписанные маслом на черном полотне небосклона, застыли, словно божественное дыхание, обычно подхватывающее и гонящее их вдаль, иссякло. Словно передо мной и вправду была мертвая картина.

Я огляделся.

Сталинский десятиэтажный дом в сегодняшней, напичканной гормонами роста Москве больше не обеспечивает, как пару десятков лет назад, господствующей высоты. Пусть мне и хотелось бы лучшей смотровой площадки, чтобы первым видеть прибытие ангелов Апокалипсиса, но Ягониэль четко предписывал желающим созерцать светопреставление занимать места на крышах именно своих домов, а я не собирался нарушать ритуалы, выверявшиеся тысячелетиями. И потом, вид на город мне отсюда все же открывался довольно неплохой.

Почти вся Москва оставалась без света, лишь в нескольких местах, в зданиях, вероятно, снабженных собственными генераторами, мерцали электрические оазисы. Вязкий мрак лениво омывал тяжелые глыбы арбатских домов, неспешно тек по мертвому руслу искореженного Садового кольца, плескался у подножий сталинских высоток, которые гротескными свадебными тортами возвышались над остальными постройками. Кое-где сутились светлячки машин, беспорядочно тычась в невидимые сверху препятствия и силясь проехать по вздыбившемуся асфальту.

Приблизившись к самому карнизу, я свесил ноги вниз и обратил лицо на восток. Верно, было уже около полудня, но горизонт оставался так же пуст и черен, как в безлунную ночь. Дождусь ли я восхода? Должно быть, для юкатанских индейцев, в конце каждого полувекового цикла так же нетерпеливо ожидавших появления на небе ослабевшего Ах Кинчила, каждая секунда многократно удлинялась, делая ожидание бесконечным.

Я знаю, что конец неотвратим. Мне были все знамения Армагеддона, и я уверен, что правильно истолковал их. Остается только дожидаться последнего, заключительного удара, который уронит небеса на землю и сотрет в пыль всех

людей до последнего, и все созданное ими, и саму память о них, и остановит время.

Я знаю, что умирающий Бог, отчаянно борющийся с пожирающим его недугом, обречен. Что из объятий Морфея можно освободиться, но морфий никогда не разожмет своих и не отпустит Кнорозова. Что я, картонный статист его видений, вместе со всей окружающей меня Вселенной замурованный в одиночке его сознания, сгину в тот же миг, как умиротворенно разглядятся морщины на его лбу и кривая его кардиограммы.

Я знаю, что Апокалипсис этот пройдет незамеченным. Сколько таких невообразимо богатых, увлекательных, бескрайних Вселенных рождается и гибнет каждый день, так и не найдя своих летописцев, оставляя о себе память лишь в статистических сводках да на могильных камнях, где головокружительная человеческая жизнь, всех граней которых он не постиг и не упомянул сам, сожмется до двух сухих дат.

Человек смертен.

Но почему тогда все еще я сижу на крыше старого арбатского дома, сижу уже столько часов, что мне хватило времени записать всю эту историю, и все вглядываюсь, до боли в глазах вглядываюсь вдаль, за горизонт, бесконечно ожидая, что светило еще взойдет над землей и рассеет мертвенную тьму?

Не потому ли, что человеку, приходящему в мир на срок лишь немного более долгий, чем тот, что отведен бабочке-однодневке, дано схожее с ней утешение: легкомыслие и неведение. Эта нелепая иллюзия бессмертия — все, что ему было предложено взамен отнятой вечной жизни в райских кущах. Потому невозможно отобрать ее у человека, как невозможно истребить надежду, прорастающую вопреки всему и в самой засушливой душе.

...Я нахожусь здесь уже вечность и готов оставаться на этом месте еще столько же. И я не покину своего поста, пока не увижу, как сквозь клубы грозовых облаков где-то невероятно далеко просачивается первый лучик поднимающегося со смертного одра Солнца.

Конец

Дмитрий Глуховский: каждый роман — манифест

Дмитрий, ваш роман «Метро 2033» стал бестселлером: тираж уже составил триста пятьдесят тысяч экземпляров, почти все книги раскуплены. И вот всего через пять месяцев после первой книги выходит новый роман, «Сумерки». Вы поставили написание книг на поток?

Нет! На создание «Сумерек» ушло гораздо больше времени, почти три года. Ведь «Метро 2033» было завершено еще в 2005 году... И с тех пор я все свое свободное время посвящал новой книге. И на мой взгляд, получилась она куда более цельной, красивой и выписанной, чем «Метро». На поток я творчество ставить не собираюсь, это просто невозможно.

В нашей коммерческой литературе почти что принято нанимать так называемых негров — студентов Литинститута, которые и пишут романы за раскрученных авторов. Это куда доходнее...

Я не понимаю, как можно отдавать свои книги, свои идеи, свое имя на откуп литературным неграм? Литературные галеры, к веслам которых они прикованы, может быть, плывут довольно быстро, но при этом плывут они в никуда. Книги — это не колбаса и не консервы. Их нельзя штамповать конвейерным

методом. Как только это становится ремеслом, а не творчеством, книги перестают впечатлять, удивлять, запоминаться. А я мечтаю о том, чтобы каждый мой роман становился манифестом.

Но от коммерции все равно никуда не деться! Теперь вышло продолжение «Метро 2033», и название говорящее — «Метро 2034». Вы же, кажется, божились, что не будете писать сиквелы?

В сиквелах меня больше всего раздражает, когда ради прибыли притягивают за уши и высасывают из пальца сюжет, начинают откровенно халтурить, жертвовать языком, не заботятся тем, чтобы вложить в текст хоть какие-то идеи, мысли. Единственная коммерческая составляющая «Метро 2034» — его название. Всего остального я надеюсь избежать. Другие персонажи, полноценный, независимый сюжет, своя философия и свои идеи. Продвигался я куда медленнее, потому что старался выписывать книгу намного тщательнее, уделяя внимание не только сюжету, но и стилю, образам. «Сумерки» я считаю большим шагом вперед по сравнению с «Метро 2033». И продолжение «Метро» должно, по меньшей мере, держать эту планку.

«Сумерки» оказались вообще абсолютно непохожи на «Метро 2033»...

Для меня было важно доказать себе и моим читателям, что я — не автор одной книги. Мне хотелось создать нечто совершенно иное. И сразу вырваться за пределы фантастического жанра. Очень не хотелось бы, чтобы после «Метро» ко мне навеки прилепился ярлык «писателя-фантаста»...

Тем не менее сюжет в «Сумерках» иначе как фантастическим не назвать.

По правде сказать, и «Метро 2033» для меня — вовсе не фэнтези-ужасник, каким его подавала реклама. Это притча, коктейль из философии и социальной критики, замаскированный под боевик. Точно так же «Сумерки» — это

мистерия, роман-метафора, загримированный под триллер. Другое дело, что разглядеть настоящее лицо книги под толстым слоем грима сможет не каждый. Но тем лучше...

Слышала, с созданием «Сумерек» связана какая-то мистическая история...

Ну, почти мистическая. Весь роман родился из образа покинутого, одинокого старика, доживающего свой век в каморке, обклеенной сотнями фотографий, на которых — вся его жизнь. Из мысли, что каждый человек, по сути, — это полноценный, необъятный мир, и ежедневно тихо и незаметно умирают целые галактики... Образ этот стал стремительно обрастать деталями, и в тот момент, когда я вспомнил об индейцах майя и их предсказаниях конца света, я больше не смог удерживать эту историю в себе. «Сумерки» начал писать, как только закончил «Метро 2033».

К лету этого года роман был почти готов, оставалась всего одна глава — заключительная, решающая. Чтобы завершить книгу, я специально взял трехнедельный отпуск. Но муза покинула меня, и за все это время я не сумел написать ни строчки. Вышел из отпуска, и меня отправили в командировку — в Гватемалу. Как международный телекорреспондент, я должен был освещать ту самую сессию Международного олимпийского комитета, на которой Сочи был выбран столицей зимней Олимпиады 2014 года.

Гватемала — уникальная страна. Даже сегодня этнические майя составляют 70% ее населения. В гватемальских джунглях находятся самые большие из уцелевших майянских городов и храмовых комплексов. И в первый же день, стоило мне раскрыть свой лэптоп в номере отеля в Гватемала-сити, случился настоящий прорыв. Всего за несколько дней последняя глава была готова. Однако командировка в Гватемалу стоила мне здоровья. Вернувшись в Москву, я через две недели отбыл в экспедицию на Северный Полюс вместе с исследователем Артуром Чилингаровым. Там мне стало плохо. Сначала списывал все на хроническую усталость: приходилось работать сутки без сна, пришлось понервничать: никто не знал, удастся ли батискафам подняться на поверхность после исторического погружения на дно океана в точке Полюса. Потом объяснял себе

свое недомогание качкой: когда атомный ледокол идет через льды, в кабинах тряска, как в старых плацкартных вагонах на захолустной железной дороге. Вернулся в Москву, и врачи сразу поставили диагноз: гепатит. Позже выяснилось, что заразился сразу двумя видами пищевого гепатита — А и Е. Главврач сказал, комбинация чрезвычайно редкая. В общей сложности полтора месяца провалялся в больницах. Невольно складывается впечатление, что мне словно кто-то сначала позволил дописать «Сумерки», в которых индейцы майя играют принципиально важную роль, а потом заставил за это заплатить.

Это что же, майянское проклятие?

Проклятие или благословение, тут уж как посмотреть. Так или иначе, командировка в Гватемалу сильно повлияла на мою жизнь. И помогла поставить точку в этом романе.

А правда, что Юрий Кнорозов, вокруг фигуры которого построен сюжет «Сумерек», — реально существовавший человек?

Юрий Валентинович Кнорозов — выдающийся советский ученый, расшифровавший письменность майя. Его вклад в науку сравним только со вкладом француза Шампольона, который прочел египетские иероглифы, заставив говорить знаменитый Розеттский камень. Но тот Кнорозов, о котором я пишу в «Сумерках», лицо не вполне историческое. Мне пришлось частично изменить его биографию, вторгнуться в его частную жизнь...

Ходят слухи, что Кнорозов оставил после себя некие дневники, которые якобы попали вам в руки...

Я не комментирую эту информацию.

Хорошо, тогда такой вопрос: с «Сумерками» вы вновь повторили опыт «Метро 2033», сначала сделав из книги роман с продолжением, публи-

ковавшийся бесплатно в Интернете, и только потом опубликовав его на бумаге. Что, эта схема оправдывает себя? Ведь большинство писателей сегодня считает, что наличие текста в Интернете мешает продажам...

Недавно число посетителей сайта «Сумерек» перевалило за пятьсот тысяч. Повторяется история «Метро 2033». Я убежден, что это мне только поможет. Те люди, которые хотят и готовы купить книгу, потратят на нее триста рублей даже после того, как прочли ее бесплатно в Сети. Те же, кто не готов платить такие деньги за бумажную книгу, если не сумеют разыскать ее в Интернете, просто возьмут почитать у знакомых. По большому счету, я не боюсь финансовых потерь. Мне бы хотелось, чтобы роман прочло как можно больше людей, и неважно, заплатят они за это или нет.

Содержание

Capítulo II	7
La Tarea	25
El Cenagal	43
El Auto de Fé	59
La Fiebre	77
La Obsesión	95
La Advertencia	113
La Intrusión	131
La Iniciación	149
La Revelación	167
La Condena	185
Feliz Año Nuevo	205
El Encuentro con el Destino	223
El Fin del Mundo	239
El Templo de la Memoria	255
Las Conversaciones con Dios	271
Capítulo I	291
Дмитрий Глуховский: каждый роман — манифест	307

Литературно-художественное издание

Глуховский Дмитрий Алексеевич

СУМЕРКИ

Роман

Зав. редакцией *М.С. Сергеева*
Отв. за выпуск *М.Г. Мельникова*
Технический редактор *Т.П. Тимошина*

Макет ООО «Популярная литература»

ООО «Издательство АСТ»
141100, РФ, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96

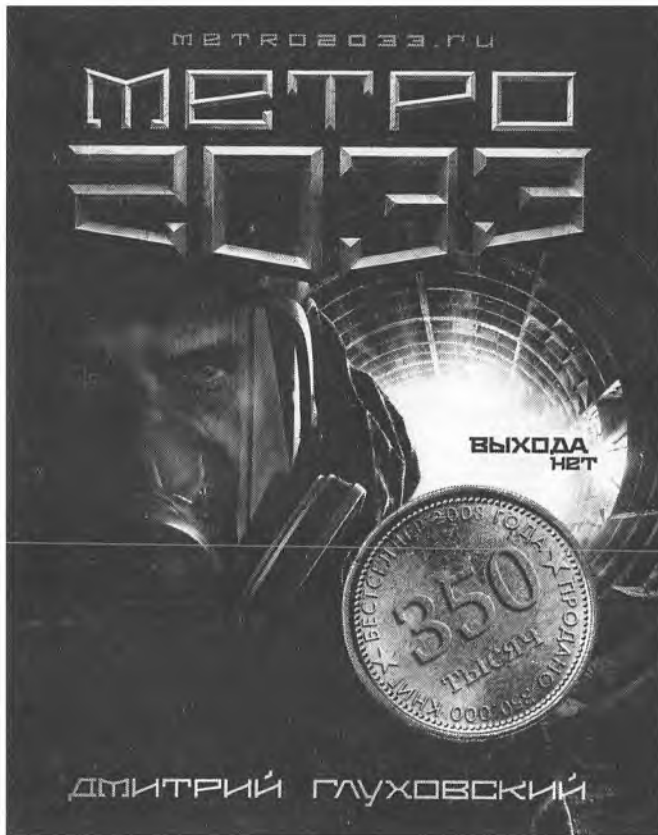
ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, проезд Ольминского, д. 3а

Наши электронные адреса: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

По вопросам оптовой покупки книг
Издательской группы «АСТ»
Обращаться по адресу:
г. Москва, Звездный бульвар, 21 (7 этаж).
Тел.: 615-01-01, 232-17-16

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ

2033 год. Весь мир лежит в руинах. Человечество почти полностью уничтожено. Москва превратилась в город-призрак, отравленный радиацией и населенный чудовищами. Немногие выжившие люди прячутся в московском метро — самом большом противоатомном бомбоубежище на земле. Его станции превратились в города-государства, а в туннелях царит тьма и обитает ужас. Артему, жителю ВДНХ, предстоит пройти через все метро, чтобы спасти от страшной опасности свою станцию, а может быть и все человечество.

Лучший дебют Европы 2007 года, лауреат фестиваля «Еврокон 2007». Общий тираж — более трети миллиона. Более миллиона интернет-читателей. Полтора года в десятке бестселлеров.

ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

2034 год. Весь мир разрушен ядерной войной. Крупные города стерты с лица Земли, о мелких ничего не известно. Остатки человечества коротают последние дни в бункерах и бомбоубежищах, самое большое из которых — Московский метрополитен. Все те, кто оказался в нем, когда на столицу падали боеголовки ракет, спаслись. Для уцелевших после Судного дня метро стало новым Ноевым ковчегом. Поверхность планеты заражена радиацией и населена чудовищами. Отныне жизнь возможна только под землей.

Станции превратились в города-государства, а в туннелях властвует тьма и страх. Жители Севастопольской, маленькой подземной Спарты, ценой невероятных усилий выживают на своей станции и обороняют ее.

Но однажды Севастопольская оказывается отрезана от большого метро, и всем ее обитателям грозит страшная гибель. Чтобы спасти людей, нужен настоящий герой.

ПОСЛЕДНИЙ

Игру по роману «Метро 2033»

WWW.METRO2033GAME.COM

XBOX 360®

Games for Windows

© 2009 THQ Inc. Разработка 4A Games Limited. 4A Games и сопутствующие логотипы являются собственностью компании. Логотипы и торговые знаки, использованные на данном изображении, также являются собственностью своих владельцев. Логотип «Games for Windows» является собственностью группы компаний Майкрософт. Логотип «Games for Windows» является собственностью группы компаний Майкрософт. Логотип «Games for Windows» является собственностью группы компаний Майкрософт.

ИЗ КРУГОВ АДА

стало ждать меньше года

METRO 2033

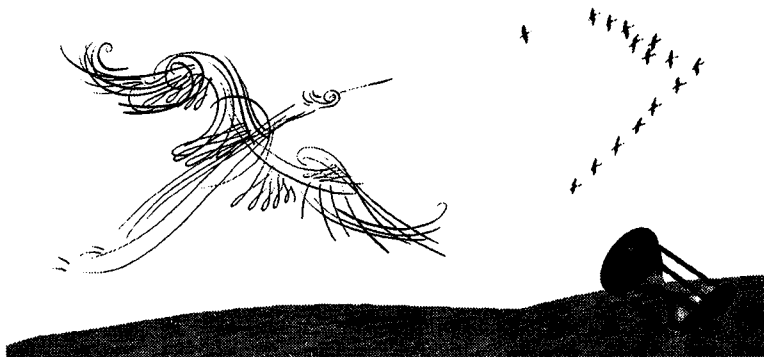
© 2009 THQ Inc. THQ и торговый знак THQ являются зарегистрированными торговыми марками компании THQ Inc. Все прочие изображения и торговые знаки, использованные на данном изображении, также являются собственностью своих владельцев. Microsoft Windows Vista Start используются по лицензии компании Майкрософт.

ЧИТАТЕЛИ – ПИСАТЕЛЯМ

Издательство АСТ и писатели российского ПЕН-центра открывают благотворительную Программу помощи писателям, находящимся в тяжелом, а подчас и бедственном положении.

Среди них авторы известных стихов, пьес, прозы – писатели – участники Великой Отечественной войны, люди, выжившие в лагерях уничтожения, нуждающиеся в лечении.

**ИМ
ОЧЕНЬ НУЖНА
ВАША
ПОМОЩЬ!**

**Вы можете помочь нуждающимся писателям,
перечислив свой взнос на счет программы:**

Благотворительный фонд «Тепло сердец»

ИНН 7701359136 КПП770101001

Р/с: 40703810000000001562

Банк получателя: ОАО «ТрансКредитБанк»

БИК: 044525562

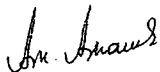
К/с: 30101810600000000562

Назначение платежа: Целевое пожертвование на благотворительную
программу «Помощь писателям»

Более подробную информацию о Программе, а также полную информацию
о поступивших и использованных средствах вы можете узнать на сайте
<http://www.teploerdec.ru>

Члены Исполкома российского ПЕН-центра:

Аркадий Арканов

Александр Городницкий

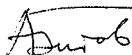
Белла Ахмадулина

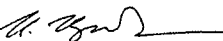
Фазиль Искандер

Андрей Битов

Игорь Иртенев

Зоя Богуславская

Юнна Мориц

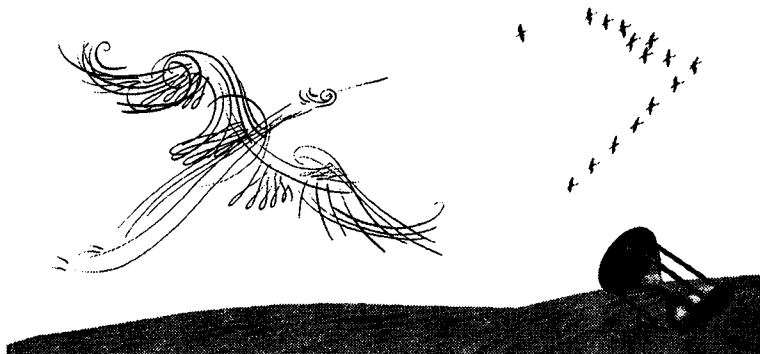
Андрей Вознесенский

Алексей Симонов

Людмила Улицкая

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ

В Москве:

- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «ХЛ-2», т. (495) 641-22-89
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (499) 267-72-15
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Маяковская», ул. 1-ая Тверская-Ямская, д. 8, т. (495) 251-97-16
- м. «Менделеевская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15/1, т. (495) 977-74-44
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТРК «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, т. (495) 229-97-40
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1

В регионах:

- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Екатеринбург, ТРК «Парк Хаус», ул. Сулимова, д. 50, т. (343) 216-55-02
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- г. Краснодар, ТЦ «Красная площадь», ул. Дзержинского, д. 100, т. (861) 210-41-60
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- г. Новосибирск, ТЦ «Мега», ул. Ватутина, д. 107, т. (383) 230-12-91
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ТЦ «7 пятниц», ул. Революции, д. 60/1, т. (342) 233-40-49
- г. Ростов-на-Дону, ТЦ «Мега», Новочеркасское ш., д. 33, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- г. Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- г. Самара, ТЦ «Космопорт», ул. Дыбенко, д. 30, т. 8(908) 374-19-60
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Уфа, пр. Октября, д.26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472)293-62-88
- г. Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой» или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

БЕСТСЕЛЛЕР ОТ АВТОРА БЛОКБАСТЕРОВ «МЕТРО 2033» и «МЕТРО 2034»

«Сумерки» — это российский ответ Дэну Брауну. Уже более ста тысяч человек прочли этот роман в Интернете. Те, кому полюбились «Метро 2033», узнают в «Сумерках» фирменный стиль Глуховского: увлекательный, замысловато выстроенный сюжет, удивительную атмосферность, неожиданный финал. Остальные впервые откроют для себя автора, которого уже сейчас называют одним из лучших молодых писателей Европы.

«Буржуазный журнал»

«Сумерки» заволакивают все тяжелой мглистой пеленой. Здесь все похоже на твою жизнь — и ничто не является ею на самом деле... Завороженный читатель блуждает по этой книге, с каждой страницей все глубже погружаясь в морок. Глуховский — это если и не новый Гоголь, то уж, по крайней мере, наш Стивен Кинг.

Александр Гаврилов, «Книжное обозрение»